

ISSN 0130 — 1527

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1988

4

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГОД ИЗДАНИЯ 56-Й

№ 4

1988 ГОД

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере:

ПУБЛИЦИСТИКА

Нужна ли Средней Азии сибирская вода?	
С. ЗАЛЫГИН. Не надо поворота	3
Г. ВОРОПАЕВ. От экоистерии — к реальности	8
С. ТАТУР. С водой и без воды	15

ПРОЗА

АСКАД МУХТАР. Аму. Роман. Перевод с узбекского А. Наумова	27
ВЛАДИМИР СОКОЛОВ. Остров для большой охоты. Рассказ	98

ПОЭЗИЯ

АННА КОЛЕСНИКОВА. «Постукивал дождь, как по нервам...». Этюд с Мандельштамом. «Пора писать стихи...». «Невероятный зной я зарифмую в строчки...». «Одежонка нехитрая...». «Было столько мелодий...»	92
ВИКТОР ЛЯПУНОВ. Межпланетное спасибо. Что же ты, Разум? Паганини. Папуасы. Девушка с планеты Лада	95
ДЕГУК УГАЙ. Самый счастливый человек. Хороший человек. Когда человек становится морем. Горбатое дерево. Родина и чужбина. Перевод с корейского В. Летучего	122
ВАХИД ИТАЕВ. «Как долго ждал я этой встречи...». «В мирозданье большом и прекрасном...». «Бессонница мой гонит сон...». Ответ на печальное письмо друга. «Когда читаю жалобы поэтов...». «Я многое не понял в этой жизни...». «В эту жуткую темную ночь...». «Когда-нибудь потомки наши скажут...». «Лежу на песке у моря...». «Моя печаль всегда была светла...»	125

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. УСМАНОВ. Давайте мыслить шире!	132
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Д. ИЛИМОВ. «В старом новое прозреть»	141
А. ВУЛИС. Миг... миф... мир	142

ПУБЛИКАЦИИ. ДОКУМЕНТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

КИБРИЯ КАХХАРОВА. Четверть века рядом с Каххаром	144
--	-----

НАШ СОЛНЕЧНЫЙ КРАЙ

Ш. УСТАЕВ. Как становятся укротителями змей?	159
--	-----

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

КРЫСТИН ЗЕМСКИЙ. Партитура преступления. П о в е с т ь. Перевод с польского Н. Плиско	168
---	-----

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

В. СТРИНЬКОВСКИЙ. Отмечено самобытностью	129
--	-----

Главный редактор С. П. ТАТУР.

Редакционная коллегия: В. А. АЛЕКСАНДРОВ (ответственный секретарь), А. Р. БЕНДЕР (зам. главного редактора), Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, М. МУХАММАД-ДОСТ, В. П. НЕЧИПОРЕНКО, А. А. ОСМАНОВ, Т. И. ПУЛАТОВ, О. В. СИДЕЛЬНИКОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Р. Х. ФАРХАДИ.

НУЖНА ЛИ СРЕДНЕЙ АЗИИ СИБИРСКАЯ ВОДА?

Ответы на этот вопрос неоднозначны, мнения в стране разделились. Глубокий ров непонимания и несогласия лег между сторонниками переброски в Среднюю Азию части стока сибирских рек и ее противниками. Позицию и тех, и других характеризуют искренняя убежденность в истинности и правомочности только их точки зрения. Но даже те, кто считает, что Средней Азии вполне достаточно собственной воды и надо лишь использовать ее хорошо, не могут, положив руку на сердце, сказать это же в отношении дня завтрашнего и особенно послезавтрашнего, когда самое экономное расходование воды не спасет от ее нехватки и дефицит пресной воды в регионе примет характер социальной беды. Публикуемые письмо писателя С. П. Залыгина в редакцию нашего журнала, статья директора Института водных проблем Академии наук СССР Г. В. Воропаева и ответ главного редактора «Звезды Востока» С. Татура носят дискуссионный характер и нацелены на то, чтобы еще раз привлечь внимание широкой общественности к этой непростой проблеме.

НЕ НАДО ПОВОРОТА

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ РЕДАКТОР!

Итак, имеет место совершенно исключительный случай — по поводу одной моей статьи («Поворот», журнал «Новый мир», № 1, 1987 г.) и в связи с ней в №№ 6, 7, 8, 9 за 1987 год Вашего журнала появилось сразу около десятка публикаций.

Что-то я и не помню, чтобы в давние или недавние времена имел место такой же случай, ни один автор, кажется, не удостоивался такого же внимания.

В № 6 Вашего журнала было опубликовано по этому случаю сразу три статьи, в том числе редакционная передовая и письмо ко мне директора Института водных проблем АН СССР тов. Г. В. Воропаева, причем письмо это публиковалось уже в третий раз — до этого оно было напечатано в журнале «Гидротехника и мелиорация» и в редактируемом мною «Новом мире».

Я ответил на публикации шестого номера, но вскоре выяснилось, что им нет и нет конца в последующих номерах.

Мне пришлось отозвать свое письмо, чтобы иметь возможность ответить и на последующие Ваши публикации.

Сейчас конец ноября, и я отвечаю, опять-таки не имея уверенности в том, что в №№ 10, 11, 12 и последующих Вы не продолжите эту более чем своеобразную дискуссию в «одни ворота».

Об этом положении вещей я считал нужным тоже сказать, полагая, что это не только мое право, но и моя обязанность перед читателем.

Теперь по существу дела.

Первое впечатление от всех Ваших публикаций — все они ловко обходят, а говоря откровенно, саботируют решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек» от 14 августа 87г.

Иначе, чем же объяснить, что в своей передовой Вы даже не упомянули об этом постановлении, как будто его и не было, как будто оно никого и ни к чему не обязывает?! Может быть, Вы, как главный редактор, имеете на это какие-то свои соображения?

И в других публикациях авторы — будучи специалистами, ответственными за состояние и развитие мелиораций, тоже ведь ни слова не говорят о том, как пересматривают они в соответствии с этим постановлением свои планы и установки, о том, сколько средств они уже выбросили на ветер, то есть на проект переброски, работы по которому прекращены постановлением правительства, иначе говоря — забракованы правительством.

Ведь в соответствии с постановлением вопрос о переброске в принципе имеет право на постановку только в теоретическом порядке и только при осуществлении самого экономного использования местных водных ресурсов, но его же нет, нет не только «самого экономного», предусмотренного все тем же постановлением от 14 августа 87 г., но сколько-нибудь нормального их использования и того нет.

Есть использование преступно-бесхозяйственное.

И в этих условиях надо было бы объяснить, как создалось такое положение, при котором 68 тысяч проектировщиков трудились многие годы, открывались новые и новые проектные и строительные организации, которые на весь мир расхваливали свою работу, проектанты получали премии и ученые звания, а потом их работа была... отменена, забракована. Они пустяка не заметили: принципа экономии существующих водных ресурсов. Новый «проект века» им во всех отношениях интереснее, а проще сказать — выгоднее.

Казалось бы — вот факты, из которых в наше-то время, время перестройки, нужно сделать далеко идущие и поучительные выводы, но ничуть не бывало: бракоделы возмущены, тесным строем они идут на своих противников, будь это отдельные писатели, союзы писателей, академии, или отделения Академии наук СССР, или, наконец, постановление правительства.

И в самом деле поучительно: они показали, какая у них все еще сила, как тесно они сплочены и организованы. И становится понятным, как же все-таки трудно осуществляется перестройка.

Постановление — постановлением, пусть оно толкует о «прекращении работ по проекту переброски...»; пусть так и называется, а первый же отклик на него в печати тов. Г. В. Воропаева, директора Института водных проблем АН СССР, вдохновителя проекта переброски на современном этапе, называется по-другому: «Мое мнение: проекту жить».

А вот как тот же тов. Воропаев, трижды опубликовавший письмо ко мне, во всех трех случаях полемизирует со мной.

Я в своих выступлениях ставил перед ним и перед его сторонниками такие вопросы:

Проект переброски (европейская часть) предусматривает увеличение сбора сельхозкультуры на 2—3 процента от заданий Продовольственной программы, но в поле и при хранении мы теряем 20 и больше процентов урожая — куда же выгоднее вложить средства — в «переброску» или в строительство дорог, хранилищ и элеваторов?

На этот вопрос тов. Воропаев отвечает таким образом: а 20 лет тому назад Залыгин говорил о возможности «переброски».

Я спрашиваю: проект предусматривает переброску в Волгу 6 кубкм. в год, а гидрометрия позволяет измерить объем стока Волги в пределах $\pm 8—10$ кубкм., так что же это за проект, результат которого нельзя учесть самой точной аппаратурой?

Ответ тов. Воропаева: а почему Залыгин не пришел в мой институт? Я его звал, а он — не пришел! Значит, кто из нас прав?

Я привожу официальные мнения пяти (!!!) отделений АН СССР о проекте, мнения о нем выдающихся ученых-академиков (подгонка, научная недобросовестность, фальсификация — в таких вот выражениях оценивается там проект), тов. Воропаев на эти замечания не отвечает никак. И никто из сторонников переброски, в том числе выступающие на страницах Вашего журнала, тоже не сделал этого. Что и говорить, гораздо проще обрушиться на писателя Залыгина — он «главный антиперебросчик!» — чем опровергнуть мнения пяти отделений АН СССР.

Гораздо проще свести дискуссию к кухонной перебранке: «а он сказал!», «а он — не пришел!», «а он напечатал свою статью рядом с романом Гранина «Зубр», и отсюда тоже следуют «глубоконаучные» выводы.

Вот и Ваш журнал, тов. Татур, оказался не чужд этим приемам.

Мы, в № 7 за 1987 год «Нового мира», дали материал дискуссии, предоставив моим противникам больше места, чем сторонникам, не сократили в их выступлениях ни слова, несмотря на то, что противники-то далеко не всегда были корректны.

Вы опубликовали материалы по этой проблеме (пока что) в пяти номерах Вашего журнала, около десяти статей — и ни одной из них — в мою поддержку, в поддержку противников переброски. И это называется «дискуссией»?

Более того, из публикаций Вашего журнала следует отнюдь недвусмысленный и

прямо-таки провокационный вывод о том, что противники переброски хотят оставить Среднюю Азию без питьевой воды, обречь людей на голодный водный паек, на все страдания, которые с этим связаны.

Но кто и когда из противников переброски связывал эти две проблемы — проблему орошения и проблему коммунального водоснабжения — в одну? Никто и никогда, единственно, кто это делал и делает, кто искусственно разжигает на этой почве национальную рознь, так это опять-таки сторонники переброски. Легко подсчитать, что при норме суточного водопотребления 250—260 литров в сутки на человека для населения в 500 млн. человек потребуется 50 кубкм. воды в год, для населения 100 млн. человек — 10 кубкм., но в то же время в оросительной сети Средней Азии теряется 20 кубкм., столько же — на сброс при поливе.

Неужели нельзя сэкономить 1/4, 1/3, а то и 1/2 от этих потерь, заложить специальные водоводы выше по течению рек Аму и Сырдарьи и обеспечить коммунальные нужды населения? Кроме того, в Средней Азии остаются неиспользованными подземные воды (и мне об этом много пишут специалисты гидрогеологи). Наконец, целый ряд стран вообще не имеет речного стока и живет за счет опреснителей, этот опыт тоже надо учесть. Да, для этой цели, для спасения людей, если нет другого выхода, можно идти на любые затраты, но открытый канал «для спасения Арала» длиной 2500 км., шириной понизу 200 м., с перекачками на 110 м., с расходом в 27 кубкм. в год, потери в котором на фильтрацию и испарение проектировщики почему-то считают всего в 2,7 кубкм. (а ведь это — абсурд!) проблему коммунального водоснабжения только отодвигает на второй план.

Объем реальной переброски никак не восполнит реальных потерь Арала, а к тому времени, как вода придет к Аралу (что весьма сомнительно), от него, при существующем положении дел, ничего не останется.

Подведем итог: сторонники переброски, искусственно соединяя две проблемы в одну, тем самым тормозят развитие систем коммунального водоснабжения в Средней Азии. Они тормозят, а не те, кто эти две самостоятельные проблемы никогда не соединяли в одну.

Ну а кто же виноват в этих поистине безумных потерях воды при орошении? Кто, по существу, загубил целую республику, Каракалпакию, окончательно заболотив и засолив ее земли?

Почему Вы этот-то вопрос не ставите, тов. Татур? Все еще боитесь обидеть начальство? Нынешнее и прошлое? Министра водного хозяйства тов. Н. Ф. Васильева, его заместителя П. А. Полад-заде, директора ИВП тов. Г. В. Воропаева?

Но надолго ли нам хватит наших трудовых и природных ресурсов, надолго ли хватит всего того, что мы называем сознательным отношением к труду и трудовым энтузиазмом, если никто не будет в ответе за такие экологические катастрофы, как — Каракалпакия?

Ваш журнал пишет, будто Залыгин утверждает: «Остановить орошение», но это взятая в кавычки ложь, Вы нигде не найдете у меня такого утверждения, другое дело, что я не могу забыть, что за 20 последних лет мы вложили в мелиорацию 130 млрд. рублей, а урожайность в целом у нас не повысилась, какова же, спрашивается, эффективность этих капитальных вложений? По давным-давно выработанной методике Минводхоз прячется за показатели отдельных передовиков (и правда — честь им и слава!), — за показатели по той или иной культуре, но как же все-таки могло случиться, что на рубль, вложенный в мелиорацию, в среднем по стране получено 33 копейки отдачи?

Как могло случиться, что за 20 лет мы потеряли 3,5 млн. га в результате засоления, заболачивания, это — по официальным данным, а на самом деле площадь потерянных в результате мелиораций земель надо по меньшей мере удвоить.

Вот Ваш журнал пишет, что в Средней Азии нужно еще и еще расширять площадь поливных земель, но где они, эти земли? Их нет, они давно использованы, остались земли самых низких категорий, предгорья с недопустимыми для орошения уклонами, которые дадут на поливе минимальный эффект или совсем не дадут его, но зато здесь неизбежен интенсивный процесс эрозии и оврагообразования. Об этом в Ваш журнал написала вместе со мной крупнейший специалист, доктор с. х. наук Н. Г. Минашина. Так Вы же ее не напечатали, хотя я и просил об этом, — имел же я право подкрепить свою точку зрения мнениями других специалистов?

Читателям внушают и внушают, что республики Средней Азии испытывают острейший дефицит оросительной воды. Но при этом варварском расходовании воды, при вопиющей бесхозяйственности, которая имеет место в народном хозяйстве этих республик, иначе быть и не может!

Мы говорим об усыхании Аральского моря и заполняем колоссальную Сарыкамышскую впадину сбросными водами, воды не хватает, а мы заболачиваем пустыни, и вот из-под города Ашхабада 150 — теперь, наверное, уже больше — скважин откачивают грунтовые воды, вдоль Каракумского канала тянутся болота и текут вторичные реки,

не предусмотренные никакими проектами, вода разворачивается на так называемое «инициативное» орошение, которое проводится и на землях с более чем критическими уклонами, и вот здесь-то именно и образуются овраги, теряются земли, в ряде случаев теряются навсегда. Сколько их уже потеряно в результате засоления, заболачивания и эрозии? В сумме? Почему ни в одной статье ни об одном из этих фактов ничего не говорится в полный голос? Не правда ли, красноречивое умолчание?

Кто довел расход воды в той же Каракалпакии до 20—25 и даже до 52.000 кубометров на гектар? Надо во всеуслышание ответить на все эти вопросы. Кто виновен в перекрытии Карабогаза глухой дамбой, в сотнях миллионов убытков, которые имеют место там уже сейчас, а будут увеличиваться еще и еще? Неужели Ваш журнал это ничуть не интересует? Сначала надо ответить на эти вопросы, а потом уже говорить о нехватке воды. Но ни в коем случае не наоборот.

Скрыть за новыми и новыми требованиями воды факты никогда не бывало прежде ее расточительства, факты удручающей бесхозяйственности — не в этом ли смысл таких вот публикаций?

В № 7 своего журнала Вы помещаете три статьи:

1. «Пусть Арал красиво умирает...» Кто против?» (от редакции).
2. «Пришло время бить в набат» (Б. Жоллыбеков).
3. «Спасать Приаралье» (В. Духовный, Р. Разаков).

Так вот, все эти авторы — почему они не говорят, как случилось такое? Ведь первый вопрос это — как случилось? Кто виноват? Но ответа нет. Не потому ли нет, что они тоже ответственны за эту катастрофу? Бить в набат — не то же самое, что отвечать за свою деятельность.

Второй вопрос заключается в следующем. Дискуссия длится уже несколько лет. А какая экономика воды достигнута в оросительных системах Средней Азии, сколько кубкилометров дополучил за это время Арал?

Ни один из авторов об этом и не заикается. Почему? Не потому ли опять-таки, что если уж не все, так многие из них ответственны и в этом вопросе.

А ведь постановление правительства от 14 августа 87г., более позднее постановление «О неудовлетворительном использовании природно-экономического потенциала агропромышленного комплекса в Узбекской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР» об этом именно и говорят — о бесхозяйственности водохозяйственных организаций, о таком руководстве министра тов. Васильева, которое не обеспечивает перестройку работы водохозяйственных организаций.

О такой работе ученых, проектировщиков, практиков водопользования, которая не способствует экономии, но построена на требованиях — дай, дай и дай!

Чем громче «дай», тем застенчивее ответ на вопрос — а кто виноват?

Но вот только что узбекские ученые и писатели выступили в «Советской культуре» со статьей по Аралу, и там снова ставится вопрос о бесхозяйственном использовании воды, о строительстве никому не нужных каналов, которые ничего, кроме вреда, не принесут. Где — ответ?

А без ответа нельзя идти дальше, нельзя менять курс. Нельзя перестраиваться.

Ведь было же в свое время решение, которое обязывало Минводхоз построить сбросной коллектор в Аральское море. Указание не выполнено, коллектора нет. Сарыкамышская впадина заполняется. Арал усыхает. Кто виноват? Кто это допускает и в наши дни? Ответа нет.

Вот что свидетельствует вице-президент АН СССР А. Л. Яншин, который знакомился с водным хозяйством в бассейне Амударьи весной 1987 года: из расхода этой реки 1500 км. (в мае месяце), ни один кубометр не достиг Аральского моря, вода поступает на поля только что взошедшего хлопчатника и других культур, когда она не только там не нужна, но и вредна. Отсюда все те же, все те же последствия: повсеместное засоление и заболачивание.

Ведь нигде же в мире нет такого положения с использованием оросительных вод — ни в США, ни в Индии, нигде.

В Китае на орошении собирают 2,5 урожая в год, орошаемое земледелие насчитывает 2,5—3 тыс. лет, и нет ни заболачивания, ни засоления, а что сделали мы в Средней Азии за послевоенные тридцать-сорок лет? Дайте в своем журнале, товарищ главный редактор, объективный отчет об этих деяниях, скажите, наконец, обо всех потерях и просчетах, об элементарных, но грандиозных злоупотреблениях, в частности, о воровстве — иначе это не назовешь — о воровстве и разбазаривании воды.

Если уж Вы так болеете за свой регион, так защищаете его интересы, так с этого и надо было бы начинать.

Больше того — когда «Новый мир» в статье «Поворот» эти вопросы поднимает, Вы безоговорочно становитесь на защиту тех, у кого пострадали самолюбие и репутация, кто несет прямую ответственность за все безобразия, а теперь использует страницы Вашего журнала в тех же целях.

В связи с этим я приведу ряд заключений наших крупнейших ученых. Передо мной

заключение, подписанное академиками Б. Н. Ласкориним, А. Ф. Трешниковым, членами-корреспондентами АН СССР Г. С. Голицыным, Т. М. Энеевым и многими другими.

Там говорится: «Отсутствие научно обоснованной концепции воспроизводства и использования водных ресурсов, которую призван был разработать Институт водных проблем АН СССР, является главной причиной их неудовлетворительного состояния, использования, воспроизводства и охраны».

«Водное хозяйство страны расстроено, оказывает разрушительное воздействие на природу и экономику, служит объектом острых дискуссий и причиной социальной напряженности. Принципиально ошибочная водохозяйственная политика, архаичные системы водопользования, отсутствие должного научно-технического прогресса в водном хозяйстве привели к резкому ухудшению качества вод (и как следствие — к резкому ухудшению санитарно-эпидемической ситуации), к потере и снижению продуктивности (затоплению, подтоплению, засолению, усыханию, эрозии) миллионов гектаров плодородных земель, к подтоплению городов и других застроенных территорий (что уже привело к многочисленным аварийным ситуациям), а также к созданию искусственных трудностей в водообеспечении ряда районов страны».

«Директор Института член-корреспондент АН СССР Г. В. Воропаев не обеспечил научного и организационного руководства в выполнении задач, поставленных Институту, не сформировал концепции развития перспективных научных исследований Института. Руководство Института следует укрепить».

Итак, проект переброски требует таких затрат и так малоэффективен, что он не сможет быть осуществлен в обозримом будущем, и проектировщики лучше других знают об этом.

Значит ли это, что «перебросчики» откажутся от своего детища? Ничуть не бывало!

Вокруг нереального проекта трудиться, кормиться и продвигаться по службе даже удобнее — деньги те же, ответственности никакой! Десять лет проектирования, двадцать-тридцать лет строительства, а за этот срок никаких претензий, вот уж достроим — тогда.

Достраивали.

Карабогаз достроили, Амударьинскую плотину достроили — прослезилась. Но упорно продолжаем в том же духе — никому не нужный Волго-Дон-бис строим, Ташаузскую ветку строим, что бы еще придумать, что бы еще копать? Строительные-то конторы, проектные конторы — надо ведь чем-то занять?

Требовать новые и новые кубокилометры воды специалисты умеют, они это доказали, но как и где они доказали свое умение экономно использовать имеющиеся ресурсы? Кто же из них, наконец, объяснит, почему десятки кубокилометров сливаются в Сарыкамышскую впадину, как можно было это допустить? А вслед за специалистами и рядовой поливальщик тоже льет воду направо-налево без всякого учета, и даже так: чем больше, тем лучше! И уже не помнит этот поливальщик, что его отец на тех же полях еще лет 30—40 тому назад сэкономил каждую каплю воды.

Чем же высокий специалист, чем министр отличается от такого нерадивого поливальщика? Разве только тем, что поливальщик бессмысленно растрчивает кубометры воды, а министр — кубокилометры? Больше того — нерадивый поливальщик и происходит-то от нерадивого министра, а не наоборот — такая здесь последовательность.

Так к чему же мы придем в конце концов? К чему придем не без помощи Вашего журнала, если будем без конца кричать: давай, давай, давай! Давай воды, давай денег, давай штатные расписания?

Хочу также поставить в известность читателей «Звезды Востока», что к этой статье я прилагаю:

1. Статью, посланную в редакцию «Звезды Востока» доктором с. х. наук Н. Г. Мишиной.

2. Статью, посланную профессором В. Агаханяцем.

3. Заключение о деятельности Института водных проблем, подписанное академиками Б. Н. Ласкориним, В. Ф. Трушниковым, членами-корреспондентами Г. С. Голицыным, Т. М. Энеевым, докторами наук И. С. Коплан-Дикс и М. М. Телитченко.

Делаю это в надежде, что, может быть, редакция все-таки сочтет возможным напечатать что-либо и из этих материалов.

Какая же в самом деле это дискуссия, как она представляет дело, если в то время, как в печати Советского Союза против проекта переброски, и, значит, против статей в «Звезде Востока», публикуется множество материалов, а Ваша редакция публикует меня одного, но против меня — десяток авторов?

Вот я и хочу предоставить редакции — и читателям — возможность хотя бы отчасти расширить толкование проблемы.

Итак — с глубоким уважением к читателям «Звезды Востока».

СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН.

ОТ ЭКОИСТЕРИИ—К РЕАЛЬНОСТИ

Развернувшаяся в минувшем году в прессе критика проектов территориального перераспределения водных ресурсов страны, вылившаяся в кампанию против «перевосчиков», невольно стимулировала обострение интереса к проблеме водообеспечения южных районов страны, в частности, Средней Азии.

Ученые всегда отдавали себе отчет в том, что местные резервы в этом регионе еще есть, что водопользование сегодня неудовлетворительно, что давно нужен решительный поворот к реконструкции ирригации и экономическим методам управления. Много исследований и публикаций на этот счет известно специалистам, и непросто пробивали себе дорогу в жизнь их предложения по этим проблемам. Начавшаяся в стране перестройка открыла широкие возможности для изменения инвестиционной политики в пользу освоения научно-технических достижений, для совершенствования методов управления. Стало тем более очевидным, что выдвигавшиеся ранее предложения и намечавшиеся ранее меры по наведению порядка и полному использованию местных резервов вполне реальны и могут быть осуществлены до начала нового столетия. Именно до начала нового столетия, то есть в ближайшие 15—20 лет. А что дальше? Кто, как не ученые, должны заглянуть в это ближайшее завтра?

В течение последних двух пятилеток по планам ГКНТ были проведены комплексные исследования по проблемам водообеспечения. Результаты исследований показали, что за пределами 2000 года не останется резервов для развития сельского хозяйства этого огромного края, нет воды, ее нет и для развития других отраслей. Таким образом, все нынешние болезненные проблемы перекочевывают и в новый век: нет возможностей удовлетворить продовольствием местное население, нет возможностей стать союзным огородом и реализовать мечту о зеленом конвейере между югом и Сибирью, нет надежд на коренное улучшение экологии многих районов в нижнем течении рек, призрачны мечты о водном благоустройстве городов и поселений. Однако даже к постановке этих вопросов и тем более к их обсуждению специалисты в прессу не допускались. Это и заставило группу ученых Института водных проблем АН СССР обратиться в январе 1987 г. в ЦК КПСС с просьбой, которая приводится ниже.

«Происходящий в стране процесс развития гласности уже дает зримые положительные плоды. Вскрыты серьезные недостатки во многих сферах хозяйственной деятельности и природопользования, предложен ряд эффективных мер по их устранению. Это радует. Процесс гласности широко захватил и проблемы водопользования, в которых тесно переплетаются технические, социально-экономические и экологические аспекты. Однако содержание ряда выступлений в печати, по радио и телевидению, включая центральные газеты, вызывает серьезную озабоченность, так как в принципе здоровый процесс обсуждения нередко ведется на основе недостоверной информации, грубо искажающей существо проблем.

Обстановка, складывающаяся вокруг проблемы водообеспечения страны, вызывает беспокойство. Основные трудности решения этой проблемы на современном этапе вызваны рядом обстоятельств.

Степень использования водных ресурсов по всем крупным речным системам густонаселенной и хозяйственно освоенной территории составляет уже десятки процентов; воды Амударьи и Сырдарьи разбираются полностью.

Намечаемое Продовольственной программой дальнейшее развитие орошения приходится, как правило, на речные бассейны с уже напряженным водохозяйственным балансом; реальные резервы экономики воды ограничены, и для их использования требуются огромные затраты и значительное время.

Мероприятия по водообеспечению должны опережать формирование потребностей в воде. С учетом времени на проектирование и строительство заблаговременность планирования этих мероприятий исчисляется десятилетиями, что требует опережающего развития науки в соответствующих областях.

При достигнутой степени использования речного стока водообеспечение неизбежно оказывает заметное влияние на окружающую среду. В принципе задача заключается в достижении минимума неблагоприятных воздействий на среду в целом.

К сожалению, многие представители общественности, которые активно выступают

по вопросам использования водных ресурсов, вышесказанное не учитывают. Из-за отсутствия необходимой информации и специальных знаний их выступления нередко содержат неверные положения и выводы. Широкому кругу граждан внушается, что вся деятельность по водообеспечению страны преследует в основном ведомственные цели и с ней нужно бороться; что работающие в этой области специалисты выполняют свои обязанности неквалифицированно и недобросовестно; что проектирование и строительство многих водохозяйственных объектов следует приостановить. В то же время разъяснения и мнения компетентных лиц практически не доводятся до сведения масс.

Безусловно, мнение общественности нужно учитывать. Однако развернувшееся освещение в широкой печати водохозяйственного строительства в стране принимает, в ряде случаев, нездоровый характер. Сдерживание работ по локальным водохозяйственным объектам может привести к дефициту воды в соответствующих районах уже в ближайшей перспективе, а попытка препятствовать исследованиям по долговременным мероприятиям может помешать своевременному планомерному решению стратегических задач водообеспечения страны.

Многочисленные коллективы честных работников дискредитируются, что отрицательно влияет на исследования по переброске стока, предусмотренные решением ЦК КПСС и СМ СССР от 14 августа 1986 года. Сложившаяся ситуация отпугнет приток молодежи в гидрологическую науку и практику, что окажет отрицательное влияние на развитие водного хозяйства страны.

В связи с изложенным обращаемся с просьбой провести в ЦК КПСС широкое совещание специалистов по проблемам водообеспечения страны, имея в виду рассмотрение вопросов ускоренного освоения достижений научно-технического прогресса в области водопользования, развития научных исследований, социально-экономических и экологических аспектов; повысить ответственность средств массовой информации за достоверность выпускаемых материалов».

ЦК КПСС поручил Совету Министров СССР внимательно ознакомиться с поставленными в письме вопросами. В марте 1987 года была создана правительственная комиссия для подготовки предложений по улучшению водообеспечения народного хозяйства во главе с вице-президентом АН СССР академиком В. А. Коптюгом. Группу по оценке водных ресурсов, водообеспеченности народного хозяйства и использования вод, мер по сокращению водопотребления, оценке новых проектов возглавил академик А. А. Никонов, президент ВАСХНИЛ; группу по оценке социально-экономической эффективности водопользования, состояния охраны водных ресурсов, эффективности сокращения водопотребления — академик А. Г. Аганбегян, председатель Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов Президиума АН СССР. Руководство группой по экологическим проблемам, по оценке существующей обстановки и прогнозу ее до 2000 года в связи с развитием производств и изменением климата возложено на члена-корреспондента АН СССР Ю. А. Израэля, председателя Госкомгидромета СССР. Комиссия провела большую работу, итогом которой явился сводный доклад, одобренный в октябре 1987 года на совместном заседании Президиумов АН СССР и ВАСХНИЛ. Затем он был рассмотрен и поддержан Президиумом Совета Министров СССР под председательством Н. И. Рыжкова.

К каким же выводам пришла столь высокая комиссия?

Невозможно воспроизвести в журнале весь доклад и материалы к нему — хотя этот документ заслуживает того. Остановлюсь только на части основных вопросов, которые выдвигались как дискуссионные или умышленно извращались в журнальных и газетных публикациях.

Оппоненты утверждали, что сельскохозяйственные земли в нашей стране хорошо обеспечены влагой, а ссылки на плохую водообеспеченность используются для прикрытия бесхозяйственности и протаскивания переброски. Вот оценки комиссии: «...особенность физико-географического положения нашей страны такова, что менее всего осадков приходится на существующую зону земледелия. Так, на земли, занятые пашней, выпадает за год в среднем всего около 900 кубокилометров осадков, или 8 процентов их общего количества, при этом дефицит водопотребления (т. е. недостаток воды для нормального развития растений за период вегетации — Г. В.) только для пашни составляет 600 кубокилометров. Характерна также высокая изменчивость этих показателей в многолетнем разрезе и внутри года, следствием чего являются засухи различной повторяемости. Например, в степной зоне при средних осадках около 400 миллиметров и дефиците водопотребления около 320 миллиметров каждый третий год засушливый. В сухостепной зоне при средних осадках менее 300 миллиметров и дефиците водопотребления около 470 миллиметров засухи наблюдаются каждый второй год».

Оппоненты утверждают, что развитие водных мелиораций неэффективно и нужно пересмотреть Продовольственную программу с целью сокращения развития орошения. В докладе по этому поводу сказано: «Долговременная программа развития мелиораций предусматривает к 2000 году доведение площадей орошаемых земель в стране до 30 миллионов гектаров. Работы по орошению и осушению земель в рамках широкой

программы мелиорации, наряду с другими мерами по интенсификации сельского хозяйства, и впредь должны быть важным фактором повышения устойчивости сельскохозяйственного производства в сложных природно-климатических условиях нашей страны, способствовать выполнению Продовольственной программы, обеспечивая повышение благосостояния населения и удовлетворение потребностей в продуктах питания».

Оппоненты в своих публикациях «нашли» новые источники воды и утверждают, что понятия «дефицит воды» для рек южного склона не существует, и выдуманно оно перебросчиками. В докладе по этому поводу записано: «Большая часть речных вод (84 процента) стекает в бассейны Северного Ледовитого и Тихого океанов. На долю южного склона страны в бассейнах рек Волги, Урала, Терека, Куры, Амударьи, Сырдарьи, Днепра, Днестра, Дона, Кубани и других приходится 750 кубокилометров в год. Потенциальные эксплуатационные запасы подземных вод южного склона страны составляют 155 кубокилометров в год, в том числе не связанных с поверхностным стоком — 65 кубокилометров... Водные ресурсы рек южного склона страны при современном уровне хозяйствования практически исчерпаны... В бассейнах ряда крупных рек (Днепр, Урал, Дон, Терек, Амударья, Сырдарья) уже в настоящее время имеет место дефицит водохозяйственного баланса».

Уже в настоящее время! А что будет через 5—10, через 15—20 лет? Но оппонентов это не волнует, им нужны сегодняшние сенсации. И они изобретают их: сегодня дефицита нет, завтра тоже не будет, так как во всех развитых странах идет снижение водопотребления, такая же тенденция, якобы, наметилась и у нас.

А вот какова реальная картина. Намечающееся несколько лет назад снижение водопотребления в ряде развитых стран не подтвердилось. Не произошло этого и у нас. На ближайшие годы также планируется рост общего водопотребления, в том числе в США. Однако во всех странах идет снижение удельных затрат воды на единицу продукции, снижается этот показатель и у нас. Предусмотренные в стране меры позволяют в перспективе, по оценке комиссии, снизить удельное водопотребление на единицу промышленной продукции на 32 процента, на орошаемом земледелии — на 44, в теплоэнергетике — на 39 процентов. Однако в связи с высоким ростом объема валовой продукции, в два раза по промышленности и в 1,5 раза по сельскому хозяйству, а также в связи с ростом численности населения общая потребность в воде возрастает. По оценке доклада, водозабор может увеличиться с 354 кубокилометров в 1985 году до 430 кубокилометров, т. е. на 21 процент.

Конечно, было бы хорошо стабилизировать водопотребление уже сегодня, а далее, может быть, и снижать. Но это пока, к сожалению, нереально. Специалистам этот процесс понятен. В самом деле, в коммунально-бытовом водоснабжении необходимо в ближайшие годы кардинально улучшить снабжение населения водой. Многие, даже крупные города, в том числе Ленинград, до сих пор не имеют современной канализации и очистных сооружений. Около пятой части населения городов и поселков проживает еще в неблагоустроенных домах и пользуется уличными колонками и колодцами, при этом в большинстве малых городов и на юге страны удельное водопотребление в 1,5—2 раза ниже нормативного, при неудовлетворительном качестве воды. И совсем низок удельный вес централизованного водоснабжения на селе — менее 12 процентов. Решить эти задачи только за счет улучшения сантехнической арматуры и наведения порядка в существующих водопроводных системах невозможно: экономия воды в Москве не добавит воды Ялте или казахским поселениям. Для решения этих задач нужны новые системы и новые источники воды. Потребность в воде возрастет при этом не менее чем на 8 кубокилометров.

Точно так же не приведет к сокращению безвозвратного потребления воды переход в промышленности и энергетике на оборотное водоснабжение. Оборотное водоснабжение крайне нужно, его широкое освоение — основа сокращения загрязнения наших рек и водоемов, вклад промышленности в дело порчи водных ресурсов и водной среды является решающим. Намечаемые докладом меры позволят в ближайшие годы поднять коэффициент водооборота с 75 до 85 процентов. Это означает, что в отдельных отраслях промышленности этот коэффициент будет более 90—93 процентов. Однако в ряде случаев дальнейшее повышение его экономически неоправданно, например, на существующих тепловых станциях вблизи крупных рек, на побережьях морей. В целом потребление воды промышленностью и энергетикой возрастает примерно на 14 кубокилометров.

Наконец, в сельском хозяйстве, где намечаются большие работы по улучшению использования водных ресурсов путем реконструкции оросительных систем, совместного использования подземных и поверхностных вод, очистки и повторного использования коллекторно-дренажного стока, общая потребность в воде возрастает за счет вновь вводимых площадей примерно на 38 кубокилометров.

Для покрытия всех этих потребностей намечено осуществить широкий комплекс работ как по увеличению располагаемых водных ресурсов, так и более рациональному

их использованию и охране. На все эти мероприятия потребуется не менее 130 миллиардов рублей капиталовложений. Это гигантская программа, и осуществлена она должна быть до начала следующего столетия. Но ведь до него рукой подать! Что же делать дальше? В докладе содержится ответ и на этот вопрос. «За пределами 2000 года в бассейнах рек Средней Азии, Закавказья, Волги, Урала, Дона, Кубани и других требуется проведение дополнительных мероприятий по внедрению принципиально новых водосберегающих технологий или территориальному перераспределению стока, с учетом оценки экономической и экологической целесообразности его. **Указанные работы необходимо подготовить заблаговременно, до наступления критических ситуаций в водообеспечении народного хозяйства в конкретных регионах, сосредоточив на этом внимание научных организаций уже в настоящее время** (подчеркнуто нами — Г. В.). Необходимо рассмотреть комплексно вопрос по внедрению принципиально новых водосберегающих технологий, начиная с XIII—XIV пятилеток».

Итак, принципиально новые технологии и территориальное перераспределение речного стока — вот два пути в решении проблемы. Они не альтернативны, не взаимоисключающи, они могут дополнять друг друга — в различном сочетании в различных районах страны. Но не будем чересчур обольщаться насчет появления принципиально новых технологий к началу нового столетия. Специалистам хорошо известно, какие технологии применяются в развитых странах мира. Отдавая себе отчет, что эти страны по ряду показателей ушли вперед от нас не на одну пятилетку, мы все-таки не видим там **принципиально новых технологий**. Это обстоятельство еще более подчеркивает необходимость более интенсивной и углубленной проработки обоих путей решения проблем водообеспечения.

Наши оппоненты для аргументации своих позиций ссылаются на то, что в США, например, давно прекратили такие работы, в том числе строительство каналов. Однако загляните хотя бы в журналы «Америка» за май и октябрь 1987 года. В майском номере описан проект переброски части речного стока из северо-западных районов страны в Центральную Аризону. Общая его длина 540 километров, при этом осуществляется гигантский водоподъем насосными станциями на высоту более 800 метров. По своим размерам этот комплекс примерно вчетверо превосходит существующий комплекс канала Москва—Волга и вдесятеро — обсуждавшийся в печати проект первого этапа переброски части стока северных рек в Волгу. Подаваемая вода предназначена для орошения 170 тысяч гектаров существующих и новых земель, так как использовавшиеся ранее подземные воды исчерпаны и фермеры стали разоряться. Общий объем переброски — более двух миллиардов кубометров в год. Канал облицован бетоном, потому имеет высокий коэффициент полезного действия. Полив ведется преимущественно по длинным бороздам с невысоким коэффициентом полезного использования воды.

В журнале за октябрь описано закончившееся недавно строительство другого канала, Тенн-Том, для судоходства. Протяженность этого крупнейшего сооружения с многочисленными шлюзами более 377 километров, а стоимость — свыше двух миллиардов долларов. Как видно, и тут наши оппоненты «немного» ошиблись.

Возвращаясь к докладу, надо отметить тревожные оценки, сделанные в отношении современного состояния экологии на юге — в речных системах, морях и озерах. Два решающих фактора определяют это состояние: загрязнение воды и физический недостаток водных масс для обеспечения рыбохозяйственных и сельскохозяйственных попусков, а также поддержания необходимой минерализации и уровня режима. Это относится прежде всего к Аральскому и Каспийскому морям, к озерам Иссык-Куль и Балхаш, к Азовскому морю и черноморским лиманам. Решение проблемы качества — сегодня задача номер один. Пути ее решения видны, но решения только этой задачи в ряде бассейнов уже недостаточно, и особенно обострится потребность в пресной воде в начале следующего столетия, так как значительная часть прироста продукции намечается получать на юге. Здесь неведомые силы соединяют интересы все большей части населения страны, которое устремляется сюда на постоянное проживание или отдых.

Особенно болезненной стала сегодня проблема Арала и Приаралья.

В апреле 1987 года правительство поручало большой группе ученых рассмотреть проблемы Аральского моря, низовий Амударьи и Сырдарьи и внести предложения по их решению. В комиссию были включены и представители от оппонентов, в частности писатель С. Залыгин. Однако писатель от поездок, встреч и заседаний уклонился. Комиссия выехала на Арал, ознакомилась с состоянием водного хозяйства, условиями труда и быта населения, производством. Были встречи с трудящимися Муйнака, Нукуса, Учса, с руководителями республик, специалистами и учеными в Ташкенте, состоялся ряд совещаний в Москве. Было высказано немало справедливых нареканий в адрес местных руководителей, которые оставили население этого большого региона без качественной питьевой воды, без должного медицинского обеспечения, не проявляли элементарной заботы о труде и быте людей, живущих в тяжелых климатических условиях.

Положение в крае действительно удручающе тяжелое, и необходимы срочные меры по его изменению. Прежде всего, нужно обеспечить население питьевой водой высокого качества, построить канализацию, улучшить санитарно-эпидемиологическую обстановку. Осуществление этих мер мало зависит или не зависит вообще от уровня Аральского моря и его судьбы. Однако усыхание моря и связанные с ним опустынивание низовий, деградация и без того небогатых природных экосистем, постоянное сокращение притока речной воды и ухудшение ее качества, утрата рыбного и ондатрового промысла — все это усложняет решение основных проблем по улучшению условий труда, быта, занятости населения. Никаких компенсационных мер для снижения отрицательных последствий усыхания моря и улучшения качества притекающей воды до сих пор не осуществлялось. В этой связи в докладе записано: «...наиболее неблагоприятная экологическая ситуация создалась в связи с усыханием Аральского моря... Экосистема моря полностью нарушена, и оно потеряло свое хозяйственное значение». А в заключительной части среди рекомендаций по этому региону есть следующее:

«В районах Средней Азии ограничить прирост орошаемых земель, осуществляя его по мере высвобождения воды за счет реконструкции существующих оросительных систем. Рассмотреть вопрос об изменении структуры земледелия, учитывая необходимость введения севооборотов.

Осуществить мероприятия по улучшению медико-санитарного и экологического состояния Аральского моря, Приаралья, низовьев рек Амударьи и Сырдарьи. Обеспечить ускоренное строительство магистральных коллекторов и реконструкцию коллекторно-дренажной сети в бассейнах Амударьи и Сырдарьи для сбора дренажных вод и отвода их в Аральское море.

...Минводхозу СССР ускорить создание органов бассейнового управления для централизованного управления водохозяйственными комплексами, в первую очередь на среднеазиатских реках и реке Иртыше».

Достаточно ли будет всех этих мер, сказать сейчас трудно, да и в ряде случаев невозможно. Поэтому одна из центральных рекомендаций сформулирована следующим образом:

«Госплану СССР, АН СССР, ГКНТ, Госагропрому СССР и Минводхозу СССР разработать государственную целевую комплексную научно-техническую программу «Водообеспечение страны», в которой должна быть рассмотрена и научно обоснована стратегия водообеспечения, включая задачу рационального использования водных ресурсов, размещения водоемких производств, снижения водоемкости, экономики водопользования, охраны водных ресурсов и природной среды, улучшения экологической и медико-биологической обстановки; эта программа должна явиться составной частью разрабатываемой экологической программы страны».

И далее: «За пределами 2000 г. потребуются проведение дополнительных мероприятий по внедрению принципиально новых водосберегающих технологий. Одновременно ГКНТ, АН СССР и ВАСХНИЛ должны с привлечением заинтересованных министерств и ведомств продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов, на основе проведения всесторонних экономических и экологических исследований.

Указанные работы необходимо провести заблаговременно, до наступления критических ситуаций в водообеспечении народного хозяйства» (подчеркнуто нами — Г. В.)

Со всей очевидностью отсюда вытекает необходимость активной научной работы над проектами территориального перераспределения водных ресурсов. Кстати, на это ориентирует и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 августа 1986 г. «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек». Там записано следующее:

«...Государственному комитету СССР по науке и технике, Академии наук СССР и ВАСХНИЛ продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов, на основе проведения всесторонних экономических и экологических исследований, применения современных экономико-математических методов и технических средств, а также глубокого анализа отечественного и зарубежного опыта в этом деле».

Однако сегодня можно с сожалением констатировать, что кампания, развернувшаяся против «перебросчиков» в 1987 году, увенчалась успехом. Оппонентам под руководством вице-президента АН СССР академика А. Л. Яншина удалось так поставить дело в АН СССР, что Институт водных проблем был отстранен от этих работ, бюрократическими проволочками утверждение соответствующего задания в ГКНТ было сорвано, а руководством разработкой стратегии водообеспечения поручено группе людей из печально известной комиссии вице-президента во главе с академиком Б. Н. Ласкориним. Позиция этой группы читателям хорошо известна, это именно те «безвозмездные» труженики, которые в «свободное время» заседали в кабинете А. Л. Яншина многие месяцы, генерируя недобросовестную информацию о мелиорациях и водном хозяйстве.

Во всей истории критики проектов переброски вице-президент А. Л. Яншин сыграл

поистине демоническую роль. Выступая против проектов, он сначала использовал как аргументы затопление памятников и экологические последствия. Когда эти аргументы, благодаря работам многочисленных комиссий специалистов, отпали, он согласился на заседании в Совете Министров СССР 19 июля 1986 года, что «никаких экологических последствий... не будет и памятники не пострадают...» Однако привлек новые аргументы, утверждая, что, во-первых, в зонах, куда будет подаваться речной сток, и так много воды, а во-вторых, климат сейчас изменился, уже началось потепление, результатом чего явилась повышенная водность рек. С этими утверждениями он выступил в печати («Правда», 12 февраля 1986 г., «Литературная газета», 28 января 1987 г., докладная записка в Совет Министров СССР, август 1986 г.).

Мне доводилось приводить примеры того («Звезда Востока», № 6, 1987 г.), насколько неверными были оценки по водным ресурсам, использованные С. Залыгиным и А. Л. Яншиным. Отвечая на это, С. Залыгин не нашел ничего лучшего, как заявить, что источник, которым он пользовался, «оказался недостаточно надежным» («Новый мир», № 7, 1987 г.)...

Возвращаясь к аргументации по климату, надо сказать, что это, пожалуй, единственный действительно научный аргумент, в котором непосвященному читателю не просто разобраться. Однако заглянем в статью В. И. Корзуна («Переброска, экология, мораль», «Звезда Востока», № 9, 1987 г.), где сделан анализ материалов по климату, использованных академиком А. Л. Яншиным. Ссылаясь на Международный симпозиум в Филлахе (Австрия), А. Л. Яншин утверждает, что якобы ученые пришли к единому выводу: «Выше широты пятидесяти градусов в Америке и Европе осадков будет выпадать все больше, и сток рек, текущих с севера, увеличится. Многолетние наблюдения подтверждают это. Сток Волги возрастает». А вот что утверждают ученые климатологи: «Изменение осадков и термического режима приведет к заметным колебаниям речного стока. В частности, к концу XX века в южной части европейской территории СССР ожидается некоторое уменьшение речного стока. При этом сток Волги и Днепра может снизиться на 6—9 процентов». (Материалы V Всесоюзного гидрологического съезда, 1982 год). Из последней оценки вытекает простой вывод: надо подумать, как жить этому региону и стране в целом в конце и начале нового столетия, как компенсировать возможное снижение водности рек. Но ведь это ведет к переброске, а главное — противоречит занятой ранее позиции: переброска не нужна никогда!

Для усиления аргументации против переброски комиссия академика А. Л. Яншина предприняла титанические усилия, чтобы показать научную несостоятельность ученых, отстаивающих переброску. Однако методы при этом были использованы отнюдь не академические. Была сделана «ревизия» методики прогноза уровня режима Каспийского моря, использованной проектировщиками. Методика эта создана в сороковые годы в нашей стране, ее основоположники — ученики великого ученого А. Н. Колмогорова — намного опередили зарубежных специалистов. Методика прошла апробацию в течение десятилетий на десятках крупных объектов. Это не остановило членов комиссии. При закрытых дверях на одном из семинаров, без приглашения тех, кто продолжал развивать или использовать эту методику, по докладу неспециалиста было принято решение: методика содержит ошибки, а потому и выводы о необходимости переброски неверны. Сразу же последовало письмо в ЦК КПСС. Появился «документ». Такой же документ сделали по еще более простой схеме, в другом родственном отделении. А далее были подключены еще три отделения, которые хотя и высказывались по проблеме переброски, но не о методике расчетов уровня и не о научном существовании имевших там место задач. Так родились пять «документов», ими-то и пользовались широко А. Л. Яншин, С. Залыгин и все другие оппоненты. И как главный аргумент убедительности этих документов всегда выдвигались высокие титулы подписавших их лиц. Но стоило в 1987 году при большом сопротивлении оппонентов все-таки провести открытое обсуждение в МГУ методики со специалистами, крупнейшими учеными-математиками в рассматриваемой области, как сразу же рассыпались обвинения.

Все это было хорошо известно академику А. Л. Яншину, ведь он — непосредственный руководитель секции наук о Земле, в состав которой входит Институт водных проблем. Почему же не возникло желание послушать институт, его ученых? Почему за последние пять лет институт ни разу не был приглашен на секцию для доклада, почему ни одного его сотрудника ни разу не пустили на заседание той самой комиссии вице-президента по мелиорации? Почему, наконец, отвечая по долгу службы за выполнение важнейшей государственной тематики, координируемой по планам ГКНТ, а в эти планы входили и исследования по переброске, председатель секции наук о Земле за пять лет ни разу не заслушал итогов исследований коллектива, который объединил более сотни институтов?

Более того, дважды за эти годы он вручал Институту водных проблем переходящее Красное знамя за успехи в науке, но об успехах не хотел ничего знать. И одновременно все последние годы регулярно подписывал и он сам и члены мелиоративной комиссии письма в вышестоящие инстанции, порочащие деятельность Института водных

проблем АН СССР. Совсем недавно, например, из письма с сопроводительными комментариями С. Залыгина, подписанного академиком Б. Н. Ласкориним и другими, сотрудники института неожиданно узнали, что их коллектив и его директор повинны даже в загрязнении Байкала и Ладоги, хотя это зона деятельности других научных коллективов, да и самого института еще не было, когда возникли проблемы на этих озерах.

Своего нежелания знакомиться с результатами исследований и проектными материалами по тем или иным проблемам академик А. Л. Яншин не скрывал, выдавая это даже за глубочайшую принципиальную последовательность: всякое новое водное строительство и все построенное ранее — экологическое преступление.

Таковы истоки и «научные основы» критики проектов переброски.

У читателя, видимо, возникает вопрос, а как автор этой статьи относится к решению о прекращении проектных и подготовительных работ по переброске?

Считаю его верным на данном этапе. Действительно, некоторые работники, особенно руководящие, в последние годы, несмотря на очевидную необходимость реконструкции оросительных систем и коренного улучшения водопользования, уходили от практической реализации этих мер. И в какой-то мере их ублаживала перспектива получить новую воду из других районов. Эта очевидная недооценка сегодняшней обстановки и недалекновидность мешали делу перевооружения отрасли. Поэтому названное постановление явилось стимулом для изменения такой ситуации.

Однако знание реальной обстановки с водными ресурсами на юге страны всегда вызывало тревогу у специалистов за будущее этого края. В особенности сложен этот вопрос, как уже отмечалось, для нижнего течения рек Амударьи и Сырдарьи. Даже после завершения всех работ по реконструкции, после освоения наиболее эффективных технических и организационных приемов рационального использования воды во всех отраслях проблема ухудшения качества воды в нижнем течении рек сохранится. Изменить это уже невозможно, это предопределено размещением поселений и состоянием освоения территорий на водосборной площади рек, ходом всей человеческой деятельности. С другой стороны, этот край постоянно будет ощущать потребность в дополнительной воде. Вода стала и будет теперь надолго основным лимитирующим фактором развития производительных сил этого региона.

Выдвинутые еще в прошлом веке идеи подачи части речного стока Оби через Тургайский прогиб в низовья Сырдарьи и Амударьи, как показали исследования последних лет, — реальный и эффективный путь решения этих проблем. Сибирская вода высокого качества может быть подана непосредственно в низовья этих рек. Это будет устойчивое, высокогарантированное водообеспечение. Первая очередь проекта предусматривает забор из Оби около 27 кубических километров стока. Большой объем без строительства на Оби перегораживающего сооружения в месте водозабора взять невозможно. Однако принципиально водозабор в канал может быть значительно увеличен как за счет стока Оби путем создания небольшого водохранилища, так и путем подпитывания канала за счет речного стока из Енисея. Такие проработки для водозабора на 60 кубикометров делались, они реальны. Таким образом, канал может быть развивающейся системой, наращивание отбора воды может осуществляться, сообразуясь с развитием водопользования. Поэтому идеи превращения зоны Средней Азии во всесоюзный огород и сад, создания зеленого конвейера между Средней Азией и Сибирью вполне реальны и должны тщательно изучаться как один из путей экономического и социального развития этого региона.

Трасса канала открывает реальные возможности оживить также значительные территории в Казахстане, богатые полезными ископаемыми. Канал позволит успешно решить проблемы водообеспечения Южного Урала и Восточного Прикаспия. Других реальных источников воды для этих районов нет.

В изучении проблемы территориального перераспределения речного стока советские ученые продвинулись далеко, но много осталось и нерешенных задач. Применительно к созданию канала очень важно уточнить гидрологические, гидрогеологические, инженерно-геологические и почвенно-мелиоративные условия в зоне отъема воды и вдоль трассы. Зона эта изучена слабо, нет нужного масштаба топографических, гидрогеологических, инженерно-геологических, почвенных, мелиоративных карт. Нужны более детальные материалы по химизму почво-грунтов по трассе, по водному и водно-солевому балансу территории. Получить эти материалы при сложившейся ранее системе финансирования науки и проектно-изыскательских работ можно было только одним путем: начав проектные работы. Проектные работы сейчас отложены. Однако наука не может решать многие вопросы без необходимых материалов. Следовательно, нужно срочно изменить принятый порядок финансирования и выделить средства на доизучение природных условий этого региона с тем, чтобы обеспечить науку соответствующей информацией. Можно в этой связи заметить, что такие материалы в любом случае нужны для развития народного хозяйства. И то, что их нет по данному региону, крайне мешает все последние годы успешно осваивать эти территории нефтяникам, газовикам, строителям поселков, городов и дорог, сельскохозяйственным и рыбо-

хозяйственным организациям. Это одна из причин ошибок в проектах, в организации освоения территорий, недоучета возможных последствий той или иной стройки.

Сейчас, когда, наконец, дурман экоистерии начинает понемногу рассеиваться, а реальности возникших проблем все более осязаемо дают о себе знать, исключительно важно объединить усилия ученых и практиков для реализации конкретных мер сегодняшнего дня и ускорить разработку документа, определяющего стратегию водообеспечения страны в начале нового столетия. Времени на все это осталось мало. Так называемые «дискуссии» и «круглые столы» 1985—87 годов по проектам переброски части стока рек в этом отношении принесли большой моральный и материальный ущерб нашему обществу. Не случайно в докладе правительственной комиссии есть такая рекомендация:

«Следует обеспечить широкое объективное разъяснение через средства массовой информации действительного состояния дел по водным и другим проблемам природопользования в нашей стране, избегая недостаточно проверенных и тенденциозных точек зрения».

С ВОДОЙ И БЕЗ ВОДЫ

«Государственному комитету СССР по науке и технике, Академии наук СССР и ВАСХНИЛу с привлечением заинтересованных министерств и ведомств СССР, Советов Министров союзных республик поручено продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов на основе всесторонних экономических и экологических исследований».

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР
«О первоочередных мерах по улучшению использования водных ресурсов в стране».

27 января 1988 г.
«Правда»

Читательский интерес к дискуссии сторонников и противников переброски в южные районы страны части стока северных и сибирских рек постепенно теряет остроту. Доводы сторон приведены и многократно повторены. Сближения позиций не произошло, напротив, все больше сил тратится на закрепление размежевания, на подчеркивание различий в точках зрения. Сторонники переброски не видят принципиальной разницы между пресной водой и другими природными ресурсами, которые человек давно добывает там, где они есть в избытке, и перемещает туда, где в них ощущается недостаток. Это, утверждают они, азбука любого хозяйственного обмена. Почему же дефицит воды не восполнять точно таким же образом? Их оппоненты заявляют, что резервы в использовании собственной воды в той же Средней Азии еще велики и потому вопрос о переброске ставится явно преждевременно. Кроме того, они считают, не очень, правда, заботясь о доказательствах (на это есть специалисты!), что изъятие воды из Оби и Енисея причинит невосполнимый ущерб окружающей среде в Западной Сибири и Приаралье.

Вот, вкратце, исходные положения, выдвинутые сторонами. Их можно развивать и обосновывать, привлекая как богатейший фактический материал, так и доводы логики. Гипотезы тоже могут быть пущены в ход, такие, например, что Северный Ледовитый океан станет еще более ледовитым или что в Западно-Сибирской низменности площадь болот пойдет на убыль. Обсчитать это математическими методами сегодня нельзя, но возражение брошено — поди сладь с ним, когда оно не поддается обмеру и обсчету!

Во мне подспудно жило чувство, что с «проектом века» что-то случится, и случится именно на стадии перехода от изысканий, научных исследований и проектных проработок к его практическому осуществлению. Речь пойдет о реальных миллиардах, а на миллиарды всегда много охотников. Всегда найдутся люди, которые приведут десятки доводов в пользу того, что они эти миллиарды используют с большей отдачей. Так было, когда решалась судьба Голодной степи. Кастандов, руководящий

химической промышленностью, говорил: «Зачем нам хлопок? Построим заводы химволокна и завалим страну синтетикой!» Но живая человеческая душа уютнее чувствовала себя в одежде из хлопка, и орошение Голодной степи себя оправдало. Однако мысли, что у страны вообще не окажется миллиардов на канал Сибирь — Средняя Азия, не приходило. Очень многое, оказывается, было скрыто от нас в годы, когда гремели аплодисменты и бесчисленные золотые звезды вешались на одну грудь.

Кажется, у Антуана Экзюпери есть такой эпизод. Авиакомпания привозит к водопаду Виктории группу бедуинов из Сахары. Бедуины стоят, зачарованные огромными массами низвергающейся, ревающей воды, и не желают возвращаться. Они ждут, когда водопад иссякнет. Ведь в их представлении вода — это то, чего всегда мало. Тогда им говорят, что водопаду — десять тысяч лет и он не может иссякнуть. Они поражены, уязвлены в самое сердце. И старейший из них восклицает: «О аллах! Ты безмерно велик, создав этот водопад, в котором вода никогда не кончается. Но ты и несправедлив: ты обделил водой нас, бедуинов, жителей горячих песков Сахары».

Ежегодно молодежные издания публикуют проекты транспортировки гигантских айсбергов из Антарктики к берегам Австралии и Аравии. Это что, фантастика, утопия? Или естественная реакция человека здравомыслящего и дальновидного на реальные условия его бытия в этой самой Австралии и Аравии? Дефицит чистой воды заставляет оглядываться по сторонам и искать, предлагать варианты, на первый взгляд немислимые. Дефицит воды точно так же заставляет поступать и нас. Упрек тысячеустый, хорошо сдиржированный: «Вы плохо используете имеющуюся воду!» Не совсем плохо и не всегда плохо. Но, ладно, плохо. Пройдет время, и слово «плохо» заменит слово «хорошо». Это неизбежно, без этого мы не представляем себе завтрашнего дня. Что тогда? Вот бы и получить тогда дополнительную воду, нужную до зарезу. Но мы будем от нее страшно далеки, ибо канал Сибирь — Средняя Азия с уникальными насосными станциями нельзя построить быстрее чем за 15—20 лет. Дополнительной воды не будет еще очень и очень долго.

Здесь есть во что углубиться мыслью.

Юг страны обделен водой. Это аксиома, от этого факта никуда не уйти. Природа распорядилась так, что на долю южного склона приходится лишь шестнадцать процентов речного стока. Дефицит воды имеет место в бассейнах Дона и Днепра, Урала и Терека. В бассейнах Сырдарьи и Амударьи он наибольший. Русло Сырдарьи при впадении в Аральское море давно уже сухое, по дельте Амударьи возможны лишь небольшие попуски — их называют санитарными, хотя они отнюдь не возрождают к жизни некогда обширный и обильный рыбой водоем. Маловодье уже не раз и не два перечеркивало наши планы. Я видел под Наманганом высохшие яблоневые и гранатовые сады, они не получили за лето ни одного полива, и рисовые чеки в Каракалпакии, перепаханные под кукурузу. Я видел хлопковые поля, получившие всего по одному-два полива. Это жалкое зрелище. Природа еще умеет показать человеку его бессилие и делает это гораздо чаще, чем нам видится в тиши городских квартир. Средний урон каждого маловодного года — полмиллиарда рублей только по одной Узбекской ССР. И в этих условиях упрек: «Вы плохо используете свою воду» — издевка и демагогия. Собственно, а где в стране вода используется лучше? Нигде. Ибо вековой опыт коренного населения в ведении орошаемого земледелия — это огромное богатство, еще не оцененное в полной мере. Оно органически входит в наше национальное достоинство.

Нам свойственно нетерпение. Оно — от нашей устремленности в завтра; мне кажется, свойственно оно и социализму в целом. Не раз и не два забегание вперед вредило нам, и очень, отбрасывая назад, но не излечивая от нетерпения и не приучая к строжайшей последовательности в достижении целей. И нравится нам это человеческое качество или нет, не играет роли, — оно есть, и оно влияет на поступки.

Есть в позиции противников переброски момент, совершенно для нас неприемлемый: издалека, а часто и свысока, не зная наших нужд и забот, они решают за нас, что нам делать и как жить дальше. Выходит, можно извлекать в больших количествах из недр тюменских нефть и газ, ресурсы невозобновляемые, объясняя это высшими интересами страны, а вот воду, ресурс возобновляемый, не тронь, не покупайся на нее и в планах дальнего прицела. Вода Оби для Средней Азии объявляется неприкосновенной. В ответ мы просто недоуменно пожимаем плечами. Можно на разных уровнях вести спор. Можно остановиться на уровне взаимного непонимания и ни к чему не прийти. Не следствие ли это нетерпимости к точке зрения полярно противоположной? Нетерпимость к иному мнению уже ой как дорого обошлась стране. Не случайно, остуживая слишком горячие головы, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев сказал на одном из идеологических совещаний, что следует терпимо относиться к отдельным поискам, привыкать к необычному, не стараться быть судьями во всем и вся. Надо учиться уважать оппонента, не считать его непременно злоумышленником, отвинчивающим гайки у социализма.

Уже давно в нашей стране никто не сидит без хлеба. Уверен, что никто не останет-

ся и без воды, и будет она прозрачной и вкусной. Но большой работы это будет стоить. Очень большой.

Читатель уже обратил внимание на то обстоятельство, что журнал «Звезда Востока» защищает не проект, а идею переброски, идею восполнения водного дефицита в среднеазиатских республиках и Казахстане посредством подачи воды из соседнего региона, где ее избыток. Мы не берем на себя функции экспертов, одобрять или опровергать проект — не наше дело. Но увидеть насущную потребность жизни в выдвинутой идее нам по силам, как по силам и во всеулышание об этом заявить.

Проблема преодоления дефицита (ресурсов, товаров, услуг, умов) — проблема общемировая, общечеловеческая. Наиболее просто она решается с помощью метода сообщающихся сосудов. Те, кто чем-то богат, стремятся реализовать излишки. Те, кому чего-то недостает, стремятся приобрести недостающее. Торговый ли обмен вступает в дело или помощь на взаимно выработанных условиях, не суть важно. Это настолько прочно вошло в плоть и кровь человеческого сообщества, что напоминать об этом как-то неудобно. И в этой связи совершенно непонятно, почему Средняя Азия может получать из других районов страны в обмен на свою продукцию или в порядке помощи для ускорения развития зерно и нефть, лес и машины, но не может получить пресную воду. Еще раз напомню, что вода, в отличие от нефти, в природе возобновляется.

Особняком стоит проблема Аральского моря. Это боль наша, это и укор самим себе, на который трудно ответить: почему молчали? Арал гибнет, и реальной помощи ждать ему не от кого и неоткуда. Собственные реки выпиты хлопковыми полями до замшелых валунов, которыми выстлано их дно, и в Арал не впадают, а сибирская вода теперь от нас много дальше, чем двухтысячный год. Экологическая обстановка в оазисах южного Приаралья сейчас неблагоприятна чрезвычайно. Жители Нукуса, Ташауза и Ургенча вынуждены пить воду низкого качества. Высокая детская смертность в Каракалпакии, эпидемии гепатита не в последнюю очередь объясняются и этим обстоятельством. Можно дать волю эмоциям, встать в позу и заявить: «Вы сами же и виноваты!» Но это ничего не изменит. То, что случилось с Аралом, печальное следствие хозяйственной необходимости. Ибо прогноз ученых в шестидесятые годы в отношении Аральского моря, каким бы он ни был, не остановил бы развития орошаемого земледелия в среднеазиатских республиках. И выявлять и называть сегодня виновных — занятие хотя и нужное, но малополезное. Хлопковая независимость — а мы заслуженно гордились и гордимся ею, ибо для ее завоевания трудились не покладая рук миллионы, и сегодня Советский Союз экспортирует не зерно и мясо, а хлопковое волокно, один Узбекистан отгружает ежегодно за рубеж сотни тысяч тонн этого ценнейшего текстильного сырья, — так вот, наша хлопковая независимость чего-то стоит. И, как сегодня выясняется, стоит она дорого. Именно она лишила Арал Сырдарью и Амударью.

Монокультура хлопчатника — а под ним занято до восьмидесяти процентов орошаемой пашни — посадила нас на голодный овоще-фруктовый паек, подрезала корни животноводства. На базарах нашего края, самой природой предназначенного для фруктового изобилия, овощей, фруктов и виноград дороже, чем в Москве. Монокультура губельна для плодородия почв. Как следствие, средства на возделывание хлопчатника растут, урожайность же топчется на месте, а то и скользит вниз. И не утратившая ли урожайную силу земля, не монокультура ли хлопчатника дали первый толчок тем страшным по своим последствиям припискам в хлопководстве, которые так уронили авторитет Узбекистана в глазах страны?

Мне кажется, ничто не нанесло большего урона «проекту века», чем приписки и другие уродливые явления, имевшие место в республике в недавнем прошлом. Хозяйственное обоснование проекта сразу же было взято под сомнение: что же это вы, товарищи, вписываете в графу экономического эффекта несуществующую, мифическую урожайность? Вот Каршинская степь, в ее орошение уже вложены миллиарды. Ну а что на второй чаше весов? Действительно, а что на второй чаше? А на ней совсем немного, миллиарды так и остались неуравновешенными. Комплексность в освоении засушливой целины, которой мы так хвастались в годы громкого славословия при стоянии на месте, нами же была нарушена, целинные совхозы долго оставались без жилья и соцкультбыта, а земли — даже без дренажа. «Гектарщики», которых пускали на новые земли первыми и которые вносили за их аренду немалую плату (следственные органы устанавливают, кому и сколько), эти земли погубили хищнической, неумеренной и неумной эксплуатацией. Сливки в виде лука, арахиса, арбузов снимались быстро, а хлопчатник уже не рос на истощенных площадях и без того заботливого ухода, который необходим этому «дитя солнца». Гектарщики отбывали дальше, а переселенец мучился на земле, которая надолго становилась низкоурожайной. Возвращение к порядку, к тому порядку внутри нас и вокруг нас, без которого нет социализма, не может быть легким и не укладывается в какое-нибудь разовое мероприятие. Предстоит огромная целеустремленная работа, предстоит вовлечение в эту работу

молодежи, подвижников и энтузиастов, руки и души которых еще чисты, еще не соприкасались с язвами коррупции и протекционизма.

Но не может быть и сомнения в том, что порядок на земле, в нашем сельском хозяйстве восторжествует, и тогда земля и вода, единение которых и дает орошаемую пашню, будут использоваться несравненно продуктивнее, и земля откроет дехканину весь заложенный в ней потенциал. Так можно ли, правомочно ли говорить: «Вы плохо используете свою воду», умалчивая о земле, возлагая за это вину на мелиоратора, но ничего не говоря о земледельце, который один и есть, вернее, должен быть хозяин земли? Хозяин? Как бы не так. Однажды отступив от ленинского лозунга «Земля — крестьянам», мы все время пытаемся, но только пытаемся вновь к нему приблизиться, вновь пристально в него взглянуться. Семейный и бригадный хозрасчетный подряд — это уже довольно близкое, довольно жизнеспособное приближение. Земля без хозяина — это и вода без хозяина.

Отношение человека к земле — вообще, дело тонкое, деликатное, очень близкое к взаимной приязни, ибо урожай не есть деяние одного человека, но и отдача земли на заботу человека о ней, и правила здесь вырабатывались многими поколениями крестьян-кормильцев. Тем более тонкое дело — отношение человека к земле поливной. Здесь ответственность особенно велика, и нужны глубокие навыки и строгие жизненные устои, отделяющие раз и навсегда «можно» от «нельзя». Нельзя, в частности, переполивать, перекармливать землю азотом и гербицидами, сеять десять и двадцать лет подряд хлопчатник по хлопчатнику... Но всего этого нельзя делать на своем поле, а на общем? Семьдесят советских лет выявили достаточно четко, что общее — это еще не мое. И все, что мы заносим в графу «общее», содержится у нас далеко не в идеальном состоянии, будь то присутственные места или окружающая среда.

Что такое отрыв от ленинского лозунга «Земля — крестьянам», мы знаем по полкам наших продовольственных магазинов. Мы уже поняли, что косметикой здесь не обойтись. Косметики обыкновенно хватает на год-другой, полки же гастрономов не ломаются от продуктов гораздо дольше. Но даже, когда земля получит своего хозяина номинально, пройдет еще немало времени, прежде чем люди почувствуют себя полноправными ответчиками за землю, прежде чем осознают, что ими больше никто не командует и они самостоятельны в принятии решений. Да, земля и вода не терпят хозяйствования неграмотного, казенного, бездушного, и отсутствие настоящего единения человека с землей, которое одно и может дать нам настоящего хозяина, обходится стране все дороже.

Орошаемое земледелие в последние годы довольно устойчиво сокращает удельное потребление воды. И все же работа по экономии водных ресурсов должна проводиться более целенаправленно. Как прогнозирует Госкомгидромет, до конца нынешнего века повторяемость сильных засух может увеличиться. Это значит, что устойчивость нашего сельскохозяйственного производства будет прямо зависеть от интенсивности работ по мелиорации земель. Сегодня наша инвестиционная политика уже предусматривает увеличение капитальных вложений в реконструкцию существующих систем, которая и осуществляется на современном уровне. Это можно рассматривать и как прямую реакцию на критику С. П. Залыгина, других представителей широкой общественности. Впрочем, эти проблемы стояли в повестке дня очень давно, но их решение постоянно отодвигалось нехваткой средств. Но даже при условии выполнения всех водосберегающих мероприятий народное хозяйство страны к двухтысячному году будет обеспечиваться водой с большим напряжением, и в Средней Азии дефицит водных ресурсов проявит себя с силой, которая крайне негативно отразится на экономическом и социальном развитии республики. И вновь, только уже гораздо более остро, встанет вопрос о принципиально новых водосберегающих технологиях и территориальном перераспределении стока. От этого нам не уйти, как не уйти от ленинской многократно проверенной и подтвержденной жизнью формулы: орошение более всего нужно и более всего пересоздаст край... О каком же дальнейшем пересоздании края можно вести речь, если нечем будет орошать? К такой ситуации в обществе социалистическом, живущем по пятилетним и перспективным планам, принято готовиться заблаговременно. Наверное, нам пора иметь, в дополнение к программам продовольственной и энергетической, и целевую комплексную программу «Водообеспечение» с научно обоснованной стратегией рационального снабжения водой всех регионов страны. На юге приоритет, вне сомнения, следует отдать агропромышленному комплексу. И изложение в печати односторонних точек зрения в этом вопросе только дезориентирует общественность.

И по сей день бороздковый полив — почти единственный способ орошения в Узбекистане. Арык в земляном русле, поливальщик с кетменем, струя, пущенная на глазок в одну борозду, в другую; гектар, политый за день. Просто, надежно, но и примитивно, ибо точно так же поливали деды и прадеды, но и расточительно, ибо, пока струя дотечет до конца борозды, ее начало переувлажнится. Ничего другого в арсенале земледельца сегодня нет. Лет двадцать назад еще применялась дождевальная тех-

ника, но особых преимуществ она тогда не показала. Что-то есть на экспериментальных делянках, капельное орошение, например, но пока это двинется на миллионы гектаров! Капельное орошение — это миллионы погонных метров труб, это сотни тысяч тонн металла, это деньги, это удорожание продукции, но это и неизмеримо более высокая культура орошаемого земледелия. А хватит ли денег?

Специалисты считают, где, как и на чем сэкономить воду, во что это обойдется и что это нам даст. И результаты их расчетов не очень-то обнадеживают. Сэкономленной воды может хватить еще на один миллион гектаров, но стоит это будет почти столько же, сколько и первая очередь канала Сибирь — Средняя Азия. На эти затраты, однако, надо пойти, нельзя не пойти, ибо без них порядка в водопользовании не навести. Каналам в земляном русле давно нужна бетонная противофильтрационная рубашка, горизонтальный и вертикальный дренаж должен надежно регулировать уровень грунтовых вод. А дальше? Если в предыдущие годы республика осваивала по 80—100 тысяч гектаров новых поливных земель, то план на 1988 год — тридцать тысяч гектаров. Всего! А сколько поливных гектаров уйдет под городские кварталы, дороги? И не останемся ли мы формально с плюсом, а фактически с минусом?

Мы считаем, что у нас хватит здравого смысла занять наши земли не только хлопчатником, но и люцерной — прекрасным оздоровителем почв и высококалорийной кормовой культурой, внедрить севообороты и таким способом вернуть истощенной пашне ее былое плодородие и еще поднять его там, где оно высоко и сегодня. В этой связи нельзя не сказать о корректировке плана по хлопку на 1988 год. План уменьшен более чем на полмиллиона тонн и стал 5,25 миллиона тонн. Но столько хлопка-сырца Узбекистан произвел за последние три года только однажды — в 1985 году, а в 1986—1987 годах даже не приблизился к этой высоте. При таком «уменьшенном», но все же крайне напряженном плане сколько-нибудь существенного высвобождения площадей из-под хлопчатника не произойдет. По-видимому, Госплану страны необходимо еще раз взвесить, что сегодня лучше и выгоднее — один миллион тонн хлопка-сырца или десять миллионов тонн овощей и фруктов. Тем более, что много хлопкового волокна производства предыдущих лет так и остается нереализованным. Высокая хлопковость орошаемой пашни все более ощущается населением Узбекистана как гиря и тормоз.

Но обратимся к читательским откликам. Письма принесли в редакцию «Звезды Востока» мнения самые противоречивые, при явном преобладании мнений о том, что Средней Азии уже в ближайшем будущем понадобится сибирская вода и что без этой воды региону не обойтись. Начну с мнений крайних, они говорят о том, к каким неожиданным всплескам и выбросам может привести дискуссия, которая ведется на пределе допустимых температур и эмоционального накала и которая все более разделяет, размежевывает оппонентов.

Искандер Тимуров, рабочий из города Балаково Саратовской области, под воздействием аргументов С. П. Зальгина обвинил Г. В. Воропаева и проектировщиков вообще в «воровстве народных денег» и «в игре на публику», назвал «наглым враньем» статистические данные о том, что в Узбекистане душевое потребление мяса вдвое ниже, чем в СССР в целом. Институт водных проблем Академии наук СССР назван, соответственно, «жирной кормушкой для беспринципных спецов». А несколько человек, тоже из России, обвинили противников переброски в «русском шовинизме».

Понимаю, не на такую реакцию рассчитывали участники дискуссии. Крайности и есть крайности, и их положено отбрасывать, открывая путь доводам здравого смысла. То, что и Г. В. Воропаев, и С. П. Зальгин продолжают занимать высокие посты, лучше всего говорит о правомочности их полярных точек зрения; единомышленников же у каждого из них немало. Сам я давний сторонник того, что Средней Азии нужна сибирская вода, и не спешу менять свои взгляды только потому, что кому-то они не нравятся. Знаю, что такое вода для нашего края. И как с нею обращаются, знаю, и знаю, что не везде еще ее расходуют по-хозяйски. Знаю, что такое оставить без воды хлопковое поле, сад, целое хозяйство. Могу предположить, в какую сумму выльется дотация государства среднеазиатским республикам при прогрессирующем водном голоде на рубеже тысячелетий и дальше. Экономисты считают, что эти дотации намного превысят стоимость канала Сибирь — Средняя Азия, и мне кажется, что они гораздо ближе к истине, нежели люди, делающие все для того, чтобы наш регион не увидел сибирской воды.

Но хватит слушать самого себя, слова просят из публики. «Статьи о водном кризисе в республиках Средней Азии явились для меня, простой читательницы «Звезды Востока», холодным душем, — пишет Н. Есина из Свердловска. — Странно, что об этом в полный голос заговорили лишь сейчас». «Зачем все свои реки вы перегородили плотинами? — спрашивает Е. Фролова из Москвы. — Почему позволяете Аралу красиво умирать? Спустите потихоньку все искусственные моря в реки, спасите Арал, а потом наполните свои водохранилища снова. Посоветуйтесь со старыми мирабами, с аксакалами,

как быть, вы ведь видите, что наука только все загубила». Простим читателю его неискренность. Сочувствие и сопереживание — первый шаг к пониманию проблемы.

Инженеры высказываются более аргументированно. Слово — инженеру-геодезисту А. Киму из Ташкента: «По С. П. Залыгину, мнение специалистов в маневрировании водными ресурсами не стоит ничего, так как они защищают честь мундира. Другое дело общественность, которая бескорыстна и которая в силу своей бескорыстности всегда права. Но всегда ли она была права? Общественность была против Брестского мира и за Т. Д. Лысенко... Жонглирование недостоверными фактами, прокурорский тон — не из неизбежного ли они права писателя на художественный вымысел? Но нельзя же так вольно пользоваться этим литературным приемом при обсуждении важнейшей социально-экономической проблемы. Вы говорите, что потери воды в канале Сибирь — Средняя Азия будут так же велики, как и в Каракумском канале. Но первый пройдет по глинистым грунтам, второй проложен по сыпучим пескам. Коэффициенты фильтрации в глине и в песках разнятся, как небо и земля. Вы постоянно обвиняете Минводхоз в том, что он действует по затратному принципу. Позвольте, а разве вся наша экономика до 1988 года работала не по этому принципу? И мог ли Минводхоз, как часть целого, а не государство в государстве, работать по-другому? Почему бы Вам, в таком случае, не обвинить в затратных тенденциях органы повыше, чем министерство? Может быть, Вы все-таки докажете нам, что водные ресурсы Средней Азии неисчерпаемы вопреки расчетам ученых, которым не очень-то следует верить? Убедите нас не терять оптимизма? Решать за нас наши злободневные вопросы — неблагоприятное дело. Мы сами разберемся, что и как, и внесем в правительство предложения, которые устроят и нас, и страну. По моему глубочайшему убеждению, только сибирская вода в состоянии приостановить усыхание Аральского моря и в какой-то мере восстановить природную среду вокруг него.

Особняком стоит остро поставленный С. П. Залыгиным вопрос о том, как нам научиться сохранять все выращенное. Но разве его следует адресовывать только сторонникам переброски, а не всему агропрому? Мне кажется, эта проблема будет решена вместе с осуществлением всех наших планов по перестройке и ускорению».

Пожалуй, следует привести выдержки из письма лауреата Ленинской премии инженера-гидротехника Тухтамыша Баймирова, генерального директора Среднеазиатского научно-исследовательского института ирригации Виктора Духовного, доктора технических наук Н. Лактаева и других, назвавших его: «Писателям СССР».

«В прежние времена писатели были верными союзниками мелиораторов, гидростроителей. Максим Горький создал творческий коллектив, который освещал сооружение Беломорско-Балтийского канала. Бруно Ясенский прокладывал Вахшский канал под пулями басмачей. Его впечатления о преобразовании пустыни и общества переданы в книге «Человек меняет кожу». Андрей Платонов, будучи инженером-гидротехником, не только работал мелиоратором в Воронеже, но и прекрасно отразил труд наших коллег в повести «Джан». «Братская ГЭС» Евгения Евтушенко, «У дивных гор» Валентина Катаева, «Тайна Сырдарьи» Уйгуна — разве эти яркие поэмы и романы не о подвигах советских гидростроителей? Юрий Трифонов два года делил все тяготы работы и жизни в пустыне со строителями Каракумского канала и подарил нам роман «Утоление жажды». Константин Симонов вдоль и поперек исколесил Голодную степь в годы ее интенсивного освоения. Вот оценка Чингиза Айтматова подвижнического труда мелиораторов в Голодной степи: «То, что сделано в Голодной степи, имеет, если глубоко задуматься, общечеловеческое значение. В мире так много земель, тысячелетиями жаждущих рук человека. В мире так много проблем, связанных с голодом и недоеданием миллионов, так много дел, требующих усилий наций и государств. Освоение земель Голодной степи в Узбекистане показывает, чем стоит заниматься правительствам, если они серьезно желают добра своим народам и если они хотят быть достойными времени».

И в то же время в последние 2—3 года под эгидой московской писательской организации развернулась небывалая антимилиоративная кампания, которая носит дилетантский характер и чрезвычайно далека от объективности.

Писатель Василий Белов с болью душевной пишет о небольшой «забыть-реке» на его родине и радуется, что из-за отмены переброски части стока северных рек в Каспий опасность ее «забытия» исчезла. Но почему вас, дорогие литераторы, не беспокоит судьба великих среднеазиатских рек Сырдарьи и Амударьи? Ведь для того, чтобы обеспечить население водой, а страну — хлопком, эти могучие и полноводные реки превратились в большие каналы. До Арала они не доходят практически с 1974 года. Если исключить площадь, занятую хлопчатником, то на каждого жителя Средней Азии сегодня приходится лишь 0,1 гектара орошаемой пашни. Этого явно недостаточно для самообеспечения продуктами питания. Получается, что воды Сырдарьи и Амударьи израсходованы и в ваших интересах, дорогие писатели.

Мы надеемся, что писатели, как и в прежние годы, встанут в общую шеренгу борьбы за решение Продовольственной программы. А если у кого-то возникнет ощущение

неясности путей или будут выявлены ошибки и неточности, давайте не предвзято, не односторонне, а по-деловому и объективно обсудим все это за одним столом и на равных правах!»

Несколько месяцев назад С. П. Залыгин направил в наш журнал письмо шести ученых (первая подпись — академика Б. Н. Ласкорина), которое содержало резкую критику деятельности Института водных проблем АН СССР и его директора Г. В. Воропаева. Вывод напрашивался сам собой: как может Г. В. Воропаев с его крайним субъективизмом руководить большим академическим институтом? Но буквально через день редакция получила письмо академика Л. М. Бреховских, секретаря Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР, содержание которого заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«Глубокоуважаемый Сергей Петрович!

Мне стало известно, что в редакцию Вашего журнала направлен материал, подписанный группой из шести ученых (академик Б. Н. Ласкорин и др.), в качестве заключения о деятельности Института водных проблем. Просьба учесть, что Президиумом АН СССР создана комиссия из 25 человек для проведения плановой проверки работы института. Результаты работы комиссии будут обсуждены на бюро Отделения и могут быть сообщены Вам, если это представляет интерес. Присланный же Вам материал шести ученых, входящих в комиссию, никак не отражает мнения комиссии и широкой научной общественности, и целесообразность его публикации непонятна. Распространение частного мнения шести членов комиссии до завершения работы комиссии в целом представляется мне некорректным».

Я говорю об этих письмах не из желания подчеркнуть то обстоятельство, что настоячивые попытки навязать оппоненту свою точку зрения могут привести и к неразборчивости в средствах, а чтобы обратить внимание общественности на отсутствие единого мнения по этим непростым вопросам и среди ученых самого высокого ранга, среди уважаемых наших академиков.

Подстрекательское сетование противников переброски: «У перебросчиков ни с чьей головы не упал ни один волосок!» — явно опоздало во времени. Почему, собственно, у людей, которые делают свое дело и отработывают свой хлеб, должны лететь головы? Не случайно подписчица «Звезды Востока» москвичка А. В. Аверина спрашивает: «В чем цель противников переброски? Не в том ли, чтобы предельно извратить, а затем и отвести огромную народнохозяйственную проблему, которая от этого, разумеется, нигде не исчезнет? Не в попытке ли дискредитировать всех, кто ее разрабатывает или просто не отвергает, понимая неуместность здесь легковесной риторики и оставляя за специалистами право принятия решений? Тем временем всякий, кто не предвзято подойдет к водной проблеме, наверное, согласится, что пользу государству принесет только объективное и всестороннее ее рассмотрение. Из своего жизненного опыта знаю, что люди, которые на протяжении жизни меняют свои взгляды на противоположные, обычно невосприимчивы к доводам оппонентов. Еще в 1970 году гидромелиоратор кандидат технических наук С. П. Залыгин уверял научный мир в том, что вода Оби «должна быть использована» для восстановления земель в Средней Азии, «которые без воды представляют собой бесплодную пустыню» («Комплексное освоение водных ресурсов Обского бассейна», Новосибирск, 1970 г., стр. 246). Теперь он высказывает взгляды прямо противоположные, не желая замечать, что с той поры проблема водоснабжения Приаралья приобрела необычайную экологическую и социальную остроту...»

По-разному звучит в письмах беспокойство о завтрашнем дне. Доктор сельскохозяйственных наук И. Н. Степанов из Института почвоведения и фотосинтеза АН СССР пишет: «По оценкам экспертов ряда стран, нашу планету в ближайшие пятьдесят лет ожидают серьезные изменения биосферы, обусловленные потеплением климата. Это реальное грозное явление может привести вскоре, на глазах нашего поколения, к естественной смене природной поясности. Полупустынный пояс может стать пустынным, и тогда вся Средняя Азия превратится в безжизненные, развеиваемые ветром пески и солончаки. Вся мировая цивилизация готовится к изменению климата, к массовой миграции животных и людей. За короткий срок придется провести еще невиданные по размерам техногенные изменения окружающей среды, чтобы обеспечить выживание человечества. Проект «переброска» выявил сильные и слабые стороны проектировщиков и исследователей. Он проработан в нескольких вариантах хозяйственного использования земли, оценен с учетом природных и экономических преобразований. При этом генеральные посылки исходят из того, что в ближайшие двадцать лет, пока будет создаваться канал, Средняя Азия не получит дополнительной воды. За это время должен быть наведен полный порядок в водном хозяйстве региона и эффективно освоены все местные водные ресурсы».

Резкие замечания вызвала позиция академика А. Л. Яншина, изложенная им в статье «Шаги к ноосфере» (ЛГ, 28 января 1987 г.). Академик, в частности, утверждает, что «суммарный вред от рукотворных морей, наверное, больше, чем от Чернобыльской

аварии. Надеюсь дожить до того времени, когда спустят Рыбинское водохранилище и восстановят затопленные луга, которые давали столько сельскохозяйственной продукции».

«Если послушать тов. Яншина, — пишут начальник отдела водохранилища института «Средазгипроводхлопок» В. Л. Бабушкин и главный инженер проекта М. Л. Гиленко, — то для сохранения экологии нужно разрушить все плотины в мире (их более 30 тысяч) и слить из них пресную воду (более шести тысяч кубических километров). К счастью, такая идея еще никому, кроме нашего академика, не приходила в голову, да и нет для этого повода. Людям необходима пресная вода во все большем объеме. Поэтому во всем мире и у нас, не советуясь с академиком Яншиным, строят водохранилища с целью максимального использования речного стока. Мы уверены, что времена, когда по-яншински будут разрушены уже построенные водохранилища, не наступят никогда, как уверены в том, что к проблеме переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан придется еще вернуться».

«Широкие круги читателей, малознакомые с водохозяйственной обстановкой в среднеазиатском регионе, вынуждены принимать на веру сенсационные заявления академика А. Л. Яншина и его коллег о том, что «сейчас ирригационные сети Средней Азии теряют в год при фильтрации в грунт 26 кубических километров воды, которая не достигает поливных земель». А чего стоит «научный» вывод о возможности сэкономить 60 кубических километров воды в южных районах страны «за счет сокращения потерь и обоснованного снижения норм полива», — делится своим мнением кандидат географических наук Л. Н. Побережский из Ташкента. — Мне неловко уличать почтенного академика в научной несостоятельности тех его выводов, которые касаются проекта переброски. Однако считаю, что сделать это необходимо, причем обязательно публично...»

«В последнее время в печати появилось большое количество статей, подписанных учеными разных специальностей (кроме специалистов-водников) и работниками культуры, в которых искажается проблема водообеспечения страны. Большинство критикующих ссылается на научно-техническую комиссию академика А. Л. Яншина и его коллег, якобы разобравшуюся во всех безобразиях, царящих в водном хозяйстве, мелиорации и охране окружающей среды. По-видимому, комиссия Яншина перепутала все на свете, и поэтому авторы «разоблачающих» статей предсказывают катастрофические последствия перераспределения водных ресурсов на окружающую среду на громадной территории в несколько миллионов квадратных километров. Такая критика оскорбляет и унижает тех, кто работал над проблемой, и будоражит читающую публику, ученых и специалистов смежных специальностей, которые, как черт от ладана, шарахаются от проблемы, вместо того чтобы разобраться в существе вопроса и правильно его оценить в научном, экономическом и экологическом аспектах. Академик Яншин против подачи воды на южную территорию страны и потому приводит в своих высказываниях абсолютно неправильные данные о поверхностном и подземном стоке, о водохозяйственном балансе», — пишет почетный энергетик СССР, лауреат премии Совета Министров СССР Г. И. Корнаков.

«У широкого читателя, благодаря работам комиссии А. Л. Яншина, подорвано доверие ко всем проектировщикам, будь то создатели проекта защиты Ленинграда от наводнений или авторы проекта Рогунской ГЭС на реке Вахш мощностью 3,6 миллиона киловатт, — сообщает журналу один из главных специалистов института «Средазгидропроект» М. Е. Бейлинсон. — Не так давно гуманитарии Таджикистана выразили недоверие составителям проекта Рогунской ГЭС. Их сомнения вкратце таковы: водохранилища, если следовать утверждению Яншина, приносят больше вреда, чем пользы; расчеты плотин выполнены на недостаточном профессиональном уровне, без учета в полной мере высокой сейсмичности Таджикистана; как следствие, разрушение 335-метровой плотины — это больше, чем Чернобыльская катастрофа. В мае группа специалистов «Средазгидропроекта» вылетела в Душанбе и убедила всех сомневающихся в достаточной компетентности составителей проекта и крупных ученых-гидротехников, проводивших государственную экспертизу проекта Рогунской ГЭС. Если активность комиссии академика Яншина наберет силу, то, вероятно, недалеко время, когда даже пионеров и школьников надо будет убеждать в надежности важных народнохозяйственных объектов».

Как бывший работник «Гидропроекта», могу констатировать, с каким скрупулезным вниманием, с какой безупречной строгостью в этом институте относятся ко всему тому, что включает в себя понятие «надежность». Вместе с тем, если кто-то высказывает сомнение и требует дополнительных гарантий надежности, значит, их надо дать; объяснение правоты и правомочности своих действий — необходимый элемент в работе каждого специалиста. В то же время никак нельзя спокойно пройти мимо многочисленных фактов дискредитации специалистов-водников и мелиораторов, их научно-исследовательских и проектных институтов, которые, как снежная лавина, сопутствуют кампании антиперебросчиков. Наклейка ярлыков и оголтелое очернительство не несут

нам ничего, кроме вреда. Они не приближают, а отдаляют истину, и с этим нельзя не считаться.

«Направив в период до двухтысячного года максимум усилий на устранение исторически сложившихся недостатков в мелиорации и водном хозяйстве, на улучшение использования местных водных ресурсов, можно довести орошаемую площадь в среднеазиатских республиках только до 8,3 миллиона гектаров. И это при наличии в крае 50 миллионов гектаров земель, пригодных для орошения! На 8,3 миллиона гектаров можно будет выращивать хлопок в объеме современного производства и продовольственные культуры для 35—40 миллионов человек, то есть для населения региона на рубеже веков,— делятся своими соображениями ведущие специалисты института «Средазгипроводхлопок» Ф. Я. Эйнгорн и Л. В. Эпштейн. — При этом так и не будут решены основные социально-экономические проблемы региона — отставание на 30—40 процентов жизненного уровня населения от среднесоюзного, недостаточное вовлечение трудовых ресурсов в общественное производство, ухудшение санитарных и экологических условий. К сожалению, все критические выступления против переброски не содержат ни одного серьезного альтернативного предложения, позволяющего решить этот комплекс проблем, и в то же время буквально запугивают непосвященных гипотетическими катастрофическими последствиями изъятия шести процентов среднегогодового стока Оби — Иртыша, то есть тех 27 кубических километров в год, 16 из которых, доведенные до бассейнов Сырдарьи и Амударьи, позволили бы освоить 1,5 миллиона гектаров и обеспечить продовольствием еще 10—12 миллионов человек. Игнорирование этих простых, но вполне понятных каждому реально мыслящему гражданину истин нам представляется недопустимым».

Теперь о последнем ударе в набат нашего уважаемого оппонента С. П. Залыгина, о его письме, опубликованном в этом же номере «Звезды Востока». Начну с некоторого, пусть и небольшого, несоответствия фактам отдельных утверждений писателя. Так, С. П. Залыгин пишет, что письмо Г. В. Воропаева мы опубликовали «уже в третий раз — до этого оно было напечатано в журнале «Гидротехника и мелиорация» и в редактируемой мною «Новом мире». Но в «Звезде Востока» письмо вышло в шестом номере за 1987 год, в «Новом мире» — в седьмом, на месяц позже. Это к вопросу о «до» или «после». Мы испытывали внутреннюю потребность в публикации письма Г. В. Воропаева, «Новый мир» пошел на это по необходимости: осада ворот перебросчиков велась так рьяно, что было не до этических норм.

Обвинение С. П. Залыгина в том, что все наши публикации саботируют постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек», понятно каждому, вылетело в пылу спора. Ни «Звезда Востока», ни «Новый мир» в числе конкретных исполнителей этого решения не фигурируют, дискуссия ведется в чисто теоретическом плане, что не только не противоречит, а вполне соответствует той духовной обстановке, которая сложилась в стране к сегодняшнему дню. А слово-то употреблено какое: «Саботаж!» Но почему-то не страшно. Никто не испугался и не спешит отречься от своих убеждений. Кстат, неплохо было бы сообщить подумать о том, почему вчерашние методы силового давления сегодня все чаще дают подбуксовку. В свою очередь и мы, сторонники переброски, можем заявить, что позиция С. П. Залыгина противопоставлена известной формуле В. И. Ленина об орошении, которое больше всего нужно и больше всего пересоздаст наш край. Получается, что нам никак нельзя без орошения. Но какого же развития орошения нам ждать, если собственные водные ресурсы близки к исчерпанию, а в сибирской воде нам отказано? Вот где таится противоречие, с наличием которого мы никак не можем согласиться и которое противники переброски стремятся законсервировать, превратить в вечный камень преткновения: что им из того, что сегодня в оазисах Узбекистана на 4 миллиона гектаров орошаемой пашни приходится 19 миллионов жителей, а завтра, в уже близком двухтысячном году, их будет 27 миллионов?!

Это противоречие тоже может свести к противопоставлению ленинской мысли, но мы на таком уровне спора не ведем, а исходим целиком из реальностей сегодняшнего дня. Довод против довода лучше, чем кулак.

Спорить дальше становится не о чем: и говорящие на одном языке способны абсолютно не понимать друг друга. Мы не высокие договаривающиеся стороны, чтобы постепенно сближать наши точки зрения, идти на компромиссы. Очевидно, мы и дальше будем стоять на избранных позициях. И не дело чести использовать известное постановление Политбюро для битвы по голове сторонников территориального перераспределения стока. На мой взгляд, у этого документа иное назначение: в годы наведения порядка внутри нас и вокруг нас еще раз все скрупулезно взвесить и, только научившись самым бережным образом расходовать имеющуюся воду, просить воду дополнительную к имеющейся. Здорово, с этим нельзя не согласиться, особенно если учесть, что и средств на осуществление переброски сегодня нет, их предстоит накопить упорным трудом и бережливостью. Мне, например, ясно, что проект в определенной степени дискредитировал Ш. Р. Рашидов — приписками и сокрытием хищнического

хозяйствования на освоенной целине Каршинской, Голодной и Джизакской степей, Бухары, низовий Амударьи. Сегодня, когда у нас оросительная вода кое-где используется плохо, правомочна и точка зрения С. П. Залыгина на переброску. В ней много максималистского, экстремистского, но есть в ней и толика здравого смысла, подсканная неэффективностью уж очень огромных вложений последних лет в развитие нашего сельского хозяйства, и в мелиорацию земель в частности. Обидно же, что миллиарды вбуханы, а полки магазинов продолжают наводить уныние и тоску даже на избалованных вниманием москвичей. Но вообразим себе такую картину: прошло двадцать лет, его величество порядок восторжествовал, земля и вода используются как надо, а сибирская вода все еще бесконечно далека от наших оазисов. В этих условиях быстро растущая емкость среднеазиатского продовольственного рынка не позволит сколько-нибудь заметно улучшить снабжение Сибири, Урала овощами и фруктами. Зеленый конвейер Юг — Север не выйдет за рамки чисто символические, дороговизна килограмма винограда, орехов и гранат останется фантастической. Машина времени, безоглядно уносящая в будущее, как образно назвали проект переброски некоторые его авторы, так и останется феерической жар-птицей в ночных неугомонных бдениях наедине с собой. Ибо ничто не мстит так, как упущенное время.

С. П. Залыгин дает только одну оценку использованию воды в среднеазиатских республиках. Он называет его преступно-бесхозяйственным. И все. Никаких вам полутонов, никакой дифференциации по областям и бассейнам рек. Но жизнь далеко не так однозначна, и если Залыгин прав в частностях — кое-где вода у нас действительно используется бесхозяйственно, то в целом он не прав абсолютно: в основном поливная вода используется у нас удовлетворительно и хорошо. В целом несерьезная эта оценка, нет в ее основе ни анализа практики, ни знания местных условий. Домысел этот очень близок к вымыслу. Да каждый поливальщик в Ферганской долине или Ташкентской области воспримет эту оценку как личное оскорбление и будет прав. Нигде в стране поливная вода не используется так эффективно, как в нашем крае. Вынужден повторить: не зерно и не мясо мы вывозим за границу, а хлопковое волокно. Вместе с тем, именно здесь кроются немалые резервы. Но можно ли, правомочно ли в орошаемом земледелии отделять воду от земли, говорить отдельно об использовании воды и земли? Разве в орошаемом земледелии вода и земля не единое целое? И не гидротехник, не мелиоратор распоряжается водой на поле, а колхозник или рабочий совхоза. И если этот работник, наконец, почувствует себя хозяином земли, которую он обрабатывает, если через семейный подряд, через что-то другое удастся нам в условиях перестройки воплотить в жизнь ленинский лозунг «Земля — крестьянам», это сразу же скажется и на использовании воды. Вода, как и земля, нуждается в добрых хозяйских руках, любые другие руки для нее — чужие. Воде и земле нужен один хозяин, и это главное.

Верно и то, что наша орошаемая пашня сегодня не в порядке. Она перенасыщена хлопчатником, она теряет плодородие и не дает того, на что способна. Сеять хлопчатник по хлопчатнику из года в год и из десятилетия в десятилетие — это такое соковыжимание, которое ведет к истощению и бесплодию. С другой стороны, в нашем крае все более ощутима нехватка продовольствия собственного производства. Никогда еще овощи и фрукты на наших рынках не продавались так дорого, а прилавки фирменных агропромовских магазинов не были такими скудными. Административные, приказные методы руководства колхозами и совхозами показали свою полную несостоятельность, экономические методы еще не пробили себе дороги. Катастрофически растет перенаселенность села. Прямое следствие этого процесса, приобретающего все черты социальной беды, — превращение хлопководства в убыточную отрасль сельскохозяйственного производства, растущее сопротивление семейному подряду со стороны тех, кого семейный подряд заставляет покидать село. Прямое следствие этого процесса — чрезвычайно низкий уровень душевого потребления продовольствия на селе. В многодетных семьях дехкан дети месяцами не видят мяса. С этим, однако, мирятся: предки жили много хуже. Узбекское село накопило острее проблемы, которые необходимо решать всем миром. Прежде всего совершенно по-новому следует взглянуть на вопросы индустриализации Узбекистана и всей Средней Азии. Ее низкие темпы не выдерживают никакой критики. Быстро растущий трудовой потенциал региона застал врасплох союзные планирующие органы, министерства и ведомства. Сколько-нибудь серьезной и глубокой программы его использования пока нет, и это очень тревожный симптом. Бездействие в этом плане непременно приведет к огромным дотациям региону, покрывающим различные формы безработицы. Эти же средства, но своевременно вложенные в создание сотен тысяч новых рабочих мест в промышленности, капитальном строительстве, на транспорте, в сфере услуг, способны снять внутреннее напряжение, которое уже сегодня ощущается как очень сильное.

За двадцать лет — а это временной минимум, который ляжет между принятым решением и первой пришедшей к нам сибирской водой, мы рассчитываем выполнить огромный объем работ по удвоению и утроению урожайной силы нашей орошаемой пашни, по возвращению порядка и рачительности во все то, что связано с использова-

нием земли и воды. Иного нам просто не дано. Если мы этого не сделаем, грош цена нам как хозяевам страны. И если и в этих условиях в сибирской воде нам будет отказано, миллионы гектаров, намеченных к освоению, так и останутся пустыней, а миллионы прирожденных земледельцев вынуждены будут сменить образ жизни на городской.

Вопрос о том, куда сегодня выгоднее вложить миллиарды, в огромный канал или в сельские дороги, хранилища и элеваторы, решил в пользу дорог и хранилищ, и это правильно. Сначала нужно научиться сохранять все выращенное, а потом уже думать о приумножении выращиваемого. В то же время отсутствие средств на осуществление «проекта века» отнюдь не повод для того, чтобы перечеркивать проект, объявлять его надуманным, ущербным, таящим в себе семена грядущих экологических бед. В возражениях оппонентов по проекту надуманное и дилетантское настолько превалирует над подлинно научным, что специалисты очень долго просто недоуменно пожимали плечами, не снисходя до объяснений. По их пониманию, и отвечать-то было не на что.

Рекомендации по водоснабжению Приаралья нам даны такие, что опять-таки можно только развести руками и сказать: «Разрешите уж нам самим разобраться в наших заботах и нуждах. Наверное, мы это сделаем более компетентно. Разрешите нам самим анализировать, принимать решения и осуществлять задуманное: ни себе, ни вам во вред мы не поступим». Сетовать же на общую по стране неэффективность капиталовложений в мелиорацию можно, конечно, да какой от этого прок? Пока земля не получит хозяина, все вложенное в нее не даст должной отдачи — практика не устает доказывать это. Разумно ли в такой ситуации винить в невысоких урожаях одних мелиораторов? Кроме раздражения, такая позиция не рождает ничего.

С. П. Залыгин пишет, что в Средней Азии уже больше нечего орошать. Наши же почвоведы говорят о многих десятках миллионов гектаров земель вокруг Аральского моря, которым вода возвратит высокое плодородие. Кому же верить? Наверное, специалистам. Но позволительно ли так далеко отступать от реальных фактов ради утверждения и отстаивания своей точки зрения?

Далее С. П. Залыгин вновь и вновь перечеркивает все то, что сделано в сельском хозяйстве среднеазиатских республик за послевоенные годы. Все это — воровство и коррупция, и ничего более. Воровство было. Отчеты показывали шесть миллионов тонн хлопка вместо реально заготавливаемых в Узбекистане пяти. За несуществующий миллион тонн в сравнительно узком кругу делились вполне реальные полмиллиарда рублей ежегодно. Сначала — возвращение к элементарному порядку, потом все оставшее. Иного подхода и быть не может. Порядок внутри и вокруг нас, порядок на земле, порядок в использовании воды — это вещи одного плана. Ну а на такие обвинения, что за последние сорок лет мы в орошаемом земледелии не добились ничего и только засолили или заболотили свои земли, отвечать нет резона. Уж очень все это несерьезно, бранливо и чванливо, высокомерно и бездоказательно. Воочию видишь: дискутировать-то не о чем, до полного непонимания друг друга мы докатились. Что ж, жизнь нас рассудит, время высветит, кто прав и устарела или все-таки нет ленинская формула об орошении, которое больше всего пересоздаст край и ускорит переход к социализму.

Присланные нам из «Нового мира» статьи Н. Г. Минашиной и В. Агаханянца не содержат, к сожалению, каких-либо новых аргументов, которые бы оправдывали их публикацию. Почвоведу доктору сельскохозяйственных наук Н. Г. Минашиной предложено подготовить для «Звезды Востока» статью о путях возвращения нашим почвам утраченного плодородия. Доктор географических наук В. Агаханянец, позволивший себе оскорбительные выпады, не рассматривается нами как потенциальный автор.

И все-таки неверно, что у сторонников и противников переброски нет точек соприкосновения. А цена на воду? Хозяйственный расчет и бесплатная вода не стыкуются. Вода, в заданном объеме поданная в нужное время в определенное место, имеет стоимость и, значит, должна иметь цену, должна продаваться водопользователям. Безвозмездность в данном случае сестра бесхозяйственности и расточительства. Как долго будет длиться это неестественное состояние? Мы на практике видим, как быстро многие из бесплатных социальных благ утрачивают свои высокие потребительские качества.

Множится число сторонников у предложения превратить Узбекистан в мастерскую страны. Мысль прекрасная. Она выстрадана, она выставлена на всеобщее обозрение теми процессами в экономике и обществе, которые ждут не дождутся своего положительного решения. Но где конкретная работа по осуществлению этой идеи? Ее нет, промышленность Узбекистана развивается почти теми же темпами, что и индустрия страны в целом, опережая среднесоюзные показатели за пятилетку всего на два — три процента. И это при отставании от среднесоюзного уровня минимум вдвое! Где дальновидные, целеустремленные альтруисты во главе трудовых коллективов, районов, городов и областей, во главе министерств и ведомств, для которых долговременные

цели — то же самое, что и родительский наказ, что сама жизнь? И которые, наконец, освободят наш край от пут взяточничества и протекционизма?

Завершая дискуссию по вопросам переброски в наш регион части стока сибирских рек, журнал «Звезда Востока» намерен сосредоточить внимание на более эффективном использовании той воды, которой Средняя Азия располагает. Многоуважаемый С. П. Залыгин может считать это следованием советам, которые он дал. Синеца в руках — это та данность, пренебрежение которой всегда вело к плохим последствиям. Но ведь есть и журавль в небе. Он влечет к себе неотвратимо, как и сама бездонная синь, его родная стихия. И не случайно у многих авторов проекта переброски он ассоциируется с машиной времени, способной приблизить грядущий день. Не подлежит сомнению и то, что сибирскую воду нам следует заслужить. Уже в ближайшие годы мы должны научиться использовать собственные водные ресурсы так, чтобы ни у кого не повернулся язык обвинить нас в неадекватном или, более того, преступно-бесхозяйственном ведении орошаемого земледелия. Быть достойным сибирской воды становится задачей номер один для всего агропромышленного сектора среднеазиатских республик. Нетерпение не должно опережать здравый смысл. Но и совсем пригасить его мы не вправе. Пламенному взору, устремленному на журавля в небе, несвойственно спокойствие выжидания. Ему свойственно нетерпение, и так, наверное, и должно быть.

С. ТАТУР.

Аскад Мухтар

Перевод с узбекского
Александра Наумова

А М У

РОМАН

Капнет слеза в Аму — ночь,
Капнет ли кровь в Аму — заря,
Луч упадет в Аму — день!
Но солнце без зари не взойдет...

Обращенные к северу склоны Гиндукуша заливают лунное сиянье. Здесь, наверху, этот молочный свет царит чуть не ночи напролет, потому что облака стелются двумя тысячами метров ниже, а луна, едва, кажется, закатившись, уже выплывает с другой стороны, красная, как медное блюдо. Днем солнечные лучи, отражаясь от вечных ледников и сине-белых льдистых пиков, так же беспредельно холодны — и не в силах высветить громадные ущелья и бездонные пропасти; напротив, при этом бессильном дневном свете черные глубины кажутся еще мрачней и бездонней.

По ту сторону ущелий — вечный караван Памира, недвижно карабкающийся в небо. И все эти безжизненные просторы под иссиня-зеленым куполом похожи на океан, мгновенно закаменевший во время чудовищного шторма. В незапамятные времена неистовые силы природы привели в движение земную кору, дико вспучили ее, и в вечности возникли эти ни с чем не сравнимые тектонические чудеса: громаздящиеся друг на друга мертвые громады, не знающие ноги человека, и обволакивающее их безмолвие.

Великое безмолвие. Кажется, проснись снова земные недра, содрогнись горы, обрушь они лавины ледников — это безмолвие поглотит весь грохот прежде, чем о нем узнает мир.

И этот безжизненный свет. Он кромешней мрака! Может, потому и нет здесь ни единой живой души.

Дух ваш смущается, вам хочется смотреть только на запад. Ведь сзади, на востоке, нет земли, нет почвы — лишь смыкаются с небом мертвенно-синие льды. Недаром древние географы помещали здесь границу мира. А на западе — скат туманных низин, край зеленого мира, куда вы как бы легите: небо справа — ваше правое крыло, небо слева — левое.

Если вам хватит воображения устремиться с этих высот за три тысячи верст — вам предстанет древний полноводный Джейхун, пересекающий долины и пустыни. Отец истории Геродот и Страбон, первый землеописатель, называли эту могучую реку Оксусом. Все по ходу ее течения как бы сотворено ею самой или ради нее — прекрасные и роковые пейзажи, вырытые или выбитые ею ущелья, мрачные пропасти и глыбы скал, гигантская лестница водопадов — и радующие душу населенные долины. И все это питается снежными полями наверху, могучими ледниками — и среди них величайшим ледяным морем мира, получившим имя Федченко.

Впрочем, наверху, у истоков, мать-река еще не носит своего прославленного имени, это пока безымянный ручей, хотя справа и слева уже спешат к ней ее озор-

ные сестрицы. И лишь вобрав их в себя, она вспенится о скалы, накопит силы и взбесится от избытка их, вздымая меж скал и камней облака мельчайшей водяной пыли.

Эти водяные пылинки напоминают историю песчинки в далеких Каракумах. Все началось с легкого ветерка, что тронул пустынное безмолвие и пошевелил песчинку. Она задела другие — и бархан начал оседать. Песчинки, как искорки, метнулись в воздух, запрыгали, песок потек вместе с ветром: вихрь закрутился волчком — а когда поднял голову, десятки его собратьев вокруг уже вырастали в столбы смерча, обращаясь в безумных черных бродяг, застилающих лицо дня.

Так и река — она начинается в этом мире кристальной капелькой, сорвавшейся вниз в укромном уголке вечных льдистых скал, по ту сторону горных пиков Сарыкуля, где рождается солнце. Все вещи на свете — должники своих истоков; но, увы, долги они платят другим и по-другому, там, в низовьях, подвигаясь к устью. И все же та кристальная капелька уже заключает в себе судьбу будущей реки — недаром вскоре, когда первые ручьи, слившись, образуют начало речки, она получает имя «Воханг». «Воханг» значит «знамение судьбы».

Первой к ней на подмогу приходит река Памир, рожденная в недрах глубокого, как глаза серны, горного озера Заркуль. Потом одна за другой присоединяются самые шумные из рек Крыши мира — пенные, волокущие камни, прокладывающие свои узкие русла в красном базальте — Гунт и Бартанг; вобрав их, она получает имя Пяндж и образует дальше каскад соединяющихся друг с другом мощных водопадов. Она уже устремилась вниз, как могучий лайнер. Вскоре ее мощь усилят потоки Сурхоба, Езгуля, Ванга, резко повернувших к ней в неожиданном месте из-за скалистых гор. Еще чуть позже она встретится с самой прекрасной и строптивой сестрой своей, Кукчой, подошедшей слева и как бы несущей таинственную печаль глухих долин и боль утекших столетий. И она, Главная река, словно радуется встрече, усмиряет на время яростный свой, деспотический нрав — ее грохот и вопли обращаются в шепот, и течет она, широко раскинувшись. А впереди радостные неожиданности снова и снова ждуть ее — справа гонит холодные светлые волны Вахш; слева, расправляя богатырские плечи, вырывается из тисков Бомиеновых скал древний Кундуз. Они вливаются неподалеку друг от друга — и здесь-то мать-река обретает, наконец, славное имя свое — Аму.

Если не принимать в расчет Кафарнихон¹ — кровеносный сосуд одной из прекрасных наших южных долин, и прозрачный Сурхан, прогрызший русло сквозь недра горных каменных пластов и холмов и, уже влившись, долго еще не смешивающий поток свой с мутными водами Аму, — то мать-река на протяжении полутора тысяч верст уже не примет в себя ни единого, даже самого малого, притока, ни единой капли воды, а будет только тратить, тратить и тратить, щедро раздавая сладкую влагу бескрайним полям, садам, небу, пустыням, наполняя каналы и хаузы². Ибо десятки древних ее притоков, берущих начало на вершинах Зарафшана и Боботага, Кухи Сафеда и Банди Туркестана, ныне уже не в силах достичь ее: они впитываются пастбищами и полями по обоим берегам.

Два берега. Древний, легендарно богатый мир, именующийся оазисом Аму. В этом очаге цивилизаций жизнь извечно была связана со щедротами великой реки: Аму приносила сюда ежегодно не только семьдесят миллиардов кубометров воды и миллионы тонн плодородного жидкого ила, но и богатый минеральными солями тучный солончаковый глинозем; вымывая золотой песок из таинственных ущелий, несла свидетельства бесценных сокровищ Памира и Гиндукуша, вести о рубинах и яхонтах Бадахшана. Античные историки рассказывают, что вахшские тохары, завербованные термезским худатом³, вылавливали овчинами золотой песок из илистой воды Джейхуна и продавали арабским торговцам на базарах Балха. Впрочем, богатая история этих мест напоминает отдаленные горные гряды, задернутые туманом: наверху, как небесные острова, видны вершины, отрезанные от самой гряды туманной пеленой, где-то проблескивают заснеженные склоны, но целого увидеть уже невозможно — этот туман вряд ли когда-нибудь рассеется; разве что внедриться в него самому, рискуя, что сорвется на тебя камень или лавина в ущелье.

Кстати, жили в этих ущельях, на этих гористых, каменистых берегах, народы, говорящие в основном на языке «дари»: таджики, афганцы, бадахшанцы, сотни племен и родов древней Арианы. Говорят, «дари» значит «дворцовый». Вряд ли. Скорее, это слово происходит от «дара» — «ущелье» — и означает «язык горцев».

Но вот под напором воображения туман, кажется, редет; в голубовато-молочном свете луны становится виден кишлак, прилепившийся к огромному утесу.

¹ Река в Таджикистане.

² Искусственный водоем, непроточный пруд.

³ Худаты — домусульманские правители различных областей Средней Азии.

Чуть качнулся под ветром шиповник, вскарабкавшийся на камень, — это донеслось дыхание Аму, что вышла на равнины и замедлила свое течение. Ниже камня с шиповником серебрино поблескивают островерхие, как копыта, пирамидальные тополя и плоские крыши сгрудившихся домов; можно разглядеть крошечные поляны на откосах, миниатюрные наделы садов и бахчей. А над всем этим горбятся голые базальтовые скалы, изрезанные черными тенями. Воображение рисует верблюжьими караванами, плывущие в предрассветной дымке. Когда морские пути в Китай и Индию еще не были открыты, торговля между Востоком и Западом пользовалась этими маршрутами, этими тропами и переправами через Аму. Их проложили по иссохшим степям и мертвым пустыням, страшным горным ущельям и ухоженным долинам, через шумные города и пестрые базары Средней Азии. Но «Великий шелковый путь» никогда не был шелковым: при всем уважении к торговым гостям, совершавшим беспримерные переходы, в сердцах людей копилась здесь также вековая ненависть к насильникам и мародерам. Темными ночами с обоих берегов Аму пристально высматривали друг друга враждебно нацеленные глаза, ружья и клинки, с берега на берег неслись пушечные ядра, чистые горные воды окрашивались кровью. Никто и не мечтал, что когда-нибудь мутные воды Джейхуна понесут покачивающиеся цветочные венки. Или соединит его берега многосаженный мост дружбы, яркий, как апрельская радуга.

Да, придется-таки потретьежить сон истории. Это слово «мост» виновато. Рассказывают, что Искандер Двурогий¹, собираясь покорить согдийцев, велел якобы на переправе Невтак положить на плечи своих выстроившихся цепью воинов плетеные циновки — и прогарцевал по ним. Как повествует великий историк Наршахи, переход арабов через Аму и Мавераннахр² растянулся на четырнадцать месяцев. Сперва реку перешли воины Убайдуллах ибн Зийяда, потом Сайид Усмана — и трижды возвращались обратно. Позже переправился в Мавераннахр грозный полководец Сулм ибн Зийяд — его войско уничтожили всадники Сурхана. Даже сам коварный Кутайба Муслим, слышавший завоевателем Мавераннахра и заливший берега Аму кровью, вынужден был двенадцать раз отступать к Хорасану!

Головы Караханидов³ плыли по этим водам, тонули здесь слоны Махмудовы⁴, груженные отравленными стрелами. Когда Чингиз вступил в Термез, вместе с шумом волн уносились вдаль и вопли тысяч матерей, что бросились в воду вслед за своими утопленными младенцами. Тимур сломал ногу на этих берегах, в боях против храбрых сарбадоров⁵, и на всю жизнь получил прозвище «ленг» — «хромой». «Джейхун» — арабское имя Аму — означает «бесноватый». Но, может быть, стоит прочесть его по-иному? «Джой» — место, «хун» — кровь, мечь... Стало быть, «место мести», «кровавое место»?

Нет, не так. Не всегда на этих берегах текла кровь, ибо Аму — преграда лишь для захватчиков. Река-труженица, она даровала свои воды и как дорогу общения, сделала переправы свои перекрестками культур и была не только роковой границей меж Ираном и Тураном, но и великой дверью их родства и соседства. Здесь соприкасались религии и государства, искусства и науки, боги и философы: Кушаны, Рим, Китай, Индия, Будда, Гелиос, Шива; по этим прибрежным тростникам бродил Сино, мудрейший из мудрых, над ними звучали скорбные мисры слепого Рудаки, здесь Беруни задумывался над своим «Нравом Джейхуна», а молодой Алишер готовил к переправе караван своих книг. Аму никогда не была, подобно Гангу, святой водой, уносящей прах человека; но жизни без нее здесь не было, нет и не будет.

Эта бурая лента исторического водного пути, доставлявшего через Каспий в Булгарские княжества восточные шелка, мускус и амбру, китайскую серебряную и фарфоровую посуду, козью шерсть Термеза и Мазари-Шерифа, рыбий клей и кунжутное масло, эта славная водная артерия, некогда обозначавшая границы исторической мечты Петра Великого, в наши дни, увы, едва доносит свои воды — нет, не до моря, даже не до славного своего Арала, высыхающего и понемногу превращающегося в грозную кладовую солей, а только до бескрайних камышовых зарослей на границе двух великих пустынь. Огромный мост, превращенный в дамбу на месте бывшего двухкилометрового разлива, обозначает, как погребальное сооружение, конец Аму: за ним тянется лишь редкая цепочка высыхающих луж. Это без-

¹ Александр Македонский.

² Мавераннахр (араб. «Междуречье») — так арабы называли область между течениями Амударьи и Сырдарьи.

³ Караханиды — среднеазиатская династия, правившая в 927—1212 г.

⁴ Махмуд Газневи 970—1030 — основатель государства Газневидов, совершал захватнические походы в Среднюю Азию.

⁵ Сарбадоры — социальное движение XIV в. против монгольских завоевателей. Решительная битва их с Тимуром произошла при Усть-Чилене в 1365 г.

гласное зрелище — как вопль для каждого, кто видел, помнил недавнюю бурную славу Амударьи, вопль о помощи!

...Воображение, однако, далеко увлекло нас — и во времени, и в пространстве. Вернемся назад — на десятилетия и сотни верст, в горы, к началу нашего повествования.

Здесь, побледнев, заходит луна; солнце еще не одолело девятикилометровой зубчатой стены гор, и небо пока, хоть почти прозрачно, еще кажется иссиня-черным; валуны на покрытом ельником склоне выглядят мрачными чудищами. Но темнота явно редет, в кустарнике просыпаются птицы. Вот-вот в мире водворится серый рассвет, и туман клубами уже поднимается из ущелий с текущими внизу реками. Наконец стадо яков медленно двинулось по каменистым тропам. На спинах яков копошатся стаи пичуг. Серееет. За поворотом скалы, внизу, открывается иногда убогий кишлак горного племени. Он едва зацепился за склоны и почти сливается с горой. Еще холодно, редущая полутьма таинственна и чутка — страшно издать лишний звук: сорвись где-то камешек — и начнется, пойдет расти по осыпям каменная беда обвала.

На мостике-доске, переброшенном через пропасть, появляется человек. Широкополая шляпа, ноги по колена в обмотках, крепкие ботинки с шипами, за плечами грубо шитый хурджун. Длинные усы. Странно, он без ружья: горцы не ходят без оружия, особенно в эту пору. Но он идет вниз, не оглядываясь, как положено. А может, просто спешит. Все-таки он явно не здешний: ни чекменя на плечах, ни посоха в руках. Да и то, что он один... Здесь только крайность может заставить отправиться в путь в одиночку, горы этого не любят. А может, он и есть в крайности?

Тропа ведет его все дальше вниз, то под нависшей скалой, то по самому краешку бездны, то наполовину спускаясь в пропасть, откуда надо потом выкарабкиваться чуть не на четвереньках. Спешит путник. Худощав, жилист, но вида интеллигентного, городского, не горец, нет. Горопится, словно спасаясь от эха собственных шагов. Будто отстающий мир горной ночи вот-вот поднатужится и его нагонит.

Я познакомился с ними в Мазари-Шерифе, в невзрачной одной кофейне. Там, впрочем, было уже то хорошо, что кофе варили не в жестяном чайнике, а в английской джезве из латуни. С тех пор как развелся с женой, я завтракал там каждый день. Я и теперь еще ломаю голову, как они меня там обнаружили, как они меня вообще нашли — полунищего интеллигента, потерявшего свое место в жизни. Во дворцовых кругах усилились смута и брожение, кому было дело до археолога и его камней? Нынешние «новые», впрочем, тоже не возымели ко мне особенного сочувствия, они весьма сомневаются в моем патриотизме: как-никак, учился в Лондоне. Время от времени в лицо мне впиваются, словно камешки из-под ног, осколки общей ненависти к англичанам. Но в принципе никому до меня дела нет. Да у меня и у самого нет дела, одни несбывшиеся надежды. Двадцать лет я мечтал открыть миру сокровища нашей древней истории, славу родной моей земли, и ради этого в полном смысле слова землю носом рыл. Профессия моя казалась для этого лучшим в мире средством. Господи, как жизнь все меняет в человеке! Теперь мне трудно и вообразить себя прежнего. Но тем, кто разыскал меня тогда, до этих прежних надежд опять-таки дела не было. И до профессии моей — тоже.

Заказав ежедневный кофе, я присел за столик в сторонке и даже не оглянулся на привычный звоночек стеклянной входной двери. Но вошедшие направились явно в мою сторону, я почувствовал это по шагам, и тогда я посмотрел. Их было двое. Одеты по-европейски, оба средних лет, спортивной выправки, лица огрубели от ветра и солнца. Тот, что повыше, на редкость некрасив: на носу две большие бородавки, и даже тщательно подстриженные пышные бакенбарды не скрашивают по-обезьяньи выступающей нижней челюсти. Второй, маленького роста, — с широким лбом и настороженными умными глазами. Борода у него была не по росту велика; кожаная заплатка на колене новеньких джинсов и молодежная фуфайка из козьей шерсти только подчеркивали плотность его фигуры.

— Доктор Сухайль?

Они меня знали! И знали, где меня найти!

— К вашим услугам! Но...

Оба протянули руки.

— Сайёд Нихон, почвовед, — сказал высокий.

— Надим Сарбаланд, гидрогеолог, — сказал низенький.

— Очень рад... очень рад... — Мы обменялись рукопожатиями, и я показал на стулья. — Присаживайтесь, пожалуйста. Кофе? Ялло! Еще два кофе!

Когда подбежал мальчик, они заказали и ликер — для меня тоже, но я отказался.

— Не знаю, чем обязан...

Низенький с извиняющейся улыбкой развел руками: мальчик принес ликер. Они тут же разлили и выпили; похоже, до этого им не хотелось начинать разговор. Но беседа пошла легко, хотя я человек не слишком разговорчивый. Несколько минут спустя я уже чувствовал себя с ними, как со старыми знакомыми. Надим приходил из горных исазаев — я, впрочем, почти сразу догадался об этом по произношению: в свое время я в горах специально изучал это племя. Что до Сайёда — он был из рода дуррий, которые сами себя величают «дурри-дуррон» (то есть «жемчужные») и очень этим гордятся. Впрочем, свойственной им обычно заносчивости я в Сайёде не уловил. Именно он — и с большой простотой — перешел к цели их визита:

— Мы пришли как представители проектно-строительного треста по ирригации и мелиорации, который основан компанией «Джеймс Моррисон». На севере Афганистана создается проектно-изыскательская группа — она должна выяснить условия использования вод Амударьи. В эту группу мы и хотим пригласить вас. Я улыбнулся. Я понял, что они меня с кем-то спутали.

— Простите, господин Сайёд, но я не имею решительно никакого отношения к ирригации. Я всего-навсего старый археолог!

— Знаем, доктор Сухайль, знаем. Мы обо всем осведомлены, обо всем! И взяли на себя смелость порекомендовать вас руководству компании. Мы поручились за вас.

— Весьма польщен, но я не понимаю...

Сайёд как бы пропустил мою реплику мимо, ушел и продолжил фразу:

— ...И господин Лал Махдий, наш шеф, знакомясь с вашими книгами и досье, сказал: «Это именно тот, кто нам нужен, и я должен с ним незамедлительно познакомиться!»

— Господин Махдий... — начал было я, но не успел закончить вопрос, вмешался Надим Сарбаланд, чуть покрасневший от ликера:

— Это доверенное лицо компании, наш главный геолог! — Голос у него был густой, но слащавый. — Если вы откажетесь, доктор, уверяю вас, это будет ошибка. Собирается прекрасная группа, контракты компания предлагает весьма щедрые, ради нужных специалистов не жалеет ничего. Да и для правительства важно проведение этих изыскательских работ в Чорвиллойте! Если вы действительно любите свою страну...

Я несколько растерялся от такого напора. Подвыпившие собеседники продолжали наперебой говорить, но их слова уже как-то затрудненно доходили до меня; я только сознавал, что, захмелев, оба господина стали многословнее и велеречивей. О компании «Джеймс Моррисон» я уже слышал, ее главная резиденция находилась, кажется, в Пешаваре. Но я-то что могу там делать? Решительно непонятно. Впрочем, наверное, есть какая-то работа, не ради же моих прекрасных глаз меня так настойчиво приглашают. «Если вы любите свою страну...» Я-то люблю, черт возьми, — меня не любят! Но, даже против воли, слова эти задели во мне какую-то струну. К тому же вынужденное ничегонеделание угнетало меня, сколько я себе ни говорил, что ничего больше не хочу. И деньги... с деньгами обстояло хуже некуда: кончались. В сущности, я уже решил. И снова включил приглушенный было моим сознанием разговор, вернул ему громкость. Надим все еще говорил о щедрых контрактах и приводил цифры.

— Право, — сказал я, — не знаю, что и ответить. Предложение лестное, господа, но... но я должен подумать.

— Нет, — сказал Сайёд, — думать будете потом, прежде вам следует встретиться с господином Махдием, мы ему это обещали. А потом — пожалуйста, принимайте свое решение!

— И где я могу его увидеть?

— Он будет ждать в отеле «Бомиён» от шести вечера!

Они откланялись.

В «Бомиён» я пришел часов в пять и для начала решил посидеть в прохладном холле первого этажа — остыть и подумать. Какой я представляю для них интерес? Я терялся в догадках — и чем дальше, тем больше. Примерно полчаса спустя в холл поспешно вошел с улицы худощавый человек средних лет с вьющимися, начавшими сесть волосами. Он вытер пот, огляделся — и я почему-то сразу решил: это и есть господин Лал Махдий. Так и оказалось. Мы поднялись в его номер на втором этаже. В простенькой прохладной комнате гудел кондиционер, с ковра настороженно глядел умными глазами рыжий лохматый сеттер.

— Садитесь, прошу вас, — сказал хозяин и подвинул мне кресло; их было всего два в номере, лишних предметов там вообще не было. — Кофе, сигару? — Голос у господина Лала Махдия был мягкий, обволакивающий какой-то, манеры изысканные.

— Спасибо, — сказал я. — Если можно, чашечку кофе.

Он заказал по телефону два кофе и заговорил — о себе. Мягко, доверительно. Он родился в Индии, в английской семье, но в жилах его течет и кровь воинственных сикхов. Его настоящее имя — Рональд Байрсби.

— О, сэр, — сказал я по-английски, — я не думал... Вы говорите на таком великолепном дари...

Он рассмеялся и тоже перешел на английский:

— Я и пушту владею не хуже. Надеюсь, по крайней мере. Ведь я геолог и давно в этих местах.

— Ну а я...

— О вас я все знаю! — перебил он с мягкой улыбкой.

Я на мгновение растерялся и сказал с запинкой:

— Но в таком случае... В таком случае, я не понимаю... я ведь мало смыслю даже в топографии, а гидрогеологии и мелиорации — не знаю вовсе... я старик... — Тут он сделал протестующий жест. — Старик, сэр, старик! К тому же вы — представители современного прогресса, а я занимался глубокой древностью. Зачем я нужен вашей группе? Боюсь, это просто недоразумение.

— О нет! — сказал он и устроился в кресле поудобнее, словно надолго. — Видите ли, доктор Сухайль, вы наверняка помните картину приручения диких лошадей, которую рисует Авеста. Для тех времен приручение лошадей было куда более важным делом, чем для нас сейчас вся научно-техническая революция. Когда влачащийся за стадом пастух вдруг садится на коня, ему открываются горизонты. Расширяются пастбища — растет поголовье. Возникают новые тропы, новые дороги, новая география! Археологов весьма интересуют пути. Разве по неолитическим стоянкам вы не определяете древние русла рек? Древние охотничьи тропы, которые приводили к водопоям? Именно этот ваш опыт для нас и бесценен, доктор! А вы говорите: современный прогресс — и глубокая древность! — И он рассмеялся, мягко и в то же время победительно.

Принесли кофе. Байрсби разлил его по чашечкам, кофейный аромат, наполнивший прохладную комнату, взбудрил меня, и все вдруг стало казаться проще и понятней.

Серебряные щипчики с кусочком сахара повисли над моей чашкой:

— Вам два кусочка?

— Да, сэр, спасибо.

Мы сделали по глотку. Кофе был прекрасный.

— Кажется, — сказал я, — мне действительно становится понятным мое место в вашей группе.

Он пожал плечами, давая понять, что для него это само собою разумеется, и сразу заговорил о деловой стороне:

— Наша штаб-квартира в Пешаваре — вы, наверное, знаете. Научно-исследовательский институт расположен на древнем кургане раджи (тут рыжий сеттер почему-то беспокойно пошевелился) и ведет работу на пятистах акрах опытных плантаций. И в лабораториях тоже. Мы осваиваем пустынные участки, восстанавливаем пастбища, ликвидируем эрозию, строим оросительную сеть, гидросооружения. Может быть, вам неизвестно — в Индии мы оживили иссушенную безводьем степь Тар. И вообще: наш диапазон — от геологии до социологии! Ныне мы изучаем условия жизни даже в самых отдаленных кочевьях. Индия, Пакистан, Иран, Афганистан... Развивающиеся страны принимают наши проекты и рекомендации, не побоюсь сказать, с воодушевлением!

— Это понятно... Благороднейшее дело...

— Да, да, — сказал он как бы мимоходом, словно опять-таки не сомневался в моей реакции. — Ну, я не хочу говорить высоких слов, которыми некоторые так любят щеголять, — об интернациональном долге и так далее. Все это верно, но наше дело прежде всего — бизнес, доходный бизнес, иначе оно не могло бы не только процветать, но даже и существовать! К тому же мы обеспечиваем работой местных специалистов, да и заключить с нами контракт — достаточно престижно. — Он вроде как запнулся. — Ради бога, доктор, не подумайте только, что я вас, так сказать, агитирую, к вам это не относится, ваш престиж и так... — Он снова как бы приостановился, потом продолжил: — Главное, наш проект Б о л ь ш о й А м у в С е в е р н о м А ф г а н и с т а н е привлекает внимание всех патриотических сил! Мы это учитываем, это и в самом деле важнейшее для страны дело, и правительство заинтересовано в нем отнюдь не случайно.

Господи, думал я, да это же и впрямь дело не виданное в истории моей бедной страны! Мне представилась долгая цепь пустых дней, проведенных в здешней пустынной кофейне. Неужели возможно, что я найду себе применение? Себе, своим силам, своим знаниям? Это ведь такая удача, о которой два дня назад я и мечтать не посмел бы. Сама судьба послала мне этого стройного, загорелого человека с мягким

голосом и строгим, твердым умом. Не могу я сказать «нет», ни в коем случае.

— Ну что ж, сэр, — сказал я, — искренне благодарен вам за доверие. Оно возвращает мне бодрость и... и веру в себя.

— Я был уверен, что вы согласитесь, — ответил Байрсби со своей мягкой и в то же время победительно самоуверенной улыбкой.

Все решилось как бы само собой.

Так неожиданно для себя я и сделался на старости лет членом изыскательской группы. Мы встретились с Сайёдом и Надимом, они уже знали о моем решении, и мы отправились в ту самую невзрачную кофейню, где долго беседовали о будущем процветании нашей страны, об открывающихся перспективах. Они оба — о, в приватном порядке! — просветили меня насчет некоторых тонкостей контракта, который мне предстояло заключить, дали советы по поводу подготовки к экспедиции. Как раз это-то я, казалось бы, знал — ведь большую часть жизни провел в степях, пустынях, горных ущельях! — но кое-что действительно выветрилось из памяти; иные их советы оказались весьма кстати. Парни знали свое дело. Знали как профессионалы — должно быть, закалились во всяческих неизбежных передрыгах.

Первая наша экспедиция должна была пройти вдоль древнего русла реки, что поднималось от оазиса к горным ущельям. На приобретение лошадей, мулов, яков, наем носильщиков и проводников, закупки палаток, специальной одежды, провианта, корма для животных, инструментария ушло больше полутора месяцев. Оба моих спутника где-то в середине этого срока отправились по домам — побыть с семьями; мне прощаться было не с кем. Мой единственный сын, Аурангзоб, отправился в Кабул и поступил там в военный лицей. У нас с ним всегда сохранялись хорошие отношения. Если кто и мог его урезонить, так только я, но тут и я оказался бессилён. Зачем ему, в его возрасте, понадобилась солдатчина? Бог весть. Он рос без должного присмотра, с детства был необузданным в помыслах и поступках, безжалостным, что, впрочем, нередко у детей. Меня пугало, как он мог хладнокровно расстреливать собак и кошек; для него же это было отчасти проявлением смелости, а отчасти, может быть, мстью за собственную заброшенность. Я был тогда в вечных разъездах, мать им не занималась, а потом ее и вовсе не стало рядом (недавно я узнал: она вышла замуж за какого-то муэдзина и уехала). Эта детская лихость до жестокости, эта страстная жажда верховодить среди сверстников — вероятно, были всего лишь осуществлением лозунга «стать настоящим мужчиной» — мужчиной, которому ничто не страшно и ничего не нужно. Отсюда, наверное, и решение идти в военный лицей. Я пробовал отговаривать, но видел, что аргументы мои разбиваются вдребезги о его упорство. Сам я ничего дать ему не мог — ни денег, ни даже моральной поддержки. Пусть едет, сказал я себе; может, хоть так выйдет в люди.

...Мы, наконец, отправились на рассвете. В этих местах испытываешь ощущение вечной, неотцветающей весны; и впрямь — тут всегда что-нибудь да цветет, из кустов то и дело — фьюить-фьюить! — вылетают стайки птиц, гудят, как фабрики, пчелы в зарослях дикого абрикоса. Там и сям на зеленеющих вперемешку с желтизной выпасах раздается конское ржанье, двигаются табуны, а без устали скачущие и брыкающиеся жеребята-сосунки разом останавливаются, услышав голоса кобылиц, вглядываются, раздувая ноздри, упиваясь сырým, сказочно дивным воздухом долин... И снова скачут. На polegшие от ветра прошлогодние камыши с гоготаньем опускаются дикие гуси. Я давно соскучился по этим дорогим сердцу предгорьям, по осторожно петляющим и прячущимся тропам. По звукам, цвету, следам на песке, на камнях или траве я легко читаю потаенную жизнь природы, узнаю в лицо травы, кусты, деревья, птиц, мелких животных, попадающихся на глаза. И невольно улыбаюсь.

У доктора, вижу, отличное настроение!

— А? — спрашивает, не наклоняясь в седле, Сайёд Нихон — длинный, прямой, как трость, с почти достающими до земли ногами.

— Да, — говорю я, оборачиваясь к нему и продолжая улыбаться, — истинно так. Да сопутствует нам удача и дальше! — И губы Сайёда тоже трогает подобие улыбки. Дыханье весны скрасило даже его некрасивость.

— Удача наша в первую очередь зависит от вас, доктор! — говорит шеф; он едет немного сбоку, слившись с лошадьёю, словно какой-нибудь знаменитый ковбой. — После перевала оставим караван в лагере и пойдем по древним тропам одни. А вы будете проводником.

— Слушаю, сэр!

«Сэр» говорю ему только я, при остальных по-английски мы не разговариваем: неудобно. Другие называют его за глаза «боссом», а к нему обращаются «господин Лал» и говорят каждый на своем языке. Надим Сарбаланд, расчетливо оседлавший мула, объясняется с ним на исазайском диалекте. Наш всезнающий главный геолог

понимает и его. Право, он достоин восхищения и все им восхищаются, даже носильщики. Он на породистом тонконогом коне, который не отягощен никакой ношей, кроме самого седока, а в руках господина Лала только ружье, да его верный рыжий сеттер Раджа трусит позади, поднимая ножку едва ли не на каждый торчащий камень. Вся деликатная поклажа, все, что нельзя было доверить мулам и носильщикам — инструменты в чехлах и ящиках, — приторочено к нашим седлам, и больше всего груза у коротышки Сарбаланда. А шеф едет налегке и смотрится прекрасно: его сухошавая статная фигура, блистательная посадка в седле, легкая, отлично пригнанная одежда — «сафари», естественность и неутомимость движений, простота обращения, одинаковая со всеми, не исключая самого младшего носильщика. Разумеется, слово его — закон, и подчиняются ему с искренней охотой. А что до Надима и Сайёда, они готовы для него на все, и эта преданность нравится мне. Одно странно: такой культурный, образованный, сравнительно молодой еще человек — и явно равнодушен к природе. Слово не замечает всех чудес ранней весны, не трогают его ни благоуханные свежие долины, ни склоны, сплошь покрытые алыми маками, точно накинущие на себя банорас¹, — так и ахаешь, когда они открываются за поворотом! Слово не существуют эти маленькие вихри из белых цветов шиповника, сорвавшиеся с остроконечных скал, голубая синица, пьющая воду из горного ручья. Может, это у меня поверхностное впечатление? Или он так занят своими мыслями, что не видит ничего вокруг?

На третий день к вечеру мы одолели перевал. Взмыленные лошади и мулы остановились, и шеф приказал чуть впереди, на склоне горы, в благоуханном ельнике, ставить палатки первого лагеря. Высоко над нами, словно зацепившись за утесы, висел маленький кишлячок; над ним чернела роща, стояла легкое облако тумана. Сверху — может, из той рощи — доносилось уханье сыча, как бы понукая медлившую ночь; и в самом деле, зарево на западе стало меркнуть. Лагерь впал в оцепенение. Впрочем, я уверен, волшебство ночи мало кому давало уснуть, разве что «Санчо Пансо», как прозвали мы с шефом плотненького нашего гидрогеолога на муле: он уже храпел, положив голову на седло.

Мы с шефом лежали рядом. Я заговорил об огнях, мерцающих вдали, у подножий низких гор, о доисторических ореховых пнях, которые превратились в камень и тлеют подобно углю, когда в них повышается содержание железного оксида. Искоса глянул на шефа — не спит ли? — но нет, он слушал, и, казалось, с интересом. Что в Средней Азии, продолжал я, жизнь зародилась в горных ущельях — это очевидно. Огнепоклонничество согдийских и чоганийских племен, зороастризм — родом отсюда, и огонь для храмов добывался в этих огнедышащих горах. И вместе с тем, древние природные очаги были источниками жизнедеятельности: люди умели добывать из горящих камней и серу, и нашатырь, и другие вещества, необходимые для выделки шкур. Сколько они горят уже, первобытные костры природы, огни Согдианы? Шеф пошевелился. «И сколько же?» — спросил он. «Добрых три миллиона лет», — сказал я. Да-а... Во мне самом словно огонь разгорался. Сейчас глядишь на эти сгустки пламени с суеверным чувством: а чем они должны были казаться три, четыре тысячи лет назад? Какими чудищами, какими дэвами с огненной пастью?

— Недаром, — сказал я тихо, — эти места так богаты легендами. Именно в тех вон горах есть озеро Рашкуль. Прозрачное, как небо! А зыбь у берегов — зеленее весенней травы. Говорят, на берегу этого озера пасся огненнокрылый конь Рустама Рахш, упоминаемый в «Шахнамэ». Случалось, что охотники, забиравшиеся туда, в прибрежный ельник, бежали прочь, побросав ружья. Что они там видели? Сыновья богачей и сейчас еще нет-нет да и нагрянут туда в поисках куропадок.

Я снова покосился на шефа: что-то он об этом думает? Шеф спал, неслышно дыша, а бодрствующий неподалеку Сайёд сделал мне знак рукой: тише, мол, спит.

Я на себя разозлился: трепач чертов, проклятый старый восторженный болтун! Кто тебя за язык-то тянул? Кому дело до твоих соображений, пристрастий, фантазий? Люди не за тем сюда приехали, и тебе деньги не за то платят; и устали все донельзя. Неужто до смерти так и не поумнеешь?

Впервые за все последнее время нервы у меня расходились, я понял, что не засну, полез в рюкзак, вытащил взятые с собой старые записи, стал их проглядывать при свете фонарика; потом достал карту и принялся наносить по давним своим чертежам древние пути миграции горных племен, тропы кочевников-скотоводов, высохшие русла рек; за этим занятием я и провел большую часть ночи — пока фонарик не сел. Задремал я ненадолго перед самым рассветом.

На другой день, отпустив почти всех нанятых рабочих и оставив на базе только охранников, мы пешком отправились в дальнейший путь: топограф, почвовед, гид-

¹ Банорас — цветастая шелковая ткань.

рогеолог, шеф со своим любимым Раджой и два носильщика с яком. Теперь группу возглавлял я.

Древние тропы завалены камнями, смывы оползнями и селями, заросли кустарником, расщелены оврагами. Идти очень трудно, и поначалу поиск кажется безнадежным и бессмысленным. Но уже два дня спустя, когда мы прошли одну из троп и точно нанесли ее на карту, миссия наша вполне обрела для меня смысл, я почувствовал удовлетворение и от работы, и от своего положения в группе. Показанные мной старинные ветви миграции близки на всем протяжении к источникам жизни — водным путям. Вода же прокладывает себе путь вниз, выбирая твердые пласты, — это новость для всех специалистов нашей группы! И факты сами шли к нам в руки, за считанные дни их набиралось столько, сколько не набрать и за месяцы слепого лазанья по горам. На привалах шеф собирает всю информацию у себя, что-то, должно быть, классифицирует, обдумывает, а потом принимается играть с рыжим Раджой; Сайёд и Надим наблюдают за этой игрой с явным удовлетворением, ибо, судя по его поведению, шеф результатами доволен — значит, и для них все прекрасно.

Собранные геологические образцы были тяжелы, як и носильщики несколько поотстали, и мы, чтобы отдышаться, остановились на зеленой поляне. Сняли рюкзаки, кто-то принялся перематывать портянки, затягивать шнурки ботинок. Трава была по колено, а сидящим — и по грудь; тянуло легким ароматным ветерком, напоенным цветами и травами; мелкие птахи щебетали, посвистывали, вспархивали. Когда мы, так и не дождавшись носильщиков, снова тронулись было в путь, из-под буйно разросшегося куста гармалы, громко хлопая крыльями, вылетела худенькая фазанья курочка. Лохматый Раджа с лаем бросился к ней, а мы остановились как вкопанные. К нашему удивлению, курочка, вместо того чтоб лететь прочь, вдруг села на землю, и Раджа прямо-таки взмыл в неистовом охотничьем азарте, увидев добычу такой близкой и доступной. Но фазаниха вспорхнула у него из-под самого носа, пролетела немного — и снова села. Сайёд и Надим закричали наперебой:

— Она ранена!

— Крыло сломано!

Господином Лалом тоже овладела ярая страсть охотника, он во весь голос науськивал Раджу, но фазанья курочка не давалась, успевая взлетать в последний миг и понемногу удаляясь от пышного куста гармалы. Можно было подумать, что крыло у нее повреждено, но я уже понял, в чем дело: старая уловка, где-то здесь находилось ее гнездо с птенцами, может, под той самой гармалой, и она отводила от него собаку. Какая сила материнского инстинкта!

— Удивительное создание, удивительное! — сказал я с искренним восторгом.

— А?.. Что?.. Вы о чем? — Господин Лал не мог оторваться от захватывающего зрелища, хотя Раджа и фазаниха были уже довольно далеко.

— Я о фазанихе! Думаете, у нее и вправду крыло сломано? Ничего подобного! От гнезда отводит! У нее гнездо здесь!

Ах, проклятый мой язык! До сих пор клянусь себя за эту невольную подлость, до сих пор!

Господин Лал обернулся, внимательно на меня посмотрел.

— А-ах, так... — сказал он и повернулся к злополучному кусту, но я успел увидеть стремительную перемену в его лице; охотничий азарт разом потух, словно перед ним прямо на сцене обнажилась примитивная суть поразительного с виду фокуса; зато ясно обозначилась в глазах мстительная жажда освистать незадачливого артиста. Я сразу понял, что будет дальше, но не посмел себе поверить.

— Господин Лал... — сказал я вдруг охрипшим голосом. Он меня не услышал: стал отзывать собаку. Доведенного до истерики Раджу едва отозвали. И тогда господин Лал двинулся к гармале. Под кустом в самом деле оказалось гнездо фазанихи: четыре неуклюжих пушистых птенца, увидев тень, вытянули полуголые шеи, разинули голодные желтые клювы и запищали. Рональд Байрсби засмеялся. «Не тронет!» сказал я себе с лихорадочной надеждой. Байрсби наклонился, поймал одного из птенцов за красномясое крыло, поднял вверх — и кинул собаке. Раджа сидел в двух шагах, запыхавшийся, с высунутым языком. Сперва он словно нехотя понюхал немощное существо, затем перевернул лапой, прижал — и только потом вцепился зубами. Из комочка красного мяса капнула капля крови — и все. Раджа проглотил птенца, не жуя, и устоялся на хозяина, а Байрсби стоял над ним, осклабясь, держа в вытянутой руке второго фазаненка.

— Сэр! — закричал я.

Байрсби засмеялся.

— Ну, Раджа, если она хитра, то ведь мы все равно хитрее, а, пес? — и он кинул второго птенца. Я уже было бросился к нему, но услышал разноголосый смех за спиной. Смеялись не надо мной, нет. «Господин, он наслаждался!» — вскричал сквозь смех Надим своим густым голосом. А Сайёд вторил ему, хихикая тоненько: «Насла-

дился он, господин!» Во мне что-то разом ослабло, надломилось. Не буду описывать эту ужасную сцену до конца, все и дальше пошло тем же порядком. Чтобы не слышать легкого хруста косточек, я отошел в сторону, отвернулся. Меня тошнило. К счастью, мои коллеги были так увлечены зрелищем, что не обращали на меня внимания. Не то наверняка до конца экспедиции дразнили бы меня «бабой», а деться от них ведь было бы некуда.

С того дня протянувшиеся между нами нити оборвались, я почувствовал себя чужим в группе; обаятельные манеры сэра Байрсби напоминали мне об ужасной сцене, о моей невольной вине, грубоватые любезности Нихона и Сарбаланда приводили на память их отвратительный смех — хотя понемногу острота, конечно, стерлась. Мы ведь исходили еще несчетные километры по узким тропам, по каменным склонам, где не росла даже трава, по краю лавиноопасных, «живых» пластов, много работали, спорили, размышляли. Ну и усталость свое брала. Пару раз господин Лал с фазанятами снился мне, потом перестал.

Я продолжал вести группу. Во время привалов и ночевок мы общались по-прежнему деловито и спокойно, никакой неприязни. Впрочем, я забываю: неприязнь была только во мне, они о ней, возможно, и не подозревали! Порой я говорил себе: ведь не все же фазаны на земле исчезли, да и стреляют их каждый год сотнями тысяч, и сколько-нибудь лисы уничтожают, и что тебе, больше всех надо, что ты за тип такой? Но сердцу не прикажешь.

Двигаясь очередным маршрутом, мы дошли до пещеры Чакра. Правда, она была несколько в стороне, но все изъявили желание ее посмотреть. Я-то видел ее еще в молодости и всегда вспоминал потом как прекрасный сон. Чудо Чакры еще не учтено государством, не обследовано, даже не замечено наукой, тем больший резон и мне увидеть ее еще раз. Остальные ее вообще никогда не видели, а она стоит любой усталости. Яма у входа в пещеру заросла кизильником, сам вход увила поднимавшаяся из расщелин рыжеватая лоза дикого винограда. Едва мы ступили вовнутрь — из холодного, кромешно темного чрева огромными стаями, как черный ветер, полетели над нами летучие мыши. Мы зажгли свои карбидные фонари, подняли их... и навстречу нам вспыхнул, засиял, засверкал тысячами отблесков огромный, невысказанно прекрасный, сказочно белый дворец. Мы шли вперед, и перед нами выстраивались в ряд диковинных форм колонны, казалось, высеченные из белого мрамора; стреловидные прозрачные обелиски, словно вырастающие из земли, а сверху, с потолка, к ним тянулись другие такие же или похожие, только перевернутые острием вниз; лучи фонарей высвечивали наверху каменные выступы с тысячами дивных мелких деталей; букеты причудливых каменных цветов, словно незажженные люстры, свисали со стен, на полу стояли тысячи удивительных сосудов. И среди всего этого в мечущемся фонарном свете мелькали черные тени чудищ, демонов, невозможных уродов.

Ошеломленные, мы не заметили, сколько уже прошли. Я помнил, что пещера уходит в гору прямо и примерно через километр становится шире; пройдя еще немного, она слегка поворачивала. Должно быть, именно в этом месте шеф и оторвал взгляд от компаса:

— Сколько еще идти этой преисподней, доктор?

— Общая длина по прямой, насколько я помню, километра три с половиной. Но в этом месте сходятся несколько ответвлений, они известны не все, сэр, ведь нога спелеолога еще не ступала в Чакру.

— Ответвления? Ответвления меня не интересуют. Три с половиной километра, говорите? Хм...

Тут я сообразил, что он вообще не видел Чакры — смотрел только на компас. Господи, что за человек! А он, между тем, остановился и поглядывал то в черное, не пробиваемое нашими фонарями жерло пещеры впереди, то снова на свой компас — явно что-то прикидывал. Сайёд и Надим тоже потеряли интерес к чудесам подземного дворца — теперь они смотрели только на шефа, сильно обеспокоенные.

— Что-то не в порядке, господин Махдий? — спросил, наконец, коротышка.

— Нет! Нет, напротив. Вот что, Надим: надо определить угол уклона. Направление я знаю. Расстояние — тут мы поверим доктору. Так... Значит, только уклон. Сможете?

— Будет сделано, господин Махдий!

— Прекрасно. А вы, Сайёд, возьмете несколько разных образцов пород...

Я заволновался:

— Сэр, тут ничего нельзя трогать!

— Пустяки, доктор! Ничего нет в мире такого, что нельзя было бы тронуть, если потребуется.

— Но, сэр, это ведь бесценный памятник природы, когда-нибудь он станет Меккой путешественников!

— Вот когда-нибудь и нельзя будет трогать. А пока... Что вы, доктор, ей-богу, —

посмотрите, сколько здесь всего, что изменят полдюжины отбитых кусочков? А вы что стоите, Сайёд? Приступайте!

Мне кажется, у Сайёда тоже не сразу поднялась рука на такое кощунство. Но шеф прикрикнул, и минуту спустя в гулком пространстве раздался удары геологического молотка.

Когда час спустя мы выбрались из пещеры на свет — в промокших насквозь комбинезонах, засыпанные известковой пылью, покрытые брызгами красноватой грязи, — у всех на лицах, кроме господина Махдия, было написано уныние. Впрочем, что до моего настроения — «уныние» тут было явно неподходящим словом. Подавленность... отвращение... отчаянье! Слово я решился впервые показать тайную святую моей жизни, а зрители, вместо ожидаемых восторгов, забросали ее грязью! Ах, но я ведь еще ничего не понимал. Не знал, что нас ожидает.

Мы вернулись на свой маршрут, но дальше не двинулись. Ни завтра, ни послезавтра. Господин Махдий снова отправил своих специалистов в пещеру — уточнить все ее параметры, направление, состав горных пород. Они возились два дня — уже без меня, и только на третий мы перевалили гору, ту самую, в которую уходила пещера. Перевалили — и вышли в долину Аму!

Открывшийся ландшафт несколько улучшил мое настроение. В этом месте течение Аму, все еще стремительное, словно распластывается по долине; ее мутные воды, раздвинув берега, вбирают в себя прозрачные горные потоки, но смешиваются с ними не сразу: сая с гор врезаются в желтую реку чистыми голубыми или светло-зелеными клиньями, и вся она похожа здесь на размотанный рулон пестрой ткани. А темная зелень елей и арчи покрывает склоны, местами на сочном зеленом бархате лугов вспыхивают алые пятна тюльпанов, пестреют многоцветные рассыпанные точки пасущегося скота. Какая отрада глазу! Привал мы устроили на пологом склоне и сидели молча, наслаждаясь отдыхом, панорамой долины, прохладным током воздуха, что омывал усталые наши тела. Заговорил господин Махдий:

— Ну что, господа, дошло до вас, какие мы везунчики? — Он оглядел всех чуть прищуренными улыбающимися глазами. — Похоже, что нет. Я поздравляю вас с первым большим успехом, господа! Не зря мы трудились, не зря мучались: наши материалы — сокровище для проектировщиков!

Что греха таить, приятно было это услышать. Мы все на него уставились.

— Главная наша задача выполнена, — продолжал шеф. — Проект, я теперь уверен, обойдется намного дешевле, чем предполагалось. И прежде всего потому, что мы предложим использовать пещеру Чахра в качестве естественного тоннеля для трассы.

— Сэр, это невозможно! — вскрикнул я, вскочив на ноги.

— Это возможно, — сказал шеф, даже не пошевелившись и не глянув на меня. — Это более чем возможно, это выгодно. Это приблизительно три с половиной километра готового тоннеля, проложенного в твердых породах, и его дарит нам сам господь бог! Вы что-то еще хотели сказать, доктор Сухайль?

— Сэр, я категорически против этого и буду сопротивляться, пока хватит сил!

Сайёд и Надим застыли в испуге, но выражение лица господина Махдия не изменилось.

— Та-ак? — сказал он не то вопросительно, не то выжидательно.

— Я против этой рекомендации и как специалист, и как гражданин! Гражданин этой страны!

— Но мы тоже специалисты... и тоже граждане... — Говоря «мы», он посмотрел на Нихона и Сарбаланду, и те испуганно кивнули. Мне было все равно, на них я и не рассчитывал.

— Сэр, Чахра — это уникальное природное чудо мирового значения! Это гордость нашей земли!

— Кто это сказал? И где это написано?

— Да, спелеологи еще до нее не добрались. И у государства пока не хватало средств, чтобы сделать ее доступной туристам, объявить культурным достоянием! Эти красоты...

— Эти вечные оды... — сказал господин Лал, иронически улыбаясь и разводя руками. — О, Восток, Восток! Каждый второй тут — поэт. Но, доктор Сухайль, — тон его сделался назидательным, — если все здесь по-прежнему будут заниматься такой лирикой, у вашего государства никогда и не появится средств... ни для чего.

— Национальная гордость не продается за деньги, сэр!

В лице его впервые мелькнуло раздражение.

— Вашу национальную гордость никто и не собираются покупать. Мы заняты проектом Большой Аму, как вы знаете. Вот это — ваша национальная гордость!

— Вы просто не хотите меня понять! Только подумайте, много ли в мире таких чудес? Это же дикость — пустить туда воду и смыть веками, капля к капле, создававшуюся красоту!

— Да не волнуйтесь вы так, доктор! Садитесь-ка лучше.

— Нет, — сказал я и не сел, а повернулся к Сайёду и Надиму. — Ну, а вы-то... вы, что ж, толченых сухарей в рот набрали? Черт возьми, вы же видели Чакру, у вас же самих челюсти отвисли от удивления! Что ж вы молчите? Афганцы вы или нет?

Но они только испуганно тарачились то на меня, то на шефа и продолжали молчать. Я почувствовал себя очень усталым. И шеф, видно, это понял.

— Послушайте, доктор... — начал он примирительным тоном.

— Нет, сэр... нечего мне слушать. И хочу вас предупредить: мнение свое я везде выскажу, везде! Если ваш проект станут серьезно обсуждать, я буду протестовать публично, выступать, писать. Обращусь к общественному мнению, ко всему народу!

— Ко всему народу... — Он хмыкнул.

Это меня окончательно взорвало.

— Да! — закричал я. — Ко всему народу! Вы тут пришелец, и не имеете никаких прав попирать наши национальные чувства!

Этого говорить не следовало. Зря я не сдержался.

Господин Лал Махдий, он же Рональд Байрсби, поднялся на ноги, окинул меня презрительным взглядом, тонкие ноздри его раздулись.

— Отныне, господин Сухайль, — сказал он, чеканя слова, — мы будем с вами говорить исключительно на служебные темы. Пока не истечет срок вашего контракта.

Хотя основной маршрут наш был завершен, дел у изыскательской группы еще хватало, продолжалась трудоемкая работа по разметке зон водозабора. Прибыли носильщики с яками и поставили свои палатки на берегу Аму. Теперь экспедиция собралась в полном составе, и главный геолог то и дело рассылал специалистов с помощниками из числа носильщиков в одно-двухдневные походы — делать топографические съемки, уточнять геологическую карту. Они возвращались усталые, с тяжелым грузом. Один я, в сущности, отстранен от дел. По правде говоря, моя миссия действительно исчерпана, но меня, конечно, можно было использовать и на других заданиях, я был бы только рад. Мне, однако, ничего не поручают, и я беспечно слоняюсь по лагерю и его окрестностям. Впрочем, не я один. Господин Лал Махдий тоже теперь не утруждает себя работой: отдает приказы, принимает материалы... Может, это результат теперешнего моего к нему отношения — но поражавшая меня поначалу его осведомленность во всем стала теперь казаться сомнительной: да, знает языки и диалекты, умеет рассортировать получаемые сведения и материалы — и только. Да геолог ли он вообще? Преувеличиваю, конечно, но уж очень он мне теперь противен. А Надим и Сайёд по-прежнему заглядывают в глаза и каждый раз, возвратясь с очередного маршрута, торопятся устроить небольшое празднество. Я в этом не участвую, лежу обычно в палатке, делая вид, что давно сплю, и слушаю, как разглагольствует шеф, а они ему поддакивают или угодливо смеются.

Так было и на этот раз. Стояла прозрачная ночь, долина Аму внизу наполнилась лунным светом и, подобно невестушке, только что ставшей матерью, покоилась в объятиях белого безмолвия. Зато тени и все, что оставалось в тени, казалось синим. Сверху видно было, как блестят воды Аму, и на правом берегу, в другой части оазиса, переливались электрическим сиянием многочисленные отдаленные поселки. Что там светилось? Может быть, заводы, фабрики, электростанции?

Метраж в тридцати от меня шло очередное празднество у костра: они, конечно, полагали, что «старик» давно спит, и чувствовали себя вполне свободно, но я и не прислушивался к ним: о чем интересном могут они говорить? К этому чудесному пейзажу они, разумеется, равнодушны. И вдруг по долетевшим до меня более громким фразам понял: и они говорят о ночной красоте долины. Или показалось? Я прислушался: говорил шеф.

— Вам, дорогие мои невежды, и невдомек, наверное, что Сумбуль Садриева намерена ровно половину амударьинских вод повернуть в Каршинскую степь? Да, представьте себе! Есть у них такой академик, не женщина, а сущая ведьма, и недавно она говорила об этом на Лоя Джирге Советов. Между прочим, это она угомонила каракумские смерчи, она провела воду в Бухару и Ашхабад, а теперь, как проклятый див, хлебает прямо из Аму. Ишь, как освещен правый берег! А? А на левом — только четыре тусклых пятнышка.

— Одно — Ак-Мечеть, другое — Кзыл-Кала... — объяснил Сайёд.

— И ничего подобного! Там Тунгузгузер или Хайратон! — это голос пьяного Нади́ма.

Короткую паузу заполняет треск веток в костре, потом глос Лала Махдия произносит задумчиво:

— Прискорбно... да... весьма прискорбно для здешних дехкан глядеть на тот берег.

— Как? Что вы сказали?! — Этот удивленный возглас принадлежит Сайёду.

— То, что слышали!

Поникший голос Сайёда бормочет что-то не очень разборчивое — о друзьях, о дружбе.

Лал Махдий смеется пьяным смехом.

— Вот-вот, друзья! Мой покойный отец говаривал: учишься обдѣлывать свои дела без друзей, ибо в каждом твоём друге таится твой враг!

Я слышу их голоса, а жесты и движения могу только воображать, но готов поклясться: при этих словах шеф кивнул в мою сторону. Его сотрапезники захохотали. Меня разобрало болезненное любопытство, я отбросил в сторону одеяло и стал прислушиваться.

Они, должно быть, разливали вино или еду накладывали — пауза была длинная. Потом шеф сказал:

— Вы, невежды, не задумываетесь, откуда Аму берет свои воды, а? Ведь нет же? А между прочим — из вашей любимой, вашей родной земли, да-а. И почему эта вода должна доставаться чужим? Почему? Можете мне объяснить, вы, спе-ци-а-листы? Жалкий вы народ, вот почему! Н-ну, ничего. Мы ухватим эту Аму за поводья и повернем куда надо!

— Слава нашему ш-шефу!

— С-слава...

Было слышно, как они изо всей силы чокнулись алюминиевыми кружками. Потом шеф снова заговорил:

— Я лишу воды эти хваленые южные вилояты! А-лишу! Это вонючее болото... которое называется Аралом... высохнет — и станет соляной пустыней! У них там... будут гулять смерчи из соленой пыли! М-м, ребята, у меня есть личные счета с той ведьмой. И я... я забочусь о вашей стране. Я...

Тут он увидел, что я стою над ним, яростный, едва владея собой. Он отпрянул, как от привидения, и пробормотал растерянно:

— Вы... вы не спите, доктор Сухайль?

— Я понял, — сказал я сквозь зубы, — что вы не имеете никакого отношения к науке. Кто вы? Отвечайте, кто вы?!

Он удивительно быстро взял себя в руки, хотя набрался более чем достаточно. Глядя не на меня, а на сотрапезников, он сказал медленно:

— Самое интересное ведь что? Мы — пили, а он — пьян. Хе-хе.

Они захохотали, как шакалы, со взвизгиванием. Может, им и вправду показалось очень смешно спать, а может — испугались моего неожиданного появления, и в смехе этом обрел разрядку их испуг. Но это было уже неважно. Я опять, как всегда, сваял дурака! Опять выдал себя, выложил то, о чем надо было помолчать до поры. Изобличать его? В чем? В пьяном бреде? И перед кем? Перед этими шакалами? Он выставил меня в смешном свете, но ведь я и в самом деле смешон! Я побрел обратно к палатке, и вслед мне летел хохот обоих подпевал. Шеф не смеялся. Нет, ему не до смеха — он ведь тоже дурака сваял. И я понял: теперь он будет стараться любым способом меня дискредитировать. Или вообще уничтожить. А чего мне бояться! Что мне терять — мою жалкую жизнь? Мне уже ничего не страшно.

В последующие дни, несмотря на явную мою нелюдимость, шеф вел себя спокойно, даже исподволь пытался восстановить наши отношения, словно ничего и не произошло. Никто на меня не косился, никто вроде бы за мной не следил. Но я признавал: все это до поры до времени. Что-то необходимо предпринять — но что? Я терялся в догадках.

И вдруг ночью, лежа в палатке без сна, я понял: надо уйти из лагеря как можно скорей и незаметнее, спуститься вниз, опередив экспедицию, и разгласить их планы! Разгласить раньше, чем они втихомолку добьются их одобрения. Это единственная возможность!

И на следующую ночь, когда лагерь уснул, я стал собираться в путь и вышел на тропу перед рассветом, в самую темную, самую сонную пору. Вниз, говорил я себе, скорее!

Видно, что путник устал. Он идет медленнее, чем раньше, и первый луч рассвета застает его на каменистой, узкой, как змеиный след, тропинке, что ведет вверх, к перевалу, к последней высоте, которую предстоит одолеть. Оттуда, с перевала, путник увидит уже зеленеющие выпасы и стойбища кочевников, недалеко будет до места, где люди окажут помощь. Хорошо, что уже рассвет: он устал от ночи. Сейчас тропка еще раз свернет, а потом ровно потянется на перевал.

Но что это? Какой-то далекий звук привлек его внимание. Камешек где-то сорвался, что ли? Он прижался к стене, колени у него дрожали. Звук уже был явственно слышен, множился, нарастал. Камнепад! Странное совпадение! Сейчас,

когда он у самого трудного поворота! Надо скорей миновать его! За ним каменный навес — скорей! Кто раньше — он или камни? А страшный грохот уже здесь, уже мимо летят глыбы, огромные, безжалостные. И страшная, мгновенная, немислимая боль обрушивается на этот серый рассвет.

Когда камнепад, разбудивший горы и долину, иссякнет, тишина воцаряется такая страшная, что леденит сердце самого бывалого горца. На этот раз она воцаряется надолго, и лишь потом, когда рассеивается пыль, снова становятся слышны птичьи трели, а с засохшего дерева на краю пропасти одиноко ухает сыч.

Зубчатые деревянные ворота Чилстунского дворца открыты с утра; в них въезжают старый «форд» и новый «фиат», многочисленны фаэтоны с бахромчатыми висюльками; все они останавливаются у двухэтажного, своеобразной архитектуры, здания министерства национальной экономики. У дверного порога со ступенями прибывших специалистов и бизнесменов встречает огромного роста сарбаз; на нем высоченная каракулевая шапка, пол-лица занимают саблевидные усы. Подол своего чекменя с красным подбоем он заткнул за серебряный пояс и, почтительно сложив руки на груди, показывает дорогу вовнутрь.

Одними из последних прибыли Сабир Тухбаев и Гуломали Коргар. Ночь они провели в седлах, одолевая горные перевалы; но, несмотря на усталость, легко спешились, привязали лошадей, дружно стряхнули пыль с одежды и сапог, поздоровались со знакомым сарбазом — и присоединились к собравшимся.

В небольшом зале, устланном красным ковром, стоял приглушенный гул разговоров; тут был министр финансов, представитель министерства общественных работ, авторы проектов Большой Аму, авторитетные специалисты, деятели компании «Джеймс Моррисон»; люди здоровались, знакомились или уже вели разговоры, некоторые еще только занимали места в мягких креслах вокруг старинного продолговатого стола с резными ореховыми ножками. Разговоры, впрочем, разом стихли, едва из зеленой двери в задней стене появился министр национальной экономики. Все к нему повернулись выжидающе, пожилой человек с интеллигентным светлым лицом и несколько раздавшимся станом каким-то заученным движением тронул бархатную феску на голове — и сказал неожиданно простым, мягким голосом:

— Господа, я рад, что все приглашенные собрались! По поручению его превосходительства господина Раиса Жумхур мы начинаем первое обсуждение проекта Большой Аму. Мы долго ждали этого дня, господа! Вы знаете, что технико-экономическое обоснование проекта потребовало почти двух лет. Но мы результатом довольны: как бы там ни было, а проект уже у нас в руках, даже более того — он стал знаменит! Я думаю, вы читали в «Кабул таймс», «Иктисод», «Анис», о нем говорят повсюду в народе, общество проявляет чрезвычайный интерес. Теперь ясно — недаром мы назвали его «Проектом Большой Аму», ведь это сооружение обещает стать предметом нашей национальной гордости, поднять авторитет нашей страны в мире! И господин Раис Жумхур поручил нам ускорить его осуществление.

Слово дали руководителю группы проектировщиков, молодому смуглому инженеру из Калькутты; он плохо, мучаясь, говорил на дари обо всех аспектах проектно-изыскательских работ, о порядке и сроках строительства, рассказывал нестерпимо долго, путал и схемы на столе, то и дело забывал какой-нибудь важный термин и по-английски обращался за помощью к высокому жилистому человеку, сидевшему рядом. В зале стал подниматься гомон, но, как ни странно, скорее не от нетерпения, а от восхищения вырисовывающейся величественностью проекта. Специалисты вставали с мест, склонялись над столом. Кто-то, как бы не веря ушам и глазам своим, вопросительно взглядывал на окружающих. У иных был просто радостно-растерянный, счастливо-изумленный вид. Доклад еще не был окончен, как посыпались вопросы.

— Могу ли я спросить? — сказал Гуломали Коргар, поднимаясь. Вид его — загорелый, морщинистый лоб, плохо выбритые щеки, пристальный ястребиный взгляд из-под густых бровей, а главное — серая пылезащитная косоворотка, перехваченная ремнем, да грубые сапоги — не слишком-то гармонировал с тем, как выглядели остальные.

— Пожалуйста, господин Коргар, — сказал министр. — Прошу прощения, господа, что не представил сразу: инженер Гуломали Коргар и рядом с ним советский специалист Сабир Тухтабаев из Дангарской изыскательской группы. Они только что с берега Аму, приехали из Чорвилойята, герои строек Сурхдувала и Дашти-Маргхо! Так прошу вас, господин Коргар, что вы хотели?

---

¹ Раис Жумхур — президент республики.

— Я... — Коргар запнулся, словно долго ворочал вопрос во рту и теперь повернул не той стороной. — Я... вот что... почему это называется «Большой проект»? В каком смысле?

Все смолкли, глянув друг на друга, стало слышно, как гудит кондиционер. Министр посмотрел на руководителя проектировщиков и пожал плечами, не то и сам задавшись этим вопросом, не то недоумевая, почему он задан. У инженера из Калькутты вид был беспомощный. Жилистый, стройный человек, сидевший рядом с ним, поднялся, оглядел всех и улыбнулся. В улыбке была откровенная снисходительность к наивности и неужности вопроса.

— Во-первых, господин Коргар, — сказал он, продолжая улыбаться, — не «Большой проект», а проект «Большой Аму»... Но не в этом суть, конечно. Почему так назван? А вы спросите у журналистов. Это скорее всего они придумали! И понятно, почему: выражая чувство национальной гордости и патриотизма!

Видно было, как Коргар напрягся.

— А я думаю... — сказал он, — выражая профессиональное невежество, вот что! — Он почувствовал, что перехватил в резкости слов и тона, и попытался смягчить. — Конечно, журналисты не профессионалы в нашем деле. Но мы-то, мы-то специалисты! Так в каком же смысле «Большой Аму»? Или «Большой проект»? Величина проекта измеряется пользой, которую он принесет. Вот наша, Дангарская, группа тоже ведет изыскательские работы, и тоже на предмет использования вод Аму! Мы прежде всего задаемся вопросом: что дадим народу?

— Превосходно! — сказал стройный мужчина, по-прежнему победительно улыбаясь. — Так ведь ответ известен: воду дадим, воду, коллега!

— Господин Махдий, — мягко сказал министр, — не прерывайте инженера, пожалуйста, пусть договорит.

Стройный сосед докладчика поклонился и сел — все с той же улыбкой.

— Конечно, известно — воду! — сказал Коргар. — Но, предположим, вода пришла — готовы ее принять? Патриархальные бедные хозяйства, да им лишний арык негде провести, и не нужна им лишняя вода, куда они ее дунут?

— Но, господин Коргар! — вступился докладчик на своем мучительном дари. — Ведь мы приведем... приведем жизнь на сухие земли северных вилояйтов. Будут пить воду... как это... бескрайние пастбища.

— И стоит тратить столько сил и средств, чтобы засолить и превратить в болота пустыни Девбада? Чтобы бесценная вода впиталась в пески Каракумов?

Коргар обратил эти слова к министру финансов. Тот молчал, слушал.

— Господа, о чем, собственно, спор? — Это сказал Лал Махдий, он снова поднялся или, верней, вознесся над своим стулом, в нем словно пружина сработала. — Какое засоление, какие болота? Ведь мы собираемся дать этому району всего лишь двести кубометров воды!

— Пра-авильно! — сказал Коргар. — Только для того, чтобы доставить сюда двести кубов, из реки надо взять шестьсот. Ведь ваш проект составлен так, что пока вода пройдет свои пятьсот километров пути, ее станет втрое меньше. Да, да, за счет фильтрации. Эт-то нам знакомо! А куда, спрашивается, уйдут остальные четыреста? В песок, куда же еще! Такое позволяет себе не замечать только тот, кто готов иссушить реку ради своих проектов.

— Желаящие иссушить реку... — Лал Махдий сделал кратчайшую паузу, от его улыбки на губах оставался лишь намек; и в голосе прозвучал металл, когда он закончил фразу: — Желаящие иссушить реку находятся на том берегу! — Он смотрел на Коргара, уже открыто бросая вызов ему и, конечно, его советскому спутнику; этот парень, в такой неуместной здесь походной одежде, с вызывающей тонкой щеточкой усов, прямо-таки сует наждак в механизмы, который он, Лал Махдий, так долго отлаживал.

— Это как же понимать? — сухо спросил Коргар.

— Так прямо и понимать, господин Коргар. Аму иссушает госпожа Сумбуль Садриева; это ведь она сказала об Аму — пусть-де течет под уклон, не так ли? И половину реки повернули в пустыню, где вода уже действительно уходит в пески. А теперь еще и Каршинские степи...

— Послушайте, господа, в самом деле... — зашевелился представитель министерства общественных работ. Это был толстый, лысый, потеющий человек с беспокойным и неуверенным взглядом. — Афганский дехканин не взял еще из Аму ни единого ведра воды. Граница проходит по самой середине реки. Значит, господин Коргар, мы имеем право на ее половину! Да афганец ли вы?! Будь вы афганцем хотя бы настолько, насколько господин Махдий... — И он затрясся от смеха всем своим толстым телом, довольный неожиданной шуткой. Но никто вокруг даже не улыбнулся, и толстяк, оглянувшись в поисках сочувствия, с виноватым видом погасил тряску.

— Я афганец, господа! — сказал Коргар. — Афганец, можете не сомневаться.

Но именно поэтому и спрашиваю: можем ли мы проявить неблагодарность по отношению к северному соседу, который по собственному почину изменил демаркационную линию? Ведь раньше, мы знаем, она проходила по левому берегу. И я не могу позволить клеветы в моем присутствии на всемирно известное имя академика Садриевой. Ее гидрогеологические карты повсюду считаются уникальной разработкой. Каждому известно, что она — самый авторитетный защитник Аму и всю жизнь посвятила Реке. Мне хорошо известны все проекты, которые она создала за тридцать лет. В основе их лежат не только гидротехнические, но и нравственные принципы, да! Мы имеем право только лишнюю воду забирать — лишнюю, ту, без которой река может существовать! Таково мудрое правило этой замечательной женщины. И я прошу не касаться ее неуважительным словом! И не надо... не знаю вашего имени, господин... не надо спекулировать на национальных чувствах! Как бы сильны они ни были, мы не хотим утверждать их за счет соседей.

Председательствующий давно уже поднялся и нетерпеливо стучал по столу.

— Господа! Господа... Братья! Не будем отдаляться от темы! Ваши слова — не к месту, инженер Коргар. Никто здесь и не посягает на интересы наших соседей, успокойтесь, господа! Ведь среди нас — и представитель наших советских друзей. Может быть, и он соблаговолит высказаться? — Министр, мягко улыбувшись, посмотрел на Тухтабаева.

Сабир Тухтабаев, невысокий, но крепко сбитый юноша в чувстской тюбетейке — на лице его замечались прежде всего густые, сросшиеся брови и мощный подбородок с двумя-тремя оспинками, — по-видимому, не ожидал предложения выступить и на мгновение замешкался, но потом встал, поправил выгоревший воротник и галстук и сказал хрипловато:

— Господин министр... уважаемые коллеги! — Он откашлялся и дальше говорил уже не спеша, уверенно, произношение у него было очень естественное, на таком дари говорят кашкадарьинские таджики. — Я не уполномочен высказываться здесь о том, кто сколько берет воды, кому сколько положено. Могу только напомнить, что наша Конституция предусматривает защиту природы и, конечно, рек, как ее важнейшей части, и просто не позволит нам иссушить Аму! К тому же у наших гидрогеологов и ирригаторов накоплен немалый опыт. В нашей республике, например, построены десятки искусственных водоемов, и некоторые вы, наверно, знаете — хотя бы Талимарджан, Пачкамар, Туямуюн на Аму. В них собирают и з л и ш к и, — он подчеркнул это голосом, — воды в период паводка. Потом в течение лета эта вода и питает долины. Вода, как бы добровольно отданная рекой!

Мы были бы рады поделиться нашим опытом с соседями, с другими государствами. Мой учитель академик Сумбуль Садриева и этим, в частности, занята, возможно, вам известен ее доклад, прочитанный в Париже на сессии ЮНЕСКО. Право, ее недаром назвали покровительницей Аму. Несмотря на почтенный возраст, она не перестает заниматься всеми проблемами реки.

Лал Махдий нервно листал лежащие перед ним бумаги. Почувяв в речи Сабиринтонацию, как бы предшествующую паузе, он поспешил вклиниться:

— С точки зрения пропаганды все это прекрасно, господин ирригатор... Но мы здесь обсуждаем другое — конкретный проект доставки воды к засушливым землям Афганистана.

— Подождите, господин Лал, — сказал басом министр финансов, осторожно кладя на стол широкую, как лопата, ладонь. Это был длинношей, высокий, по-видимому, человек. Что-то в его внешности казалось неуклюжим, несоразмерным. С начала совещания до сих пор он не промолвил ни слова — сидел, слушая, уставясь на огромные кисти своих рук, сложенные на коленях; только по желвакам на его щеках можно было догадаться, что он вовсе не равнодушен к тому, что вокруг говорится. — Не следует высказываться столь категорично. Учти мы тот опыт, о котором говорит господин Тухтабаев, в сорок шестом году в Гильмендском оазисе наши дорогие миллионы не сгорели бы, как куча прошлогодних листьев!

— Какие миллионы? — тотчас вставил Лал Махдий тоном искреннего недоумения.

Но министр не обратил внимания на его вопрос.

— О том, что те земли мертвы и в случае обводнения превратятся лишь в зеленые топи, еще в тридцатом году писал русский ученый Букинич. Но когда составлялся проект, этого во внимание не приняли. Позволю себе заметить, господин Махдий: тот проект тоже был составлен вашей компанией. Вы заключили договор с нашим правительством, на сооружение ушли все наши долларовые запасы в американских банках — чтобы осушить созданные в итоге болота, нам пришлось снова залезать в долги! Осуществление проекта стоило семнадцать миллионов... избавление от его печальных последствий — семьдесят! Если позволить разгуляться фантазии, можно подумать, что это была тщательно спланированная кем-то

экономическая ловушка. — Господин Махдий возмущенно вскочил, раскрыл было рот, но министр финансов не дал ему ворваться в паузу. — Ну, ну, я только фантазирую, господин Махдий, в этом мире многое фантастично! Но боюсь, сэр, наш нынешний проект может оказаться на деле ловушкой еще более ужасной.

Зал затих, даже замер. У господина Махдия, который так и не сел, был вид боксера, который неожиданно получил удар в солнечное сплетение и теперь, лихорадочно втягивая легкими воздух, пытается собрать силы для контратаки. Его опередил представитель министерства общественных работ:

— Господа... — сказал он, немилосердно вытирая платком влажную, блестящую лысину. — Господа... Ну что это за обсуждение, в самом деле? Стоит ли, забывая об уважении друг к другу, ворошить дела тридцатилетней давности?

Министр финансов чуть сощурился:

— Я понимаю, господин бывший министр, вас это задевает за живое. Ведь после проверки всей той истории как раз вашу канцелярию обвинило Народное собрание, не так ли? Это вы купили проекты компании «Джеймс Моррисон» с их непомерными расходами и нулевой полезностью. Да что там — нулевой! Болота, образовавшиеся тогда в Гильмендском оазисе, — это ведь и долговые болота тоже, словно рассчитанные на то, чтобы превратить нашу страну в вечного должника. Вечного! По правде говоря, мне кажется, сегодня вокруг господина премьер-министра снова собирается группа лиц, похожих на вас...

— Я протестую! — вскочив, громко сказал председательствующий.

— Господин министр, я не могу позволить здесь таких речей! — В тоне председательствующего смутно послышалась истерическая нотка. Оборот, который приняло дело, был явно неожиданным не только для господина Лала Махдия.

Вечер принес едва заметно прибавлявшуюся прохладу. Сабир Тухтабаев и Гуломали Коргар какое-то время отдыхали во дворе гостиницы, выпили чаю, сидя на сури¹ под туркаваком², пожевали свежих лепешек и отправились в путь в полной уже темноте. Часа в три пополудни, на дороге к Салангу, они сели в открытый, без верха, пестро изукрашенный автобус с надписью на боку «Басий миллий» — «Национальные автобусные линии». Первые лучи зари зажигали уже окна кварталов, взбирающихся на гору, зубцы кушанских стен на Осмоийской горе³ краснели, как медь. Кабул провожал их доносившимися отовсюду заунывными призывами на утреннюю молитву.

О вчерашнем они еще не перемолвились ни словом.

В прохладной рассветной тишине звук мотора бурибхай — так называют афганцы свои разукрашенные автобусы — разнесся особенно гулко, горные склоны возвращали эхо. Только одолев Саланг и ощутив на плечах первое тепло солнца, оба почувствовали себя свободными от сковывающих вчерашних воспоминаний, словно горький осадок обсуждения, оставшийся внутри, и тревожащая суматоха большого города осталась там, за горным перевалом.

Переночевали в Самангане, оседлали наутро свежих лошадей из караван-сарая. Лошади, словно почуяв привычное дыхание простора, поспешили вниз легкой рысью. Пообочь каменистых дорог солнце весело освещало лоскутные, клонящиеся к северу, мазанные глиной, поросшие маками плоские крыши крошечных кишлачков, бахчи, прилегающие к глинобитным дувалам, заросшие травой приусадебные участки, густозеленые луга, напоенные благодатной водой весенних потков-пятидневок.

Этот бедный пестроцветный край был для Гуломали родным, прекрасным, успокаивающим миром. Ему стало легко, но казалось, что его спутник, проронивший лишь несколько скупых слов, все еще думает о вчерашнем; надо заговорить с ним на другие, более приятные темы, повернуть его обращенный внутрь себя взгляд к окружающему мягкому и в то же время ласковому пейзажу.

— Сабирджан, почему вы не женаты до сих пор?

Сабир улыбнулся. Очень уж неожиданным был этот вопрос после их долгого молчания. Но удивительно: броня молчания как бы разом раскололась. Раскололась — и свалилась с него, как тяжелый панцирь! Он почувствовал себя легко и, опершись ногами о стремена, несколько раз приподнялся в седле. Гуломали вообще парень с распахнутым сердцем. Да, он ведь и раньше охотно заговаривал о семье, семейном очаге, детях, родственниках. Хотя самому ему трагически не повезло с семьей и детьми. Он больше не женился, после того как его молодая жена вместе с

¹ Сури — деревянное или глинобитное возвышение для отдыха и сна.

² Туркавак — веревочная клетка для перепелки, обычно с дном из тыквынки.

³ Осмоийская гора — гора близ Кабула.

ребенком умерла при родах. Как-то неделикатно вдаваться в причины того, почему сильный, здоровый, такой привлекательный юноша ходит в холостяках; Сабир знает, что это проблема не простая. Во-первых, судя по рассказам Гуломали, он все еще не забыл и, похоже, не скоро забудет свою удивительную первую любовь. Вторых: «понимаешь, в наших краях жениться не такое уж ерундовое дело...» Правда — Сабир знает это по себе. «И я ведь кто? Всего-навсего небогатый геолог, скитающийся по горам и пустыням». Так говорит Гуломали, сам же явно скучает по прелестям домашней жизни, недаром то и дело заговаривает о ней.

— Сказать по правде, Гуломали, есть у меня любимая девушка.

— Да-а?! — Гуломали оживает. — И... красивая?

— Прелесть девушка... только... отношения у нас непростые.

— Ну, отношения! Отношения можно наладить. Ты... ты расскажи о ней.

— Ну как расскажешь! Хорошая... красивая... очень... Мы вместе учились.

Она тоже геолог. Одна из любимых учениц Сумбуль-ая.

— Э, не тяни, скажи откровенно, в чем там дело!

— Да ни в чем. Любит ее еще один парень.

— Ну и что? Тыфу ты, господи! И пусть себе любит — его дело! А ты не отступай! Главное — сама девушка, она-то — на чьей стороне?

— Манзура-то — на моей, — сказал Сабир, и сердце у него сладко екнуло оттого, что он вслух произнес ее имя. Он каким-то детским движением коснулся и погладил кожаную кисточку на выступе седла.

— Эге-е! В чем же загвоздка? Да ты выше голову! В следующую поездку домой — женись и привози ее сюда! Манзура зовут?

— Манзура, — повторил Сабир. И опять у него сладостно дрогнуло внутри. Он помолчал мгновение и добавил — осторожно, как бы сам не желая в этом признаваться, вынуждаемый только честностью: — У этого... у Деряева есть свое преимущество...

— Деряева?

— Ну, это фамилия того, другого парня. Он гидрогеолог, занимается гипотезами, теориями, сидит на одном месте. А мы, ирригаторы, — что? Сам же говоришь — всю жизнь в пустынях, домой приезжаем только на побывку. Какой женщине по вкусу муж-бродяга? И сейчас вот — они в Карши, а мы с тобой — здесь.

Последние грустные слова неожиданно сильно подействовали на обоих каким-то общим затаенным смыслом: они замолчали. Мерный цокот копыт по каменистой дороге вдруг показался утомительным. А может, и вправду уже устали? Дорога все продолжала идти под уклон, ее уже сопровождали по сторонам знакомые оазисы, и засушливые низины, и белые курганы. Путники выбрали у деревни поляну, сплошь, как ковром, покрытую маками, распрягли лошадей, положили в изголовье седла и растянулись на траве.

— Слушайте, дружище... — сказал Гуломали раздумчиво; исчерпав до поры ту сугубо личную тему, он снова перешел на прежние, более церемонные интонации.

— Боюсь я, эти пройдохи все-таки всучат правительству свой проклятый проект! Надо нам ускорить работы, а?

— Надо, — сказал Сабир.

Тревога у них в душе, развеявшаяся было, когда они миновали первый перевал от столицы, теперь, напротив, по мере отдаления стала сгущаться, как грозовая туча. Должно быть оттого, что они больше не могли не только вмешаться, но даже и следить за развитием событий. А может быть, главное для них все-таки — делать свое дело? Конечно, это так, и все же...

— Они там многое наметили и подготовили, — снова сказал Сабир, — и, разумеется, не пожалеют никаких денег.

— Денег у них хватает! Особенно на такое... Чистая выгода!

— А нам приходится деньги считать и считать! Наша-то трасса пройдет по низинам, по районам оседлых племен, землепашцев. Не посчитаем наперед все как следует — народ нам не поверит, не поддержит, а без этого наш проект просто неосуществим! Вода должна подаваться только в пределах необходимости, только туда, где нужна. Сумеет все учесть, все правильно рассчитать — и наш проект будет очевидно предпочтительнее, чем их пресловутый «Большая Аму»!

— Да, — сказал Гуломали. — Только мы должны представить его вовремя, раньше их. Не то пустят в ход свои подлые уловки, денежки свои, и тогда... — Он приподнялся на локте. — Вы даже не представляете, сколько у них в запасе этих подлых способов! Им служат и лицемерные ура-патриоты, и жадные невежественные бизнесмены, и просто продажные карьеристы, и торопливые политики, готовые за что угодно ухватиться, лишь бы подтащило их поближе к власти! И лживые обещания, каких мы себе никогда не позволим, и высокопарные лозунги, от которых нас тошнит. Им все равно... — Тут он вдруг остановился, что-то пришло ему

в голову. — Вы согласны, что надо изо всех сил торопиться? Так почему вы, отказавшись от трассы, которую мы изучаем уже полгода и почти отработали, вдруг накиннулись на эти Хокбадские холмы? Разве мы так все не стопорим?

Сабир покачал головой:

— Наоборот, Гуломджан. Я думаю, как бы ускорить... — Он тоже приподнялся, стал рыться в своем рюкзаке. — Хокбадские холмы очень важны, — говорил он, продолжая рыться. — Недаром... недаром меня всегда тянуло туда... тянуло, словно там сокровища зарыты. Ага! Вот! — Он вытащил и протянул Гуломали пожелтевшую брошюру. — Взгляните! — Он радостно засмеялся. — Ей-богу, мы наткнулись на открытие!

Гуломали укоризненно покачал головой.

— Смеетесь, а ведь дело серьезное. По сути, только мы, наш проект, и может спасти правительство и страну от катастрофического решения.

— Да не смеюсь я, не смеюсь — радуюсь, что нам повезло! — Гуломали все еще глядел недоверчиво.

— Посмотрите сюда... — Сабирджан, сжывая палец, листал желтые, сухие страницы. — Вот! Видите, что написано? «Чорданахр». Речь идет о четырнадцати реках, стекавших с Хокбадских холмов. Эти реки превращали в цветник обширные вилояты — от северных границ до подножий Каракумов! В древности это были на редкость ухоженные оазисы. Где, где брали эти реки воду, почему высохли? Впрочем, не в том суть. Мы можем поднять к ним воду из Аму, но где они протекали? Вы знаете преимущества старых русел? Если их найти, мы избавляемся от долгих изыскательских работ, от трудоемкой работы по изучению почвы, ландшафта, гидрогеологии пластов. Четырнадцать рек — это же четырнадцать каналов!

— Но что это за книжка? Откуда взялась?

— А о том нам может поведать лишь ее автор!

Гуломали взял книжку — осторожно, как если б она спала летаргическим сном и теперь могла проснуться у него в руках, — и полистал.

— Слушайте, это же археология!

— Ну и что? Нам неважно — археология, зоология... Нам автор нужен!

— Автор — доктор Сухайль. Вот же...

— Да читать-то я умею, дорогой, мне не имя — мне сам автор нужен!

— Сам автор? Так я его знаю.

— Что-о?!

— Ну да, он друг моего деда, много раз бывал у нас дома, но, кроме древних легенд, ничего интересного я от него не...

Сабир подскочил и с воплем восторга навалился на Гуломали, придавив его к земле; они стали кататься по траве. «Да тише вы! — хрипел Гуломали. — Да в чем дело? Тише, очки в кармане хрустнули!» Наконец Сабир отпустил его, снова вскочил, отряхнулся и, разводя широко руки, словно собираясь обнять подернутый дымкой простор, завопил изо всей силы:

— Ого-го-о! Доктор Сухайль нашелся! Наше-е-елся! Ого-го-го-о!

Гуломали стоял рядом и смеялся. Сабир толкнул его кулаком в плечо, потом схватил седло и побежал к лошади.

— Эй, Сабирджан, куда ж мы поедем?

— Куда-а! Ясно: к вашему деду!

Вместо Дангара, где находилась база их изыскательской группы, они повернули лошадей к Мазари-Шерифу. Когда стемнело, им пришлось остановиться в большом кишлаке Пайки.

— Заночуем у моего дяди, — сказал Гуломали и направил коня к башенке мечети, что темнела на окраине кишлака. Лошади устали, крупы у них были влажные; почуввав привал и поочередно фыркая, они сами пошли по нужной дороге. Наконец замерцали тусклые огоньки. Усадьба дяди оказалась большой да и людей в ней — полным-полно. «У него там родичи варятся в казане и танцуют на половешке», — сказал Гуломали, усмехаясь. Едва они въехали в распахнутые ворота, в глаза им бросились аккуратно сложенные кучи ровно нарезанного хвороста — их освещал огонь очага. На топот лошадей из глубины двора двинулись тени.

— Дядя встречает, — сказал Гуломали.

Они спешили, кто-то проворно ухватил лошадей за поводья и увел, а перед путниками возник крепкий, крестьянского вида человек с фонарем в руке; зеленая чалма, борода клинышком и тоже вроде как с прозеленью, длинный сложенный чекмень накинута на плечи. Человек явно разменял пятый десяток. Поставив фонарь наземь, он обнялся с племянником, затем со словами «ассолому-алеюкум» повернулся ко второму гостю, сложив руки на груди, и повел их в дом.

Пока они шли, на них поочередно взглядывали десять или пятнадцать широко

открытых окон и дверей, зазвонно выдвигались вперед пристроенные к низким оштукатуренным глиной стенам деревянные айваны с гостеприимными сури и супами. Наконец хозяин пригласил их в большую комнату, где поверх камышовых циновок был постелен ковер. Вокруг столика на низких ножках стремительно появились курпачи, подушки в форме валиков; двор и гостиная оживали. Гости уселись.

— Ну, — сказал дядя, поглаживая бороду, — добро пожаловать! Слава аллаху, амины! — Он повернулся всем корпусом к Сабиру. — Как здоровье ваше, гость. Очень хорошо, что приехали, а то мы слышали — у Гуломали советский попутчик. Спокойно ли у вас дома?

Вопросы его, в сущности, почти не требовали ответов — только вежливых поклонов, кивков, поддакиваний, так же, как и слуги дома не ждали приказаний: все делалось словно бы само, по извечно заведенному порядку. Вежливая беседа продолжалась, а кто-то, едва видимый в полутьме, приносил воду для мытья рук, полотенца; кто-то расстилал дастархан; кто-то ставил на него хлеб, чай, сладости. Речь зашла о строительстве канала, и дядя с деловитой дотошностью несколько раз уточнял: правда ли, что воды Аму доберутся и сюда? Правда ли? А когда?

— До этого еще далеко, дядя, — сказал Гуломали.

Сабир чувствовал, что этот средних лет крестьянин с его наивно задаваемыми вопросами на деле вовсе не наивен, не прост; в свете чирака — большой коптилки с фитилем, открыто уходившим в масло, — глаза дяди хитровато, остренько поблескивали; его не удивляет, что юноши взялись за огромное, смелое дело, для него даже не слишком существенно, что один из юношей — его племянник: ему важно, чтобы пришла вода. Впрочем, он понравился Сабиру. Подражая Гуломали, Сабир тоже стал по-свойски называть его «дядей».

— Скажите, дядя, а если в один прекрасный день мы пригласим жителей близлежащих кишлаков на хашар — придут они? Помогут? Как вы думаете?

— Мы-то обязательно поможем, гость, обязательно! Я сам приду со своими домочадцами, слугами, только позовите! — Хозяин дома сказал это, кажется, с искренним энтузиазмом, даже лицо у него вроде чуть разгладилось, помолодело, и стало видно, что маленькая с проседью борода ему к лицу. — Однако, — добавил он веско, — такое дело надо решать на совете улуса! Чтобы и чины знали, и шейхи, и муллы. Нет, люди пойдут, но в наших местах много «вет», бездельников.

Сабир вопросительно взглянул на друга.

— Это пришельцы, которые получают землю по жеребьевке, — объяснил Гуломали. — Есть такой обычай, остался от кочевников.

— Да-да, — подхватил дядя, — эти соседи сплошь бедняки, землю не любят — и понятно: пот свой на ней не проливали. На хашар они не выйдут, нет! А о кочевниках и говорить нечего, им даже и не объяснишь, что такое хашар: вытопчут одно пастбище, соберут пожитки — и давай на другое!

— Мы же и пастбищам их дадим воду!

— Дадите — выпьют, используют. А потом все равно перекочают.

— А может, — сказал Сабир, — если «этим соседям» дать землю, воду — они, в конце концов, преисполнятся любовью к земле, останутся? — Но, сказав это, прикусил, хоть и с опозданием, язык. Вот идиот, сказал он себе, забыл, где находишься, — кто ж это даст им землю и воду?

Собеседники ответили ему продолжительным молчанием. Сабир не знал, как справиться из неловкости, но тут хозяин сам нашелся.

— Гуломали, — сказал он, — не желаете ли поздороваться с тетушками?

Они поднялись и вышли из комнаты, а Сабир возблагодарил судьбу за избавление; впрочем, им впрямь нужно было о чем-то поговорить с глазу на глаз.

И тут в комнату вошла девушка. В руках у нее был чайник и несколько пиал. Когда она появилась в дверях, Сабир на мгновение даже зажмурился, словно к лицу приблизилось пламя: девушка была ошеломляюще, обжигающе красива! Ты не успеваешь это даже понять, а именно чувствовал, как чувствуют неожиданный жар...

Она сняла у порога кауши и, кажется, поздоровалась, но Сабир не ответил, не услышал — он был словно загипнотизирован этим небывалым виденьем. Девушке было лет шестнадцать-семнадцать, не больше, ее цветастые штаны спускались до щиколоток; когда она нагнулась, чтобы взять касы, и наступила смуглыми босыми ножками на край скатерти, он словно увидел под коротким широким ситцевым платьем все нежные округлости ее тела. Но она тотчас выпрямилась, чудесным движением отбросила за плечо толстую черную косу — и от нее повеяло пламенной молодостью, тончайшим запахом сандалового дерева, ароматом каких-то потаенных желаний. На голову девушки был не очень локво, но кокетливо намотан платок. Слегка прикрыв им свое молочно-бледное, овальное, непередаваемо милое личико, улыбнувшись одними припухшими губками, она тихо сказала: «Откушайте» — и вышла. Сабир теперь только понял, что не ответил на ее приветствие.

Но ему не было стыдно, все в нем сместилось, как бывает во сне. И это виденье было как сон — невыразимый словами, пронзительный, бессмысленный сон, который, пробуждаясь, пытаешься — не восстановить, нет — только сохранить в себе подольше, но он улетучивается, меркнет, теряет яркость, а все еще долго-долго наполняет светом твое существо. Он огляделся затуманенными глазами, просторная комната теперь показалась ему тесной. Ему хотелось броситься в дверь, в которую вышла девушка. «Что ж они оставили меня одного?» — пробормотал он сам себе, не очень отчетливо соображая в то мгновение, кто это — «они». И тут вошли дядя и племянник, вошли со словами:

— Не скучаете ли, гость? — И понемногу вернули комнате ее прежнюю атмосферу.

Слуги внесли новые кушанья, беседа возобновилась. Но разговор, казалось Сабир, проходил теперь на фоне колеблющейся нежно-розовой или сиреневой кисеи, и между репликами, своими и чужими, Сабир то и дело задавал себе вопросы: действительно она входила? И зачем вошла? Ах, да, принесла что-то. И кто она?

Когда им постелили на супе под старым тутовником, он все ворочался с боку на бок, не мог уснуть. Должно быть, неподалеку находился хлев: слышно было, как жевала скотина, куры тревожно трепыхались, устраиваясь на насесте. Звенели цикады.

— Знаете, зачем дядя позвал меня выйти с ним? — вдруг спросил Гуломали. Он тоже не спал, думал о чем-то.

— Зачем? — тупо спросил Сабир, едва отрываясь от своих мыслей.

— Чтобы снова спросить, верно ли, что сюда придет вода Аму.

— А-а... — Сабир вяло собирался с мыслями, потом сказал: — Ну, естественно... он же дехканин.

— Да нет же, не так уж естественно! Если точно, что придет вода, так он скупит земли тех бедных соседей!

— Что?! — Сабир вдруг отрезвел. Нежно-розовая кисея резко заколебалась под ветром — и растаяла. — И что, у вашего дяди хватит сил скупить все это?

— Ну, конечно, это ведь дешевые, заложенные земли. И все эти соседи — должники дяди! Они просто отдадут землю за долги.

— А сами?

— А что — сами? Даже если и останутся без ничего, все равно будут довольны, что от долгов избавились: в брюхе пусто, зато на душе спокойно.

— А земли большие? Если все вместе?

— Большие.

Сабир рассердился. Он не сразу сам разобрался, на что — то ли на то, что предавался сладостной сиреневой грезе, пока тут замышляется такое; то ли на друга, то ли за друга на его дядю. Нет, не то, ерунда: суть в том, что вот, оказывается, к чему приведут их усилия во имя людского блага — к тому, что в итоге бедных людей ограбят дочиста!

— Гуломали, простите меня, дядя-то ваш, оказывается, хищник.

Гуломали помолчал, не двигаясь.

— Хищник... — сказал он наконец негромко. Еще помолчал и прибавил: — Мелкий хищник. Есть и покрупнее.

— Выходит, наши труды...

— Да, и я об этом думаю. Проведем сюда воду, а это послужит только обогащению богатых и полному обнищанию бедняков. Правильно вы когда-то сказали: эти тысячи засушливых танапов ждут не только воды — они ждут социальных перемен!

— Это не я сказал — это Ленин.

— А когда приходит вода у вас — что делают дехкане?

— У нас... Ну, сперва строятся совхозные поселки, оросительная сеть; потом поля разравнивают, сады сажают. Приходит вода — и все оживает. Народ, переселяясь на новые земли, встречает воду как праздник!

— И мой дядя тоже готовится... к приходу воды! — Гуломали резко привстал, точно змеей укушенный, вытер кулаком глаза. Не плакал же он? Может, подумал Сабир, обиделся на мои слова?

— Гуломали...

— Я... почему я такой бестолковый, беспомощный, а, Сабирджан? Работать могу, а повернуть что-то в жизни — не могу. И сделанное радости не приносит. Иной раз хочется все бросить, от всего отказаться!

— Ну да! И пускай является господин Лал Махдий и проталкивает свой предательский проект! — Сабир ухватил друга за руку, хотел поднять, приободрить; но рука была вялая, холодная. Сабир понял, что Гуломали сейчас нужно сочувствие, мягкость; он отпустил его руку и сказал, стараясь как можно больше смягчить тон: — Дружище, знаете, как это называется у нас, узбеков? Сжечь одеяло, чтобы

блех извести. Почему, говорите, вы не рады? Ну, почему? Если мы предложим дешевый и разумный проект и заставим отступить этих мошенников, разве уже это само по себе — дело не стоящее? А ведь оно в наших руках! Чего ж отчаиваться?

Гуломали, не поворачивая к нему лица, одной рукой взял его за плечо, как бы говоря «простите», и легонько встряхнул.

Они улеглись, но так толком до утра и не уснули. А на рассвете со стороны ворот донесся шум, ишак заревел во всю мощь, как пароходная труба, со скрипом открылась дверь конюшни. Не успели они встать, как у супы появился низенький старик, борода лопатой, в крапчатой чалме; тяжело дыша, он устался на гостей, потом, сняв кауши, полез на супу и подвинулся к Сабиру:

— Эй, хорошо ли добрались, дорогой, да паду я за вас жертвой? Милости просим! Пришла весть — тут гость из Сурхана, так я тут же, ночью, поднялся, сел на своего ишачка и стал погонять что было сил — слава богу, застал! Слава богу!

Полураздетый, не в силах освободиться из объятий мощного, пахнущего потом старика, Сабир чувствовал себя глупо. А старик все продолжал свое:

— Э, как хорошо, хорошо-то как, что приехали, родненький. Надеемся, здоровье ваше в порядке, а мы-то ждали, в четыре глаза глядели — не приедет ли кто с родной стороны! Здоровы ли родители ваши? И родственники, и соседи?

Наконец он выпустил Сабира и, пока тот одевался, провел ладонью, которой касался плеча юноши, по бровям своим и губам, вытер слезы поясным платком, уселся на край супы и снова запел благословения:

— Да пребудет родина наша в благоденствии, пусть у вас, родненький, будет хорошая свадьба, аминь! — заключил он, захватив пятерней свою лопату-бороду на щербатом подбородке.

— Откуда ж вы, бобо? — спросил Сабир.

— Из Денау приходим, родненький, называют нас Хайриддин долговязый, зятем приходимся Ходжикулу-уряднику — может, слышали?

— Да-а... — сказал Сабир неопределенно. Смех. Кто теперь может помнить урядника Ходжикула, которому этот старец приходится зятем? Но разочаровывать старика не хотелось. Впрочем, тот в волнении и не заметил неопределенности ответа. — Мы из Карши, отец. Как вы сами, домашние, здоровы ли дети?

— Э, пусть будет вам счастье в жизни, сынок, спасибо, все мы в руках божьих, вот здесь свой хлеб насущный нашли. А в Денау-то вы бывали?

— А как же! Если не раз в неделю, так уж в месяц раз обязательно бываем, работа такая!

— А?... — Старик подозрительно глянул на Сабира покрасневшими от слез глазами: не разыгрывает ли его молодой джигит? Ему, видно, не очень-то поверилось в возможность ежемесячных поездок из Карши в Денау и обратно. Но дорогие воспоминания справились с этим сомнением:

— Да, а Дунганарык все так же шумно течет?

— Шумно, отец! Грохочет... — Сабир знал: нет сейчас в Денау такого арыка.

Старик обрадовался и окончательно отбросил прочь сомнения:

— Вот-вот! Грохочет! А над Тимуровым мостом тутовое дерево было, одинокое, не срубили?

— Стоит, бобо! Цветет старое дерево.

Старик снова возбужденно бросился к Сабиру, повис у него на шее, заплакал, затрясся всем телом. Господи, как бы его успокоить, бедный старик, жизнь-то прошла, и тяжелый, черт, как бы шею мне не сломил, а все равно жалко, у самого в горле першит, может, и впрямь растет там старый тут, а я не видел, бедный старик.

— Нам пора, Хайриддин-бобо, торопимся, — сказал Гуломали.

— Знаю, знаю, дети мои, роптать на судьбу грех, что ни есть — все от бога. Но старик — что дитя, уж не обижайтесь. — Он отпустил Сабира, отступил на шаг, встряхнул головой, точно отгонял волнение, и вдруг, сверкнув глазами, повернулся к Гуломали: — Э, а куда это вы спешите, а? Я встал в полночь, вышел в путь, торопился, чтобы не присмотрели себе другое местечко погостевать. Не-ет, едем к нам, к нам едем, я ж за вами прибыл!

— Нет, бобо, спасибо вам, но мы не можем к вам поехать, — сказал Сабир.

— Э, не обижайте меня, гость, не обижайте, сын мой, я даже не спросил имени вашего, вы для меня — не вы, а молодость моя, что на миг проглянула, вся моя жизнь печальная, родина моя, что мне каждый божий день снится...

— Хайриддин-бобо, у нас дело очень важное, нельзя отложить, — вступил Гуломали, — но потом обязательно навестим вас, правда, Сабирджан?

— Конечно, конечно, обещаем!

— Видите? — сказал Гуломали. — Раз обещаем — приедем!

— Нет! — сказал старик и снова заплакал. Он попробовал было стать перед ними на колени, но Гуломали успел его перехватить и сказал:

— Мы едем к Садыку Сардору!

Старик замер, потом по очереди внимательно глянул на них мгновенно просохшими глазами:

— Да? — переспросил он. — Тогда другое дело. Если к Сардору — езжайте быстрее, не опоздайте! И Сардору от меня передайте поклон, непременно передайте поклон.

Когда, после завтрака, оседлали лошадей и тронулись в путь, в голове Сабира роилось множество вопросов. Едва взошло солнце, лесовые дороги Мазари-Шерифа раскисли, копыта лошадей уже не цокали, а мягко почавкивали, но вокруг царила бескрайняя тишина, располагая к размышлениям. Мысли, впрочем, были не сосредоточенные, рассеянные, как отдельные белые облачка в огромном синем небе. Перегнувшись в седле, Сабир сорвал с обочины еще не расцветший побег джиды, втягивал ноздрями его нежный, настойчивый аромат — и вдруг вспомнил, как тряслись плечи у плакавшего старика. Как сложна жизнь, и как в ней все нелепо перемешано: беда и радость, ликование и тоска, жадные расчеты и неисполнимые желания. И как дальше-то все пойдет? Их-то планы, споры, усилия, надежды — чем обернутся? Все это вдруг вообразилось Сабиру парами, поднимающимися от земли, собирающимися в облака, тучи и несущимися бог весть куда. Где, когда выпадет все это дождем? И жданным ли, благодатным — или, напротив, надоевшим, проклинаемым?

— Хайриддин-бобо приехал сюда в двадцатых годах, — неожиданно заговорил Гуломали. Видно, решил, что пора все объяснить. — Он приходится тестем моему дяде.

— Эх-ха...

— Да. Старшая жена моего дяди была дочкой старика Хайриддина.

— Понятно... он живет здесь, в Пайки?

— Да, в узбекской части.

— Зять-то старика не обижает?

— По-моему, нет, — осторожно сказал Гуломали.

— Выглядит старик бедняком.

— Ну, в свое время он тоже был богат. Правда, самым большим его богатством была дочь. Ее красота стала легендой в этих местах. Так вот, пока красавица-дочь была при нем, был он человеком имущим и авторитетным... Ушла дочь — ушло и везенье. У нас такие вещи судьбой зовут.

Сабир вдруг ощутил приближение уже знакомого неожиданного жара. Что это? Красавица-дочь... та, вчерашняя девушка. Какие-то две ниточки, точно провод, соединился у него в мозгу и ослепили все ярким светом.

— Слушайте, Гулом... Кто была вчерашняя девушка?

— Девушка? Вчерашняя? Какая девушка?

— Ну, та, что принесла чай в гостиную, когда вы вышли.

— Так я ж не видел... А, Зулейхо, наверно?

— Да, наверно, — сказал Сабир. Ему почему-то вдруг показалось, что имя девушки и не могло быть другим.

— Так это ж дочка дяди! — сказал Гуломали и бросил на Сабира быстрый взгляд искоса. — И единственная внучка этого самого старика. А что?

— Нет, ничего.

Сабира даже пот прошиб. Наверное, все лицо красное.

Гуломали засмеялся:

— Эй, будьте осторожны! Не то Манзура догадается.

— Да о чем вы! Что ж, спросить нельзя?

— Спросить — можно, сколько угодно. Просто хочу вас предупредить: ее покойная мать в молодости каких только парней с ума не сводила. Если она похожа на мать...

— Сказать по правде, и она может с ума свести...

Гуломали снова засмеялся:

— Даже та-ак? С первого взгляда?

— А что, ее можно увидеть еще раз?

Гуломали натянул поводья.

— Ну-ну... Вы это серьезно?

— Не знаю...

— Послушайте, Сабирджан, у нас есть поверье: за чересчур красивыми девушками по пятам несчастье ходит. Я знаю Зулейхо, но остерегаюсь. Ведь это как в азартной игре: или огромный выигрыш — или полное разоренье. Или счастье великое — или горе на всю жизнь!

Сабир попробовал свести все к шутке:

— Да вы, оказывается, ходячее суеверие!
— Я — может быть. А вот вам, выходит, верить нельзя. Манзуре обещание давали?

— Это при чем?

— То есть как — при чем?

— Слушайте, Гулом, речь же идет о чуде, о необычайной красоте. Такому чуду и можно, и нужно поклоняться. Просто поклоняться. Оно так редко, что не могут на него распространяться обычные законы и правила. Красота не вмещается в бухгалтерские графы. Разве я не прав?

Гуломали только поглядел на него, покачал головой и ничего не сказал. Так они и поехали в молчании, и лошади, почуяв настроение всадников, замедлили ход и неторопливо шли бок о бок. Почувствовалась близость города — поднимая пыль, стремительно проскакал навстречу верховой, следом прошагал, погоняя быка хворостинкой, дехканин, за ним, по обочине, шла, должно быть, жена его с ребенком; немного погодя Сабиру и Гуломали пришлось обгонять табор кочевников — гортанно переговаривались, перекликались люди, скрипели арбы, свистели плетки, пыль стояла столбом.

Обгоняя табор, они поехали быстрее и уже не сбавили скорости; встречный ветер освежил, приободрил их. И дорога пошла вниз.

— Слушайте, Гуломали, — сказал Сабир, вдруг вспомнив то, что его удивило утром, — а с чего это Хайридин-бобо так переменялся утром, едва услышав имя вашего деда? Прямо как по волшебству.

— В этих местах имя деда на всех оказывает такое воздействие. Это все его бывшая слава. В молодости он был близок к Амануллахану... Принадлежал к его свите...

— Но в свите Амануллахана было, наверное, много народу — они, что, все до сих пор пользуются таким почетом?

— Нет, конечно. Да их и не осталось почти, я думаю... Видите ли, Садык Сардор завоевал особое доверие Амануллахана и был среди тех, с кем шах отправил до Ташкента свое письмо Ленину. К тому же дед был самым молодым среди посланных с письмом, а теперь он — единственный из них, кто еще жив.

— Понятно, — сказал Сабир. Он вдруг ощутил робость. — А теперь... — Он выдержал кратчайшую паузу. — Теперь чем он занимается?

Гуломали улыбнулся:

— Теперь он исповедует идеи Икбала!

— Икбала? Поэта Икбала?

— Да. Он проповедует его учение, и весь улус смотрит ему в рот. Когда-то, защищая своего шаха от банд Бачасако, он был тяжело ранен в битве при Маймане, потом вышел в отставку в звании корноила¹. Его возмутила заносчивость преемников Аманулло, он уехал в эти края, в отцовское поместье, — да тут и остался.

— И что?

— Ничего. Так и живет с тех пор. Он здесь вроде неофициального вождя, что ли. Хотя его никто никуда не выбирал. Но где бы ни появился, его встречают как святого. Если назвать имя «Садык Сардор», задумываются вожди самых воинственных племен. Но и врагов у него хватает! Правда, когда мы ему говорим: «Будьте осторожны», он неизменно отвечает: «Теперь меня только бог возьмет!» Словом, сами увидите. Дед мой — выдающаяся личность! Когда будете с ним беседовать, не забудьте спросить об Икбале. Сразу его к себе расположите. Икбал — это для него целый мир.

— А что его сын, ваш отец?

— Отец мой был — как все. Обыкновенным торговцем. Перевозил на лошадях тюки с шерстью через Читральский перевал. Когда Амануллахана изгнали в Рим, Садык Сардор послал с ним своего сына. Об отце долго не было вестей, только через десять лет он вернулся. Больной, бледный. И вскоре умер. Ну, в народе и стали говорить, что Сардор во имя своей дружбы к шаху пожертвовал сыном, — и почтение к деду стало еще выше.

— Послушайте, Гуломали, так запросто заехать, беспокоить такого человека...

— Ну, что вы! Наоборот, он обидится, если не заедем! Дед очень интересуется всеми моими делами, я ведь у него воспитывался. Он мне вместо отца. — На губах Гуломали появилась мягкая, добрая улыбка. — Вечно меня наставлял: учись, учись! Наша жизнь прошла в битвах, а ты учись! Страна не вечно будет такой, как сейчас, еще свершатся великие события, и люди тут будут ох как нужны! Ты, гово-

¹ Корноил — полковник.

рит, должен быть моим продолжением. Отдал меня учиться в Кабульский университет. Замечательный он старик, сами увидите, Сабир. Знаю, конечно, он не великий мудрец и не пророк, но когда он говорит, я, как и прочие, готов верить любым его пророчествам. Что-то в нем есть... такое...

День кончался, небо за снежными пиками Гиндукуша потемнело, а слева пламени в зареве низкие равнины. Шумели в прохладном ветерке качающиеся ряды тополей, абрикосовые сады, примыкающие к старым усадьбам на окраине города; легкие облачка пыли, взметаемые ветерком на дороге, переливались в последних лучах солнца, как обрывки шелкового занавеса. Едва на садовой улице показались два всадника, на глинобитные крыши, поросшие тюльпанами, высыпали дети — шумливые девчушки, одетые в красное: так они встречают и провожают каждого путника.

Двор Садыка Сардора существует, наверное, с незапамятных времен; старые неотштукатуренные дома, легкие каркасные надстройки над первыми этажами; колодец на краю неухоженного цветника; большой запущенный сад за постройками... Только аккуратный новый дом на переднем плане радуется свежей побелкой, поблескивают стекла широкой закрытой веранды.

К этой веранде путники и направились, как только привязали лошадей в хлеву, задали им овса и стряхнули пыль с сапог. Из мягкого кресла за низким полузаваленным столом им навстречу поднялся высокий сухощавый старик — с крошечными серебряными усиками, в зеленой феске на лысой голове, в наброшенном на плечи халате из адраса. Сабир примерно таким и представлял себе старого Сардора, но все же не думал, что на девятом десятке лет человек может оставаться столь стройным и подвижным. Рослость и статность его фигуры еще более подчеркнул полувойенный камзол из серого сукна со стоячим воротником и медными пуговицами, когда старик, встав при виде гостей, резким движением сбросил с плеч халат. Гуломали, подбежав к деду, положил ему голову на грудь, затем, нагнувшись, поцеловал полы его камзола и отошел в сторону, как бы уступая место другу.

— Это и есть ваш советский товарищ? — с улыбкой сказал Сардор. — Слышали, слышали.

Сабир, приветствуя старика, почти повторил ритуал, продемонстрированный Гуломали, но от волнения не мог ни слова вымолвить. Величавость старика его подавила. Стараясь овладеть собой, Сабир огляделся. Всюду вокруг были книги — на столе, на высоких полках за канделябрами, в нишах. Даже просто на ковре они лежали стопками — древние фолианты в коже, рукописные и печатные, изящные современные книги на многих языках, изданные на Востоке и Западе, — многоцветье обложек, пестрое разнообразие шрифтов. Никогда прежде Сабир не видел пестрого и такого красивого книжного собрания!

Старик заметил его восторженный взгляд и сказал просто, без нарочитой небрежности.

— Я вижу, вы заинтересовались книгами, дорогой гость, но не обольщайтесь — они собраны как попало, откуда попало, я ведь не ученый, это просто забава моей старости.

— Но какие замечательные издания! Никогда не видел таких. Здесь, наверное, есть большие редкости?

— Может быть, и есть, — сказал Сардор с той же легкой, ненарочитой простотой. — В редкостях я не очень разбираюсь, покупал в свое время, что нравится. Но вы сможете посмотреть все, что захотите! Прошу вас, сядем. — Он двинулся к почетной, свободной стороне стола, и тут только Сабир увидел: левая нога хозяина почти не гнется. Старик уселся первый и снова пригласил Сабир жестом: — Прошу!.. А вы, Гуломали, распорядитесь приготовить все для плова. И, пожалуйста, постарайтесь для такого гостя, сделайте плов своими руками, настоящий узбекский.

— Бобо, — сказал Гуломали, — не обижайтесь, но нам не до плова. У нас очень мало времени.

— Ну, ну, не разочаровывайте старика, я ведь ждал вас с большим нетерпением и кое-что знаю о ваших делах. Не до плова так не до плова, хотя, конечно, это нарушение приличий! Но расказать-то обо всем у вас время найдется?

Волнуясь, перебивая и дополняя друг друга, они стали рассказывать о своем проекте, о проекте «Большой Аму», о том, как проходило обсуждение в министерстве. По репликам старика нетрудно было догадаться, что он и впрямь во многом ос-

---

Адрас — полупшелковая узорчатая ткань кустарного производства.

ведомлен. За разговором они едва заметили, что принесли чай, сладости, лепешки. Кажется, что-то пили, жевали что-то.

Старик, наконец, встал, постоял так с минуту, опустив голову, не то размышляя, не то припоминая; потом, прихрамывая, прошелся по ковру в своих мягких американских ботинках — взад-вперед.

— Да! — сказал он, вдруг остановившись. — Вам действительно надо спешить. Ясно: тот берег интересует их куда больше, чем Афганистан. Что ж, компания «Джеймс Моррисон» и в наше время была приютом разведчиков и диверсантов. Мой «приятель» полковник Лоуренс тоже в ней обретался. Он руководил своими людьми из города Точ... А этот — как вы сказали? Лал Махдий? Хм... Лоуренса звали Пири Карамшах! Эта проектная группа принадлежит, конечно, новому поколению, и задания у них новые. Можно примерно догадаться — какие. — Он посмотрел на Сабир. — В ваших, сынок, южных вилоятах делается многое, что колет им глаза. Ваши планы в Каршинских и Шерабадских степях, в Каракумах... Они жаждут сорвать эти планы, хоть как-то нанести урон Аму, пустить на сторону ее воду и вбить клин между вами и правительством Мухаммеда Дауда! Да, да, так оно и есть.

Сардор сел за стол, помолчал. Потом заговорил снова:

— Я думаю, вы избрали правильный путь. Их нужно остановить, не то будет беда и для того и для этого берега, и нет другой возможности, кроме как противопоставить ваш проект их проекту. Вы правильно сделали, сынок, что напомнили во время обсуждения о советском опыте. Этот опыт и будет основой вашего проекта, не так ли?

— Да, бобо, — сказал Гуломали, — но у нас...

— У нас есть и кое-что новое! — торопливо прервал его Сабир. — Кое-что еще!

— Новое?!

— Да! Видите ли, некоторые наши молодые ученые разрабатывают проблему сухих русел. Старых русел, по которым текли когда-то реки. И, вы понимаете, получается, что это, в сущности, готовые каналы! Как раз сейчас мне попала в руки старая книжка. В ней говорится о четырнадцати речках, что текли когда-то с Хокбадских холмов. Автор, несомненно, знал их русла! Но я, к сожалению, не знал автора — и тут Гуломали говорит, что это ваш друг.

— Мой друг? — спросил старик настороженно.

Сабир торопливо вытащил брошюру и протянул ему. Но тот едва взгляделся в обложку — и с гневом, с возмущением швырнул книжку на стол.

— Это имя... — сказал он сквозь зубы, — я не желаю это имя даже слышать в моем доме!

Лицо у него померкло, посерело.

— Бобо... вам плохо? — тихим, встревоженным голосом спросил Гуломали.

— Что уж хорошего?!

Старик замолчал, и молодые люди молчали тоже, боясь вызвать новый приступ раздражения, так, казалось, не вязавшегося с обликом старого Сардора. Наконец Сабир не выдержал:

— Когда доктор... хм... изучал древние русла Чорданахра...

Но старик глянул на него холодным взглядом, и Сабир проглотил вторую половину фразы. Снова потянулось молчание, пока старый офицер сам не прервал его:

— Гуломали был прав: мы были друзьями... — Голос у него был подавленный и, казалось, через силу исходил из гортани. — Были... я ошибся... этот человек оказался не тем, чем... чем казался. — Старик поморщился, может быть, от случайной, неуместной игры слов, но поправлять себя не стал.

— Сначала мы слышали, что он присоединился к группе «Большой Аму». А потом — вот! — Он обернулся к полке, взял несколько газетных вырезок и протянул Гуломали.

Вырезки были из газеты «Кабул Таймс» — на одной сохранилась часть названия газеты. Гуломали перебирал их, пока не увидел маленькое, обведенное красным карандашом сообщение: известный археолог доктор Абу Маталиб Сухайль, из личных и идейных соображений, отрекшись от Родины, уехал в Америку. Гуломали молча показал это Сабиру.

— Ну? — сказал Сардор. — Видели? «Из личных и идейных соображений». Трус, беженец! Как будто есть соображения, которые оправдывают отречение от Родины! И я был слеп. Сперва он все хныкал и жаловался, что не уважают ни его, ни его профессии, что нет сил переносить это все, а потом... И я, старый дурак, столько времени продолжал считать его другом! Предателя! — Казалось, он задохнулся от собственных слов — и замолк.

Молодые люди глядели в пол.

— И это, — сказал Сардор после долгой паузы, — еще не все... — Он передохнул, как будто ему все еще не хватало дыхания. — Он оставил здесь жену... оставил

соломенной вдовой. Я знал, что она осталась с сыном-шалопаем и плачет кровью. Приказал разыскать этого мальчика, хотел взять на воспитание. Нет! Он пристегнул к поясу кинжал и примкнул к отвратительной толпе, которая называет себя «Бдительная молодежь». Есть такие недоделанные... полувойенная организация, руководят ею офицеры-шовинисты. Хотят воспитать «львят отчизны». А пока что вытравливают из мальчиков любовь и вообще все человеческие чувства. Алчный, невежественный сброд... эти офицеры... играют молодыми жизнями... с огнем играют! И устроят пожар... в конце концов. — Он опять передохнул и закончил: — Этот мальчик меня волнует куда больше, чем его отец. Об отце я и знать не хочу.

Интонацией он словно поставил окончательную точку под разговором. Сабир взглянул на него и поразился. Могущественный дед Гуломали, только что вызывавший восхищение своей выправкой, скрытой силой, барственной простотой и свободой речей и движений — в несколько минут превратился в слабого, едва ли не дрожащего старика. «Бедняга! — подумал Сабир. — Нелегко это ему далось... да и вся жизнь...»

— Ну что ж, — сказал он, вздохнув. Вы правы, конечно. Ничего не поделаешь, будем искать русла сами. Напишу Сумбуль-ая, может, ей что-нибудь известно.

— Да, да, напишите! — подхватил Гуломали.

Старик глянул на Сабир, в глазах его снова мелькнул огонек интереса.

— Ну, — сказал Сабир, — нам нужно спешить. Простите нас, бобо, что доставили неприятности, и разрешите идти.

Было уже поздно, начинало смеркаться. Но — удивительно — остаться на ночь Сардор им не предложил. Он только поднялся с трудом, чтобы их проводить.

— Сынок, — сказал он вдруг Сабире прежним ласковым тоном, — вы помнянули имя... Сумбуль. И раньше уже, кажется, поминали. Кто это?

— А-а! Это академик Сумбуль Садриева, наш учитель, очень уважаемый, очень известный ученый!

— Ага... ученый Сумбу-уль... — Он протянул звук, как будто ему доставляло удовольствие слушать, как он длится. — А откуда она? Сколько лет?

Сабир даже несколько растерялся. Он не помнил — а может, и не знал? — откуда она родом. Но потом воспоминание мелькнуло у него в памяти.

— Я точно не знаю, — сказал он, — но кажется, из Шерабада. А сколько ей лет... как-то неприлично у женщины спрашивать. Юбилеи она справлять не любит. Мы уже давно привыкли называть ее «ая»! Уже лет десять — «ая». Я думаю, под семьдесят.

Старик кивнул. Потом обнял внука, поклонился Сабире. И, сутулясь, прихрамывая больше обычного, проводил их до двери веранды.

О, романтика тех лет! Юность, светлые мечты, захватывающие идеалы... Мы — молодые офицеры, только что закончившие школу Хабисия и перешедшие в военный колледж; под носом у нас маленькие, как жучки, усики, под мышкой — газета Махмуда Гарзи «Сирадж ал-Ахбор». Мы смеемся над термином «джихад», который провозглашают Старые афганцы. Эти невежды, все еще не желая признать русскую революцию, продолжают считать мировую войну незаконченной! Но нам-то известна доподлинно суть всего, что происходит в мире! Мы же не кто-нибудь, мы — Молодые афганцы. Мы изучили кучу всего, чего и не нюхали старшие поколения. А главное — Икбала. Икбала я не просто читал — штудировал, знал наизусть, как и его учителя Джамалиддина Афгани; декламировал на площадях поэму «Пайёми Ашрик», посвященную любимому нашему вождю Амануллахану. Самостоятельный путь Афганистана был для нас очевиден. Когда в то майское утро у кабульско-го дворца Амануллахан, обнажив саблю, клялся в этом перед нами, мы, надрывая горло, выкрикивали: «Да здравствует независимость!», «Вперед, молодые афганцы!»

Удивительная весна! Она была и в стране, и в душе. Молодой эмир — наш единомышленник и друг, время работает на нас, в государстве все кипит, вокруг масса дел — а мы переполнены энергией и отвагой.

В один из первых дней Амануллахан вызвал меня к себе. У каждой двери Арка — свои, молодые офицеры, да и сам эмир все тот же: гимнастерка со стоячим воротником, широкий пояс, блестящие сапоги. Я почувствовал себя так, словно вошел в родной дом. Но уже через мгновение понял: хотя Амануллахан и в прежней форме офицера, но он теперь уже эмир, меж нами появилась дистанция, которую надо сохранять! Он поздоровался с такой строгой серьезностью, что я поневоле вытянулся во фронт. Правильно, сказал я себе, на его месте и нельзя иначе; и ощутил к нему только еще большее уважение... Что там уважение — обожание!

— Мой верный друг! — сказал он. Тон его, приказной, не вполне соответство-

вал этому обращению, но я, в приступе искреннего обожания, был уже к этому готов. — Собирайтесь в большое путешествие!

— Какое?! — поневоле вырвалось у меня, хотя следовало принять приказ без слов, с воинской готовностью повиноваться. Трудно сразу перестроиться на иные отношения, но, черт возьми, сказал я себе, надо следить за собой.

— Этого я пока сказать не могу... Но путешествие будет долгим, серьезным, трудным и весьма ответственным!

На этот раз я молча, резко и четко, отдал честь, как и подобает офицеру. Впрочем, я тут же понял, что и сам Амануллахан не вполне вошел в свое положение: он ходил предо мной взад-вперед по своей приемной с одним окном и высоким потолком, чуть излишне скрипя сапогами, то и дело выпячивая грудь и толкая назад деревянную кобуру револьвера на боку — она мешала ему при ходьбе. Он молчал, но и без слов было ясно: исторический груз, который он только что взвалил себе на плечи, давит его, он еще не привык решать судьбу целого государства. Конечно, это легко, только пока воображаешь в уме; а когда она уже у тебя в руках... Впрочем, оборвал я себя, ты даже и мысленно не вправе рассуждать об этом: вспомни, сколько раз ты клялся, не рассуждая, служить Амануллахану!

Пока я стоял перед ним, мое возбуждение не проходило. Но едва я вышел из Арка — оно куда-то улетучилось. Беспокойство молодого эмира, которое, казалось мне, я уловил, заразило и меня. И что это за тайное путешествие? Я уже понял, что оно носит секретный характер. Долгое, трудное... Трудное, впрочем, не беда, но надо долго уехать отсюда именно сейчас, в такое горячее время... Амануллахан, не задумываясь, сделал рискованный шаг: объявил закон об обязательной воинской повинности. И тут же горные племена исазаев, ильясзаев, аназаев, крайне недовольные этим, стали готовиться выступить против; брат его Насрулло, еще не успокоившийся после вступления эмира на престол, снова, как тигр, присел перед прыжком — собрал свои черные силы и только выжидает подходящего момента. А Старые афганцы, у которых от любой новости волосы встают дыбом? А духовенство, которое в ярости точит зубы, потеряв свои вакуфные земли? Англичане, наконец, которые лишатся всех своих благ и привилегий? И в такое время от меня куда-то отсылает! Да понимает ли он весь размах грозящих опасностей? Если нет — почему я ему ничего не сказал? Впрочем, я ведь и сам все это представил только выйдя из дворца, и эмир — это эмир, даже если он недавно был твоим другом и единомышленником. А, будь проклят древний дух покорности! Получил приказ — и ушел, а теперь ни сна ни покоя — ни днем ни ночью.

Я метался по дому, как по клетке, ни с кем не вправе поделиться своей тайной. Домашних это беспокоило, но подступиться ко мне никто не решался. Так прошло пять дней. На шестой, когда терпение мое, казалось, вот-вот лопнет, прибыл гонец из Арка. Я клялся себе, что на сей раз выскажу эмиру все; но принял меня не эмир, а генерал Мухаммад Валихан. Генерал — мы в то время говорили «жарноил» — был человеком преклонных лет, но сохранившим весь свой ум и энергию; его военные заслуги в двух войнах против англичан стали легендой, и потому для нас, молодых, имя его было особенно дорого. По-видимому, и эмир считал его своим самым доверенным советником. Генерал испытующе поглядел мне прямо в глаза. Не знаю уж, что он там прочел, но сказал без лишних предисловий:

— Мы поедем в Россию, молодой мой друг!

Я едва поверил своим ушам. У меня горло перехватило от волнения, я с трудом заставил себя проглотить комок.

— Жарноил, если не секрет...

— Для вас — не секрет. Вас вызвали по рекомендации эмира, поедете с нами в качестве телохранителя. Говорят, послу нет смерти, но положение... положение сейчас сложное. А главное, помните: наше путешествие — историческая миссия, и на вас, молодой друг, возлагается благое поручение, связанное с судьбой родины.

Я вскочил, чтобы по-военному отдать честь, но он положил мне тяжелую руку на плечо и вернул на сиденье кресла. Тут я, наконец, и узнал, в чем состоит наша миссия: мы должны были доставить в Москву письмо эмира, адресованное Ленину. Образована посольская группа, возглавляемая генералом Валиханом. Хотя в письме всего лишь выражались дружеские чувства и надежды на дружбу и взаимопонимание между двумя странами, оно ни в коем случае не должно было попасть в посторонние руки — это грозило серьезными осложнениями и стране, и эмиру.

— Благая миссия не бывает сама по себе, шигаул¹, — сказал генерал, глядя на меня с отеческой улыбкой. — Чтобы ее подтвердить, часто приходится вступать в бой.

Тут уж я вскочил и отдал честь. Генерал кивнул, сказал:

¹ Шигаул — телохранитель.

— Ладно, ладно, садитесь, шигавул.

Теперь-то я понял, какая огромная ответственность свалилась на мою юную голову. В душе моей свились клубком радость, гордость, опасения. Набравшись храбрости, я сказал:

— Вы позволите мне спросить, жарноил? — Жарноил кивнул. — Жарноил, нашего эмира еще до восшествия на престол неизменно пугали «коминтерновской опасностью», что если, мол, дать русским самую малую потачку, они установят в Афганистане власть своих Советов. Что же будет после этого письма? Если он вступит в переговоры с Лениным? Ведь англичане только и ждут повода. И остальные — тоже! Страна сейчас — как пороховой погреб! Вы такой мудрый и опытный человек. скажите... — только не подумайте, ради аллаха, что я лично чего-то опасуюсь! — не опрометчивый ли это шаг? Да хранит аллах эмира, не поступает ли так его величество.. по молодости лет?

Генерал глядел на меня серьезно, без улыбки. Помолчал.

— Ну что ж, шигавул, — сказал он наконец, — за то, что мыслите серьезно и не боитесь это показать, вам простятся ваши дерзкие сомнения. Но поверьте, все обдуманно всерьез. Конечно, наши противники не преминут спровоцировать разные темные силы. Но ежели письмо дойдет — им придется еще задуматься, как быть дальше. Россия, хоть в ней все и перевернулось кверху дном, по-прежнему могучая страна, и ее нельзя не принимать в расчет. Затея англичане слишком серьезную возню — не исключено, что это обернется против них же! Кто знает, не перекинется ли кровавая междоусобица и в Индию? И не станет ли эта великая и угнетенная страна нашим соратником в борьбе? Вот так, молодой человек... — Он погладил свой голый череп. — Давайте-ка, шигавул, оставим эти великие дела самой истории и займемся нашими малыми обязанностями. Готовы ли вы духовно к путешествию?

— Душой и сердцем, жарноил!

— Я не зря спрашиваю, вы должны понимать, что наше посольство — это не увеселительная прогулка, а путь, полный опасностей. Туркестан осажден, окружен. В Красноводске — англичане; по берегам Аму — многочисленные банды. Едва мы тронемся в путь, они зашевелиятся, ведь соглядатаи тотчас возьмут наш след!

— Я знаю, сардор, и моя жизнь в вашем распоряжении!

Генерал встал и подошел ко мне. Я тоже вскочил, вытянулся. Он был заметно ниже меня ростом, но тело крепко сбитое, тренированное.

— Нет, шигавул, — сказал он с улыбкой, — теперь все наоборот: это моя жизнь в вашем распоряжении!

— Я щит для вашей груди, сардор!

— Щит — вот он! — сказал генерал, показывая на папку красного бархата, лежавшую на столе. — Это письмо послужит щитом для нашей многострадальной родины! И благослови его бог...

Мы выехали дождливой апрельской ночью, когда никто, кроме нас, не решился, наверное, отправиться в дальнюю дорогу. Было нас пятеро, все в простой одежде, чтоб не привлечь ничего внимания, — один под видом ремесленника, другой — торговца, третий — дехканина. В крытом фазтоне о двух лошадях, напивлив грубое рублище и примостясь около своего секретаря, сидел посол, и никому бы в голову не пришло, что это знаменитый генерал Мухаммад Валихан. Впрочем, прохожие не могли и разглядеть его в темноте фазтона — будь то днем или ночью; если чей взор и наткнулся на это щедро поливаемое водой небесной, негромко стучащее и кряхтящее на ходу сооружение — он видел прежде всего Хамди Салмона, сидевшего на месте кучера. Этот крупный толстощекий человек, на большом белом лице которого выделялись огромные подведенные сурьмой усы и совершенно терялись тонкие, да вдобавок еще выщипанные брови, и впрямь выглядел на облучке, как заправский кучер. В действительности он был помощником посла, ответственным за хозяйственные дела: пристанища в пути, провиант, фураж, обмен лошадей на постоялых дворах — и за весь прочий транспорт, когда он понадобится. Секретарь генерала, или мирзо, был его сверстником; этот худощавый интеллигентный человек слыл во дворце лучшим толмачом — он свободно говорил по-английски и по-русски. Пожалуй, он один из всех мог показаться более или менее важной персоной, хотя одет был не лучше других.

Мы же с Мурадом Юсуфзаем ехали позади, верхами, Юсуфзай — старший офицер, корноил, но я подчиняюсь не ему, а самому послу, должен ловить каждый взгляд генерала, исполнять даже его безмолвные приказания.

Весенний дождь не холоден, но он моросил всю ночь, наши бурки, кажется, промокли насквозь, даже седла напитались водой. Старики-то полночи продремали под верхом фазтона, они вряд ли продрогли так, как мы, зато их наверняка измучили рытвины и ухабы; сель смысл насыпные горные дороги, и обнажились каменные колеи. Углубления на дорогах заполнены водой, никогда наперед не знаешь, сколь глубока лужа, в которую сейчас с размаху ступит нога лошади; грязь облепила нас до плеч, фазтон тоже доверху в комьях и кляксах глины. Дорога нелегка — зато спокойна, так что не зря мы пустились в дорогу ночью. Из-за некончающегося дождя мы даже зари не заметили — просто ночь понемногу превратилась в серый и такой же непроглядный день; путь был по-прежнему пуст, никаких встречных; к середине дня, поменяв лошадей и раз или два привалив, мы уже одолели перевал Саланг.

На второй день вместе с лошадьми мы поменяли и повозку: дальше по дорогам легкий фазтон передвигаться не мог, его заменили крепкой четырехколесной арбой с плетеным кузовом. Нас с Юсуфзаем это, конечно, не коснулось: под нами были прежние седла.

Дождь, наконец, кончился. Перед нами засверкали бескрайние зеленые просторы. Я в первый раз увидел сверху, с высоты, север нашей страны, где я родился и вырос. Прозрачайший воздух, далекие летовки, сросшиеся с голубым небом, пышно вскипающие белым и розовым цветением сады — все это неожиданно взволновало меня. На шумных диспутах Молодых афганцев, на офицерских собраниях мы били себя в грудь, восклицая: «Родина!» Но что мы, черт возьми, понимали под «родиной», мы же всего этого и в глаза не видели, даже я, который подrostком не раз ходил по этим дорогам, ездил из Мазари-Шерифа в Кабул. Вот она, родина, огромная и невыразимо прекрасная, простиралась передо мной, и, странно, вместе с восхищением, восторгом — страх за все это вкрался в мою душу. Должно быть, я действительно становился взрослым. На мне лежала ответственность не только за старого генерала, дремлющего в арбе, красную бархатную папку с высочайшим письмом — но и за судьбу всей безграничной, священной земли, напоенной свежей весенней прохладой. Должно быть, я как-то весь подтянулся, потому что рыжий иноходец подо мной тоже что-то почувствовал, наострил уши, жилы на его блестящем крупе дрогнули. Нет, сказал я себе, ты больше не юный ветренный офицер, ты протрезвел, все видишь отныне ясно. Конечно, то была еще вовсе не трезвость, а новая стадия опьянения молодостью, но как понять, что ты пьян, пока ты пьян?

Поначалу такие чувства очень сладки, однако на четвертый день дороги они уже представлялись мне несколько ребячливыми. Показалась Аму — широкая лента, отражающая синеву небес; легкий пар над ней подымался. Все-таки странно, подумал я, эта могучая вода родилась и росла на моей земле, в моих просторах она стала огромной рекой, но вот кто-то когда-то провел полосу, именуемую границей, и, едва миновав ее, наша вода уже становится не нашей, наша река — чужой рекой. Как это получается? Разве люди на том берегу устроены иначе? А вдруг они действительно в чем-то иные, подумал я, ведь вот же — взяли и повернули, изменили свою жизнь.

На границе нас ждали. Мы были рады, что прибыли без приключений, улыбались, несмотря на усталость, но наши улыбки, наша нехитрая маскировка под ремесленников и крестьян на фоне встречавших нас людей в военной форме, серьезных, немногословных, официально деловитых, казались, наверно, немножко смешны.

Оформив документы, мы с вещами погрузились на паром. Вблизи Аму вовсе не была голубой, текла мутно и беспокойно. И все-таки она казалась рукой матери, мягко передающей меня другому миру. Лишь посредине реки волны сделались огромными, провалы меж ними — глубокими и страшными, приближающийся берег пугал подстерегающими опасностями. С наступлением сумерек на нем там и сям зажглись огоньки, вытянулись цепочкой, обозначая, очевидно, какую-то приплюснутую городскую улицу. Но самые яркие огни высыпали на побережье, где раздавались пароходные гудки и куда из далеких, темных пустот чужого берега возвращалось разбуженное эхо.

Встречали нас люди со старой зеленой машиной, куда мы перегрузили свои вещи с парома. Встречавшие, хоть явно и не забывали, что перед ними гости, и не скупались на улыбку, почему-то очень спешили и даже не слишком гостеприимно нас поторавливали. Позже мы поняли почему: чтобы не задерживаться здесь на несколько дней, нужно было успеть на отходящий поезд. Мы и успели — некоторые формальности выполнили уже в поезде.

В вагоне для нас оставили три открытых опрятных купе; остальные места занимали обычные пассажиры, с виду, впрочем, весьма похожие на нас; но военные, стоявшие на карауле у нашего прохода, позволили всем догадаться, что мы — публика не совсем обычная; поначалу кто-нибудь то и дело косился в нашу сторону, за

этим следовали перешептывания; но едва поезд тронулся, резко раскачивая фонари в ките, как на нас перестали обращать внимание.

Вечер заполнил почти все пространство вагона тряской, чернотой, исчезли все звуки, кроме перестука колес. Все задремали: генерал — сидя на корточках, мирзо — скорчившись у сундучка, дорожный Хамди Салмон — возвышаясь, как гора, на своей полке. Бодрствовали только караульные — на ногах, да мы с Юсуф-заем — сидящие, но тоже начеку и готовые к любым неожиданностям; я как всегда — рядом с сардором. Удивительно — мне сдается, я научился читать его мысли и ощущения. Его сон — это и не сон вовсе, а громадный, непрекращающийся поток размышлений, лишь изредка приостанавливающийся, чтоб отдохнуть. Сейчас ночь, под колесами уносится назад чужая земля, все больше отделяя нас от родины, и сардор, я знаю, мучительно думает об этом, потому что в Термезе давешние торопливые люди успели сообщить ему злую новость: в дни после нашего отъезда через восточные рубежи к нам вторглись войска колонизаторов. Неужели это начнется их третья война с нашей разоренной страной? Сардор как-то сразу поник тогда, побледнел, у него даже, кажется, колени задрожали. Но гостеприимные хозяева стали его утешать — де-ваш многострадальный народ, открывший для себя горизонты независимости, повсеместно поднялся, стар и млад, поливает захватчиков огнем гнева, проявляет беспримерный героизм — и так далее. И в Британской, мол, Индии тоже восстания — так что, спокойно продолжайте путь.

Легко сказать — спокойно. Уж кто-кто, а мой старый генерал хорошо знает, что такое эта война, изучил все ухищрения захватчиков; родная страна снова в огне, а мы от нее отдаляемся.

«Нет, не отдаляемся — приближаемся!» Я прямо-таки слышу, как он это произносит своим чуть хрипловатым низким голосом, слышу, хотя он молчит, прикрыв глаза. Он всегда в конце разговора так неожиданно мудро выворачивает наизнанку подводимый кем-нибудь итог, что только дивишься — в самом деле, как просто, и почему это самому не пришло в голову?» Сейчас, когда разгорается пламя ненависти к империалистическим захватчикам, когда всякая искра гнева превращается в могучий костер, когда поднимают голову индийские мусульмане, веками страдавшие под гнетом пришельцев, — нельзя молчать. Не упускайте моменты, сбросьте с ваших плеч вековечных тиранов, разграбивших вашу землю. Не допускайте, чтобы ваши развалины попирались и впредь! Вы должны стать хозяевами вашей страны! Направьте свою жизнь так, как вы сами этого желаете! Вы имеете право на это, ваша судьба — в ваших руках...»

Мы едем к великому человеку, сказавшему эти слова. Он даст совет, он найдет выход. Мы не отдаляемся — мы приближаемся. Сардор приводил мне эти слова еще в Кабуле. Сейчас, конечно, он тоже вспоминает их, мы как бы размышляем вместе.

Откуда-то доносится храп. Это там, внизу, среди пассажиров. Подумать только, кому-то удастся безмятежно дрыхнуть! Сквозь закоптелые окна тускло просвечивает проносящаяся красота туманного утра. Голос младенца. Запах хлеба. Сардор открыл глаза, смотрит на меня с усталой улыбкой, как бы говоря: «Еще один день прошел». Я собираюсь что-то сказать, не то о завтраке, не то о протекшей ночи — и вдруг вагон яростно вздрагивает, тормозит с отвратительным скрежетом, что-то падает с верхних полок — чемоданы, мешки, поднимается гвалт, вопят люди, что расшиблись, в последний момент срывается и падает, разбиваясь вдребезги, фонарь, что висел рядом со мной, и по вагону разливается керосиновая вонь. И тут я замечаю, что поезд в итоге так и не остановился, а все еще волочит по рельсам, продолжая издавать ужасающий скрежет.

А в дверях поднимается какой-то новый шум: часовой, повредивший себе при толчке лоб, бросается в ту сторону; справа раздаются выстрелы; стекла окон разлетаются мелкими осколками. Корноил и я берем в руки оружие, смотрим на сардора, но никакого приказа не следует. Может, старик еще не оценил обстановки? В проходе показываются какие-то люди в халатах из бекасама¹, теперь стреляют слева, в окна врываются снаружи крики и конский топот. Один из вошедших — чернобородый молодой джигит с красивым, мужественным лицом, в каракулевой шапке, надрывно кричит:

— В чем дело!!! Прекратить стрельбу! В кого стреляют, головотяпы! Прекратить огонь!!! Скажите вы — прекратить огонь!

Приказ доносят наружу, стрельба стихает. Вооруженные люди в проходе, в том числе и чернобородый, уставились на осанистого Хамди Салмона — он лежит на верхней полке, как огромный предгорный холм. И тут я ловлю взгляд сардора: «Оставьте оружие, их много — возьмите вот это...» И он незаметно — на него и не

¹ Бекасам — кустарная шелковая ткань, идет главным образом на пошив верхних халатов.

смотрят — подвигает в мою сторону маленький кожаный портфель, лежавший, я знаю, у него в изголовье. Я, почти не нагибаясь, хватаю портфель и сую за пазуху. На меня тоже не смотрят, к счастью. Я знаю, что в портфеле. Еще бы — там наше главное богатство, письмо эмира, адресованное Ленину. Теперь его судьба, судьба всего посольства — вручена мне. Но мне-то что делать? «Делай что хочешь, ты должен сохранить это хотя бы ценой твоей жизни!» — говорят глаза сардора. Вагон, проволочившись по рельсам, останавливается против безлюдного, раскаленного солнцем хвойного лесочка. Окна разбиты, в них горят осколки стекол; но что думать об окнах — попробовать не то что вылезти, а просто приблизиться к ним — уже значит навлечь все на себя. А до сих пор счастье мое заключалось в том, что на меня не обращали внимания. Хотя нас, наверное, будут обыскивать по одному — но это потом, потом, потому что пока все внимание повязанных платками молодцов во главе с чернобородым поглощено Салмоном. Салмон только что подкрасил усы хной, и басмачей это привело в восторг. Они плотоядно улыбаются, как кошка, придерживающая лапой мышонка. У них нет и тени сомнения, что Салмон и есть посол: можно ли сомневаться, что главную роль играет человек с самой внушительной фигурой? Они прекрасно знали, что мы едем в этом вагоне, и сейчас им нужно только отделить нас от обычных пассажиров: те им ни к чему. Может, смешаться с теми пассажирами и «потеряться»? Пожалуй, это единственный путь, и сардор, кажется, тоже так думает.

— Ну, кто ж ты такой? — спрашивает тем временем чернобородый у Салмона.

— Я? — спокойно переспрашивает Салмон. — Что, не видно? Я бухарский таджик, торгую хурмой.

Басмачи гогочут: их восхищает наглая невозмутимость посла, который продолжает играть, даже явно припертый к стенке.

И тут из толпы басмачей громко кричат, называя меня по имени:

— Садык! Эй, Садык!

У меня сердце проваливается куда-то в желудок. Все! Конец! Кто-то меня узнал. Но кто-о? А может, это не меня? Мало ли Садыков?

— Садык! Ты что, не узнаешь, пройдоха? Это же я, Джалил Гуфтадуст. — И я вижу, как, глядя на меня зелеными глазами, в которых прыгает искренняя радость, протискивается ко мне высокий человек в смужковой шапке, с пятизарядкой за плечами, с кучей патронташей на груди, со знакомыми черными усиками, будто наведенными карандашом. Искося ловлю отчаянный взгляд сардора: «Этого только не хватало!» Но сам я, кажется, уже так не думаю. Может, тут что-то есть? Какой-то шанс? Ведь это действительно Гуфтадуст, мой бывший приятель и соученик по школе Хабибия. Во времена Хабибуллы-хана, по просьбе эмира бухарского, он в составе группы молодых офицеров был послан «защитить святую Бухару от большевиков». После казни Хабибуллы они, в страхе перед новым эмиром, не посмели вернуться. Значит, этот долговязый, гори он огнем, пристал-таки к басмачам.

Делать нечего: я встаю ему навстречу, мы шумно здороваемся, обнимаемся, хлопаем друг друга по плечам, он со счастливым выражением лица повторяет: «Ну и встреча! Ну и встреча!» — И снова обнимает меня, потом отпускает, оглядывает, чуть ли не обнюхивает, приговаривая теперь: «Эх, друг... Эх, друг» — и лицо у него понемножку становится такое, будто он вот-вот заплачет. Ему и невдомек: только что он прижимал к своей груди тот самый маленький портфельчик, из-за которого его банда устроила такое большое побоище.

— Так ты из Кабула? — говорит он.

— Из Кабула.

— Прямо из Кабула? — повторяет он таким восторженно-недоверчивым тоном, словно спрашивает: «Прямо из Эдема?»

— Ну, прямо из Кабула!

— Э-эх...

И на глаза его действительно наворачиваются слезы.

— Слушай, пошли отсюда выйдем! — говорит он. Потом заботливо осведомляется: — У тебя ничего с собой нет?

— Не-ет! — говорю я беззаботно.

— Ну, пошли!

Остальных басмачей невиданный эпизод нашей встречи отвлек ненадолго: они по-прежнему заняты спектаклем, который, как они полагают, разыгрывают с Салмоном, хотя на самом деле, конечно, Салмон разыгрывает их. Меня Салмон тоже восхищает — так он замечательно держится. Что-то с ним будет? Я успеваю еще поймать взгляд сардора — и вижу: одобряет. Только кого? Салмона? Меня? Или нас обоих? И мы идем с Гуфтадустом к другому выходу. На мгновение у меня к горлу подкатывает волна горечи: у самого выхода лежат два трупа наших охранников. Но я сдерживаю себя и вслед за Гуфтадустом спокойно перешагиваю через трупы. Мы вылезаем из вагона на раскаленный песок, останавливаемся. Двое конных, топтав-

шихся неподалеку от выхода, нацеливаются на меня, но, сразу уловив характер нашего с Гуфтадустом разговора, безразлично отворачиваются.

— Ну, потолкуем! — говорит Гуфтадуст. — Это ж сколько не виделись, а?

— Ты с нашими встречаешься?

— Конечно, еще бы.

— А моих — видишь? Отца, брата, сестренку?

— Отца твоего как-то встретил — такой же, как всегда.

— И что он?

— Ничего — сам понимаешь...

Насчет встречи с его отцом — наглое вранье. Но мне нужно время, чтоб осмотреться, придумать что-то, к тому же я боюсь, он начнет расспрашивать о моих делах — и придет же ему, наконец, в голову: не зря я, только что из Кабула, оказался в одном вагоне с посольством. И я говорю, рассказываю отвечаю ему, но этим занят, кажется, только язык — глаза обшаривают все вокруг, а в голове стремительно сменяют друг друга варианты бегства — все, к сожалению, негодные. Попросить его отпустить меня? Нет, не пойдет он на это. Просто побоится, да и насторожится. Отпрыгнуть и кинуться бежать? Кругом песчаные холмы, степь, но далеко не убежишь — они на конях. Кроме двоих конных у нашего вагона, я вижу еще нескольких в другом конце состава; те охраняют табунок лошадей с пустыми седлами; я сперва решил, что хозяева этих лошадей — все у нас, но нет, некоторые «чистят» и остальной состав — может, на свой страх и риск. Вон, stalkивают со ступенек пассажиров — испуганно скорчившиеся полураздетые фигуры, которые остаются стоять тут же, со страхом поглядывая на свои окна. И вдруг мне подворачивается немыслимое везенье. Кто-то из басмачей высунул из дверей в том конце вагона, вертит головой и, увидев Гуфтадуста, кричит:

— Эй, Джалил! Сюда! Скорей давай... — И скрывается в дверях.

— Зовут, — извиняющимся тоном говорит Гуфтадуст. — Но я сейчас, быстренько, ты погоди... — И он лезет по ступенькам.

Я успеваю подумать ему вслед: «Эх, ты офицер! И бандита толкового из тебя не вышло, растяпа!» Но уже лихорадочно обмозговываю этот невероятный, единственный счастливый шанс. Искося, не поворачивая головы, гляжу на конных — те, держа, видно, в голове, что я не под охраной, а значит — свой, и не смотрят в мою сторону: разговаривают, наклонившись в седлах. Выходит — бежать. Не теряя ни секунды! И я ныряю под вагон, вылезая с той стороны, опасаясь, как бы увидеть конных караульных, но никого нет, зато рядом еще один путь и на нем стоит какой-то разоренный, пустой, может быть тоже ограбленный, товарняк с распахнутыми дверьми. Что ж это — разъезд? Но гадать некогда. Спрятаться в одном из пустых товарных вагонов? Наверняка кто-нибудь увидит меня из окон нашего поезда. Значит — дальше! И я снова ныряю под вагон — и несколько секунд спустя оказываюсь на пустынной насыпи, которая круто обрывается вниз. Дальше вдоль пути виднеется завалившийся домик — должно быть, разрушенная сторожка стрелочника. И — больше ничего. Внизу, у насыпи, тоже начинается степь, поросшая верблюжьей колючкой, песчаные холмы. Может, за холмами есть что-то? И я скатываюсь с насыпи, бегу в ту сторону: ведь главное сейчас — скрыться, уйти отсюда подальше.

Ближайший холм был дальше, чем казалось с насыпи, и когда я пересек его склон, то увидел пустынную дорогу, глинобитные дома с неухоженными садами, помещения для скота с навозными кучами у распахнутых дверей. Похоже на окраину большого кишлака, но почему никого не видно? Ни души, ни скотины! Мне это, конечно, крайне кстаети, но ведь надо знать, что за этим кроется. И где я.

Добредя до ближайшего полуразрушенного дувала, ограждающего крайний сад, я вдруг чувствую страшную усталость — от бессонных ли ночей, от пережитого ли только что напряжения; у меня прямо-таки ноги подгибаются. Я перелезаю через дувал, прячусь в его скудной тени, прислушиваюсь. Тишина. Ни шагов, ни голосов, ни намека на погоню. Грех жаловаться — пока мне везло, как по заказу. Но если на кого-нибудь наткнусть... «Кто ты?» Что отвечать? Конечно, у меня есть документы, и один из них — еще какой документ! Прочтут — удивит полмира. Но его-то не покажешь — напротив, нужно прятать, хранить пуще собственной жизни. А впрочем, одинаково: погибни я — конец и эмирскому письму. Ведь передать теперь некому, да и нельзя. Нет, надо немножко посидеть тут, отдышаться, отдохнуть, наметить какой-то план. Если этот кишлак под властью давешних басмачей — положение мое не из лучших. К тому же у них в руках мои товарищи. В сущности, они заложники и надеются только на меня. Конечно, вряд ли их убьют — куда выгодней иметь их в руках и представить живыми; во всяком случае, их не тронут

до тех пор, пока не найдут эмирское послание; не такие уж они дураки, эти басмачи и те, что их послали, чтоб не понять: подобное посольство шлут с ч е м-н и б у д ь. В этом сумасшедшем мире никто уже не верит на слово. Но если догадаются, что я был в составе посольства, — хотя как догадаются... товарищи мои не выдадут... Гуфтадуст тоже не выскажет такой догадки — ему тогда голову снимут, что упустил меня. О черт! Но ведь он может узнать Валихана! Еще как может! Одна надежда — что он его никогда не видел. Черт возьми, голова лопается от предположений! Отдохнешь тут... отдохнешь, как же! Мне казалось, я все еще размышляю, строю планы, на самом же деле усталость и жара сморили меня и я впал в дремоту. Не знаю, сколько она длилась — минуту или десять; разбудил меня испуганный девчоночий голосок:

— Вай, кто это?!

Я в страхе привскочил, но успел заметить, что солнце почти на том же месте — значит, времени немного прошло. Шагах в пяти стояла побледневшая девочка и смотрела на меня в страхе. Она, должно быть, что-то собирала в саду, но теперь машинально опустила подол, под ним до щиколоток тянулись красные штанишки.

— Эй, ты откуда? — спросил я полушепотом. Она все так же смотрела огромными от испуга черными глазами и молчала. — Слышишь, эй! Откуда ты и почему людей вокруг не видишь?

Тут она вдруг шарханулась, как горная козочка, и унеслась, только мелькнули среди колючек ее черные пятки и красные штанишки. Ну это уж — хуже некуда; сейчас побегит в кишлак и скажет: там прячется странный человек! Нельзя здесь оставаться.

Я с усилием поднялся и пошел в глубину абрикосового сада. Деревья уже начинали сохнуть, несмотря на весеннюю пору; в пожелтевших травах шуршали ящерицы. Ага, вот и причина: арычек — сухой; давно, видно, здесь не поливали. За садом был еще такой же сад, отгороженный низким заборчиком. Так, позади жилья, сады тянулись, видно, еще далеко, и я побрел по ним, хоронясь меж деревьев, одолевая за дувалом дувал, пока не наткнулся на овражек в саду, который показался мне укромным и прохладным местом. Там я и пролежал, то задремывая, то встряхиваясь в испуге, пока солнце не склонилось к закату. Тогда я встал и пошел дальше. В следующем саду было и впрямь прохладно — может оттого, что вечер близился. Тут, кажется, была жизнь: в кустах, ближе к дороге, мелькнула курица, корова замычала, потом я услышал самый сладкий звук: журчала вода!

Я долго пригоршнями пил воду, так что в моем свободном от пищи брюхе она колыхалась теперь, как в ведре. Но дальше, дальше-то что делать? Где я — неизвестно, куда идти — тоже. Если уж днем отлеживался, так ночью... Искать людей, спрашивать дорогу? Но кто знает, на кого напорешься? От безвыходности положения я как-то расслабился. Надо подождать до утра, говорил я себе. А там что? — спрашивал во мне другой голос. А там... глядишь, что и подвернется. А если нет? — снова отзывался другой голос, но уже менее уверенно. Да успокойся ты, отвечал я себе; в любом случае — лучше пока отдохнуть, заснуть. Тем временем быстро темнело. Я лег на траву, на спину. Какая-то колдобинка мешала. Я перекатился, лег на живот. Теперь что-то на грудь давило, мешало снова. Что это? Господи, да ведь это портфель с письмом! Черт меня возьми совсем. Я же почти перестал о нем думать — о том, что лежит у меня за пазухой! А ведь, может, сотни тысяч, миллионы человеческих судеб зависят от судьбы этого листка бумаги. Я поднялся, сел, слабость как не бывало — напротив, меня точно лихорадка охватила. И тут из безлюдной темноты рядом со мной снова прозвучал негромкий девчоночий голосок:

— Эй... эй... человек!

Я даже подскочил от неожиданности.

— Это... это ты, девочка? — Надо же, как неслышно она подошла.

— Я-а. Уходи отсюда, здесь не лежи.

— Куда?

— Не знаю куда... а отсюда уходи. Сам же спрашивал, почему пусто. Везде басмачи. Все и заперлись по домам.

А ведь я и сам так подумал сначала. Ничего себе отдышал — на горящих угольях!

— Эй,— снова сказала девочка. Она подошла ближе, села на корточки, и я опять увидел почти рядом ее огромные сияющие черные глаза.

— Вы таджик?

— Нет. А ты таджичка?

— Не-а. Мы сурханцы. По-таджикски говорим.

— Слушай, ты, кажется, девочка умная. Я — афганец, понимаешь?

— У, обманщик! Ауганец! Откуда здесь ауганцы? — Она улыбнулась, и, кажется, улыбка у нее была на редкость милая. Слава богу, хорошая девочка.

— Да вот,— сказал я,— шел-шел куда глаза глядят, да и сюда забрел.

— Нет, правда? А ведь я и то подумала: как-то странно они говорят.

— Ну вот видишь? Ты мне поверь, я никогда не вру. Понимаешь, мне надо найти такое место, чтоб спрятаться, чтоб меня басмачи не нашли. Найдут — убьют, понимаешь?

— Не-е... — сказала девочка растерянно и чуть от меня отодвинулась.

— Ну чего ты не понимаешь? Ты же умница... — Я вдруг понял, что надо ей сказать правду — была не была. — Скажи, ты про Ленина когда-нибудь слышала?

— Ну, слышала.

— Так вот — я иду к Ленину!

— Неправда! — сказала она резко и презрительно прищурилась: вот, мол, поверила человеку, а он самый обыкновенный лгун!

Видно, плохой я психолог — только все испортил. Не вышло б из меня ни разведчика, ни дипломата. Я сказал как можно мягче:

— Ну почему же — неправда? Ведь ты поверила, что я афганец? Поверила? А ты знаешь, сколько я уже прошел и проехал, только чтоб сюда добраться? Тебе и не сосчитать! Но видишь ты у меня какой-нибудь груз? Товар? Зачем же я еду-то, сама подумай? Я только слово с собой везу! Слово, понимаешь? И это слово я должен передать Ленину.

Она опять на меня, не отрываясь, смотрела. Может, и уговорю, подумал я. Она — сейчас мой единственный шанс.

— Пожалуйста, покажи мне место, где бы я мог спрятаться.

Но она, по-прежнему не отрывая от меня взгляда, отрицательно покачала головой.

— Не-е. Нет! Кишлак Мукри сожгли за то, что там кого-то прятали! Да, да! Отец привез оттуда сестру... обгорелую... мертвую... она недавно пошла туда невестой! — В последних словах ее прозвенели слезы. Она стремительно повернулась — и тут же растаяла в темноте. Действительно растаяла — двигалась она так неслышно, точно летела по воздуху.

Ну все, сказал я себе, от судьбы не уйдешь. Я огляделся, хотя в темноте мало что можно было увидеть. Днем я приметил: сад спускается куда-то не то в большой овраг, не то в низину. Уклон чувствовался под ногами, и я пошел вниз, больно натываясь на обрубленные тутовники. Снизу тянуло прохладой. Желудок у меня был пуст, но я все-таки отдохнул за день и вполне мог бы идти хоть всю ночь — знать бы куда! А то ведь попадешь прямо к ним в лапы. Недаром девочка твердила: «Уходи отсюда».

Но далеко уйти я не успел. Откуда-то слева, из-за тутовников, снова прозвучал ее голос:

— Эй... эй, ауганец!

Что за напасть, по следам она ходит, что ли? Или вправду летает? Но от сердца у меня отлегло. Я обрадовался.

— Что скажешь? — отозвался я.

— Идите сюда!

Я взгляделся во тьму и увидел ее светлую ленточку, привязанную к косичке. Она свернула направо. Сам я раньше не решился пойти в ту сторону — оттуда пахло хлебом. Но девочка наверняка знала, куда идет. Я еле поспевал за ее мелькающей впереди ленточкой. Она вдруг остановилась — и повернулась ко мне:

— Это правда... что вы мне сказали?

— Правда, клянусь хлебом!

— Ладно... я верю. Пошли.

— Куда ты меня ведешь?

— Не бойтесь. Мы в дачном саду Чары-мингбаши, сюда басмачи не заглядывают.

— Да ты сама-то — чья?

— Мой отец — конюх у мингбаши. Пройдете в зимний загон для табунов, там сейчас никого не бывает, — сказала она уже на ходу, деловито — и вдруг перепрыгнула через что-то. Перепрыгнула, остановилась и протянула мне смутно белеющую руку. А ручка у нее оказалась маленькая, теплая, но что-то от нее исходило и большее, чем просто тепло. Какая-то уверенность, что ли. Я почувствовал, что переживу эту ночь.

Мы остановились, наконец, у стены длинного темного строения.

— Конюшня, — сказала она. — Залезете по каркасу наверх, там хранят солому. Ложитесь и лежите спокойно. Никто не придет... все на выпасах.

— А ты как дойдешь?

Она хмыкнула.

— А я чего... я дорогу знаю!

И она опять исчезла — так же неслышно, как всегда.

Я сел, прислонившись к стене. Сад шелестел, мне стало спокойно. Но не прошло и десяти минут, как девочка вернулась — подошла так же неслышно и смутно обозначилась в темноте.

— Что случилось? — спросил я, вздрогнув. Не мог я привыкнуть к ее появлениям и исчезновениям, внутри у меня все вздрагивало.

— А ничего... Что ж вы наверх-то не залезли да не легли?

Она что-то стала вынимать из подола и класть около меня. Еда, конечно, — молодец девочка! Рот у меня наполнился голодной слюной. Девочка принесла четыре недеспелых яблока, пупырчатый огурец, лепешку «чавати», испеченную в казане, и кленовую касу, полную тутового толокна.

— Вот спасибо тебе! — сказал я. — И так ты догадалась! И вправду, есть хочется.

— Чего ж догадываться! — Она звонко засмеялась, впервые за все время. — Чего ж догадываться — знаю, что вы день не ели!

Я отломил кусок лепешки, взял огурец, захрустел им.

— И ты со мной поешь!

— Я? Нет, я сытая.

Почему-то стало светлей — то ли облачка ушли со звездного неба, то ли просто глаза мои приспособились к темноте. Я разглядел девочку — она была старше, чем мне поначалу показалось, лет пятнадцати уж наверняка, и совсем выросла из своего ситцевого платица.

— Что это шумит вдалеке? Ровно так...

— Камыш, — сказала она. — Камыш шумит.

— Камыш? Разве здесь река близко?

— Ой, помереть мне, вы что, не знаете? Аму внизу течет! Аму-у...

— Аму? Да ты что?! Здесь?!

— Ой! Да вот же...

— Слу-у-шай... — Я начал фразу, еще не зная, чем кончу. Ну, волшебница-девочка! Еще бы одно такое известие! Усталости моей как не бывало — напротив, какая-то радостная волна во мне вздыбилась. — Слушай! — сказал я. — Давай пойдём на берег!

— Ой! А вы не боитесь? Я ж знаю, вы с того поезда, что грабили басмачи. Не боитесь?

— Так ты ж сама говорила — здесь безопасно. — Есть мне хотелось по-прежнему, я наклонился отломить еще кусочек лепешки, а подняв голову, увидел: девочка смотрит на меня, словно забывшись.

— Ну так что? — переспросил я. — Говорила ты, что здесь никого нет?

Она спохватилась, что я видел ее такую, сжала губы, сказала почти сердито:

— Ну, говорила. Так то здесь, а не на берегу. Там дорога...

— А мы не дойдем до дороги. Поближе сядем. А?

Она пожала плечами с притворно равнодушным видом:

— Идемте.

Мы пересекли ровную песчаную площадку, на которой седлают жеребцов, и побежали через тополевую рощу. Шум камыша приближался. Тополя кончались — и моим глазам открылась ночная Аму цвета бледного неба, ее прохладное влажное дыхание ударило в лицо.

— Дальше нельзя, — сказала девочка, — садитесь здесь и смотрите...

Я сел на траву, пробивавшуюся сквозь песок, девочка пристроилась рядом, с трудом натянула короткий подол на колени.

Я смотрел на реку, и меня охватывало странное чувство раздвоенности: будто я был и я, и еще кто-то, от меня отделившийся. Я впервые в жизни сидел на берегу, а моя родина была за рекой! А я был и там и здесь.

— А вы, — снова заговорила вдруг девочка, — знаете Ленина?

— Знаю... Как и ты — ты ведь, сказала, тоже знаешь.

— Нет, я не то... ну, ладно... и что вы ему скажете?

— Скажете! Мне к нему сперва добраться надо, а не очень-то похоже, что получится!

— Ну, пусть... ну, ладно. А если получится — что скажете?

Похоже, она меня испытывала.

— Что скажу? Да многое хочу сказать. Видите, скажу, на том берегу находится моя родная деревня... сторона моя родная. Древняя это страна, и какие только пришельцы не пробовали ее захватить! А никому не удалось! Но чтобы просто жить по-своему на своей земле, сколько крови мы пролили, сколько отдали жизнью, ничего не жалели, ни домов, ни скота, ничего нажитого, оттого и живем бедно, скудно, но не жалуемся, нет, ведь живем и хотим жить по-своему. А над нами смеются, презирают, и никто за все века не говорил о нас с уважением! Да еще с таким высоким уважением, как вы. Вы первый, от имени огромной России, признали раз и навсегда

наше право на независимость, самостоятельность, достоинство, веру в себя! И мы, которые хоть в себя и верили, но чувствовали себя такими одинокими в мире, перед всеми вековыми захватчиками, теперь поняли: мы не одни. Вы и сами нам так сказали: вы не одни в этом мире. И теперь, когда англичане снова начали против нас войну, ничего нет нам дороже этих ваших слов.— Я помолчал и добавил будничным тоном: — Вот что я ему хочу сказать.. если, конечно, доеду!

Я глядел прямо перед собой, боясь ее снова смутить. Она молчала. Потом сказала полушепотом:

— Доедете.

Я не выдержал и на нее покосился, едва заметно. Она снова на меня так глядела и была очень красивая. Просто ужас какая красивая. Я постарался сделать вид, что ничего не замечаю. Кажется, я ей и вправду понравился. Да и она мне тоже.

Дорога вниз, видно, была пустынна, а ветерок с Аму то усиливался, то слабел, и шум камыша тоже то нарастал, как далекий начинающийся где-то обвал в горах, то затихал, но не смолкал ни на мгновение. Мы уже сидели и молчали, и так хорошо было, тихо, прохладно. Сладко было так сидеть и ждать неизвестно чего. Девочка первая заговорила снова, голос был с легкой хрипотцой:

— А у вас там, в поезде, что-то осталось?

— Осталось. Только не что-то, а кто-то.

— Кто-то? — спросила она с явной тревогой.

— Товарищи остались.

— А-а... — Она выдержала паузу, потом спросила: — Они с вами к Ленину ехали?

— Да.

Она снова помолчала, будто раздумывала, о чем еще спросить. Потом спросила:

— И много их?

— Четверо.

— Что ж вы ушли, а они остались?

— Так вышло... Не могли они уйти, их басмачи схватили.— Досадно было, что она спрашивает. Ведь ничем больше помочь не может, а блаженное, сладкое состояние мое порушилось, сменилось прежней тревогой, даже угрызением совести. «Что ж вы ушли, а они остались?» Но нет, о письме я ей говорить не буду, никто о нем не должен знать.

И вдруг она сказала прежним, деловитым тоном:

— Я все разужаю. Все, все. А вы идите прячьтесь назад, лежите тихо и берегитесь чужих глаз!

— Но... как же ты..

— Все, все, скоро светать будет,— прервала она меня не допускающим возражений тоном. Она встала, я тоже.— Идите,— сказала она настойчиво.— А то пренется кто-нибудь, пойдет по дороге, не дай бог услышит.— Я стоял и глядел на нее.— Идите ж,— повторила она. Потом вдруг протянула руку и, коснувшись моего левого уха, сказала тихонько: — Только вот здесь помойте.. в арыке.

И я повернулся и пошел — обратно через тополевую рощу, через песчаную площадку. Встретив арык, я смыл со своего поцарапанного лица следы крови вперемежку с грязью, не тронул только то место, какого она коснулась пальчиком. Кажется, я и сейчас чувствую это прикосновение.

Дойдя до конюшни, я взобрался по каркасу наверх, прилег в соломе. Со мной были остатки лепешки, тутовое толокло в кесе, но мне что-то в горло ничего не лезло. И заснуть я сперва никак не мог. Задремал я позже, когда уж солнце взошло и начало припекать. Новый день выдался жаркий и тянулся, казалось, дольше года. Я просыпался в поту, чихал от набившейся в нос и горло пыли, засыпал снова, опять просыпался, а день все длился — и конца ему не было. Я ждал вечера, как избавления. Но от чего? От изиданья? Умом я не слишком надеялся, что она принесет хорошие новости, но в сердце мое она вселила уверенность — и в себе, и в ней. В самом деле, не знаю, чего я ждал больше — ее вестей или ее самое.

Она появилась в сумерках: как всегда, словно выросла из-под земли, и окликнула:

— Эй...

Все-то она разузнала, все увидела. Мои товарищи находились под замком в пустом амбаре русского торговца, в кишлаке. В стене амбара было зарешеченное окошко, она туда заглянула. Один, тот, что поменьше ростом, безмолвно сидит на ящике, другой, дородный, с крашеной бородой, ходит от стены к стене и время от времени выкрикивает: «Не имеете права!», руками размахивает; у третьего, похожего на солдата, окровавлена челюсть; четвертого она не разглядела, хотя он, кажется, тоже в амбаре. Видно, прикорнул в углу, в окошко не видать. По ее предположениям, басмачам допрашивать их надоело, хотя то, что от них надо было узнать, так и не узнали. Иначе б их прикончили, сказала она. Наш поезд с разъезда уже ушел, а товар-

ный, конечно, стоит, он же без паровоза. На разъезде пусто, зато в кишлаке, кроме басмачей, есть и еще чужие, одетые, как «белые», в сукно. Похоже, они командуют басмачами, потому что она сама видела, как один из них ударил Мухитдина-курбаши камчой, а Мухитдин и его джигиты смолчали.

Я слушаю ее, рассказывающую без умолку, и думаю: ну и девочка! Ну и молодец! Могла бы заменить армейскую разведку! Она оживлена, но личико усталое, чуть припухшее, она легонько поглаживает его пальцами, и в этих движениях — безотчетная прелесть.

— Тебя же домашние, наверно, обыскались — совсем пропала из дому!

— Нет, дома я была, показалась, — говорила она. — Никто меня не ищет. А вот вас — ищут!

— Ты откуда знаешь?

— Как откуда? Знаю. Кого ж еще, как не вас? Наверное, кто-нибудь заметил, что вы подались с поезда к кишлаку. Рыщут по улицам, по садам, даже меня один раз спросили, не встречала ли такого... высокого...

— Ну, а ты?

— Встречала, говорю, он в конюшне у мингбаши. — И она звонко, озорно рассмеялась, второй раз за время нашего знакомства. Но тотчас оборвала смех, стала серьезной. — Вот, принесла вам... — И она сунула мне в руки сверток, который держала под мышкой. Это оказалась еще теплая кукурузная лепешка.

— Спасибо, — бормочу я. Она просто обескураживает, подавляет меня своей заботливостью, тем, что обо всем успевает подумать.

— Вот сейчас стемнеет, — говорит она, — и уйдете отсюда. Здесь теперь тоже опасно оставаться. Придется залечь в камышовых зарослях. Я вас проведу. Там есть такое место на дороге, что можно незаметно... я проведу.

Она в самом деле благополучно перевела меня через дорогу; в темноте, в чудовищной путанице зарослей, где и днем-то мгновенно теряешь ориентировку и единственное, кажется, что можно определить, это — в какой-то стороне река — по звуку и прохладе, она чувствовала себя как рыба в воде; легко отыскала прогалину, устроила меня там и исчезла. А на рассвете появилась вновь — принесла какие-то новости и еду.

В камышовых зарослях я пролежал два дня и две ночи. Промок с ног до головы, оброс бородой, на губах выступила сыпь, в зеркало я бы на себя теперь взглянуть не решился; но она, всякий раз как приходит и приносит еду — садится и смотрит на меня неотрывно, пока я ем. На третий она с утра не пришла, так и пропадала до вечера. Я уж себе места не находил, меня бил озноб, казалось, я потерялся в этих зарослях, как иголка в стог сена, но главное — мне мерещились разгуливающие по кишлаку бандиты, мало что они могли с ней сделать. Едва стемнело, я уж приготовился выбираться из зарослей и идти на поиски — тут она и появилась. И с ходу сообщила:

— Я сказала о вас кузнецу из сгоревшего кишлака. Салиму-ака. А он уж сам знает, что делать.

Я еще не простил ей своих волнений.

— А он проверенный человек? — спросил я мрачно.

Она горделиво улыбнулась:

— Он о вас то же самое спросил!

— Ну и что?

— Я сказала — «да».

Когда она улыбалась, сердиться на нее было решительно невозможно.

О кузнеце она больше ничего не сказала, рассказывала только, что творится и о чем говорят в кишлаке. А я ее слушал и думал: странно, мы ведь до сих пор не знаем имен друг друга! И не случайно: словно боимся обменяться ими, нарушить какую-то невидимую границу. Все-таки глупо — я уже знаю, как зовут какого-то там кузнеца из погорелого кишлака, а ее имени не знаю! Я раскрыл было рот — задать этот вопрос, но она, словно почувствовав что-то, поднялась, заторопилась, исчезла, и у меня не хватило духу спросить. Когда она ушла, я стал думать, что надо было хоть о кузнеце расспросить, и тут же мне стало казаться, что она назвала его имя каким-то особенным тоном. Пустяки, говорил я себе, она же еще ребенок. Птицы беспокоились на своих ночевках, крикала вдали какая-то заблудшая утка, надо мной был сырой бугорок; вокруг, стоит не туда шагнуть, — трясина; дышала поблизости огромная река, камыш неумоимо шумел.

Бедная Аму, думал я, на твоих берегах, куда ни глянь, — тут воюют, там дерутся, некогда людям и взглянуть на твою красу, некогда о себе подумать. Чем лежать, как загнанный волк, в сырых зарослях, не лучше ли в благовонном персиковом саду — говорить о любви?

«Девушка, как же ваше имя?»

«...»

«А меня зовут Садык, да, Садык, я офицер».

«И все молодые офицеры носят у вас такие красивые усы?»

«Все, конечно! Но не всем выпало счастье встретить вас, достаньте-ка из поясного платка еще одно яблоко».

«Яблоко еще кислое, вот созреет — брошу его в реку, а вы поймаете на том берегу».

Раздается смех, река шумит. Нет, это не камыш. Сон, только сон! Я задремал, что же меня разбудило? Далекий конский топот на дороге... он приближается... слышны голоса всадников... я тянусь к пистолету... но что-то в близящихся голосах чудится мне знакомое.

— Юсуфзай! — кричу я во всю глотку; вскакивая, ломлюсь сквозь заросли, как медведь, с немислимым треском, едва не проваливаюсь в трясину, но удерживаюсь в последний миг, заросли навстречу мне тоже трещат, голова коня показывается, меня втаскивают в седло, и вот я уже на дороге, в окружении красноармейцев, что-то говорю, объясняю, спрашиваю, а глаза мои рыщут вокруг: нет, не видно нигде милой моей девочки.

Кто же их привел?

Снова появляется Юсуфзай, приносит бурдюк, поит меня водой и объясняет: эти вот джигиты ночью освободили от басмачей кишлак, но понесли большие потери, в бою погиб их командир, Сардор очень взволнован.

— Сардор тобою очень доволен, мы ведь знали о тебе почти все.

«От кого?» — хочу я спросить, но сдерживаюсь.

Мне приводят коня, красноармейцы верхами пускаются в путь, мы с Юсуфзаем — зади.

Юсуфзай о чем-то мне говорит, кажется, его прорвало после долгого вынужденного молчания, я слушаю, а сам думаю безостановочно: неужели я так и уеду, не увидев ее? Неужели даже не попрощаюсь? Может, остановить Юсуфзая, объяснить ему — ведь постыдно не выразить хотя бы благодарности, когда тебе столько сделали!

Мы проезжаем тополевую рощу, боковым зрением я замечаю в ней как бы тени двух всадников, но всадники меня не интересуют, мы едем мимо, а во мне крутится та же мучительная шарманка: как же так, не увидеть ее — это немисливо, попросить Юсуфзая — стыдно, это мне-то, мужественному, безжалостному шига-вулу...

И вдруг я слышу такое знакомое, такое долгожданное, такое нежное:

— Эй...

Я спрыгиваю с седла; от тополевой рощи, простирая руки, спотыкаясь, падая, ко мне бежит девочка. Я устремляюсь к ней навстречу, она повисает у меня на шее, горит, задыхается, плачет, гладит мое лицо. Я притягиваю к себе ее худенькие плечи, и вдруг обжигающие губы на мгновение прикасаются к моим, весь мир кружится, она отталкивает меня обеими руками, вырывается, поворачивается, бежит.

— Подожди! — кричу я. — Подожди-и-и!

Но она не поворачивается, отрицательно машет на бегу рукой.

— Постой! — кричу я снова. — Посто-ой! Как твое имя?!

Она на мгновение останавливается, обращает ко мне отчаянное, залитое слезами лицо:

— Сумбу-уль! — кричит она. — Меня зовут Сумбу-уль!

Из рощи навстречу ей выдвигается всадник, который держит на поводу еще одного оседланного коня. Я успеваю горько, ревниво подумать, что это и есть тот самый кузнец Салим. Юсуфзай трогает меня за плечо, надо ехать, я взваливаюсь в седло, пыль, топот, через мгновение все это исчезает навсегда.

Я вспомнил ту историю из-за имени.

«Сумбуль Садриева».

Продолжение истории знают все: мы с множеством трудностей добрались до Ташкента, но Туркестан был в блокаде, Оренбургская дорога перерезана, и мы передали содержание письма по радиотелеграфу: единственная возможность. Это, повторяю, всем известно. А вот стала ли та девочка Сумбуль Садриевой, известным ученым? Вернее, была ли академик Садриева той беспокойной, горячей, незабываемой девчонкой по имени Сумбуль? Этого я не знаю. Поглаживаю свои серебряные, как иней, усы и думаю: приведет ли бог узнать? Да и зачем? Теперь — зачем? Сумбуль Садриева...

Сумбу-уль...

На базе изыскательской партии в такое время мало кто бывает. В палатке главного гидролога есть, кажется, все, что может скрасить человеку жизнь: родниковая вода в бурдюке, овечий сыр в кувшине, закопанном в землю, на матрасе — двойная кошма, отличный полог для защиты от насекомых. Но Сабиру Тухтабаеву по-прежнему худо: голень раздута, стала синюшной, рана гноится, суставы расслаблены. Мучит жажда, но смуглый до черноты лекарь, Годжсохта, сказал вчера перед уходом: пить как можно меньше. А Гуломали нет. Уже шесть дней его опустевшая палатка горела на солнце. Где ж его носит? Может, все-таки нашел что-то?

Из четырнадцати русел Чорданахра определены пока только шесть. Приблизительно определены. Если Гуломали найдет то, что обещал, — будет семь. Половина. Неплохо. Плохо, что время уходит. Просто улетает время. Опасность принятия правительством проекта «Большой Аму» все реальней, все ближе. Вот что такое плоды предательства — подлости или слабости человеческой: не сбеги доктор Сухайл с родины, можно было бы теперь выиграть по меньшей мере пять месяцев. А то и больше: уйма времени уйдет на то, чтобы изучить русла, и на то, чтоб договориться с племенами, заселяющими те места. Станный народ эти люди, не понимают собственной выгоды; странный народ — и разношерстный. А ныне, когда говорить: «к вам придет вода» — ведут себя так, словно у них начался пожар.

На прошлой неделе Сабир, изучая выявленную им самую вторую «нахр», познакомился с вождем кочевого племени, заселяющего земли в низовьях русла. Вождь, старый, но могучий, жилистый человек, с плотной, волнистой бородой, подернутой проседью, с неизменно поблескивающими глазами, в пестрой чалме, с полотенцем на плечах — был одет в «пийрону тумбон»: национальную мужскую одежду, состоящую из рубашки свободного покроя, которую носят навыпуск, и кальсонообразных брюк с зауженными на шиколотках штанинами.

Он проворно соскочил со своей приземистой лошадки, тепло поздоровался с гостем и велел стелить дастархан — на открытом месте, на самом солнцепеке. Звали его Хушрав-бобо; выглядел он, по правде говоря, хитроватым и был постоянно в окружении четырех или пяти воинственного вида юношей.

— Значит, говорите, вода придет... — сказал он, выслушав Сабир, и к этому надолго свелось все его внимание; он принялся о ком-то справляться у аксакалов, приказывал нести пищу: сушеный сыр из козьего молока, машевую кашу, суп с мясом, сваренный в чайнике, и еще множество других незнакомых Сабиру блюд, источавших дразнящие ароматы. Тем временем повеял ветерок из степи, стада зашевелились — на горизонте показались облака пыли.

— Сия благостная весть нами не одобряется, гость, — сказал, наконец, Хушрав-бобо, и Сабир в первое мгновение даже не понял, что это ответ на его сообщение. К тому же он был уверен, что услышит слова благодарности — ответ, мало сказать, что застал его врасплох: Сабир был просто обескуражен. Может, я не сумел им понятно объяснить, сказал он себе. Теперь, оглядев искоса аксакалов, он увидел, что они насупились, точно он принес им несчастье. Очень ему сделалось неуютно за этим дастарханом — словно незваному гостю.

— Почему же так, бобо?

Тон вождя племени, до сих пор очень сдержанный, осторожный, изменился, он стал не спеша объяснять:

— Наша жизнь здесь, дорогой гость, началась, когда из реки вода ушла и болота высохли. Вот и образовались эти пастбища, что вы видите! Мы по ним кочуем уже лет двести, а вы хотите снова принести нам болота.

Аксакалы после его слов стали тревожно переговариваться, но он одним движением руки прекратил это. Сабир, слушая вождя, кивал в знак того, что понимает объяснения. Ему и в самом деле стало все ясно: несколько столетий назад низовья реки, постоянно затопляемые, превратились в сплошные топи, у местных племен не было ни сообразительности, ни сил, чтоб использовать это обилие воды: они просто бросили земли и ушли. Когда же ушли и реки, болота постепенно высохли, поросли травой; ими-то и овладели пришлые кочевники. Что ж, их можно понять: иной жизни они себе представлять не могут, эти бедные пастбища — и есть их мать-земля! Но и им нужно попытаться объяснить, что беда заболачивания больше не повторяется.

— Уважаемые аксакалы! — сказал Сабир. — Но ведь топей больше не будет, вода придет не сама по себе, ею будет управлять человек! Ведь не только на пастбища пойдет вода — сады будут сажать, оазис должен быть ухоженным, это в ваших же интересах. И вообще, пришло время менять жизнь! Сколько можно кочевать, ведь сейчас в мире...

Еще не успев договорить, он понял, что говорит совсем не то; он оборвал фразу,

но на лица аксакалов уже легла тень отчуждения. Зато хитрый Хушрав сидел улыбаясь, как режиссер хорошо поставленной пьесы.

— Вы, может быть, не знаете, гость, — сказал он внушительно, проходясь ладонью по волнам своей обширной бороды, — но Афганистан кормят как раз эти кочевники! Не станет северных кочевий — не будет на базарах ни мяса, ни молока, ни шкур, ни шерсти. Между прочим, — добавил особо внятно и медленно, — правительство тоже знает, что значат кочевья для нашей страны.

В последних словах прозвучала уже прямая угроза. Сабир с ужасом видел свою ошибку, но еще не знал, каковы будут последствия. В этих местах новости распространяются не по радио, не газетами — из уст в уста; и при каждой передаче обрастают преувеличениями и домыслами. Уже к вечеру среди людей племени началась чуть ли не паника! Но что было делать? Стихию не остановишь. И он отправился в другой оазис, расположенный у соседнего русла.

Туда был день пути, и весь этот день Сабир размышлял о кочевниках. Раньше при звуке этого слова он воображал полудиких людей, думающих лишь о сегодняшнем существовании: очистив догола одну территорию, они со всем скарбом перебираются на другую, готовя ей ту же участь. Здесь же были люди, вполне сознающие цену своей земли и, так сказать, все фазы своего круговорота на ней, свою роль в жизни страны, свою долговременную выгоду — и свое человеческое достоинство. Накануне вечером, где бы ни появлялся — в юртах, у коновязей, у семейных очагов, — Сабир всюду даже сквозь туман гостеприимства ощущал недоброжелательство этих гордых тружеников, а кое-где ловил и открыто враждебные взгляды.

Но в соседнем оазисе его с первых минут встретили так радостно, что он сразу забыл вчерашнее. Здесь жили бедные трудолюбивые племена, которые ранней весной торопились напоить свои расположенные в низинах клеточки полей с бахчевыми и овощами, потом засевали подножья холмов ячменем, молили бога о дожде и ждали везенья. Каждый заботился о своем маленьком засушливом участке, обильно поливаемом только потом. И потому здесь в глаза бросались прежде всего не прополотые всходы, а ограждения, меж камнями которых посеянные ростки поднимались заодно с колючками. У семей на счету были не только пара волов да соха, но и каждая соломинка или коровья лепешка. И по обе стороны еле заметного древнего русла лежали уже желтые, иссохшие каменные пространства.

Здесь осторожно сказанные Сабиром слова «вода придет» большинство поначалу даже не приняло всерьез, а кое-кто удивился, будто речь шла о несбыточном чуде. И все-таки благая весть полетела по хуторам, как прекрасная птица.

Угощение у вождя племени было не обильное, но людей собралось много, и беседа искупила некоторую скудость стола. Сабир оттаял душой. Он подробно рассказал о планах распределения вод Аму через древние русла Чорданахра. Конечно, это будет нескоро, заключил он, ведь план должна подкрепить наука, и правительство должно поддержать, и помощь улуса потребуется. Это еще завтрашний день, но ведь во вновь освоенных районах Узбекистана в их расцветших садах и житочных хозяйствах такой завтрашний день уже наступил! И Сабир стал рассказывать снова. Слушали его с открытыми ртами, со слезами на глазах, только один старик спросил под конец:

— Скажи, сынок, вот, говоришь — завтра вода придет; а если придет, кто, к примеру, будет ею распоряжаться?

Все молчали, и Сабир как бы очнулся. Не выронил ли он снова дыню, которую нес в подарок? Так они, выходит, слушали это просто как сказку! Неужели и эти, так жаждущие воды, не готовы ее принять и использовать? Ту самую воду, что придет сюда ценою стольких трудов, мучений, средств! Опять перед ним глухой стеной встает то, из-за чего уже не раз опускались руки и хотелось бросить все и уехать. Но вождь племени понял состояние Сабира. Это был высокий художавый человек с обаятельным лицом, обрамленным длинными льняными волосами — их стягивала ременная повязка; далеко не старый, он, однако, звался уже Кул-бобо — знак уважения соплеменников.

— Вода пусть приходит, — сказал он спокойно и уверенно, — а уж достойных людей ей в хозяева мы подберем, мы же дехкане, слава богу.

— Но, Кул-бобо, — возразил кто-то, — вода нужна, у кого земля есть, а у кого нет — тем все равно.

Кул-бобо это явно не понравилось.

— Вода — бесценна, вода святая, нельзя впадать в святотатство! — сказал он. — Давайте поблагодарим гостя за благую весть! Аминь!

Все стали подниматься, и Сабир тоже. Но настроение после этого примирительного «аминь» у него отнюдь не улучшилось. Ему вспомнилась Зулейхо, ее чистые, как родники, глаза. Теперь всегда было так: стоило пасть духом — эти глаза вспыхивали в его сознании, как спасительная звезда, и тянуло тут же пуститься в путь

к старинной усадьбе дяди Гуломали, Шокалона. Однако в одиночестве его не оставили. Явился сам Кул-бобо и проводил в «обогревальню» — нечто вроде гостиницы, расположенной близ мечети. На кошке — толстый матрац, на супе расстелена легкая скатерть, на ней чай, хлеб, над очагом пытит черный кумган. Чудесная ночевка! Но кто-нибудь все время приходил, уходил, появлялись новые посетители — пожилые и молодежь, оборванцы, что работают на бахче, пахарь, вернувшийся с поля. Слух о нем разнесся, все торопились задать свои вопросы, и Сабиру казалось — он находил с ними общий язык. На душе полегало.

Оставшись наконец один, он готовился лечь спать, как вдруг острый укол пронзил его правую ногу, и тотчас заныло все тело. Он вскочил было, но взвыл от боли в ноге и повалился на кошму, мечась и крича. На крики прибежали люди и остановились в испуге, ничего не понимая, тараща глаза. Пожилой дехканин подошел к Сабиру, спросил, что с ним, но Сабир и ответить не мог, только кричал и извивался, показывая на ногу. Принесли фонарь, кто-то навалился на Сабира, не давая метаться. Нога раздулась, как бревно, два человека не могли стащить сапог. Явился Кул-бобо, крайне взволнованный.

— Что-то укусило? — спросил он Сабира.

— Не знаю.

— Найдите Гожсухту! Гожсухту позовите! — крикнул Кул-бобо. Он положил голову Сабира себе на колени и влажной ватой вытирал ему лоб, покрывавшийся обильным холодным потом. Старик-дехканин взял нож и разрезал сапог. Чудовищно вздувшаяся голень была твердой и белой. Наконец пришел Гожсухта — худой, как щепка, полуголый, черный, словно только что из коптильни. Это был врачеватель племени, гадальщик и заклинатель. Он, видимо, сразу оценил положение; для начала сорвал портянку с ноги, скомкал и бросил в пустое ведро, стоявшее в углу, потом взял у Кул-бобо вату, сильно протер вздувшуюся голень, осмотрел — и кивнул самому себе: нашел точку укуса. Сев на корточки, он присосался губами к найденному месту и стал отсасывать жидкость, яростно массируя ногу вокруг то и дело сплевывая. Сабир кричал от невыносимой боли, пытался вырваться, но его держали несколько человек. На шее Гожсухты вздулись жилы, он сплевывал уже не слюну, а кровь. Голень превратилась в сплошной синяк. Это мученье длилось минут двадцать, потом Гожсухта острием ножа проколол место укуса, пошла черная кровь, дымом какой-то подоженной травы окурил рану и приложил золу. Принесли виноградный сок, часть его Гожсухта вылил на рану, остальное выпил сам. Лишь после этого он бросил свое измученное тело на супу рядом с больным. Боль в ноге ослабла, Сабир лежал рядом с табибом, оба обливались потом.

Никто из собравшихся не уходил. Гожсухта, видно, отдышался, наконец поднялся, подошел к ведру, вытащил двумя пальцами скомканную портянку и встряхнул. Поднесли фонарь: на земляном полу лежал раздавленный каракурт — огромный, отвратительный. Все ахнули, забормотали. Гожсухта, не промолвивший до сих пор ни слова, обернулся к Сабиру:

— Бале! — сказал он хриплым голосом. Сабир слабо улыбнулся, но толком не понял, к кому относится этот возглас одобрения — к нему или к самому Гожсухте. Все снова заговорили, голоса были радостные, но Гожсухта сделал им знак умолкнуть и разойтись, показав на больного. Все сразу повиновались; они выходили, оглядывались, улыбаясь Сабиру, точно старались его ободрить или выразить сочувствие. Возле супы остались только Кул-бобо и знахарь. На дервиша похож, ду- мал Сабир. Или... или на угольщика. Воистину «сохта» — «обгорелый»!

— Уважаемый табиб, — заговорил Сабир, еле ворочая языком, — вы... рискуя жизнью... спасли меня... от смерти... я ваш должник до... до светопреставленья. — Гожсухта смотрел на него, не проявляя никаких чувств. — Сейчас у меня нет ничего, чтоб... чтоб отблагодарить... но позвольте... посвящу вам... мою оседланную лошадь!

Гожсухта молча поднял с земли разрезанный сапог Сабира, потер кожу, поднес к носу, понюхал, снова швырнул сапог наземь.

— Откуда приехали, чужестранец? — спросил он.

— От... от ваших соседей... кочевников... а что?

Знахарь многозначительно глянул на вождя, тот на мгновение опустил веки в знак понимания. Гожсухта порекомендовал пить как можно меньше в ближайшие два дня, пожелал выздороветь — и ушел.

Сабир с трудом приподнялся ему вслед:

— Отвяжите же... лошадь... Он, что... обиделся?

— Нет, — с улыбкой сказал Кул-бобо, — он не обиделся, но и не возьмет ничего, взимать что-нибудь с больного — грех, так он считает. Не в этом дело. Вы видели, как он нюхал сапоги? Они у вас выделанной кожи, к голенищу такого сапога каракурт и близко не подползет!

— Что вы... что вы хотите этим сказать?

- Кто-то нарочно сунул его к вам в портянки!
— Не-ет... нет, не может быть! Что вы, уважаемый Кул-бобо!
— А все-таки вспомните. Кочевники вас хорошо встретили?

Сабир вспомнил свое пребывание у них, забыл взгляды. Но нет, нельзя и виду подать. Эти племена, должно быть, и так в не слишком тесной дружбе.

— Встретили... прекрасно, — сказал Сабир как можно тверже. — Я никого не могу подозревать. И потом... — Он помедлил, обдумывая. — Потом... если б мне его сунули... на рассвете... что же он столько не давал о себе знать?

— Ну, так бывает! — сказал Кул-бобо. Видно, и ему какая-то мысль пришла, он помрачнел. — Бывает, — повторил он.

— Нет... ерунда... сам заполз... может, на привале... — сказал Сабир. Кул-бобо покачал головой. — И потом... — продолжал Сабир, — я же... человек, работающий в поле... у нас все... все бывает... и змеи... и каракурты... Теперь вылечусь... спасибо табибу! Выбросьте все из головы, сардор. И спасибо вам!

На рассвете Сабир настоял на том, чтоб уехать на базу. Чувствовал он себя еще скверно, на ногу едва мог наступить, но валяться здесь дольше, решил он, не следует. Его усадили на коня, трое юношей их племени его проводили. С коллегами на базе он вдаваться в подробности не стал, прошел прямо в палатку Гуломали. Самого главного гидрогеолога не было.

Оставшись один, Сабир впервые сам обнажил голень и испугался: она по колено стала синей, утратила чувствительность, рана стала гноиться. Одно утешение — яда в крови теперь не должно оставаться, ведь его и не тошнит. Замечательный человек этот черный табиб! Как он выложился вчера, а ведь сам-то — кожа да кости. Кто ему Сабир? Чужой человек, пришелец. Но — человек! Если бы не бескорыстная помощь этого полуголого, в лохмотьях, бедняка — не лежать бы тебе теперь здесь живым.

Чем можно отплатить за такое добро? Только снова, в который раз, дать зарок творить такое же бескорыстное добро этим простым, бедным, трудолюбивым людям. Ах, если б только от него зависело! Но ведь стоит поверить в возможность какого-нибудь большого доброго дела, как тут же обнаруживаются едва одолимые препятствия. А теперь вот и Гуломали запропал. Ну да, они нашли несколько русел, но чтоб увериться, что это именно те, о которых пишет доктор Сухайль, надо отыскать все четырнадцать! Хорошо еще, если он, Сабир, попытается сократить сроки и облегчить путь, не впал в ошибку. А если поддался соблазну удачи? Если все — не то? Ведь сколько бесценного времени потрачено! И что тем временем делается в Кабуле? Ну, конечно, люди из «Джеймс Моррисон» во главе с этим господином Лалом Махдием землю носом роют, чтоб навязать правительству свой проект. И это мое разлеживание им весьма кстати. О черт, как не везет! Сабир попробовал повернуться на другой бок — и застонал от боли в ноге. Как еще он добрался до базы с такой голенью!

В полночь его разбудил стремительно приближающийся конский топот, который разом смолк недалеко от палатки. Сабир с трудом приподнялся навстречу, поднял фитиль в фонаре.

— Гулом? — спросил он.

Откинув дверь палатки и как бы вырываясь из прохладных, голубоватых объятий ночи, Гуломали с шумом швырнул свой хурджун наземь. Сабир почувствовал — чем-то он доволен.

— Где ты запропал? — сказал он.

— Есть в термосе кофе?

— Кофе нет, я приехал вечером и заснул как убитый.

Гуломали, должно быть, сразу заметил болезненную слабость его голоса:

— Эй, постой-ка, глянь на меня... — Он направил фонарь на его лицо. — Что с тобой, дружище? Ты так спал с лица, точно месяц в тюрьме просидел!

— Что со мной может быть! — сердито сказал Сабир. Не стоило пока ничего говорить Гуломали, пусть сперва о своих делах расскажет. — Говорю же — просто устал, как собака.

Еще раз недоверчиво глянув, Гуломали зажег примус, поставил на него медную посудину с водой, чтоб вскипятить кофе.

— Ну, слушай, Гулом, имей совесть, скажи, наконец, хоть слово! Пропадал почти неделю, теперь кофе варишь, рассуждаешь о моем лице. Нашел ты хоть намек на русло?

— Нет, — сказал Гуломали, стуча в полутьме банками; что-то уронил и, кажется, разбил. О, черт! Его невозмутимость раздражала Сабира, да и нога болела — нашел время в кошки-мышки играть!

— Нет? Совсем ничего?

— Не нашел, говорю же! Ну, не смог найти, что ты хочешь! Дай хоть чашку кофе выпить! Со вчерашнего дня маковой росинки во рту не имел.

— Извини, — сказал Сабир, осторожно подвигаясь к столу, сколоченному из досок. — Я, кстати, тоже голоден. — Он приподнялся, сел на складную табуретку. Гуломали допил кофе, вытянул губами последнюю каплю.

— То русло, которое искал, я не нашел, — сказал он.

— Это я уже слышал.

— Но я нашел кое-что другое, так что ездил не зря.

— Что другое? Нам нужно это седьмое русло, черт возьми!

— Я нашел... самого доктора Сухайля.

— Что-о?!

— Что слышишь... — Гуломали наклонился и начал рыться в своем хурджуне. — Вот! — сказал он, наконец выпрямляясь. В руках у него был большой самодельный конверт, он вытащил из него толстую растрепанную тетрадь и положил на стол.

— Что это?

— Это сохранили люди, которые похоронили доктора Сухайля.

— Похоронили?! Значит, он...

— Да, к сожалению, я нашел его не живого, а мертвого. Точнее — его могилу. Но нашел! Смотри. Читай!

— Но... где могила? И кто эти люди?

— Могила — в горах. Горцы нашли среди камней исковерканное тело и похоронили. Эта тетрадь была у него за пазухой. Они сочли за благо ее сохранить. Получить ее от них было не так-то просто. Хотя они ведут полудикую, с нашей точки зрения, жизнь, это на редкость добродушные и честные люди! Однако чужих они боятся и подозревают во всевозможных злых умыслах. Но я им рассказал о воде, они стали называть меня «мираб», и в конце концов я завоевал их доверие. Слово за словом, они и рассказали мне о погибшем человеке, тетрадь показали — они считали ее амулетом доктора, представляешь? Впрочем, до известной степени так оно и было. Прочтешь — поймешь. Я, как только проглядел несколько строк, сразу понял, кто был этот погибший! Ты читай, читай. Это не тетрадь — бомба! Настоящая бомба!

Сабир подвинул поближе фонарь, но хлеб отодвинул — все-таки тетрадь лежала на мертвом теле! — и принялся читать: «Я встретил их в Мазари-Шерифе, в невзрачной кофейне... учился в Лондоне... так неожиданно, на старости лет... в изыскательской группе... с того дня... нити между нами оборвались... я понял, что он не имеет никакого отношения к науке... теперь он будет стараться... меня дискредитировать... или вообще уничтожить... надо разгласить их планы...»

Сабир дочитал, задыхаясь. Нога болела, но он вроде этого и не чувствовал.

— Ну, дочитал? — спросил Гуломали.

— Дочитал. Кошмар какой-то! А мы-то думали... Значит, он просто не уберется, а мы так-таки и поверили, что он предатель!

— А господин Лал-то, а? Обыкновенный убийца! Гангстер с геологическим дипломом!

— Кто знает, какие там у него дипломы!

— А я... ей-богу... я так и знал... так и чувствовал: он должен быть чем-то в этом роде!

— Что ж ты не поделился?

— Чем делиться? Доказательств-то — никаких.

— Ну а теперь что будем делать?

— А что теперь? Еду в Кабул. Можешь считать: провокация под названием «Проект «Большой Аму» разоблачена. Господин Лал сам себя выдал.

— Ну, положим, еще не выдал. Не надо так спешить. Ты уверен, что одно это — достаточное доказательство?

— А как же! Это же документ! Собственноручный текст! Это даже для суда доказательство. И потом — написано для газеты, ты видел конверт?

Сабир глянул и только теперь заметил на конверте надпись тем же почерком — интеллигентным, изящным: адрес редакции «Кабул таймс».

— Да, — сказал он. — Боролся до последнего часа... в полном смысле. — Он помолчал, потом сказал решительно: — Все равно надо как следует обдумать. Не забывай: мы с тобой — заинтересованная сторона. Если...

— Никаких «если»! Не было у нас доказательств. Я тебе говорю: это и суд бы учел! Теперь главное — времени не терять. — Гуломали бережно вложил тетрадь в конверт. — Будь уверен, когда правительство с этим ознакомится, компанию «Джеймс Моррисон» по головке не погладят. А как только устранится это главное препятствие — примемся всерьез за работу. Так что я еду в Кабул.

— Когда?

— Завтра! Вернее, сегодня. На рассвете!
— Да... Ты говоришь: главное препятствие. Главное — это верно. Препятствий хватает!

— А в чем дело?

— Да вот — эта моя поездка в племена.

— Что-нибудь случилось?

— И да и нет. — И Сабир рассказал и о кочевниках, и о землепашцах.

— Ты понимаешь, — закончил он возбужденно, — в сущности, они все против! Даже те, кто — за! Опять то же, что и у твоего дяди! — Он совсем было забыл о ноге, встал машинально и, охнув, опустился на табуретку.

— Да что с тобой такое?

— Нога-а! Ох-х... — Пришлось показать ногу и все рассказать. Гуломали очень беспокоился:

— Нужно везти тебя к врачу!

— Но...

— Что за «но»!

— Послушай, ты опять суетишься. Кто мне поможет больше, чем тот знахарь? Он сказал, чтоб я просто отлежался.

— Ну и что?

— Ну и то, что уже действительно легче.

— Не очень-то легче, как я вижу. Знаешь что — попробуем убить двух зайцев сразу: я поеду в Кабул, а тебя отправлю к деду. Тебя и врачу покажут, и ты деду расскажешь о Сухайле. Это во-первых: ведь если ему эту новость не сообщить, он потом смертельно обидится. И во-вторых — он нам поможет в переговорах с племенами.

— Но он такой старый человек. — Сабир вспомнил, как выглядел Сардор тогда, в кресле, перед тем как они уехали.

— Все равно лучше, чем он, никто этого не сделает. А может, кроме него и вообще никто не сделает! Ты не знаешь моего деда.

Когда Сабир открыл глаза, его словно бы обдало тусклым жаром; воздух, казалось, был горячим и непрозрачным, тело пылало. Он не мог вспомнить даже приблизительно, когда потерял сознание. Припомнилось только, как отчаянно разбаливалась нога оттого, что терлась о конские ребра, пока он сидел в седле. Ну, конечно, он выехал на рассвете и ехал почти целый день. Дорога казалась ему на этот раз нестерпимо долгой. Длинные горные долины по сторонам сделались похожи одна на другую, ему было не до их красоты. Кишлаки, празднующие навруз, гузары, кишащие людьми, качели на площадях, украшенные степными цветами, женщины, отбивающие тесто о камни, чтобы испечь сангнон — «каменный хлеб», оружие босые ребятишки, надоедливые звуки камышовых свистулек, соревнования по стрельбе из лука на полянах — «Гуд-и-паррон», конный цирк на тюльпановом базаре — все это слилось в одну громадную, бесконечно тянущуюся картину. Сперва, он помнит, у него голова стала кружиться — еще подумал: значит, в крови яд остался и воды утром слишком много выпил. Вцепился в лук седла, боялся ослабить хватку, чтоб не свалиться с лошади. Конь, бедняга, привычно шел дорогой, даже ход замедлил, видно чувствуя состояние всадника. Да, еще несколько раз, он, Сабир, полоскал рот водой из старой отцовской солдатской фляги, которую всегда возит с собой; кажется, уже смеркаться начало. Видно, тогда в сумерках он и потерял сознание.

Но теперь, он чувствовал, лежит, удобно лежит, и рядом кто-то есть. Неподалеку конь фыркает, с хрустом жует сено. Тот, что рядом с ним, обрисовывается смутной тенью то справа, то слева, кладет ему на лоб мокрое. Потом пространство перед глазами Сабира понемногу проясняется, и он видит ветку абрикоса, качающуюся над ним; от этого качанья голова у него снова кружится, он прикрывает веки.

— Гость... гость... как вы себя чувствуете? Где болит?

Какой странно, отдаленно знакомый женский голос... Сабир открывает глаза, но вокруг снова туман.

— Где я?

— Не волнуйтесь, у друзей. Ночью вас привезла сюда ваша лошадь, вы скорчились в седле и были без сознания. Вам лучше?

Господи, какой сладкий голос. Но к горлу тут же подступает тошнота.

— Тошнит.

— Вот кислое молоко, глотните.

Сабир чувствует у себя на губах деревянную ложку, в рот проникает прохладная кислота катыка. Он приоткрывает глаза. Прямо перед ним какое-то черное облако... нет, не облако — это густые черные волосы... они перевязаны белым платком... и вот лицо появляется, всплывает, останавливается перед ним — овальное,

бледное, невозможно прекрасное, как во сне... огромные, словно бы молящие глаза, чуть вспухшие губы.

— Зулейхо... — шепчет Сабир.

— Ну вот, узнали! Слава богу. Я вас тоже сразу узнала, когда увидела на лошади, хотя вы были на себя не похожи. Но я вспомнила: это вы приезжали тогда с Гудомали-ака.

Сабир собирает все силы, чтобы прийти в себя, чтоб глаза не закрывались — смотреть на нее без помехи, чтобы, может быть, даже встать — стыдно лежать здесь перед ней такой развалиной, — но голова кружится, сил нет.

— Зулейхо... — шепчет он снова.

— Что? Я слушаю.

Что-то надо придумать, что-то спросить, нельзя произносить ее имя всуе.

— А дядя Шокалон... ваш отец... он здоров?

— Да, он здоров, здоров! Он уложил вас сюда и велел, чтоб я присматривала за вами. У вас был солнечный удар, отец привезет доктора.

— Нет, это не солнечный удар... это другое... раньше... — Ни за что нельзя ей рассказывать об укусе, о посиневшей ноге, рядом с ней эти отвратительные подробности невыносимы. — Мне уже лучше... я поднимусь и так... без доктора... тем более — таиб меня уже смотрел.

— Да? И что?

— Сказал — все в порядке!

— Какое там в порядке — видели бы вы себя на лошади!

Он чуть не сказал: плохо, что вы меня такого видели!

— Но теперь я отлежался... скоро встану... а... дед ваш... Хайриддин-бобо... он тоже здоров? Он приезжал тогда... мы с ним беседовали.

— И он здоров, спасибо.

— А домашние?

— Они все на Наврузе.

— Ох... значит, вы одна дома.

Она вспыхивает, чуть отворачивает голову:

— Да.

— Вот беда какая... из-за меня вы и на празднике не повеселились.

— Это не страшно! Ведь большой праздник был вчера! Чаю хотите? Смотрите, сколько с праздничного дастархана вкусных вещей.

Он чуть скашивает глаза — в самом деле, на маленьком столике рядом множество разных сладостей, хлеб, кишмиш, орехи; пиала наготове.

— Чаю — хочу.

И он пьет чай — она поит его. Он наслаждается не столько горячей терпкой жидкостью, которая и вправду словно омывает все внутри, сколько мимолетной близостью девушки, сознанием, что она здесь только ради него, и не исчезнет, как случайное виденье, по воле неизвестных сил. Ему становится лучше с каждой минутой. Вскоре он и впрямь уже в силах встать; и, невзирая на ее возражения, привстает, потом садится. Видит поодаль свои сапоги, вычищенные, чинно стоящие рядом; потом замечает свою гимнастерку — она лежит на краю супы, выстиранная, выглаженная, аккуратно сложенная. Горячая волна благодарности окатывает его, на глазах вот-вот слезы выступят. Никогда ни к кому — ни к матери, ни к сестре — не испытывал он такой благодарности за столь простые заботы. Но она — это все равно, что звезда небесная спустилась бы с неба почистить его сапоги и выстирать рубашку! Он смотрит на нее — она возится с чем-то и вроде бы не замечает его взгляда. Он смотрит и видит ее как бы в легком тумане. Ага, слезы все-таки чуть смочили веки. И ему кажется — нет, не кажется, так и есть! — она стала иной, чем помнилась с прошлого раза. Красота ее как-то упрочилась, расцвела, стала еще более властной и победительной. На ней уже не ситцевое платьишко, из которого она выросла, а новое, широкополое, достаточно длинное. Сшитое на деревенский манер, оно немного скрадывает фигуру, зато его широкий атласный пояс плотно обхватывает талию. Когда она нагибается, становится видна пышная зрелость девичьего стана.

Он встает, умывается — она опять ахает, уговаривает его еще полежать. Но он чувствует — ему уже все под силу! Умываясь, он случайно забрызгивает водой свои начищенные сапоги, она стремительно кидается их вытирать, а он не знает, куда деться от смущения. Она старается это заметить.

— Хайриддин-бобо, — говорит она с прелестной улыбкой, — уверяет, что я узбечка. Да! Мы, говорит, состарились, но ты не забывай родину отцов и дедов. — Она смеется. — Правда, мой отец вовсе не с той родины.

— Зато мать — оттуда.

— Мать — оттуда, — повторяет она, затуманившись.

— Хайриддин-бобо у вас еще крепкий старик, — говорит он, чтоб нить разгово-

ра, не приведи господи, не оборвалась. Сколько же ей, однако, лет? В прошлый раз это казалось так очевидно, а сейчас — нет, он бы не взялся определить. — Зулейхо, — говорит он, — а сколько вы классов школы окончили?

— Четыре! В наших кишлаках больше не бывает. А у вас, что, в каждом кишлаке большая школа?

Зулейхо... Какая радость произносить ее имя! Если бы он мог преподнести этой девушке все, что она пожелает, всю красоту, все знания, все богатства мира!

Умывание холодной водой заметно ободрило его. Нога, правда, еще болит, но слабость уже прошла. Он взглядывает на небо. Он давным-давно должен бы находиться в другом месте. Сколько времени потеряно. Нет, не потеряно! Ему кажется, что он теперь только обрел время — время жизни, в которой есть настоящая, без горечи, радость, подлинная, без сомнений, цель. А все-таки ехать надо, нельзя откладывать.

— Мне... мне нужно ехать, Зулейхо! — Как это, оказывается, трудно выговорить.

— Ой, но ведь отец привезет доктора.

— Надеюсь, что нет, и к тому же мне лучше, а доктор, я ведь говорил, меня уже смотрел.

— Не уезжайте, не позавтракав, это нехорошо.

Неужели она и впрямь огорчена? Или ему показалось?

— Но у меня действительно неотложное дело, Зулейхо! Я ехал с важным поручением к Сардору Садыку.

Да, он так и думал — это имя произвело впечатление. Зулейхо молча взяла две лепешки, еще какой-то еды, положила в хурджун гостя. Потом пошла в сторону коновязи.

Сабир поднял хурджун, догнал девушку, перебросил суму через седло, взял в руки повода и — замер перед Зулейхо. Слова не получались.

— Неловко, что я... — пробормотал он наконец, — что я так побеспокоил вас... и вашего отца... — Он положил правую руку на шею коня, погладил. — Это все он виноват, коняга мой.

— Да, если б он вас не привез, вы б и не приехали. — Она тоже положила руку на холку. — У вас хороший конь... Лучше, чем вы сами!

Губы у нее, кажется, чуть дрожали.

Сабир наклонил голову, чтоб этого не видеть, сунул ногу в стремя, снова помедлил — и поднялся в седло. Кожа на шее коня подрагивала, блестела.

Зулейхо сняла руку с лошади. Она смотрела в землю. Он наклонился:

— Зулейхо! Прощайте — и не обессудьте. Я еще появлюсь, чтобы выполнить желание вашего деда.

Она стремительно и недоуменно вскинула голову, в глазах у нее что-то сверкнуло.

— Чтоб рассказать вам про Узбекистан! — крикнул он, уже тронув коня. Конь быстро прошел открытые ворота, заржал коротко — и полетел, как ветер.

На этот раз Сабир застал Садыка во время вечерней прогулки. Привязав коня у ворот, он пошел старику навстречу, вдоль арыка, поросшего низеньким кустарником: высокая фигура Сардора видна издали. Они встретились у миндалевого дерева, осыпавшего лепестки. Сабир приветствовал старого воина почтительно и сердечно, и тот, в свою очередь, обнял и прижал его к сердцу — как сына.

Чтоб не делать крюка, они перешли арык по переброшенному бревну и вошли во двор через боковую калитку. В гостиной сели в кресла, стоявшие посреди разбросанных или сложенных стопками книг. Хозяин провел ладонями по лицу как бы в знак молитвы, потом потрогал чайник — не остыл ли — и предложил гостю утолить жажду.

— Только сейчас, — сказал он, передавая пиалу, — я понял причину моей сегодняшней тревоги. Должно быть, с утра чувствовал, что вы ко мне спешите, ждал вас. С какой вестью, сын мой, пожаловали?

Старик, конечно, ждал новостей о их поисках и работе. Известие о гибели Сухайля будет для него тяжелой неожиданностью, тем более что наверняка вызовет угрызения совести. Надо его как-то подготовить, начать издали. И Сабир стал рассказывать о найденных руслах, сказал, что эти находки в любом случае представляют интерес для науки; бегло помянул о поездке в племена.

— Да, — сказал он, — что ни говори, а если б доктор Сухайль мог нам помочь, дело двинулось бы куда быстрее. Он ведь уже нашел то, что мы ищем. — Старик нахмурился. Сабир сделал вид, что этого не заметил. — Но, несмотря ни на что, — продолжал он, — доктор внес в дело ирригации севера вклад неоценимый — научный, политический. Героический вклад!

— Что вы говорите такое? Неоценимый? Героический? Чего ж он тогда сбегал? — Седые брови Сардора сдвинулись, он вперил грозный и недоуменный взгляд в Сабир, не замечая слуги, пришедшего с дастарханом и ожидавшего, пока хозяин снимет ладони со стола.

И Сабир рассказал о находках Гуломали.

Старик слушал, щеки и губы его подрагивали. Дослушав, он встал, снял с головы феску и обернулся к стоявшему в углу книжному шкафу.

— Аллах да прости меня, но и ты прости, Сухайль... — Он протянул руку, распахнул дверцы, вытащил одну за другой три книги, протер пыль, поставил обратно. Сабир понял: это были книги доктора. — Сухайль, — сказал старик хрипло, — да проглотчу я свой язык, которым проклинал тебя! И ты ушел, как тысячи наших, что отдали жизнь во имя родины. А я не был с тобою в твой страшный час одиночества! Не был... Я клял тебя, когда ты лежал, раздавленный камнями. М-м-м! — Он ударил себя рукой по лбу и замолк ненадолго. Так он стоял — изваяние горя. Потом лава ярости залокотала под пеплом. — А эти, — сказал он бешено, — эти коварные, двуличные палачи! Лазутчики! Змеи! Столетиями нас обирают! Посылают на смерть лучших из лучших.

Он вдруг покачнулся, Сабир успел подскочить, несмотря на большую ногу, подвел его к креслу, налил горячего чая. Старика трясло.

— Сынок, — сказал он, — не уходи, не оставляй меня наедине с горем.

— Нет-нет, Сардор, что вы! Я останусь! К тому же, у меня к вам долгий разговор. Успокойтесь, Сардор. Сказать правду, для нас только теперь наступает время настоящей, спокойной работы. Пусть только вернется из Кабула Гуломали.

Старик пил чай маленькими глотками; должно быть, он понемногу приходил в себя — лицу его возвращалась та ясная величавость, что была ему свойственна. Он осушил пиалу, слегка наморщил лоб, видимо, что-то припоминая.

— У Икбала, — сказал он, — есть такие строки:

Хоть ночь за ночью тьма нас кроет снова —
Пред светом дня
                дрожит, теряя мглу.
И от добра, умершего ль, живого,
Покоя негу правящему злу!

— Да... — сказал Сабир. — Звучит так, точно сказано прямо о докторе. Увы, — он покачал головой, — я мало знаю о творчестве Икбала, хотелось бы знать, Сардор, чему он учил, о чем мечтал?

Старик чуть заметно улыбнулся.

— Он мечтал о таких людях, как вы, сын мой.

— Я?! Но... таких, как я, очень много. Что ж о них мечтать? Надо просто оглядеться! Ведь я всего-навсего сын дехканина, убитого на войне.

— Да, вы правы, все мы просто люди, простые люди, но дела наши меняют нас — либо растят, либо превращают в ничто. Большие дела делают больших людей! Ведь вы говорили в прошлый раз, что вместе с наставницей, Сумбуль-ая, провели тысячекilометровые каналы в пустыне, создали моря. Разве для этого вам не пришлось по-новому взглянуть на мир, шире видеть, думать крупнее, заглядывать далеко вперед? Разве большое дело, которое делает человек, не становится его жизнью? Нет, вы не такой уж обыкновенный человек, сын мой.

— Вы преувеличиваете, Сардор. Мне вот вы кажется необыкновенным человеком! Гуломали говорил мне: вы стремитесь просветить свой народ, проповедуете ему высокие идеи, раскрываете людям идеалы Икбала.

— Видите ли, у нас интересы людей ограничиваются семьей. Ну, в крайнем случае, — общиной, племенем. Конечно, этот общественный эгоизм коренится в условиях жизни, это — равнодушие поневоле; и география у нас, сами знаете, не простая. Потому я и говорю всегда: идеалы Икбала, вера в человека, которую он исповедовал, у нас особенно важны. Его замечательные поэмы и «Тайны своего я» и «Секрет самоотречения» должен знать каждый мусульманин! В них мусульманская мораль тесно увязана с проповедью общественной активности. А без такой активности мы далеко не уйдем! Мы слишком долго топчемся на месте — века, века, сын мой! Икбал говорил: «Хастам агар меравам, гар наравам — нестам!» Пока я движусь — я есть, останавлиюсь — меня нет. Человек, его талант — это не возможность, это есть, свершение. Росток либо растет, либо умирает! Так и человек — либо творит, выполняет свой долг перед людьми и страной, и при этом растет, совершенствуется, либо умирает раньше смерти, повисает сухой веткой, стоит мертвым стволом.

— Это мудро. И ведь сейчас — самое время претворить это в жизнь!

— Да, конечно! Именно сейчас, особенно сейчас...— Он задумался на мгновение. — Икбал сказал:

Кто истый муж — народу будь слугой,
и в этом все, бессмыслен путь другой!

Сабир почувствовал, что искренне взволнован. Он ехал сюда, чтоб попытаться использовать влияние старика, но теперь сам ощутил это влияние. То, что он услышал, так совпадало с его недавними впечатлениями, с его надеждами и мечтами...

— Знаете, Сардор, — сказал он, — пожалуй, еще неделю назад я не был бы так готов воспринять то, что вы говорите. Но за эту неделю я многое увидел собственными глазами. Я уже говорил вам — ездил в племена, пытался выяснить, как они относятся к нашему проекту. И с огорчением убедился: они решительно не готовы принять воду! Да, да! Одни ее ждут, даже мечтают о ней, другие считают ее просто злом для себя, злом номер один для своей жизни и уклада. Но и те и другие равно не готовы к приходу воды! Это парадоксально для безводных, в сущности, районов, но это так! И я знаю почему: они не в силах подняться над узкими интересами своего клочка земли, своего стада, увидеть что-то за пределами своего узкого мирка.

— Вот именно, сын мой: они невежественны и поэтому эгоистичны.

— Ну, у нас сказали бы не совсем так: они социально не готовы к прогрессу! Строй их жизни ему противоречит!

— Ну да, ну да, а разве не сказал того же: их эгоизм порождает условия жизни! Но что вы хотите, разве мы можем в несколько дней или месяцев сломать, изменить вековые традиции, перестроить древний уклад?

— А зачем тогда наша работа — для кого, для чего?

— Сын мой, человек должен делать свое дело независимо от того, увидит ли он плоды своего труда.

— Да-да, конечно, но не в нашем случае! Ведь приди к ним сейчас вода, она у одних встретит яростное сопротивление, у других равнодушие, а в итоге не просто пропадет зря, а еще и вред принесет, заболотит, испортит земли, вместо того чтоб их возродить, улучшить. Великое благо обернется немалым злом! Так уже бывало, вы сами знаете.

— Видите ли, Сардор, я не отношусь к традиции так фатально, так, простите, традиционно. Я думаю — ее нужно все-таки менять, иначе просто невозможно. И здесь мы не обойдемся без вас, без вашей помощи.

— Моей помощи?

— Да, Сардор, вы сами знаете, что значит для них ваше слово. Одно дело — когда все пытаюсь объяснить им я, чужак, пришелец, молодой человек; другое — если скажете вы. Ведь ваше имя открывает здесь все двери.

— Ну, теперь я вам скажу: преувеличиваете, сын мой! Но что вы хотите, чтоб я им сказал? Может быть, они ко мне в чем-то и прислушаются, но я не заблуждаюсь: свои, кровные интересы они поставят выше моих слов! Хоть, может, и не подадут виду.

— Но в том-то вся и штука, Сардор! Нужно показать им, в чем их действительные интересы! И чтоб они поверили. В конце концов, мы ж не обманывать их собираемся — напротив, открыть им глаза. Если б вы могли выступить на джирге племен!

— На джирге?

Сабир вдруг заметил, что старик страшно устал. Впрочем, он и сам чувствовал давящую усталость.

— Да, Сардор... Но, простите, я совсем заговорил вас. И завтра будет день, мы успеем все выяснить и обсудить.

Старик не стал спорить. Постели были уже готовы. Сардор отправился в спальню, Сабир лег тут же на веранде. Ему казалось, он уснет мгновенно, но сон долго не приходил. Звездная ночь месяца савр¹ была полна трепетом, дыханием; налетающий ветерок, казалось, осыпал попеременно белые лепестки цветенья и звезды с небосвода. Падающая звезда обозначает чью-то обрывающуюся жизнь, все мы в это и верим, и не верим. Сабир вертелся с боку на бок, поглядывал на огромное, полное сияющих точек небо — и, наконец, заснул. Разбудил его скрип. Был уже рассвет. Бадью тащат из колодца, сообразил Сабир. Скрип смолк, должно быть, пили воду, потом цепь, раскручиваясь, загремела снова. Шаги, дверь веранды открывается, кто-то входит, тяжело дыша, опускается, кажется, прямо на пол у двери.

Сабир поднимается в темноте:

¹ Савр — месяц мусульманского лунного года, примерно от 21 апреля до 21 мая.

— Кто там?

Человек молчит, тяжело дышит, и тут отворяется внутренняя дверь — с фонарем в руках, в белой рубахе, выходит Сардор. Луч фонаря ловит сперва входную дверь, а потом и человека рядом — человек сидит на полу, прислонясь к стене, и рукою заслоняет лицо от света.

— Оставь фонарь, дедушка.

Это Гуломали, он все еще тяжело дышит, рубаха промокла от пота. Сабир подходит к нему:

— Гуломали! Что случилось? В чем дело? Ты что, пешком добирался?

Гуломали, не отвечая, стаскивает сапоги. Потом взглядывает на деда — тот остановился прямо перед ним.

— Слушай, ну что случилось?— говорит Сабир. — И где... где тетрадь?

— Не до тетради... Дед, слушай... Я был в Кабуле, но не смог добраться до дворца.

— Подожди,— говорит Сардор. Он зовет слуг, велит принести таз с водой и полотенце.

— Встань, умойся,— говорит он внуку. — Как следует ополосни лицо в холодной воде. И голову, голову в воду!

Сабир помог другу умыться, слуга принес горячего чая с лепешками.

— Дед,— сказал Гуломали,— в Кабуле светопреставление. В небе непрерывно кружат самолеты, в самом городе словно некончающееся землетрясение. Все дуканы закрыты, калитки домов заперты. На берегах реки — пальба. Чиновники попрыгались. Не поймешь, кто кого боится. Полная паника.

— Но даже при этом тетрадь...— нетерпеливо начал Сабир и наткнулся на останавливающий взгляд Сардора.

— Тетрадь... кому она там нужна — тетрадь,— сказал Гуломали. — Встречался я с двумя чиновниками, разыскал кое-как, сказал насчет нашего проекта. Куда там! Просто смеются. Нашел, дескать, чем сейчас заниматься! Люди, мол, озабочены тем, чтобы хоть жизнь спасти.

— А куда ты коня подевал?— спросил Сабир.

Гуломали не ответил.

— Гуломали,— сказал Сардор,— а что говорят военные?

— Они никого к себе не подпускают!

— А настроение какое? Вообще?

— Настроение? Вообще? Все говорят об Абдул Кадыре... о генерале Абдул Кадыре.

— Об Абдул Кадыре?— переспросил Сардор. Глаза его сверкнули, высокая фигура подтянулась, стала, кажется, еще выше.

— Да, да, о том самом, вашем ученике...

— Ученике! Он не ученик, а выдающийся полководец! Ну, слава аллаху, у него-то дурных намерений быть не может.

Гуломали глянул на него исподлобья, так, чтобы старик не заметил. Потом сказал Сабир:

— Конь у наших, не беспокойся.— Сам он словно бы тоже несколько успокоился, пришел в себя.

Старик вышагивал по веранде взад-вперед, взад-вперед.

— Дед,— сказал Гуломали,— а дед...— Старик остановился, глянул.— Идемте-ка внутрь, поговорить надо.

Старик кивнул:

— Извини, Сабир!

Они ушли в комнаты. Сабир не обиделся, понял, что секреты — не от него. Видно, Гуломали не хочет открывать старику всей правды, чтоб его не волновать. А может, чтоб развязать себе руки: если впрямь что-нибудь страшное заваривается, Сардор возьмет да и не отпустит его! Но разговор явно затягивался. Пусть, решил Сабир, полежу еще немножко.

Он прилег — и провалился в сон, а проснулся с ощущением, что проспал что-то важное. День сиял вовсю. Гуломали и след простыл. Зато Сардор был здесь, неприлично нарядный, в роскошном ширазском кулохе — он степенно прохаживался по двору, и осанка была у него самая что ни на есть генеральская.

— Нашему Афганистану всегда везло весной!— сказал он, увидев Сабира.— Авось повезет и на этот раз. Коня своего выглядываете? Не обижайтесь, его взял Гуломали, я вам дам другого. И что он временно оставил вас и базу — тоже не досадуите, пожалуйста: у джигита есть свои долги, которые надо платить. В решающие минуты он должен быть рядом с соратниками! Впрочем, он и мне, конечно, ничего не сказал толком, но я все понимаю... — Он глянул на небо, глубоко вздохнул. — Да, савр на дворе... Славный месяц савр! Я уже видел один такой радостный савр, сын мой. Дай бог ему повториться. Будет, будет на нашей улице праздник!

Что за дела у них грядут, с чем они связывают свои надежды — Сабир гадать не хотел. Нет, сказал он себе, какие бы перемены ни произошли, пусть даже Гуломали вовсе оставит его одного, — он, Сабир, проекта не бросит, не откажется от идеи использования русел Чорданахра. Ни за что не отступится! Ведь это не только даст дешевую воду засушливым областям, это еще и для будущего опыт бесценный. Уникальное научное и техническое достижение! И он шел к нему так долго, так трудно...

Он прогуливался со стариком меж тополей, но к вчерашнему разговору не вернулся. Не то чтоб не рискнул — ясно, Сардору, как и Гуломали, сейчас не до того. Впрочем, они и вообще, прогуливаясь, не разговаривали, занятые каждый своими мыслями.

Около полудня Сабир привели коня. Он распростился, не скупясь на благодарности, обещал давать знать о себе и обо всем — и отправился на базу.

Надо срочно отправить для Сумбуль-айе подробные гидрогеологические и топографические характеристики всех шести русел, думал он по дороге. А может, уже пришел ответ от нее на предыдущее письмо? Скитания Гуломали не позволили обобщить выводы всей группы. Ну ничего, с этим он и сам справится. Правда, есть кое-что, что сделать без участия Гуломали невозможно. Посмотрим, посмотрим. Тонкая женская фигура мелькнула на склоне сбоку от дороги, солнце высеко искру из какого-то украшения у нее на шее, и Сабир сразу вспомнил Зулейхо. Как странно, он не вспоминал о ней почти сутки! Острая, щемящая нежность разлилась у него в груди. Как ты там, Зулейхо? Зулейхо-о...

На базе дела оказались куда хуже, чем он ожидал. Вспомогательный персонал и некоторые лаборанты ее покинули, оставшиеся сидели сложа руки: некому было распорядиться о работе — или отпустить их. В палатках о чем-то бесконечно спорили до хрипоты, перебранка между топографом и геодезистом едва не дошла до драки. К приезду Сабира только что вернулся из Кабула второй геодезист — единственный здесь обладатель мотоцикла. Этого толстого, спокойного, молчаливого парня словно подменили: пересохшие губы, пил воду и неустанно подтверждал свои слова клятвами, хотя никто не подвергал его рассказы сомнению. Должно быть, он сам едва мог поверить тому, что видел.

— Клянусь! — говорил он, и в глазах у него была паника. — Там настоящий конец света! На улицах и площадях все орут во весь голос, один — «Да здравствует революция!», другой — «Мусульмане, побойтесь греха!» — клянусь, я чуть не оглох. И вертолеты еще режут в небе. Бесперывно режут, клянусь, — только один пролетел — и уже другой. А возле дворца пушки гремят, пыль над городом вровень с горами стоит, клянусь! То вдруг все начинают вопить: «Президент убит!», то кричат: «Скрылся президент!», и снова: «Правительство свергнуто!» Клянусь, свихнуться можно, попробуй понять, где правда. Кто-то бежит, как ошпаренный, в страхе, кто-то стоит и радуется, как сумасшедший. Я уж бродил там, дороги не разбирая, не чаял выбраться — и вдруг, клянусь, возле здания Радио встречаю нашего инженера Гуломали! Глазам своим не верю, клянусь! На руке у него — красная повязка, и все к нему: «Товарищ Коргар! Товарищ Коргар!» А он меня увидел, подзывает, здоровается, я ему: «Что это будет-то!» А он, клянусь: «Что будет, что будет... Дурачок! Что будет — то уже есть! Революция, говорит! Народное правительство! Не вешай носа! Беги на площадь Баге Умум, все там собрались, будет большая джирга — и ты все узнаешь!» Клянусь, так и сказал.

— А вы не спросили инженера Коргара, когда он вернется? — сказал Сабир.

— Э, куда там! У него рот до ушей, покрикивает на толпу, а о нас, клянусь, и забыл совсем.

— Эй, толстяк, — сказал топограф, — что ты все клянешься, расскажи лучше, что там было на площади Баге Умум?

— А что было! Клянусь, не знаю — меня ж туда не пропустили из-за моего драндулета! Я и сам заторопился: здесь вы, дома дети — клянусь, не знал, куда и ехать, вот сюда пригнал. Так что теперь будем делать-то? Если там всерьез бой пойдет, что станется с нашими родными? Не видали вы нынешнего Кабула, не то, клянусь, и сами бы голову потеряли.

Этот вопрос — «что будем делать?» — и впрямь словно придавил всех. На базе оставалось семнадцать человек, большей частью молодежь, и все из разных мест. Те, кто был родом из глухих городков, успокивали себя: у нас, мол, все спокойно. Вам бы только покой, говорили с досадой другие, столичные жители, вам бы только все по-старому! О работе никто и не заикался. Вдобавок, к вечеру того дня, когда вернулся Сабир, полил дождь. Белая палатка Коргара стояла на откосе, под циновки потекла вода, зажурчали мутные ручейки, полог двери намок и шумно хлопал под ветром. По мокрому брезенту метались тени от качающегося фонаря. Сабир

поглядывал на озабоченные лица людей, на них явно читалось: тревога, тревога, тревога. За себя, за родных, за то, что будет завтра! Взрывное слово «революция» иных явно пугало. И в самом деле, как все пойдет? Не обернутся ли эти события неожиданным селом, что сметет во мгновение ока многие жизни, надежды, планы? А если даже нет — разве не может случиться, что выношенная, взлелеянная ими идея Чорданахра надолго отойдет на второй, или на десятый, план? Стало не до нее даже Гуломали и старому Сардору. Неужели придется свернуть все работы и отправляться домой? У него сердце заныло, он даже не думал, что так сросся со всем этим — с этой работой, этой страной, этими людьми. Гуломали, Сардор, старший Хайриддин, Зулейхо! Зулейхо...

Дождь лил не переставая. Сабир знал, что в месяце савр это здесь явление обычное — такие дожди на редкость благотворны, недаром говорят «савр год делает»! Они как бы предупреждают многонедельный страшный «афганец», дующий тут в знойную пору. Но сами они долги и нудны.

Конечно, дождь и назавтра не прекратился. Палатки и вся одежда вымокли, выползавшие наружу приносили на сапогах пуды грязи. Дождь не кончился и на четвертый день; однако, невзирая на бездорожье, базу покинули еще три человека. Остальные с тоской выглядывали наружу. Серое небо, опустившееся, казалось, до верхушек деревьев или коньков палаток, по-прежнему изрыгало некончающиеся, изобильные струи.

В конце концов Сабир остался с завхозом и одним носильщиком. Носильщик, чуть согбенный, средних лет холостяк по имени Бабашиха, все пытался успокоить Сабир: «Прожили мы столько времени без вашей воды, и дальше, если аллаху угодно будет, проживем — смотрите, какой дождь льет! Лишь бы в стране было тихо...»

Ну что ж, думал Сабир, для них в этом, наверное, есть свой резон. Только он-то с этим не в силах согласиться; хотя и у него внутри растет печальная уверенность, что дело их отодвигается на годы.

Дождь кончился почти через неделю. Они развесили на протянутых веревках вещи, принялись приводить в порядок инструменты, образцы почвы, документацию. Выйдя в очередной раз из-под полога палатки к вытасченному под открытое небо столу, Сабир увидел приближающегося всадника. Он узнал его сразу: Гуломали! Тот подскакал, легко спрыгнул с коня, привязал уздечку к седлу. Они обнялись.

— Ну, — сказал Сабир. — Все знаю, товарищ Коргар! Поздравляю.

Гуломали счастливо кивнул и, сияя глазами, снова обнял друга, долго хлопал его по спине.

— Ну, так как?

— Хорошо! — сказал Гуломали. — Хорошо. Потом расскажу подробно. А как здесь обстоят дела?

— Сам видишь! — сказал Сабир. База являла вид пустоты и разорения. — Все разбежались, все вымокло. Ясно, товарищ главный гидрогеолог?

Должно быть, против его воли, в этих словах прозвучал невысказанный упрек, и «главный гидрогеолог» это уловил. Он уселся в седло, выставленное для просушки, и сказал с веселой мольбой:

— Ты уж прости, Сабир! Но ведь ты сам говорил: проблему воды надо решать прежде всего в социальном плане!

Сабир вдруг рассердился.

— Я тебя уже один раз поправлял, — сказал он сухо. — Это сказал не я, а Ленин.

Гуломали рассмеялся, не принял его сухого тона.

— Тем более! — сказал он. — Не сердись, такова эта сложная жизнь. И в ней не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Ну же, не дуйся, все прекрасно, посмотри вокруг!

И он обвел вокруг рукой, как бы указывая. Сабир почти машинально огляделся. Вокруг, и правда, было прекрасно. Мокрая земля еще пахла, но меж туманом уже сверкала всем многоцветьем отмытых красок. Поля и склоны дышали первозданной свежестью. Пестрые бабочки садились на полевые цветы. Да ведь на носу Первое мая! — вспомнил Сабир. Чуть не забыл за всеми заботами.

— Ладно, — сказал он. — Я и не думал ни на что обижаться. Но что будем дальше делать? Который день работа стоит, персонал разбежался. Я в ваши внутренние дела вмешиваться не вправе, так что и слова не мог сказать. Может, мое пребывание здесь сейчас просто излишне?

Гуломали резко встал.

— Ты что! Ты что-о?! Работа только начинается! О людях не беспокойся, найдем людей. На завтра созывается джирга в кишлаке Пайки. Помнишь? Где проживает мой дядя Шокалон.

Помнит ли он! Сердце в нем трепыхнулось, как птичка в ладони.

— Помню, — сказал. — Большая джирга?

— Да, в ней примут участие представители и племен, и кишлаков.

— И это что — по поводу воды?

— Да. Главным образом. Видишь ли, Сабир, раньше я работал здесь просто как специалист. Теперь я отвечаю за эту работу еще и перед своей партией. Наше дело стало делом государственным, понимаешь? Не в том смысле, как это раньше было, что правительство могло принять и оплатить проект. Нет! Это ведь теперь не только проблема орошения — это в то же время внедрение в жизнь того, что дала революция! Ты же сам говорил: мы постоянно натыкались на необходимость социальных перемен, чтоб люди могли принять воду! Так теперь дорога для таких перемен открыта. И все это надо обсудить с народом.

— Слушай, Гуломали, но ведь если народ хашаром поддержит строительство, это в самом деле будет самый дешевый проект!

— Еще бы... Ну, в общем, проблем уйма.

— Ты говоришь, в кишлаке дяди Шокалона? — спросил Сабир осторожно, боясь выдать свои чувства. — Может... может, мне тоже туда с тобой поехать?

Гуломали засмеялся, хлопнул его по плечу:

— Ну, конечно. Теперь мы всюду будем вместе!

Гуломали Коргар очень возмужал за эти последние дни. Только теперь, взглядевшись, Сабир заметил морщинки у глаз, седые волоски на висках. Но главное — он, должно быть, внутренне изменился, словно в нем заработала некая мощная пружина, создававшая огромную скрытую напряженность, выдаваемую лишь блеском глаз да особой, резкой четкостью движений. Сабир почувствовал нечто вроде доброй зависти к нему.

В тот же день они оставили лагерь на попечение завхоза и носильщика, а сами отправились в дорогу. Дорога была довольно широкая, кони шли рядом.

— Теперь, — сказал Гуломали, — я могу, наконец, открыто тебе во всем признаться. Ведь мы, «парчамисты», вышли из подполья!

— Поздравляю... — сказал Сабир. — Но... что такое «парчам»?

— Ну, слово «парчам» ты знаешь, оно значит — «знамя». В студенческие годы мы в политическом кружке издавали газету под таким названием. В этой газете — заметь, впервые в нашей стране! — был напечатан портрет Ленина. Позднее нас стали преследовать как «гяуров, поклоняющихся Ленину». Что нам оставалось делать — пришлось уйти в подполье. А теперь наша партия...

Сабир смотрел на него и думал: странно, как это я не разглядел в нем эту сторону? Это явное отсутствие личной жизни — и при том редкие, но таинственные отлучки, сдержанность в политических высказываниях, которую можно было бы принять за аполитичность, если б не иные, вдруг прорывавшиеся вспышки возмущения. Нет, можно было о чем-то догадаться. Просто, думал Сабир, я плохо разбираюсь в людях. Но сейчас — сейчас он заряжает меня новой энергией!

Старый фазтон, запряженный парой лошадей, прибыл в Пайки, когда уже опустилась вечерняя прохлада. Люди, собравшиеся на площади у мечети, встретили его было подозрительными взглядами, но, разглядев среди выходящих высокую фигуру Садыка Сардора, оживились и расступились с радостными приветствиями, освобождая дорогу.

О джирге знали в кишлаке, конечно, все до единого — и все старались как можно скорее управиться с домашними делами. В доме на краю площади старик со старухой пропускали прошлогодний хлопок через чигирик — старик поднял последний мешок очищенных семян, понес в маслобойню. В маслобойне стоял невыносимый запах. Хозяин маслобойни стоял с бутылкой хлопкового масла в руках. Отлив старику часть масла в обмен на принесенные семена, он заторопился на сборище. Там около сложенного уже костра стоял старик-дервиш, хозяин маслобойни отдал ему бутылку с маслом. На крыше оташхоны призывно зарокотали сурнаи джирги. Кони, стоявшие на привязи у противоположного края площади, испуганно всхрапнули. Костер вспыхнул, старик-дервиш брызгал на него хлопковым маслом, чтоб горел ярче, освещая пространство вокруг. Люди устремились к оташхоне. Там собрались и кишлачные аксакалы, и знатные землевладельцы, и вожди племен. Никогда не дружившие друг с другом, гордившиеся лишь своей властью над людьми, они только для вида величественно приветствовали друг друга. И хотя в глазах сквозила тревога или озабоченность — последние события многих ошарашили, — все сохраняли внешнюю невозмутимость, из-под приспущенных век оглядывая прибывших на фазтоне. Никто не высказался: все ждали, не начнет ли кто другой.

Когда в оташхону вошел вождь племени шикашим, все встали. Этот с виду невзрачный, худощавый, нервный человек, родом с Воханского перевала, был широко известен своей воинственностью, жестокостью, приверженностью племенным традициям. Весь в черном, с неизменным кинжалом за поясом и в столь же неизмен-

ном сопровождении пяти телохранителей, он, разговаривая с кем-то, имел привычку отводить глаза, чтоб лишний раз не разгневаться. Сейчас он вошел в оташхону вместе с козлородым маулави. Едва он переступил порог, Шокалан тут же принес дастархан.

— Специально приготовил виноградное вино, уважаемый Якубхан! — сказал он, зажег свечу от лучины и отступил назад. Но вождь и не глянул на дастархан и вино. Остальные гости последовали его примеру, только толстый краснощекий заминдар Махбубшах, сидевший рядом с Садыком Сардором, налил себе изрядно вина, выпил и, безмятежно улыбаясь, вытер губы большим платком.

Звуки сурнаев снаружи стихли, стало слышно, как трещит костер. Когда собравшиеся в оташхоне вышли на площадь, гудевшая толпа почти мгновенно замолчала — замерли даже ребятишки, игравшие неподалеку.

С ковра, на котором расселись почетные гости, поднялся Гуломали. На него воззрились в крайнем удивлении: как осмелился встать этот молодой парень, если здесь сидит столько аксакалов? Или такие теперь порядки, при новой власти? Гуломали здесь не очень знали — он хоть и был местным уроженцем, но большую часть жизни провел в Кабуле. Во взглядах, обращенных на него, читалось только гневное недоумение. Гуломали это, однако, не смутило.

— Новое правительство меня не уполномочивало, — сказал он, обращаясь к джирге, — но, как известно, наша Апрельская революция одержала победу под руководством партии, в которой я состою. И от имени этой партии я к вам сейчас и обращаюсь: джирга должна выступить в поддержку центрального народного правительства!

По толпе прокатился гул голосов, а люди, сидевшие на ковре, переглянулись. Они знали, конечно, о чем сегодня пойдет речь, — но чтобы оратор обратился не к ним, а к толпе босоногих, ничего не решающих бедняков?!

— Внимание! Внимание! — крикнул Гуломали, стараясь перекрыть еще не смолкший гул. — Давайте обсудим! Задавайте вопросы, я отвечу. И как вы решите, так и будет!

Но площадь, напротив, смолкла. Гуломали словно повис в этом безвоздушном молчании, и, глядя на него, Сабир почувствовал себя вдвойне лишним.

— Племянник, — сказал дядя Шокалон, не вставая со своего места на ковре, — ведь мы еще не знаем, что даст нам новое правительство. Когда оно нам в чем-нибудь поможет — вот тогда и поддержим!

Что он, из родственных чувств решил помочь племяннику, протянул ему ниточку, чтобы тот больше не висел меж небом и землей? — думал Сабир. Э, нет! Конечно, нет! Вон как он, договорив, искоса глянул на Якубхана, словно ожидая одобрения. Якубхан, однако, сидел, как обычно, глядя в сторону, с невозмутимым видом идола. Поддержал Шокалона какой-то человек из толпы, с интеллигентным, изрезанным морщинами лицом, окруженный кучей ребятишек:

— Правильно, ты скажи, парень, что собирается нам дать новое правительство?

Гуломали разом ожил, как оживает остановленный кадр, когда вновь запускают пленку:

— У правительства планы очень большие! Дехканам и животноводам, которые здесь присутствуют, я прежде всего должен сообщить: правительство всем им даст землю! Это первая задача нашей партии. Вторая задача — дать не просто землю, но землю орошаемую. Значит, дать еще и воду! Это не мечта, это живое и близкое дело. Вот тут, на нашей джирге, сидит советский ученый, известный мираб Сабир Тухтабаев. Он хочет вернуть к северным нашим землям часть воды из Аму. Он знает, как это можно сравнительно легко сделать. Но у правительства еще мало средств, поэтому тут нужна ваша поддержка и помощь. Если мы устроим всеобщий хашар, как это в обычае у нашего народа, тогда приход воды обойдется вдвое дешевле! Вот я и говорю вам: поддержите новое правительство — и вы поддержите самих себя! Недаром наша новая власть именуется народной.

Однако ответом вновь было долгое молчание. После мучительной паузы в толпе поднялся, опираясь на посох, тощий старик. Его огромная чалма казалась непосильной тяжестью для худого и без того согбенного тела. Он осторожно сплюнул насвай, прочистил горло и обратился к Гуломали:

— Сынок, но ты скажи — откуда вы возьмете для нас землю?

Теперь, наконец, по толпе прокатился гул — точно ветер прошумел и смолк в ожидании ответа.

— Но это же ясно, бобо, — сказал Гуломали, — не с неба, конечно, возьмем, на нашей земле отыщем. Разве вы не знаете — у нас немало заминдаров, которые имеют, в полном смысле слова, лишнюю землю, некоторые даже не обрабатывают свои излишки? Ведь знаете? Вот, по фирману правительства, некоторые крупные владельцы земли должны будут поделиться своими землями с дехканами. Разве это не

справедливо, а? И разве законы ислама толкуют не о том же? А все эти излишки земли мы между дехканами поделим поровну! Такие планы у правительства, так говорит сама революция!

Внизу снова прокатилась волна оживления, но на сей раз в ней был явный тон беспокойства или тревоги. Это почувствовали, конечно, и сидевшие на ковре, но лица у них были пока что каменно безучастные.

— Сынок, — снова поднялся давешний старик, — вы уж меня извините, а вы сами возьмете эту землю?

— Но, уважаемый бобо, я не дехканин, я инженер!

— Ага! — сказал старик, словно и ожидал такого ответа. — Значит, сами не возьмете, а нас подзуживаете: хватайте, мол, чужое. А потом будете стоять в стороне да смотреть, как мы режем друг друга? Э, нет, будьте спокойны, сынок, не такие уж мы глупцы.

И старик, прихрамывая, стал выбираться из толпы.

Вскочил чернобородый, молодой еще парень:

— Бобо правду говорит! — закричал он. — Нельзя зариться на чужое имущество! Грех это, грех!

Его тут же поддержали:

— Правильно! Недозволено это!

— Вы уйдете, а мы останемся, братишка.

— Это не в обычаях нашего племени!

— Каждый лишь то имеет, что аллах предписал!

Гулумали, должно быть, все же не ожидал такой реакции — может, надеялся на спор в самой толпе. Он оглянулся — это у него, видно, невольно вышло, от растерянности, — но те, на ковре, встретили его взгляд той же холодной безучастностью, стараясь не показать даже своего торжества — так, дескать, и должно быть, все в порядке вещей. Только старый Сардор глядел на внука с печальным одобрением, однако Гулумали этого не видел. Между тем некоторые из толпы стали покидать площадь вслед за стариком в огромной чалме, и тут вскочил тот самый человек с интеллигентным лицом, который задал первый вопрос. Потом выяснилось: это был сельский учитель, Нурмухаммед Пайкий. Прижимая ребенка к груди, он закричал:

— Эй, подождите! Подождите! Нельзя отвечать такой черной неблагодарностью на доброе дело! Новое правительство хочет поступить по справедливости. Оно собирается поделить излишки земли чересчур богатых — разве это не по-честному? Разве это не в согласии с верой? Разве богатые не обязаны платить закят? Но ведь это то же самое! Вы не возьмете землю — я возьму! Когда это считалось грехом засеивать поля?!

— Ты возьмешь? А что, заминдар отдаст тебе свою землю?

— Зариться на чужое запрещено шариатом, мусульмане!

— Конечно, недозволено, грех это великий!

— Какое там справедливое правительство — это шайка грабителей!

— Нам земля нужна, да здравствует революция!

— Эй, остерегись, нас и так распри губят!

— Кровь же прольется...

— Грех, грех! Пусть скажет маулави Саид-миян!

Казалось, этот гвалт ничто не остановит. Но стоило подняться с места Садыку Сардору, как площадь умолкла мгновенно. Он поднял руку, и под таинственное потрескивание костра зазвучали стихи:

Муж в этот мир придет и разобьет оковы,
развалины зинданов мне видны.
Засветятся сердца в сиянье дня такого,
как звезды с поднебесной вышины!¹

Последняя строка, казалось, еще долго висела в воздухе, в наступившей глубочайшей тишине, пока кто-то в толпе не выдохнул:

— Икбал...

— Икбал! Икбал! — подхватили другие голоса. — Слава Икбалу!

— Вы правы, — сказал Садык Сардор, — именно Икбалу принадлежат эти строки. И я хочу спросить вас, о человек, покидающий собрание... — Старик в чалме был уже на краю толпы, но обернулся. — Вас, кажется, зовут Низамеддин, не так ли? Я знал вашего отца, и он, и ваш достойный дед всю жизнь гнули спину на заминдара. Или я ошибаюсь? Увы.

¹ Переводы стихов здесь и далее принадлежат А.Наумову.

В сем мире человек еще, как прежде, раб, —
и гнется перед злом, несовершенству рад.
Какие у раба достоинства от века?
Покорность небесам — да вечный страх утрат!

Видите, Икбал и о вас сказал. Вот вы говорите: «Земля чужая, брать ее грех». Так ведь? А ну-ка, досточтимый маулави, — Сардор повернулся к сухонькому человечку с козлиной бородкой, сидевшему рядом с Якубханом, — а ну-ка, напрягите свою память и прочтите, прошу вас, суру Бакра из священного Корана!

Маулави вздрогнул, кинул взгляд на Якубхана, но тот сидел все с тем же каменным лицом, на котором прочесть ничего нельзя было. Тогда старик повернулся лицом к Каабе и затынул тоненьким голоском:

— Сурай аль Бакра. Бисмилля-ху... Есулунака маза юнфикуна кул ал-аф-ва...

— Довольно, маулави, спасибо! — Старик уселся, Сардор повторял стих своим густым голосом и тут же перевел на простонародное дари: — «И они спросят у тебя: что отдать людям? И ты ответишь: лишнее». Вы поняли, мусульмане? Мавлона Икбал, толкуя эту суру, говорит:

Священный сей завет — вот правда наших дней:
все лишнее отдай тому, кто победней!

Вы видите: переделая землю и давая ее вам, правительство действует в строгом соответствии с Кораном, а грех — великий грех! — в том, чтоб алчно держать в руках лишнее! Наши заминдары давно погрязли в грехах, и правительство дает им возможность смыть их с себя!

Толпа как-то разом облегченно вздохнула, в свете костра мелькали просветленные, успокоенные лица, но тишину нарушил голос Шокалона:

— У кого лишнее, у кого нет — это знает только аллах. Сардор, не берите на себя грех гордыни.

Тут Гуломали вступился — он сел на свое место, когда Сардор поднялся:

— И правительство тоже знает, поверьте, дядя! — сказал он, не вставая. — По земельной реформе на каждую душу выделяется по шесть джарибов земли. У вас в семье четверо — значит, вам положено двадцать четыре джариба. А у вас их чотыреста!

Шокалон вскочил, лицо его исказилось:

— Кто это мерил мои земли? Они мне принадлежат испокон веков! Мне и моим предкам! Чьи земли я присвоил, скажи, чьи? Ну, скажи, если знаешь! И когда присвоил? Мы-то на чужое не заримся, это вы хотите взять недозволенное!

Сардор все еще стоял, выпрямившись во весь свой рост.

— Нет, они ничего не возьмут, Шокалон, — сказал он. — Ничего не возьмут, это правительство им даст, и даст по закону!

— А мы не отдадим свою землю! Не отдадим — и все!

— Что ж, не отдадите сами — отберет правительство. И разделит по справедливости меж бедняками, что поливали ее своим потом!

— Ах, потом... потом поливали! А вы хотите, чтоб кровь пролилась?

Сардор помедлил мгновенье — видно, для того, чтоб приглушить гнев. Потом сказал:

— Выходит, вы не афганец, Шокалон. Нет, не афганец, раз грозите кровью собственному народу! Я человек военный... и слишком хорошо знаю: наши бывшие порабитители, захватчики, которые лезли к нам отовсюду, только и ждут таких слов.

Шокалон прикусил язык: понял, что не следовало говорить такого на джирге, да еще кому — Сардору! Остальные на ковре молчали тоже, но вдруг, среди общего молчания, прозвучал густой, чуть хмельной бас:

— Нет, если правительству нужны наши земли — пусть берет, я согласен! — Это высказался краснощекий Махбубшах. — У меня земли много, пусть берут! Пахотную землю можно отдать, а вот р-родную — н-нет, никогда-а! Сардор, мы вас уважаем! Уважаем вас, Сардор!

Стояли уже все — и на площади, и на ковре. Только Якубхан и еще несколько человек около продолжали сидеть. Но тут и суровый вождь вскочил — должно быть, не мог снести, что этот спор заслонил его. Сабля зазвенела, ударясь обо что-то. Все стоявшие рядом или перед ним подались назад — все, за исключением Сардора, и они остались вдвоем, лицом к лицу: маленький, молчаливо-яростный Якубхан — и высокий, спокойный Сардор.

— Правительство, — сказал Якубхан низким голосом, — если уж вознамерилось свершить такое, должно было сначала поговорить не с теми, кто берет, а с теми, кто дает! Нищему сколько ни давай, все будет мало.

— Здесь только такие глотку и дерут! — с торопливой злостью вставил Шокалон.

— Вы назвали нас нищими, Якубхан? — сказал Сардор. — Мне не слышалось? Но на джирге не принято оскорблять друг друга.

— Это не оскорбление, Сардор! Это простая истина! — Якубхан сделал шаг к высившемуся над ним старику и презрительно ткнул в него указательным пальцем: — Вот вы... вы... дожили до старости, а не имеете и тех шести джарибов земли, которые разрешает ваше новое правительство! Кто в этом виноват?

Но Сардор снова сдержал себя:

— У меня нет земли, Якубхан, — это правда. Зато у меня есть убеждения!

— Убеждения! С них-то и начинаются все смуты... когда у этих убежденных не получается обратить в свою веру остальных! Но, если хотите знать, у меня тоже есть убеждения: моя вера во всемогущего аллаха! И она не мешает мне владеть землей, ибо я знаю: все, что у меня есть — дано мне аллахом!

— О великий аллах! — возгласил маулави из-за спины Якубхана. И забубнил молитву.

Якубхан повернулся к толпе, словно показывая, что больше не желает говорить с Сардором, а обращается теперь только к ней.

— Убеждение, — сказал он, — это, конечно, святое дело. От него зависит и мирская и загробная жизнь. Но человек не имеет права щеголять этим при всех случаях — как, например, прокладка арыка и кусок хлеба для бедняка. Зачем каждый раз, покупая насвая на одно афгани, потрясать сотенными бумажками? Убеждение нужно прятать поглубже, как кошелек! Ведь сказано: «Не поминай имени аллаха всуе».

— Значит, кусок хлеба для бедняка — это ничто? — сказал Сардор. — Или прокладка арыка, от которого зависит, может, жизнь сотни человек? Ничто это для вас? Вот какова ваша вера! Так я вам скажу, что это за вера, — вера в жестокость и бессердечие!

— Не заговаривайтесь, вы, дряхлый чтец назиданий!

— Не-ет, я не заговариваюсь. Вера — как кошелек. Правильно: кошелек — вот ваша вера! Такие, как вы, и ввергли наш народ в кровавые распри, отбрасывали его на сотни лет назад. А теперь, когда правительство...

— Правительство! — крикнул Якубхан тоном открытой издевки. — Я не признаю такого правительства! Это вы, вы подбрасываете кости этим разбойникам.

— Эй, человек, не проклинай своего народа — не то он проклянет тебя!

У Якубхана глаза налились кровью, он сжал рукоять сабли и шагнул к Сардору. Толпа остолбенела, Сардор стоял прямо, не двигаясь. Когда Якубхан обнажил саблю, старик сделал шаг ему навстречу. Толпа выдохнула, как один человек. Бесстрашие старика и выдох толпы, должно быть, чуть отрезвили Якубхана, он опустил саблю и стоял, тяжело дыша, не сводя глаз с Сардора. Старик сделал еще шаг к нему и положил руку на эфес сабли. Якубхан понял, наверное, что проиграл эту схватку, — проиграл потому, что нельзя было при всей толпе поднимать руку на столь знаменитого человека. А теперь меряться силой было уже и поздно, и глупо. Выгодней было уступить. Он убрал руку с эфеса и позволил Сардору взять саблю. Старик, держа ее одной рукой за рукоять, взял ее другой за острие и стал сгибать как лук.

— Вот так, — сказал он, — я сломал некогда саблю головореза Бачасако и отдал ему в руки!

Сабля со звоном переломилась пополам. Сардор бросил обломки под ноги и вытер руки о халат.

Якубхан, с прикушенной до крови губой, повернулся, прыгнул с помоста в толпу — и тотчас исчез в ней. Несколько мгновений спустя послышался топот многих копыт, над краем площади поднялось облако пыли.

Толпа быстро поредела — нашлось немало осторожных, которые не пожелали быть свидетелями столь опасного поединка. Но и любопытных тут было немало, и заинтересованных — тоже. И после того как почтенные гости, что с ковра, разошлись, Гуломали еще долго, едва не до полуночи, вел разговоры с доброй сотней людей — на площади, у ночного костра. Говорили, говорили — пока все-таки не утвердили текст заявления джирги.

Сколько ни упрасивали Шокалон и Махбубшах остаться, Сардор не согласился. Уже за полночь они втроем — Сардор, Гуломали и Сабир — отправились на фазтоне в обратный путь.

Ночь была темная. В придорожных кустах и деревьях, выхватываемых из мглы светом их фонаря, испуганно просыпались и хлопали крыльями птицы, лошади всхрапывали то и дело, словно чуя не то засаду, не то погоню; и обоим молодым людям в пронсящемся мраке чудились нескончаемые таинственные опасности.

— Этот Якубхан теперь ни перед чем не остановится, — сказал Гуломали,

нахлестывая лошадей, и от его слов Сабирджану сделалось совсем жутко; из сопровождающего их облака пыли, казалось, вот-вот вырвутся настагающие преследователи.

А Садык Сардор сидел, прислонясь к задней стенке фэтона, вытянул ноги — и, должно быть, спал; усталость его одолела или усыпила качка — фэтон бросало, как бешик под рукой сумасшедшей няньки. И оттого, что он уснул, обоим парням было еще больше не по себе. Они-то, грешным делом, думали: поговорят по дороге, он им разъяснит многое, и посоветует, и успокоит...

Лошади устали от скачки, люди — от долгой езды. Мрак, казалось, все более сгущался, конца дороге пока что не предвиделось. Но старик вовсе не спал — в фэтоне после долгого молчания вдруг прозвучал его бодрый голос:

— Ну, чего приуныли?

Голос этот показался им прямо-таки гласом небесным; даже лошади, услышав его, оживились.

— Знаю, — говорил между тем Сардор, — знаю, о чем задумались: в стране беспорядки, у кого что на душе — неизвестно, а тут ночь, всякое может случиться.

Им стало разом и немножко стыдно, и смешно, и намного спокойней оттого, что он угадал их мысли. А старик продолжал:

— Но в этой тьме ночной я вижу свет: душу народную. В такие исторические моменты она угадывает правду и решает судьбу страны!

— Дед, — сказал Гуломали, — если сейчас появятся парни Якубхана и нас порубят, не будет ни света, ни исторических моментов!

— И все-таки, сын мой, мудрость гласит: коли враг дрогнул, ты должен смело идти вперед, не теряя ни секунды, не давая передышки, — чтоб земля у него под ногами горела! Так учил нас генерал Махмуд Валихан, а он знал в этом толк, можешь мне поверить.

Слушать Сардора было приятно, успокоительно, но не стоило вдумываться в его слова. Вдумываться — только раздражаться зря. Все равно ведь не поймешь, думал Сабир, на что так упорно надеется этот старый донкихот — видел ведь, как восприняли люди намерения нового правительства. А что ждет его, Сабир? От недавних мечтаний и планов его сейчас словно пропасть отделила.

И снова старик почуял, угадал его настроение — и, заговорив, попал в самую точку!

— Сынок, Сабирджан, а вы, я вижу, совсем нос повесили — почему? Думаете: мол, здесь теперь не до меня? Ох, ошибаетесь! Да вы теперь будете тут самым дорогим человеком! Революция для нас прежде всего что означает? Реформу землевладения и водопользования! Так ведь? Теперь в министерствах вас будут принимать с распростертыми объятиями, проекты всяких провокаторов мешать вам не будут, и, не тратя сил на ненужную борьбу, вы спокойно займетесь делом.

Гуломали оглянулся на старика, в полутьме мелькнула его невеселая улыбка: верно, вспомнил позавчерашний Кабул, о котором рассказывал, — в городе нет света, дуканы и харчевни, магазины и мастерские заперты, люди еще в страхе прячутся по домам, в любой махалле пустынно, как на кладбище.

И тут что-то гроыхнуло. Гроза, что ли? Да нет, непохоже. Грохот повторился — и не прекращался больше, превратившись в мерный топот копыт.

— Всадники! — воскликнул Сардор.

— Что будем делать? — спросил Гуломали.

— Ничего! И не гони зря лошадей, сынок, мы не воры, чтобы убежать. А потом — нас и так догонят, вон как скачут.

«Не тратя сил на ненужную борьбу, спокойно» — вспомнил Сабир только что сказанные им слова. Да... Сопротивляться они не могут, оружия нет. Топот копыт настагал их, казалось, со скоростью смерча.

Рука Гуломали, державшая плеть, бессильно опустилась, лошади тут же перешли на шаг, и всадники почти сразу догнали их. Слышалось прерывистое дыхание нескольких коней; одна группа обходила их слева, другая — справа, внутрь фэтона ворвалась настагающая пыль, острый запах конского пота, седел, сбруи. Позади скакали еще несколько всадников — видно, хотели сперва окружить, а уж там останавливать.

— Эй, как вы там?! — раздался громкий голос справа. Черт возьми, удивительно знакомый голос... Все трое в фэтоне вскочили на ноги. — Да вы что, спите? Ну и беспечность!

Это был голос Хайридина-бобо, а тот, что тут же раздался слева, принадлежал не кому иному, как Махбубшаху — густой, медлительный бас:

— Уважаемый Сардор, ну и рискнули вы нынче!

Теперь они уже разглядели и его фигуру, возвышавшуюся в седле, как гора. Фэтон остановился, всадники тоже, трое спутников вылезли на дорогу. Хай-

риддин-бобо и Махбубшах были со своими нукерами. Они собрали людей и поехали вслед за Сардором и его спутниками, опасаясь за их жизнь.

— Только зря беспокоились, уважаемые! — говорил Сардор. — Ну что могло случиться? Что ж мне теперь прикажете — по своей земле ходить в окружении телохранителей?

Сабир чувствовал после пережитого страха некую расслабленность, а к старику Хайридину испытывал прямо-таки нежность: таким добрым, спасительным, милым был его голос, раздавшийся вместо окрика убийц!

— Как здоровые ваше, Хайридин-бобо? — спросил он старика по-узбекски. Хотелось сделать ему что-нибудь приятное. — Были, значит, на джирге?

— Да, родненький, были... Такие вот у нас, значит, дела. Сами видели все, своими глазами, а? Мы, пока догоняли вас, чуть не померли от беспокойства: а вдруг, думали, опоздаем!

Тут как раз донесся голос Махбубшаха; он сидел на лошади и разговаривал с Сардором:

— Нет, не знаете вы Якубхана, Сардор, не знаете! Еще хорошо — он сдержал себя на виду у всех, но такое оскорбление не только Якубхану трудно перенести! Взбесился он теперь, взбесился! Люди слышали — решил собрать джигитов и падать в горы.

— Э, худшим хищником, чем сейчас, он не станет, — сказал Гуломали. Хайридин всполошился:

— Не говори так, родненький, не говори! В юные мои годы в Сурхане вот так басмачи и появились, страна разделилась на две части, кровь полилась, как вода. Не приведи бог!

— Да страна давным-давно на два лагеря раскололась! Или вы считаете себя в одном стане с Якубханом?

— Э, нет, это пусть дядя ваш водится с волками! Такие, как Шокалон, ради дохода и семью готовы надвое расколоть, пусть хоть перебьют друг друга.

При этих словах старика Сабир ощутил как бы острый укол в сердце. Семью расколоть... перебить друг друга... Но ведь это семья Зулейхо!

Тут бас Махбубшаха прогремел снова:

— Сардор, вы уж теперь не ходите по племенам да родам, лучше посидеть дома!

Сардор усмехнулся:

— У меня же нет излишков земли, Махбубшах. Это вы подали опасный для Якубхана пример, так что лучше сами хоронитесь за воротами, как примерная невестка!

Все рассмеялись, кроме Махбубшаха; он гневно взмахнул плетью и остановил смех:

— Сардор, не смейтесь! Вы меня знаете — я не из тех, кто хватает других за глотку из-за клочка земли... Но я — афганец! И смело пойду против сабель и сотни таких, как Якубхан!

— Предателей... — сказал Сардор. — Да, предателей! Он ведь готов отречься от родины из-за пахотного надела. Таких приходится бояться, вы, конечно, правы. Родина — такая вещь: кто потерял ее — тому терять уж нечего. — Он поднял глаза на Махбубшаха. — Между прочим, мой партийный внук пригласил меня на собрание в кишлаке Куйи-Кала, вы со мной не поедете?

— Вы будете там речи произносить, а я что?

— Фигуру свою показывать! — сказал Сардор со смехом, и все снова расхохотались.

— Нет, — сказал Гуломали, — фигуру показывать не надо, Махбубшах-ага! Я серьезно, серьезно. Повторите свои замечательные слова: «Мы готовы отдать пахотные земли, но родную землю — нет!» — и этого будет достаточно... Кроме шуток, такие слова и убивают якубханов!

Махбубшах сказал:

— Ладно! Завтра, значит? Будем там, будем! В точности, как заревут карнаи, и мы там будем!

— Э, вступил Хайридин-бобо. — Какое завтра? Сегодня уже! Уж полночь позади! Куда теперь ехать? Завернем к нам! И лошади должны отдохнуть.

Дом Хайридина-бобо и в самом деле был недалеко, оттуда удобно добираться до Куйи-Кала, так что решили отпустить джигитов, а сами отправились к старику. Переехали мост через безводный канал, повернули к старому загону, вдоль стены которого шелестели тополя. Дом Хайридина-бобо был по соседству, его отделил от загона лишь глинобитный дувал. Во дворе было пять или шесть мазанок с плоской крышей, свет фонаря над очагом скудно освещал ворота. Два засыхающих абрикосовых дерева у ворот, казалось, и сейчас, ночью, изнывали от жажды. Хайридин-бобо прежде всего послал свою захлопотавшую старуху к колодцу, а сам подмел

осыпавшиеся листья, расстелил на супе циновку и кошму и пригласил сесть Сардора и Махбубшаха. Сабир и Гуломали задавали корм лошадям, поили их; потом, не торопясь, присоединились к старшим.

— Хайриддин, — сказал Сардор, — не утруждайте Хатчу в неурочный час! Все равно еда пропадет зря, кто теперь есть станет! Достаточно будет по пиале козьего молока и кусочку лепешки.

Старик Хайриддин согласился, и, выпив козьего молока, все улеглись спать — старшие в михманхане, молодые на супе. Все, кажется, уснули мгновенно, только Сабиру не спалось. Почему — бог весть. Ему мешали и шелест тополей, и стрекот кузнечиков. Кто-то обошел супу со стороны дувала, чья-то тень остановилась против него, сделала несколько шагов и застыла. Сабир настороженно ждал, не двигаясь. Тень шепнула голосом Хайриддина-бобо:

— Сабирджан?

— Бобо? Вы?

— Я, я, родненький. Не разбудил вас?

— Нет, я не спал. А вы что бродите?

— Извините меня... Хотел поговорить с вами, а то утром вы ведь сразу уедете.

— Пожалуйста, бобо, я вас слушаю.

— Это не простой разговор. Вы меня извините. Я насчет своей внучки.

— Зулейхо?! — Сабир резко поднялся и сел. — Что с ней случилось?

— Ничего, слава аллаху. Пока — ничего. Но как мне за ней присматривать, я ведь уж совсем стар, сынок. Как-то у бедной девочки сложится жизнь?

— А почему вы должны присматривать? Она ведь живет в родной семье.

— Э-э... они не хотят ничего знать. У них нет сердца. Велят что-нибудь, поручают — и все, а до души девчонки им дела нет. А сейчас и вовсе. Шокалон-то сегодня уж и места себе не находит, говорит: если новые власти отберут землю, так за оружие возьмется. Может, и к людям Якубхана примкнет. А что тогда будет с домом? С Зулейхой? Родненький, поймите, она ведь одна — продолжательница рода нашего, на нее все наши надежды. — Старик всхлипнул, помолчал, справляясь с собой. — Видите, вот так мы со старухой горячими слезами обливаетесь: неужели от нас и следа не останется в этом мире?

— Но почему не останется следа? — спросил Сабир в тревожном недоумении. — Почему? В чем дело?

Старик снова заплакал вместо ответа. Потом сказал, глотая слезы:

— Только мы со старухой знаем, от отца скрывает... от всех... Страдает она, свет очей моих... Мучается, грустит...

— Но отчего?

— Бедняжка все смотрит на дорогу. Вас ждет.

Сабир обдало мгновенным жаром, как тогда, в михманхане, когда он ее впервые увидел.

— По... постойте, бобо... — Он натянул сапоги, взял старика за рукав и повел за ворота. Отойдя немного, они присели под старым туювником.

— Бобо... повторите еще раз... что вам сказала... Зулейхо...

— Ничего, родненький!.. ничего она нам не сказала! Но мы и так знаем. Она вас ждет не дождется... сохнет.

Сабир не мог больше сдерживаться, припал головой к плечу старика:

— Я знал, бобо... Я чувствовал...

Старик наклонился к его лицу, взгляделся:

— Э... кажется, заботы мои только удвоятся! Чему ж ты радуешься, родненький? Разве пара вы друг другу? Это ж горе — не радость!

— Какое горе, бобо? Вы подумайте! Это ведь любовь! В мире есть любовь! Такая красавица... Зулейхо... меня полюбила!

— Ох, все это красивые слова, родненький. Рассуди: ты живешь там, на другом берегу Аму. Что ж будет с девушкой, она уже и сейчас, когда ты еще здесь, от тоски сохнет.

— Да все будет хорошо, бобо! Ведь... ведь и в вашей стране нынче добрые новости! Вот проведем мы в кишлаки воду, а там — поверьте вы мне — Аму больше не будет таким жестким рубежом. Нет... она станет рекой дружбы!

— Твоими бы устами мед пить! Пусть все, что ты зарабатываешь пойдет на свадьбу сынок! Хватило бы только у нас сил на шокалонов да якубханов.

— Вам что-нибудь сказали, бобо? Грозили?

— Ну, Якубхан всем пригрозил, кто не по его поступит. А Шокалон все пытался нынче влезть ко мне в душу. Я думаю, он и злится, как змея, на которую наступили, знаешь ли... и сам же от страха дрожит. Сказал мне шепотом — дескать, люди, что поддерживают новую власть, будут сожжены со всем добром, прах их, мол, по небу развеют. А хоть бы и так, что мне с того? Уйти я, родненький, никуда не могу, однажды уже пришлось отречься от родины да испить на чужбине чашу скитаний.

Этого мне на всю жизнь хватит! Нашел я здесь себе пристанище, здесь моя дочь родилась. И земля здешняя, и народ — мне родными стали. Что ж, на старости лет и от второй родины отречься? — Голос его зазвенел слезами. — Да никуда я не уйду, здесь помереть хочу! — Он стукнул кулаком по земле — и заплакал. Сабир представил себе, что так же старик разговаривал и с Шокалоном, а тот его урезонивал, и глаза хитрого стариковского зятя горели злостью. Старик меж тем затих, только изредка всхлипывал.

— Вот, поделился с тобой своей болью, родненький... Ну, скажи, что я буду делать, если зять заберет с собой свет моих очей, внученьку Зулейхо?..

Если говорить начистоту, так в юности я просто дурачком был. Рассудите сами, не будь я такой наивный, пошел бы в примачи к Хаджикулу-пансаду? Да еще седьмым зятем! Шестерых дочек пансад с легкой душой повыдавал замуж из дому, а седьмую, младшенькую, она его любимица была, — не захотел от себя отпускать. Тут я и подвернулся, бедолага! Ему, ага, не зять нужен был — батрак. А у меня — ни отца, ни брата, чтоб уму-разуму научили. Где мне было разгадать пансада, эту старую лису, — он ведь такой ласковый был, да все ко мне — «сынок, сынок», я и попался на удочку.

Это я теперь так говорю. А в ту пору — куда там! Удалая молодость! Да и нелегко было тогда жениться — сколько лихих джигитов по бедности так бобылями и прожили! А тут мне — бесплатная свадьба, бесплатная жена, никакого калыма. Любой гордец, любой умник клюнул бы на такую наживку! И завидовали мне, многие завидовали: это ж надо, мол, какое счастье сироте привалило!

А Хатча, я вам скажу, в девушках была — что твой раскаленный уголек. Увиделись мы с ней впервые за свадебным пологом, а прикипели друг к другу на всю жизнь. Конечно, теперь она на куцую метлу похожа, старушка моя, а в то время — ну точь-в-точь наша Зулейхо, как две капли воды! Только что росточком была поменьше. Пансад — как рассердится — звал ее «пучеглазой». Ничего себе пучеглазая. Да такие глаза, как у нее, только у детеныша лани и бывают.

Недолго я в слугах ходил. Через год, считай, моя ясноглазая родила славного малыша. В доме пансада это уж такой день был — из праздников праздник! Дом-то испокон веку бабим царством слыл, одни девчонки на свет являлись. Хаджикул надышаться не мог на единственного наследника, да и мое положение на том упрочилось. Пансад меня иначе и не звал, как «бутам» — «верблюжонок мой». Сам-то он за последнее время сдал, а я тем паче ходил грудь колесом, уж и позабыл вроде, что и сирота я, и примак в этом доме. Стал даже покрикивать иной раз — на пастухов, на челядь, а они величали меня «молодым хозяином».

Тесть мой белый яхтак носил, белые штаны — вообще любил ходить во всем белом. Он такой невысокий был, вроде меня, глазки маленькие, хитрые, зато борода окладистая. Прозвище «пансад» ему в наследство осталось от отца, а так-то он был просто бай, да и богатство его все, как жается, заключалось в шести или семи отарах овец, что круглый год паслись в шерабадских степях.

Прошло еще малость времени, и сделался пансад такой мрачный, что и малыш уж не мог его развеселить. Двадцать восьмой год шел, сами знаете, тугие времена для баев. Потерял он покой, молчалив стал, как подушка, по ночам все исчезал куда-то; вернется, бывало, серей стены, глаза ввалились, и вместо намаза — за счеты.

Губит богатство человека, губит! Сам видел. Одряхлел Хаджикул прежде времени, сгорбился. Жалко мне его было, я уж старался, что он скажет, без промедления выполнять. Однажды в полночь он ко мне в спальню заходит:

— Мы должны уйти, сынок!

А я, не раздумывая:

— Как прикажете...

А дочка его, жена моя, из-под одеяла:

— Куда уйти, отец?

А он:

— В Ауганию...

В Афганистан, значит. Он тогда для нас такой неведомой страной был — слово из сказки, только по слухам про эту «Ауганию» и знали. И тесть тоже, наверно. Глянул я на него тогда: худой, как щепка, лицо изможденное, только борода как была. Ах ты, бедняга, думаю, видно, здорово тебя припекло, как же мне тебя не пожалеть, ведь как отец мне родной.

А жена моя — они, бабы, то ли умней нас бывают, то ли чутье у них какое — откинула одеяло, забыв стыд, и кричит отцу:

— Что это за место? Зачем нам туда ехать?! — И в слезы.

А отец на нее как цыкнет:

— Цыц! — кричит. — Не твоего ума дело! — Хлопнул дверь и вышел.

Наутро в доме поднялся плач — до неба. Женщины рыдают, как на похоронах. Ну, я-то мужчина, мне раскисать не положено, я рядом с тестем хожу, покрикиваю. И надо же, в замороченной моей башке и мыслишки не мелькнуло: что же ты, дурак, делаешь? Куда едешь? Что ты в тех краях потерял? Чего там не видел? Ну, он — бай, у него богатство, а ты что? Был голытьба — голытьбой и останешься, терять тебе нечего, кроме родной земли да праха предков! А и светило б тебе наследство — так что? Легко достанется — легко и расстанется! Ветер принес — ветер унес!

Так нет же, ничего такого мне тогда в голову не приходило. Словно заколдовал меня старик. Одно в мозгу — сделать все, как он велит, да побыстрей. Видно, беспощадность какая-то во мне тогда проявилась — бедная Хатча даже побаиваться меня стала. Прижмет младенца к груди — и следит за мной из-под век. А глаза у самой — от слез красные.

Кое-как приготовились мы к отъезду, за неделю увязали в узлы — что с собой брать, поуничтожали — что нельзя в дорогу. Знаете, как в народе говорят: если думаешь, что беден, — так рискни, перекочуй! И сколько всего затерялось в той суете — только потом, долго еще, вспоминалось понемножку. Прощай, край родной, прощай, привычная жизнь! И дом, что близким мне стал, холодный стоит, мрачный, опустелый, словно только-только мертвеца вынесли.

Пансад кого-то нанял, кого-то подкупил, да и решил отправиться вперед, взяв с собой двух жен и драгоценности; ну и несколько слуг с ним. А был у него пастух по имени Гулмат-игрок, так я с тем Гулматом должен был гнать овец. Место встречи обговорили, о сроке условились, и пансад уехал. Я, по правде говоря, обрадовался. Гулмату, думаю, довериться можно, человек крепкий, надежный. Было же у него — как-никак, в схватку с двумя волками вступил! И жив остался, верх одержал. Выглядел он не ахти, но самые гордые байские сынки, игроки самые заядлые при нем хвост поджимали. Игрок он, говорили, не очень честный, но отчаянный. В самой крайней беде не теряется — вот и выходит сухим из воды. Гулмат и указал пансаду укромное местечко на Аму, где на пароме можно переправиться на тот берег. Говорили, он так уже переправил одного каршинского бая.

А на меня все домашние хлопоты свалились. И за укладкой следить, и за тем, чтоб женщины лишнего не болтали, и чтоб вопили не слишком, и чтоб еды в дорогу вдосталь, запасти. Всё! Я и сам переменялся. Еще в ночь побега пансада отколошматил бедняжку Хатчу — за то, что ревела, прижимая к себе орущего ребенка. До того я в жизни руку на женщину не подымал. Что-то со мной произошло, я словно что бесценное потерял, а что — понять не мог. Злой я стал, безжалостный, сон у меня пропал, все мне хотелось отомстить кому-то — но кому, за какие дела?

А тут еще Гулмат, как приехал хозяина проводить, все дразнил меня: «бай-ата», «бай-ата!» Вот ему бы в морду дать, да побоялся.

Когда вышли мы в путь, гоня овец — стало мне еще хуже. Гулмату-то все ни почем. Холостой, любил да умел пожить себе в удовольствии. А у меня ребенок, жена. Гулмат на деньги, взятые у моего же тестя, нанял двух подпасков да щербатого пастуха, а сам зажил себе без забот, все прочее свалив на меня. Хоть и звал меня по-прежнему «бай-ата», с эдакой улыбочкой! На деле-то, конечно, он всем командовал — даже моей женой: то — огонь разожги под казаном, то — похлебку свари. А бедная Хатча и так весь день верхом, ночью овец доит, сыр готовит, за ребенком глядит... Слава аллаху, хоть малыш нас в пути не подвел — веселый, бодрый, меня увидит — носик морщит, улыбается, а глаза у самого — ну, как чарас! Я Хатчу, как мог, старался беречь, стыд во мне сидел за ту трепку, что задал ей дома, и она это чувствовала, простила. Посмотрим друг другу в глаза — и легче станет, словно прочитаем там надежды наши, что пройдут эти лишения, забудется: где ни есть, а отыщем себе кров; лишь бы сыночка нашего довести здоровым да самим уцелеть.

А Гулмат сварит бузу, выпьет, потом разляжется в тени сакаула — и давай прихорашиваться, усы подстригать! Кому он в этой пустыне понравиться хотел? Правда, когда добрались до берега, исчез и пропадал всю ночь. Утром появился, усталый как собака, а на вторую ночь мы снова овец погнали. К утру остановились, уперлись в стену камыша. И Гулмат опять куда-то пропал. Но, видать, по делу на этот раз: нашел нанятых прежде людей, все вроде устроил — и сызнова сел бузу пить! Он, правда, сколько ни пил, по-настоящему не напивался. Так и тут: встал и давай подпасков наставлял. Аму здесь неглубоко текла, плоский берег прямо переходил в камышовые заросли. С берега казалось — зарослям этим шумящим края нет, но когда стемнело, мы погнали овец потайными тропами и скоро вышли к броду. Перед нами река текла под луной, мерцала потихоньку, поплескивала, видно было — мелко тут и спокойно. До черневшего камыша на том берегу — рукой подать! Я удивился: сколько было разговоров, а переправа такая легкая!

Злился я в последнее время на Гулмата, а тут увидел: знает он дело, все умеет предусмотреть. Сразу, как начали переправу, он при свете луны разделил стадо на

две части, одну подпаскам оставил, а другую щербатому пастуху, и все это — движения не останавливая! Велел щербатому выпить для смелости — тот пошел впереди стада с белым козлом-вожаком; и своим «куррей, куррей» двинул караван вперед. Мы с жаёды шли сзади, вели лошадь на поводу, а на нее бешик с ребенком навьючен, чайник, котел, прочий скарб.

Овцы ночью не блеют, по запаху идут — прижимаются друг к другу, только гнусавое их сопение и слышно. И то не очень слышно — камыш шумит, скрадывает остальные звуки-то, да и вода поплескивает. Вода хоть и холодная, да мы-то уж больно разогрелись, только приятно было. Дно каменистое, с песчаными мелями, стадо то идет, то плывет — движется к тому берегу, как облако. Переправа была чуть меньше версты, ближе к полуночи мы уж на твердую землю ступили и вздохнули облегченно. Но что-то во мне свербило, тревожило — видно, не верилось, что все так легко могло сойти, иначе зачем столько приготовлений? Я сказал — на твердую землю выбрались; только не слышю она была твердая, кругом камыш, под ногами чавкает, хлюпает, и не поймешь — то ли земля, то ли болото. Ну ладно, попетляли мы по тропам, ноги у овец вязнут, а вытащат — тут же след водой наполняется. Помучились изрядно, лица и руки расцарапаны, за ворот понабились эти липучие семена с камышовых веток, мошкара, чарыки мокрые. Несу я сыночка своего, завернутого в чекмень, сзади Хатча лошадь в поводу ведет, задыхается, чуть не падает. А я себе говорю: «Терпи... терпи... терпи... скоро полегчает».

Только оказалось — это все были цветочки. Не зря у меня на душе свербило. Камыш редеть стал, полоска рассвета обозначилась, глянул я вперед — чуть не ахнул: не берег был впереди, а река — дикая, стремительная, мутная, и уж такая страшная под тусклой луной! У меня — как молния в мозгу: значит не перешли мы еще реку, это под нами островок, а главная глубина, главный страх — впереди еще, впереди! Это, знаете, хуже нет: когда уж думаешь — опасность миновала, расслабишься, и тут тебя новый страх под дых!

Гулмат подошел: ничего, мол, нам еще повезло, этот островок, где мы сейчас, чаще под водой бывает, а теперь мы половину реки прошли. Вторая половина — хоть опасная, да узкая, тут нас плоты ждут.

И как он это сказал — чую, качается все под ногами! Островок-то не сушей был — сплетением корней камыша! И как раньше я этого качания не заметил — поверил, что под нами твердый берег. Что значит вера человеческая! Ну, думаю, завел-таки нас Гулмат-игрок! Пути назад нет, здесь — преисподняя под ногами, теперь лишь бы плоты прочные оказались. Ведь тут уж не протока тихая — настоящая Аму, тот самый коварный Джейхун, про который страшные сказки рассказывают. Ширины-то — всего двести шагов, да от этой пучины бегущей так холодной смертью и несет, так и веет! И ревет как, гудит — ууу! — только эхо на том берегу черном отдается.

Плот мы с Гулматом нашли шагах в пятидесяти ниже по течению — стоял спрятанный в камышах. Там на берегу люди живут — специально тополя растят, потом соединяют необтесанные стволы крепкими веревками и продают плоты. Нам-то приготовили целый паром — два старых плота да один новый. Канаты, что на берег протянуты, — провисают, окунаются в серые гребни, деревянный настил прибит к бревнам, и так это все неуклюже на воде покачивается, что меня затошнило даже, голова закружилась. Но Гулмат сказал: не трусь, вишь, паром крепкий, перила по краям! И, чуешь, — свежими опилками пахнет? Почему-то меня эти свежие опилки успокоили. А тут подошли двое полуголых, бородатых, с топорами. Гулмат с ними долго шептался, потом пастуху крикнул: «Начинай давай!». И щербатый наш пастух тоже крикнул свое «Хайт!», и володав давай кружить вокруг стада. Овцы-то уж разлеглись, подмяв было камыш, но тут зашевелились, поднялись, один из подпасков подтащил белого козла к входу на паром, протолкнул туда, ну и овцы за ним мутной рекой потекли. Сперва-то деревянный стук под копытцами их пугал, потом набилось до полна, прижало друг к другу, затихли. Овец триста вместились, так я думаю, да еще осталось небольшое место для нас с конем.

Паром осел слегка — груза-то! — тяжело так заколыхался на волнах. Вокруг посветлело, а волны, наоборот, вроде как темней сделались, коричневые такие, тугие, страшные. Сейчас, думаю, распростимся мы вконец с родной стороной, с людьми, с кем жили вместе, и так мне горько стало и боязно, что даже и Гулмат этот, пройдоха недобрый, и полужнакомые пастух с подпасками — оказались близкими и милыми. Прости нас, прах наших предков...

А Хатча завыва:

— Похоронят нас на чужби-ине-е! — И это словно из моей груди вырвалось.

Паром снова заколыхался — видно, вода прибывает, поднимает волну. Мы еще не взошли на деревянную площадку, Хатча где-то позади ребенком занята, Гулмат, не теряя времени, наваливается со своими людьми на канат — и тут... И тут впереди у парама что-то треснуло, что-то тяжело в воду шлепнулось, и еще, и еще, и еще!

Один из подпасков как заверещит, пастух дурным голосом завопил, Гулмат метнулся на паром, я за ним... да где там! От напора ли такой кучи овец, или от чего еще — передние перила сломались, рухнули в воду; с ними и белый козел-вожак, а овцы за ним. И прыгают, и прыгают, и прыгают — спаси аллах, кажется, страшной этого я ничего не видел! И ведь что сделаешь — через такую плотную махину стада никакими силами не пробьешься, хоть до пролома вроде рукой подать. А и пробьешься — разве отару удержат в таком потоке, это она тебя в воду толкнет и вся недолга. Пастух попробовал проскочить туда по спинам овец, да упал, стал барахтаться поверху, встать не мог. Мы тоже пробовали, лезли, орали, надрывались — все без толку. Река около парома вся черная от овечьих спин, овцы погружались одна за другой, отчаянно взблеивали перед концом, а в воду шлепались все новые, все новые... Господи боже мой, есть ли на свете создание глупей овцы?.. Площадка уж порядком освободилась; передних было, конечно, не удержать, но можно хоть несколько задних спасти — схватить за ноги, что ли... да у нас от ужаса, от отчаяния — руки опустились. Гулмат рядом со мной матерился без удержу, сзади причитали подпаски; плакала в голос Хатча...

Через минуту остались от всей отары только желтоватые лужицы мочи на досках парома.

Я вам уж и не скажу, о чем думал в ту минуту. Сперва, вроде бы, о Хаджикулепансаде, как он у нас на глазах превратился из богача в нищего; потом как-то мимоходом — кто тут виноват. А кто виноват? Продавцы мяса? Овцы? Река? Потом, вспоминаю, подумал, что Гулмату еще расплачиваться с теми двумя. Как они разберутся? У тех топоры, и Гулмат — с оружием.

И в этот самый миг раздался пронзительный, дикий, нечеловеческий вопль Хатчи; в нем и слов было не разобрать, но столько ужаса, что я, разом забыв про овец, повернулся и кинулся на берег. Остальные — тоже. На островке, хоть туман уже поднимался, было светло — по берегу в бессмысленном каком-то отчаянии металась Хатча, ломая руки.

— Что? Что-о?! — крикнул я.

— Горе, горе! Горе-е-е!

— Хатча!

— Бешик! Беши-ик здесь стоял! Ребенок мой... ребено-о-ок!

У меня сердце оборвалось, а все же почему-то я запомнил красные ичиги Хатчи, доверху перемазанные глиной, и платок, почти сорвавшийся с растрепанных волос. Я оглянулся в ужасе — куда бежать? Что делать? Берег был пуст, река накатывала огромные страшные волны и пронесла мимо. Хатча глянула на меня белыми глазами, взвыла и метнулась к реке. Я, огушенный, даже не понял сперва, что это значит, но мимо меня пролетел Гулмат, схватил ее за подол:

— К-куда?! Стой, дурная женщина! — И отбросил рывком на берег.

Хатча упала в грязь навзничь, вскочила, как подброшенная, — и снова к реке. Тут уж я на ее пути оказался и так огрел оплеухой, что она отлетела и растянулась на грязи:

— Где ребенок, ведьма-а-а?!

Дурной, безудержный гнев меня ослепил — на эту проклятую реку, на судьбу, на воющую женщину, что дала исчезнуть моему сыну, дала слизнуть его с лица земли, как клок пены, — я мог бы ее забить до полусмерти, если б не спутники, что меня схватили.

— Где бешик стоял? — спросил Гулмат.

Она приподняла лицо, залепленное грязью, кровью залитое, и мотнула головой в сторону небольшой прогалины меж камышами: там еще висели выполосканные пеленки. Бешик, значит, стоял там, она пеленала ребенка, тут — на пароме случилось, и она, как встала, кинулась к парому, на миг забыла о малыше, прибывшая вода накрыла еле выступающий участок островка — и ушла, смыла, унесла с собой бешик. Это было так ясно, так страшно, словно я своими глазами увидел! И другие, конечно, тоже. Все-таки кто-то вошел в воду, стал шарить руками вдоль берега, кто-то в камыши — искать. Зачем? Державские отпустили меня, я мешком на землю осел. Потом посмотрел на жену — она лежала неподалеку, словно куча тряпья; на свою руку глянул, которой ее ударил, кое-как встал на ноги, подошел к ней, еле выдавил из себя слово:

— Хатча...

Подняла она лицо — не лицо, а лепешку сохнувшей грязи с потеками крови. Подняла — и говорит слабым, бессмысленным голосом:

— Я пеленала ребенка в бешик... — И снова — Я пеленала ребенка в бешик... Я хотел поклониться к ней, а она вдруг как заголит истощено:

— Я пелена-ала ребенка в беши-и-ик!..

Как ни тяжело мне было, а тут дрожь меня пробрала — неужели, думаю, умом тронулась? Неужто мне еще и жену потерять? Наклонился к ней, говорю: «Хатча...

Хат-ча-а... Слышь, Хатча... Не виновата ты... никто не виноват... судьба это, Хатча...»

Тут она вдруг приподнялась, села, привалилась ко мне, обхватила мои ноги руками — и как зарыдает, закричит, завоет. Так, что и Аму, проклятой этой Аму, мне не слышно стало.

Когда Хатча затихла немного — только всхлипывала, вскрикивала, хваталась за меня, но уже не оглядывалась больше на берег, на то место, где стоял бешик, — поднял я ее и потащил к парому. Остальные привели и привязали лошадь, перетасили на паром скарб. Мы сели, где было посуше, прижал я ее к себе лицом, чтоб реки не видела — и поплыли мы, неизвестно куда, неизвестно зачем, неизвестно с чем.

Я тоже к жене прижался, поглаживал ее, как ребенка, поглаживал — и вдруг так ясно увидел перед собой огромные, черные, как чарас, глазенки моего сыночка, так ясно, что и сам затрясся, заплакал в голос. Так мы с ней и сидели, как одно несчастное существо о двух спинах, сидели, качались в рыданиях, а когда я опомнился, глянул — паром уж прошел середину реки. Ну, да мне теперь все равно было, куда доедем, где окажемся, только б эта несчастная съезжившаяся женщина была со мной.

На берегу нас ожидали люди пансада. Что-то я им сказал, они глядели на нас во все глаза, переводили взгляды с одного на другого, потом повели куда-то пешком, кружили по закоулкам, а вечером погрузили весь скарб на верблюда, мы с женой сели на лошадь, в конце концов добрались до кишлака Куйи-Кала. Ночь и день мы ехали, прибыли к вечеру, и я чувствую: чем ближе подъезжаем, тем жену сильнее трясет. Понял я: и в ужасе она перед встречей с отцом, и тот ужас, что на реке, заново переживает. Приехали, сбросила она накидку с головы — господи, гляжу, да она вся седая! В девятнадцать лет...

Как там мы встретились, не хочу вспоминать. Страшные вести доканали пансада. Прямо-таки добились — не мог руки поднять ни на меня, ни на дочь. Стал я для него с того дня хуже чужого человека. Протянул старик после того недолго — в той стране благоденствия для мусульман, куда он так торопился. А за ним и его жены в лучший мир отошли.

Ну, а мы все-таки молоды были, кусок земли засеяли, добрые соседи нашлись, друзей обрели, никто нас не считал чужими, а потом и дочка родилась, солнышко наше, понемногу стиралось прежнее горе.

Чужим я тут не стал, а дураком остался. Надо же, Айпарчу, дочку мою, красавицу из красавиц, о которой вся округа гудела, поклонялась, от женихов отбою не было — и отдал Шокалону, этому злодею, шакалу, зверю бесчувственному! И воротилось ко мне мое невезенье. Бог меня снова покарал. Впервые здесь почувствовал: безродный я! Ведь знал же, видел, как губит человека жадность, как богатство сушит. И снова на удочку попался, снова глупость подвела. Чую, чую, что и Зулейхо своей лишусь. Жила во мне искорка надежды: через нее свяжет меня судьба с родной землей, протянется ниточка к могилам моих предков! Нет, рвутся корни, без следа уйду я из этого мира, без следа.

Окончание следует.

Анна Колесникова

* * *

Постукивал дождь, как по нервам...
Щекочет!— Так принято нами.
Мы рвемся — лишь первой,
  лишь первым!
Попытками, хитростью, снами...

Прими же обмана утеху!
Не спрашивай!—
  Текст весь изучен.
Добавим же к опыту, к смеху —
хоть маленький
  случай везучий!

Расшаркаюсь!
  Шляпу с полями
и перьями брошу на землю.
Ты, жизнь — это случай!
  Ты с нами,
и только такую приемлю!

Я верю в безудержный случай.
Молю лишь о малой юдоли:
везучей, везучей, везучей —
быть надо!—
  Не мене... Не боле!

Этюд с Мандельштамом

Была задумка с самого утра.
И август выводил со мною тему.
Он к сорока прибавил три иль два...
— К моим годам? Нет, к Азии, наверно!

Все раскалилось! Беспредельно прост
расчет земли, придуманный не все!

Я вспомнила про Осю, и про ос,
сосущих ось земную, ось земную...

А кто из вас замыслил ось мою?
Кто любящий зрачок в меня прицелит?
Смотрите, как стою я на краю:
он жизнь мою обычной меркой мерит!

Я долго не писала... Как в бреду,
брел разум мой! Душа испепелилась.
Чего желаю и куда иду?
Вчерашний день и прошлое — приснилось!

Вот вечер догорает. Золотой
край солнца за мечетью молит бога:
— Не будь жестоким, август, милый мой!
И дай мне отдохнуть совсем немного!

* * *

Пора писать стихи. Пусть май мне продиктует!
Как легкую игру, подсказку я приму.
Несложен мир игры. Здесь не расчет ликует.
Как дети, доверяясь сердцем...

Не уму —
а склонности души! — отдам я предпочтенье.
Привычный ход игры

пойдет наоборот!
Я буду ликовать! Писать стихотворенья,
ладошкой прикрыв смешливый детский рот!
От смеха не сдержусь!

И прыснув от избытка
смешливости во мне, уйду в другую даль...
Где накопилась грусть, тяжелым горьким слитком,
где слезы вслед за тем
нахлынут через край.

* * *

Невероятный зной я зарифмую в строчки.
Как контур Бухары в июльский долгий день.
Граматику забыв, не буду ставить точки.
Пусть все, что вижу я, уйдет сегодня в тень!

Все в жизни тень и свет... И тьму перестановок
я выберу себе, как шахматный игрок.
Иллюзиям не быть среди тысячи уловок!
Так кто объявит счет и подведет итог?

И все ж влюбляться в жизнь вовеки не устану.
Ее не удержать слабеющей рукой.
Но хитростям не быть, как и не быть обману
меж мною и моей тетрадью и строкой.

* * *

Одежонка нехитрая!

Я ее бы сменила.

Да не вижу резона. Не далек мой поход.
Ревновала тебя потому, что любила
и жалела всем сердцем —

утверждает народ...

Что народу не нужно —

подберу, как добычу!

Унесу, утаю, никому не скажу!

Как мой ум изощрен,

чем живет, что он ищет?

Я тебе и себе никогда не скажу.

Разругаю себя...

Не жалею меня, милый!

Говори, что слаба. Что во всем был ты прав.

Я жила, как летела —

с неистовой силой!—

среди чистых фантазий,

сомнений,

забав.

Не сбылось — ну и что?

Я смеюсь наудачу.

Так прекрасен размах нескудеющих рук.

Ты молчишь, как всегда.

Все с тобою иначе!

Лишь намек отступленья,

поздней осени звук.

* * *

Было столько мелодий! И клялся декабрь,

что послал столько льда лишь природе в угоду.

Чтоб звенел гололед! Чтоб все было, как встарь...

Как стекло, как хрусталь — пусть летит на свободу!

Было столько причуд, что казалось и мне,

что мелодию свет излучал повсеместно!

Все дозволено милой, капризной зиме!

И любая оплошность зимы — так уместна!

Не пора ли вписать в города, в поезда,

в бой часов и в гудки шаг зимы, все причуды...

Это было всегда! Это будет всегда!

И сберечь это все совершенно не трудно!

Виктор Ляпунов

Межпланетное спасибо

Р. М.

Брел я грустною развалиной.
Вешний мир казался дыбой.
Ты сняла с души окалину,
И за то тебе спасибо.

Мы с тобой болтали ласково
О фантастике, о чуде,
О родстве грузинов с басками,
О Христе и об Иуде.

О китах и телепатии,
И о всячине не всякой.

И косились пронизательно
Проходящие зеваки.

Им казалось удивительным:
Далеко не юный парень
С дамочкой не восхитительной
Увлеклись на тротуаре...

За минуты беззаботные,
За упрек чужих улыбок
Вам — мое международное,
Межпланетное спасибо!

Что ж ты, Разум?

Разум, ты говоришь, умнеет
Это чудо Земли — Человек?
А Земля?
Что же будет с нею?

Сколько в мудрой людской голове
Отравила извилин разных
В неприкаянные времена,
Загибаячи ум за разум,
Нескончаемая война?

Били правильно и без правил...
И теперь разбери-пойми,
Кто там, Каин прав
Или Авель
В вечных стычках между людьми?

Что ж ты, Разум,
Творец прогресса!
Загибаячи виражи,
Оттого, что накуролесил,
В нору прячешься и дрожишь?

Перепуганный, злой и бледный,
Смотришь загнанно из угла,
Пьешь боржом и жуешь таблетки
И не звонишь в колокола?

Пишешь прозу и строишь дачу,
Лечишь язву и диабет,
Меж симпозиумами судачишь:
«Сбросят, сволочи, или нет?»

Паганини

Ах, плачь и хохочи, моя душа.
Черти, смычок, магические дуги.
Ты слышишь, полночь ловит, не дыша,
Твои мизантропические фуги.
Так плачь и хохочи, моя душа.

Покуда ты царишь — вокруг рабы
На этой кувиркающей глыбе.
Вздымай людские страсти на дыбы
И улыбайся у судьбы на дыбе.
Покуда ты царишь — вокруг рабы.

Так веселись, моя душа, и плачь.
Тебе подвластны и земля и небо.
А смолкнут звуки, и уйдет скрипач
На свой чердак, где ни питья, ни хлеба.
Так веселись, моя душа, и плачь.

Папуасы

Мне по нраву, как кипит людская масса
В этом мире, где все блеск и высший класс.
Но вот тянет почему-то в папуасы.
Эх, вот если б был мой папа папуас.

Я б из хижинки-плетенки по утрянке,
Только лучиком поманит в щель заря,
Удирал, вооруженный бумерангом,
Промышлял бы кенгуру для дикарят.

Бороздил бы океан в катамаране,
До черты, где держат небо три кита.
И считал бы высшим шиком одеянья —
На лиане три банановых листа.

А потом, у изумрудного залива
Раздарив папуасятам весь улов,
Я бы слушал, как из глоток их счастливых
Льется песня первобытная без слов.

Ну-ка, мальчики, мордашки разукрасьте,
В ноздри суньте страусиное перо,
И зачем вам понимать иное счастье.
Счастье — жить. А жить счастливо не хитро.

Пусть за теми легендарными китами
Мизантропы говорят, что счастья нет.
Пляшут пальмы, пляшет племя, пляшет пламя,
Этой пляске миллион дремучих лет.

Я нормальный человек разумной расы,
Не ханжа, и совесть у меня чиста,
Но вот тянут, тянут, тянут в папуасы
Бумеранг и три банановых листа.

Девушка с планеты Лада

Жеребец шальной породы,
Дар хмельного воеводы,
Сатана по кличке «Бог»
Пегий баловень природы,
Чуя звездную погоду,
Мчит меня сквозь злые годы
По потемкам, без дорог.

Вся отрада скачки этой:
Рифмы, бейты да куплеты
Искрами из-под подков.
Что там? Чей там лучик света?
Это, видимо, комета.
И на ней инопланетно —
Галактический Садко.

Что за фея на комете?
Женский облик чист и светел,
За спиной багряный шлейф.
Ручкой делает приветик.
Кто на мой вопрос ответит:
Выпадет ли случай встретить
Это чудо на земле?

На развилке тьмы и света,
Мы курили сигареты
В комнатушке у дружка.
И туда — не чудо ль это? —
Входит фея с той кометы,
Девушка с иной планеты
В модерничи сапожках.

Вся и все почти земное,
Только чуточку иное.
Полуангел, полубес.
Чудо, чудо озорное!

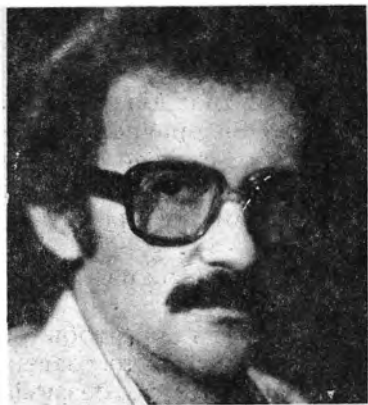
Кто со мною?
Что со мною?
Я, как без весла в каноз,
Речка мчит в дремучий лес.

.....
Пьем чай. Хрустим соломкой.
Птицы серые негромко
Каркают на тополях.
Я задумался о том, как
Гены гениев к потомкам
По эпическим потемкам
Странствуют на костылях.

Девушка с планеты «Лада»,
Чья ты — чудо? Чье ты чадо?
Что тебя пленило здесь?
Наша грусть? Иль наша радость?
Фейерверки? Звездопады?
Наши тризны и парады?
Наша честь иль наша спесь?

Девушка из дальней дали,
Сердцем чую, что едва ли
Мил тебе наш тусклый рай.
Рай ликующей печали,
Где мы, мудрствуя, дичали,
Где мы лаврами венчали
Мастерство собрата жрать.

Слышишь: воют волчьи стаи?
Видишь: коршуны витают
Над землей извечных смут?
Улетаешь? — «Улетаю!»
В тьме ее комета тает.
Мир реальность обретает.
Вот и все... А — почему?

Владимир Соколов

ОСТРОВ ДЛЯ БОЛЬШОЙ ОХОТЫ

РАССКАЗ

До осенних охот на разливах Кирилл Валерьянович перепробовал всякого — зайцев по чернотропу гонял, бил кабанов по лицензиям, просто по лесу наудачу слонялся, а вот ничто так не снимало стрессы, наслоившиеся за год, как скольжение воды за бортом лодки, как неумолчный шорох и звон камышей и мелкие, почти бескровные птичьи смерти в награду за точный прицел. Свой азарт положен всякому виду охоты. Кому-то может нравиться гонять косых, кому-то кровь горячит почти беспроегранный поединок с медведем, но только лишь одна охота на водоплавающих возвышает человека в вершителя судеб, восседающего в лодке наподобие Юпитера в облаке, — нажал на спуск да и прервал летящую куда-то по делам судьбу. Или промазал, что с громовержцами тоже случается.

Там, где от шоссе к разливам отходил проселок, Кирилл Валерьянович остановил машину и вышел размять поясницу — все-таки без отдыха отмахал две сотни километров, в сорок два это уже ощущаешь. Прогибаясь на каждом шагу и до хруста забрасывая за голову руки, он прошелся вокруг машины, заодно оглядел колеса. Давление как будто в норме. Сквозь стекло, испятнанное кляксами от размозженных бабочек, следили за ним голубые глаза. Ничего глаза, только тушь щедра провинциально. Молчишь, попутчица, а это значит — сохраняешь надежду. Убеждаешь себя, что остановился он так, ваньку повалить для повышения цены своему благородству, но вот сейчас сядет снова за руль и скажет — где наша не пропадала, подвезу до райцентра. Чайком хоть напоите, надеюсь? Дудки, попутчица, этого ты не дождешься, потому что не ради твоего чайку он притормаживал у автобусной остановки, где ты в одиночестве дремала на чемодане. Просто в дальнюю дорогу до разливов он всегда кого-нибудь подсаживал, не имея в машине приемника.

— Валюша, вы приехали, — наклонился он к окну. — Мне сворачивать.

Вздохнула Валюша, попробовала улыбнуться, однако же из машины полезла покорно и молча. Юбка джинсовая с самостроченным кривеньким швом как не лопалась только на ядреном бедре. Кирилл Валерьянович извлек из багажника чемодан, утвердил его на обочине. Откашлялся, одолевая неожиданную неловкость.

— Если помните, мы недавно обогнали «икарус» — по-моему, как раз

междугородный. Здесь он будет минут через десять. Если страшно тут одной... может, с вами подождать?

— Тут и бояться-то некого. — Валюша оглядела пустую степь, пережестную ремнем шоссе. — Уж поезжайте. Подвезли, спасибо и на том.

— Смотрите сами, — с облегчением сказал Кирилл Валерьянович, душою пребывающий уже на разливах — ах, как небо синело в той стороне горизонта, куда уползал проселок! В такой день, как сегодня, которого ждешь целый год, десять минут тоже время, еще какое длинное время-то... И он сел за руль и включил зажигание.

— А то бы ко мне заглянули, — упавшим голосом предложила Валюша. — Чайку бы...

Тут он включил стартер, да еще прибавил как следует газу, чтобы не слышать ее, а затем помахал с доброжелательной улыбкой, круто развернул машину и с замиранием сердца опустился с насыпи в мягкую, беззвучную, неподвижную зыбь колеи.

С холма на холм он отмахал за полчаса семнадцать километров. Уж не раз перебежали дорогу джейраны и уносились танцующим своим галопчиком в солончаки. Видел он уже и пыльную лису-караганку, тощую, на хрупких лапках, но с хвостом несуразно богатым и пышным, как случайное наследство. Дважды приходилось покидать колею, чтобы объехать млеющую в горячей пыли змею. Чем ближе разливы, тем все чаще обнаруживала себя фауна, смущая горожанина свободой и неоспоримостью прав своих на эту землю.

На восемнадцатом километре захотелось остановиться — без нужды, просто так, — и Кирилл Валерьянович, хоть раз в году послушный своему «захотелось», в самом деле остановил машину и вышел.

Удивительно полная охватила его тишина. Живая тишина живой природы, когда и нету, строго говоря, никакой тишины, а есть растворенные в огромном воздухе звуки, всегда живущие в нем вместе с запахами и постоянно носимые ветром как украшения дня либо ночи. Ведь во все времена ветер так же погуживал в струнных кустарниках, всегда посвистывали суслики по увалам, и даже зуд карабкающегося в отдаленных холмах грузовика живет здесь, кажется, с мамонтовых времен.

Степь только казалась пустой, а если оглядеться, то над макушкой вон того, например, холма раскачивался в дрожащих токах воздуха коршун, кого-то выслеживал на земле. Картина торопливой этой охоты беспокоила Кирилла Валерьяновича, словно он позабыл что-то важное... Что же? Ах, ну конечно! Он открыл багажник и с неизъяснимым волнением вынул чехол, в котором, по-городскому еще расчлененное, томилось по делу ружье. В несколько движений собралось оно и как будто само приложилось к плечу, источая чудные запахи смазки и пороха.

Кирилл Валерьянович повел стволами, мушка спрятала собою коршуна, так далеко была птица. Ореховый приклад холодил щеку, по стволам играли длинные проблески, уже подкрашенные алым — солнце поворотило к закату. Коршун переплыл к холму поближе и прошелся над ним вправо и влево, почти не шевеля твердыми крыльями. Неторопливо и быстро скользил он над склоном, повернув чуть на сторону приоткрытый клюв, и вслед за ним передвигался зрачок человека, соединенный в смертоносное целое с черными скважинами стволов. Эх, сел бы так же селезень на прицел, завтра, на зорьке... Провести бы его точно так же, плавненько... а вот тут бы и можно...

Гром неожиданного выстрела оглушил Кирилла Валерьяновича, приклад ударил в плечо, не ожидавшее отдачи. От коршуна в стороны брызнули перья, и он, сплетая обмякшие крылья, тряпкой повалился вниз.

— Осел! — рывкнул на себя Кирилл Валерьянович. — Кретин безмозглый! Идиот!

Рывкнул поделом. Уж если человек не замечает, как заряжает ружье, либо, заметив, тут же и забывает об этом, — жди беды. Еще ладно, всего лишь коршун убил. Могло быть много хуже. Что именно могло быть, он не успел придумать, расслышав сквозь звон в ушах настырный зуд мото-

ра — это с горба дороги спускался к нему ободранный вездеход охотхозяйства, с колесами голыми и громадными, как у трактора. Полон кузов вездехода был охотников, рюкзаков и собак, вываливших сырые языки, а у Кирилла Валерьяновича вился еще дымок из ствола, да и выстрел они обязательно слышали, если даже не видели. Глупость какая — будто он специально в проклятого коршуна выпалил... Кирилл Валерьянович швырнул ружье на сиденье, сел сам и дал с места газу. Но не удержался — посмотрел туда, где в щетинистой серой траве темнел, топорщился перьями, шевелимыми ветром, мертвый коршун.

Довольно скоро грузовик отстал, потом и вовсе скрылся из виду, и понемногу Кирилл Валерьянович успокоился, сердцебиение прекратилось. Зато заворочались в голове рассуждения, без всякой логики соединяющие нелепый этот, нечаянный выстрел с последними Валюшиными словами. Бога ради, при чем тут Валюша-то? Тем не менее сходство имелось. Уже через час езды он настолько расположил к себе попутчицу вежливой сдержанностью и умением слушать, что она и сама не заметила, как с дорожного легкого трепа перешла на историю собственной жизни. С подробностями шел рассказ, иногда со слезою, с началом от преждевременного рождения в семь месяцев (Кирилл Валерьянович с недоверием покосился на литой выдающийся бюст), через учение в неполной средней школе, в которую пошла неполных семи лет (все торопилась куда-то, усмехнулась Валюша, знала бы, куда), через учебу в музыкальном училище до нынешней ее работы в должности «музручки» в том же самом, представьте, детсадыке, в котором лет двадцать назад распевала картаво, как вышла курочка гулять, свежей травки пощипать. А за ней ребятки, желтые цыплятки, про себя картавенько пропел Кирилл Валерьянович, исполненный самого искреннего сочувствия. Этой несколько переспелой девушке предстояло так и состариться в том детсадыке, ибо с ее специальностью в райцентре вряд ли просто переменить работу. Лично он ни за что не согласился бы состариться в таперах. Даже на нынешней своей должности — а не тапер, начальник крупного отдела! — он стариться не собирался. А иначе, для чего он жил? Перед Валюшей же до самой пенсии лежала горизонталь, так что сочувствие его было искренним. А она, видно, тронутая сочувствием незнакомого человека, вдруг набрала побольше воздуха да и поведала историю своего замужества и скоропостижного развода. На это Кирилл Валерьянович как-то уж небывало искренне брякнул, что и сам не так давно претерпел аналогичную драму и очень хорошо потому понимает Валюшино состояние. Между тем он был женат, и счастливо женат, и брякнул исключительно в плане сочувствия, чтобы показать ей, что вот, мол, претерпел, и ничего, жив-здоров, не столь уж окончательна эта катастрофа. И вот, ты посмотри, что с женщиной произошло от нечаянного этого выстрела...

Дом лодочной станции стоял на бугре, заслоняя собою низкое солнце. По косогору шлялись свиньи, синие от озерного ила и подбористые, как гончие псы. Кирилл Валерьянович поднялся на бугор и поставил машину в ряд других; стояли тут легковушки, грузовики, мотоциклы, даже один автобус стоял, и до глубокой ночи будут подъезжать еще те, кто не сумел пораньше оторваться с работы. Выключив мотор, он вышел — и замер, позабыв захлопнуть дверцу, так далеко и неохватно открывались отсюда разливы.

Уж в который раз дисциплинированный ум Кирилла Валерьяновича поражался гармонической этой анархии. Ведь не существовало никакого предварительного плана, не выделялись никому ни фонды, ни ресурсы, имелись нуль капиталовложений и отсутствие техдокументации — а как получилось! Как точно все пригнано одно к другому, озера без зазоров сопрягаются с прихотливыми берегами, и каждый островок на глади смонтирован точно в необходимом месте, да еще оторочен выпушкой из камыша, и каждая в выпушке той камышина прорастает в назначенный срок и тоже в том месте, где она нужна...

Подстрекаемый комарами, Кирилл Валерьянович запер машину и направился к дому лодочной станции.

На крылечном столбе висела, загадочно улыбаясь, копченая свиная голова. Кирилл Валерьянович подмигнул ей, прошел уставленным веслами коридором и оказался в комнате, производящей впечатление необитаемой, хотя и мебель в ней кое-какая имелась, и сивый человек над столом согнулся, с усердием заполняющий колоссальную ведомость.

— А, Кирюха, здоров! — сказал человек без удивления, словно растались они вчера. — Посиди, брат ты мой, пока строку доковыряю.

Кирилл Валерьянович сел, морщась от густо прокуренного, пропитанного рыбой воздуха. Городские должности и степени здесь хождения не имели, что-то значил лишь охотничий стаж, которого хватало покамест только на Кирюху. Что ж, и это неплохо, уже не товарищ Жариков, как первые три года величал его Саша-лодочник.

— Привез? — спросил Саша-лодочник, не подымая от ведомости сивых лохм.

Кирилл Валерьянович похлопал себя по вздутому карману кожанки. Тем же жестом Саша-лодочник похлопал по столу, на что Кирилл Валерьянович понятиливо поставил перед ним бутылочку коньяку.

— Дуришь опять, брат ты мой, — скопился ласково на подношение Саша-лодочник. — Красного привез бы, как другие, — дешевле и больше...

— Зачем же я буду хорошего человека травить? — разыгрывал Кирилл Валерьянович столь приятный обоим ежегодный спектакль. — Красное — это ж химия одна. От него, не говорю про печень, наследственность страдает ужасно.

— Про наследственность чушкам моим скажи, — проворчал Саша-лодочник, отправляя бутылку в стол. — А я размножаться давно перестал, мне эти ужасы до фени. На сколько дней, говоришь, лодку выписывать?

— На неделю.

— Хоть бы раз на дольше-то приехал. Тут круглый год живешь, и то надышаться не можешь...

— Дела не отпускают, — пожал плечами Кирилл Валерьянович.

Саша-лодочник на это только хмыкнул — не верил он в особые городские дела, все суета и супротив природы, — и протянул квитанцию:

— Гони восемь двадцать. Лодку выберешь с левой стороны, там хорошие, весла возьми в коридоре, в углу, там новые стоят. Жить где думаешь? На своем острове?

— От добра добра не ищут, — Кирилл Валерьянович положил перед ним десятку, жестом отменяя поползновение к сдаче.

— Оно-то так, да, кажется, уже определились там. Костерок вчера светился, брат ты мой.

— Ну, Саша... Как же ты так?

Дело в том, что лодочник ведал также и распределением между охотниками островов, так что не из одной филантропии везлись ему из города бутылочки.

— А чего сразу — Саша? Показал я им свободный остров и как плыть растолковал. За руку, что ли, вести? То ли сбились они, то ли нарочно туда завернули — остров приметный твой, — только гляжу вчера, костерок там горит. Кроме них, вроде некому.

— Много их?

— Полтора человека, — рассмеялся чему-то лодочник. — Сам увидишь, если они. Растолкуй им порядок. Скажи, мол, Саша-лодочник велел вам выметаться персонально и непосредственно.

Кирилл Валерьянович только рукой махнул. Решительно день не задался.

Дом лодочной станции ярко розовел на темнеющем небе, уменьшаясь и с каждым гребком оседая к журчащей за кормою воде. Когда Кирилл

Валерьянович оборачивался для проверки курса, его облепляло сплюснутое солнце, снизу уже подстрихованное метелками камыша. Надо поторопиться, еще ведь устраивать лагерь, это сколько работы, а завтра подниматься до рассвета, ибо зорька завтра особая, первая. И Кирилл Валерьянович крепче упирался ногами в шпангоут, всей своей почти центнеровой массой влегая в весла так, что лодка чуть не наполовину поднималась из воды.

Кончилось чистоводье, справа и слева за корму проплыли мелкие островки, среди которых были и просто перистые купы айра, удвоенные отражением в глади. Теперь Кирилл Валерьянович оборачивался чаще, отыскивая протоки меж островов, удивительно похожих друг на друга — плешивый купол, по урезу воды окаймленный полосой камышовой заросли. Это все были верхушки холмов, оставшиеся на поверхности после затопления огромной степной территории. Зато свой остров Кирилл Валерьянович мог отыскать хотя бы ночью, при свете луны, по раздвоенной макушке с седловиною посередине.

Поочередно погружая весла, он повел лодку вдоль шепчущейся камышовой крепи. Непролазная, она окружала весь остров, давая пропитание его обитателям и превращая сушу за собой в род крепости. С открытой водой эта крепость сообщалась единственным проходом, да и тот за лето обыкновенно почти зарастал. Вот оно, это место — камыш слегка разлегся на стороны таким пробором. Свежие заломы подтверждали, что костер Саше-лодочнику не привиделся.

Одно весло Кирилл Валерьянович поднял в лодку, а с другим прошел на корму и, уперев его в податливое, с рвущимися корешками дно, с силой направил лодку в пробор. Несколько мгновений держалась еще журчащая тишина, и вдруг звонкий шорох и треск окружили лодку, посыпались сухие листья, и пух взметнулся перед лицом, но Кирилл Валерьянович пихался все энергичнее, останавливаться нельзя, потому что невозможно будет стронуть лодку, зажатую сотнями упругих стеблей. Еще несколько мощных толчков — и снова тихо сделалось вокруг, только под скулами лодки вскипала вода, завивалась с плеском за кормой. Он оказался в бухте, которая, укрытая от постороннего глаза, составляла вторую бесценную особенность его острова.

Подгребая одним веслом наподобие гондольера, он правил лодку к мосткам. Да, да, у него здесь устроены были мостки, к которым гораздо удобнее причаливать, нежели к топкому берегу, и вот теперь у его мостков колыхалась чужая лодка, тоже стеклопластиковая и голубая, но — чужая, и потому вид ее был неприятен, а колыхание казалось прямо-таки непристойным. На носу чужой лодки сидел круглый зверь и глядел немигающими глазищами. Лишь когда лодки столкнулись бортами, зверь перепрыгнул на мостки, поставил трубою хвост и ушел в камыши.

— Лев, ты что ж не здороваешься? — окликнул его Кирилл Валерьянович. — А насчет колбаски как же?

Зверь ухом не повел. Он был камышовый кот и бог весть сколько лет правил островом, а Кирилл Валерьянович исправно платил ему аренду свежей рыбкой, утиными потрохами и почестями. Кроме прочих привилегий, была у кота и такая — сидеть вечерами в лодке. По-видимому, на воде он отдыхал от нескончаемого шороха и духоты своей чащобы. Но вот он с той же независимостью сидел только что в чужой лодке, и Кирилла Валерьяновича кольнула ревность.

Чтобы не спускаться к мосткам еще раз, он навьючился сразу всем своим имуществом — рюкзак, и ружье, и палатка, и спальный мешок воздвигались на его плечах внушительными этажами. В прибрежные камыши от мостков уходила тропа, тоже в свежих заламах. С треском он продрался сквозь крепь и вышел на поросший полынью и сухим джунгилем купол острова. Поднимаясь в гору, издали увидел двухцветную, желтую с синим, палатку, недалеко от которой человек возился с костром.

Кирилл Валерьянович подошел к костру, сбросил свои вьюки и сел на рюкзак. После долгого подъема, да с таким солидным грузом, кровь прямо-таки гремела в ушах.

— Бог в помощь, — пожелал он, отдуваясь.

— Здравствуйте, — от костра повернулся на корточках парень в интеллигентском рубище — штормовка, латаные джинсы, ботинки «вибрам» на веревочках — и протер глаза, слезящиеся от дыма. — Вовремя пришли, скоро чай будет готов.

Кирилл Валерьянович, отпыхиваясь, в упор рассматривал захватчика. Тот, не получив ответа, доброжелательно улыбнулся и принялся снова подкладывать ветки в огонь. По одежде судя — кандидат наук или хорошо оплачиваемый инженер, из тех, кто дорожит студенческим прошлым и в самоутверждении обходится без помощи фирмы «Адидас». Зато у такого, несмотря на молодость, наверняка окажется ружье МЦ, многозарядное, ценой в полтыщи. Дым путался в угольной шевелюре парня, в архаически пышных его бакенбардах, блики от костра подсвечивали лицо с чертами крупными и даже грубыми, как бы вытесанными в несколько ударов и отделке не подвергавшимися. Здоров, конечно, штормовка с выцветшим словом «Сургут» едва не трещит на широченных плечах, сучья знай постреливают в кулаках, на костяшках которых Кирилл Валерьянович углядел мозолистые наросты. Каратист к тому же — вот тоже вид возрастного помешательства. Наверное, благоразумнее бы сейчас сдержатъ раздражение, но Кирилл Валерьянович устал и ничего не мог с собой поделатъ:

— Лодочник предупреждал вас, что остров занят?

Парень повернулся, посмотрел со спокойным любопытством.

— Предупреждал, я спрашиваю?

— Предупреждал. А остров, представляете, оказался свободен и очень нам понравился.

— Но здесь существует правило: на каждом острове охотится только один человек.

— По-моему, глупое правило, — пожал плечами парень. — Не обращайтесь на него внимания. Во всяком случае, вы нам не мешаете.

От подобной наглости Кирилл Валерьянович не сразу и нашелся. В институте ни один молокосос не смел разговаривать с ним таким тоном — чуть ли даже не покровительственным... Он чувствовал, что начинает закипать.

— Боюсь, что все же помешаю вам с приятелем, — сказал он, раздражение пытаясь перелицевать в сарказм. — Я каждый год приезжаю на этот именно остров и именно с целью побыть одному. Главное для меня — уединение, а не пальба, тем более не бутылка на троих.

Парень покачал головой:

— Ума не приложу, чем вам помочь. Мне-то все равно, где охотиться, а вот приятелю здесь понравилось. Его желание для меня закон. Понимаете, принцип у меня такой — все должно быть так, как нравится моему приятелю.

— А вы не думаете, что у меня свой принцип?

— Почему не думаю? Думаю. И даже рад за вас — с хорошим принципом не заскучаешь. Если хотите, помогу палатку натянуть, пока не стемнело.

Все же благоразумие не совсем оставило Кирилла Валерьяновича — он понимал: еще два слова, и такого может наворочать, что всю охоту погубит. А дело просто в том, что он устал за этот хлопотный день, издергался, а завтра нужно подниматься затемно, и это тоже давит на психику. Как раз тот случай, когда утро вечера мудренее. Ни слова более на сказав, он поднялся и снова водрузил на себя рюкзак, палатку, спальник и ружье.

— Готовьте кружку, сосед, — сказал вслед ему парень. — Чайник вот-вот закипит.

Место, где Кирилл Валерьянович ставил обыкновенно палатку, находилось в седловине и было куда удобнее косогора, на котором разбили свой лагерь чужаки. За несколько сезонов он обустроил седловину — выкопал пещерку для хранения продуктов, рядом сложил очаг из камней, куда вставлялся экологически чистый примус, поблизости были вкопаны у него прочный стол из горбылей, две скамейки и столб с гвоздем для лампы.

Слава те господи, наконец-то он влез в палатку, выгородившую из остатальной вселенной брусочек брезентового уюта — для него одного. Раскатал спальник по полу, под которым дыбилась и ломко оседала сухая трава. Эх, сейчас бы в самом деле чаю кружечку... Но голова клонилась к спальнику, а ведь еще оставались дела. Задом он выбрался из палатки и услышал шаги в темноте. Кто-то поднимался к нему от чужого костра, освещивая фонариком. Чего им понадобилось на ночь глядя?

Фонарик приблизился. Впрыгнул на стол кольчатым кругом света, рука поставила кружку в круг. Пар переваливал через край и немедленно сливался ветром.

— Тут пять кусков сахара. Но если не любите сладкий, можете не размешивать.

Голос был настолько женский, что Кирилл Валерьянович вздрогнул. Женщины не хватало на острове!

— Спасибо, я уж лучше размешаю, — сказал он, несколько опомнясь. Вот что Саша-лодочник имел в виду — полтора человека...

— Не сердитесь на Бориса, он тут ни при чем, — попросила гостя. — Ему было все равно, куда высаживаться, а мне вдруг понравился ваш островок — прелесть какой смешной. Можно, я присяду, кружку подожду? У нас их только две.

— Смешной? — поразился Кирилл Валерьянович, которому в жизни не приходило в голову смеяться над какими бы то ни было островами. — Сидите, сидите, конечно, — спохватился он. — Почему он смешной?

— Смешной и милый. Я в осадок выпала, когда увидела — как будто бы плывет куда-то шляпа пирожком, старая, молью побитая, одна оторочка осталась... А когда пролезли через камыши, оказалось, что он очень милый, уютный — я к нему моментально привыкла. Бывает так, знаете, как будто жила уже здесь. Со вчерашнего дня мы тут все облазили и еще больше привыкли, и я понимаю вашу привязанность. За камышами чувствуешь себя, как в крепости.

— Ну уж если вы так хорошо меня понимаете, объясните мужу, что придется вам подыскать другую крепость — тут их полно.

— А Борис мне не муж, — легко сказала она.

— Ну, жениху.

— С чего вы взяли, что жених? Нет, этого я еще не решила.

Кирилл Валерьянович повернулся к ней с кружкой в руке и всмотрелся. Звездами все небо было выбелено, так что кое-что он разобрал — громадный бушлат, например, громоздящийся вокруг нее бесформенной глыбой, и то, что в бушлате помещается существо на самом деле тонкое и даже хрупкое. Тускло отсвечивали волосы, стриженные в патриархальный кружок, несколько ярче мерцали глаза в глубине темных впадин. Отчетливее же всего светилась сахарная полоска меж приоткрытых, очень пухлых губ.

— Так, — сказал он сурово. — А кто он вам, позвольте узнать?

— Пока просто друг. Мы отдыхаем вместе.

— Так...

Что еще сказать, он не придумал и потому хватанул горящего чаю и страшно закашлялся. Гостя постучала его по спине кулачком:

— Что ж вы так неаккуратно, господи... Кстати, как вас зовут?

— Хи... Кхи... Кхирил В...алерьянович!

— А меня — просто Даша. Можно без отчества.

— Да уж какое отчество... — утер он слезы. — Школу-то хоть кончила?

— И даже второй курс университета, — с достоинством отвечала она. — Сейчас на третьем. Так что лучше, пожалуй, нам оставаться на «вы».

— Ну да, извините. Родители-то знают, что ты... где, то есть, вы отдыхаете? И с кем?

— А почему вас интересуют проблемы моих родителей?

— Да так как-то... У самого такая же вот выросла, самостоятельная. Тоже на третий перешла.

— Допили чай? — Даша поднялась. — Давайте кружку.

— Огромное спасибо, — пробурчал Кирилл Валерьянович и принялся стаскивать сапог, поглядывая, как удаляется по склону ломтик света — то и дело заслонял его черепаший панцирь на тонких ножках.

Проснулся Кирилл Валерьянович затемно и так внезапно, словно кто-то толкнул его. «Зорька же, идол, зорьку чуть не проспал...»

Подробное одевание, умывание с бритьем, сбалансированный по калориям завтрак — это все осталось в городе. Из утренних процедур лишь одна была неизбежна. Занятый ею в отдаленных кустах, Кирилл Валерьянович позевывал, вздрагивал от пронзительной утренней свежести, поглядывал на небо с обильными звездами. Вернувшись к палатке, вытянул ружье с патронташем, фляжку и приготовленный с вечера мешочек с печеньем. Подпоясывался он с чувствами сложными — патронташ пришлось застегивать опять на следующую против прошлогодней дырочку, зато тяжесть тридцати шести зарядов оставалась все так же приятна, как в прошлые годы.

Стараясь не шуметь, миновал он чужую палатку: пускай поспят охотнички. А возле мостков зато присвистнул даже. Лодка его дремала в одиночестве, и это значило, что Борис опередил его. Кто раньше поднимается, тот занимает лучшие места на утином пролете — это ведь тоже из здешних правил.

Луна сияла над бухточкой бодро, словно бы только в силу вошла, а между тем на востоке прокрашивалась густая лазурь, и небо в той стороне отделилось уже от тушью вычерченных камышей. Отпутав цепь от мостков, Кирилл Валерьянович перебрался в лодку, спросонья злостно зыбкую, и повел ее к едва синеющему проходу в стене.

Выбравшись на чистоводье, Кирилл Валерьянович сел, как положено, спиной вперед, вставил весла, как положено, в уключины и произвел несколько энергичных гребков. Другое дело! Кровь разбежалась по самым мелким капиллярам, голова заработала ясно, даже слух со зрением будто включились на полную чувствительность. И он перестал грести. Как ни нужно было торопиться, а без этой минуты потеряли бы смысл и охота и многое остальное.

Вода за пластиковой скорлупой бортов скоро смолкла, но лодка продолжала скользить в тишине. Истекал тот особенный час, когда ночная жизнь отохотилась, отспасалась, а жизнь дневная еще досыпает по гнездам и норам, в отстоявшейся за ночь остекленелой воде. На небе проступил рыжий мазок одинокого облака, и на глади под ним засветился такой же, но погуще тоном, и этот нижний подернулся рябью от очнувшегося местного ветерка, а небесный разгорался зато все ярче, наливался оттенками и даже как будто бы массой. Тишину прошил еле слышимый шепоток осоки. Весло погрузилось и булькнуло, и этот звук, днем ничтожный, теперь прокатился между островами — но не отозвалось озеро, спало, цедило последние капли безопасного времени.

Кирилл Валерьянович тронул лодку, и островки закружились мимо, поворачиваясь лохматыми боками. Развиднялось, и возле некоторых из них на воде проявились утиные стайки — где пять, где восемь бестолково кланяющихся волне резиновых и деревянных чучел. Все лучшие засидки заняты. Покружив по плесам, Кирилл Валерьянович разогнал в одном месте лодку, чтобы с ходу пронзить камышовую щетку, а заодно пошуметь немного, конкурентов позлить. С хрустом лодка развалила во все стороны звонкие стебли и скрылась в них вся, и тут в производимом им усердно

треске различил Кирилл Валерьянович какой-то посторонний треск и увидел слева всплывшую над метелками зобастую с простреленными крыльями тень. Ко-о, ко-о-о! — обругала его выпь, разбуженная раньше времени. Петух-то, мамочки... — просипел Кирилл Валерьянович и потянул к плечу ружье — а оно пустое... Ко-о! — презрительно сказала выпь, заслоняя облако. Кирилл Валерьянович выдохнул и вытер со лба испарину, и вспомнил коршуна, и сплонул за борт. Что вытворяет эта страсть охотничья с благоразумными людьми...

Времени искать засидку не осталось, вот она, зорька, считай, началась. Минуты последние истекают. Веслом бы он проломил в заслоне вокруг несколько бойниц, чтобы обеспечить хоть какой обзор. В вышине уже слышался тугий посвист крыльев, но сколько ни вглядывался он, уток так и не видел. Темновато еще. Достал печенье, погрыз его, запивая из фляжки водой, но есть не хотелось. Хотелось стрелять.

И как-то внезапно вдруг рассвело. Вся гладь от него на восток залилась розовым лаком, и каждая на ней тростинка обозначилась сильно и твердо, как удар резца. Далеко за холмистыми островами раскатился первый выстрел, мягкий, словно хлопнули по ковру выбивалкой, за ним тукнул другой, уже ближе, и совсем недалеко кто-то ахнул на радостях дуплетом — понеслась утиная зорька! В поднебесье свистели один за другим стремительные косячки, крайние птицы то и дело перестраивались, прячась в середину, а по разливам катил за ними ружейный грохот, дробь за ними разливалась в воду полосой, возвращалась, так и не отведав птичьей крови — с каждым годом утка держится на пролете все выше, дробь ее не достать.

На салют Кирилл Валерьянович патронов не тратил. Охота впереди.

Он приготовился ждать долго, так что в первый момент не поверил глазам, заметив в мысочке неба между островами две точки, мельтешащие рядом. Зажмурился, вперился снова — да, это утки, летящие быстро и низко.

— Сюда, хорошие мои, родненькие, заворачивайте сюда... — На всякий случай переломил ружье: из стволов уставились на него зрачки капсюлей.

Скользя по самым метелкам, утки спланировали прямо на просторный плес перед щеткой, как будто слышали его мольбу. Но скорее всего потому, что здесь не болтались дурацкие подсадные. Уточка села первой, за ней хлопнулся на воду селезень.

Смешно даже думать, будто из дерева или резины — да из чего бы то ни было! — возможно повторить это чудо. Округлые, чистые птицы, обрызганные радужными каплями по радужному перу, они буквально распираемы были энергией жизни, они беспрестанно дергали хвостиками, озирались, их крылья вскидывались на всякий плеск и снова пружинисто складывались. Кирилл Валерьянович даже глаза прикрыл, чтобы не спугнуть свое счастье, но в щелочки подсматривал. Видел, как селезень одобрительно крякнул и сунулся в воду, однако в тот же миг и выскочил, словно ловил кого-то врасплох, и возбужденно захлопал крыльями, озираясь. Уточка робко кружила за ним. С каждым следующим кругом они приближались к кормному мелководью, к тем самым камышам, в которых ни жив ни мертв глотал несуществующую слюну Кирилл Валерьянович.

Первым он выцелил селезня. И было потянул за спуск, когда на линию выстрела выплыла уточка, заслонив собою супруга. Заряд накрыл бы их обоих, но почему-то Кирилл Валерьянович выдохнул и ослабил палец на спуске, и лишь когда отплыла уточка, снова затаил дыхание и потянул...

С полем, Кир! Вскипело вокруг селезня, пала в воду его голова, и крылья распустились по взбурлившей поверхности. Уточка заметалась около — был страшный гром, и плеск, и ужасные брызги, почему он не улетает? Кирилл Валерьянович перевел на нее мушку и подумал, что если сможет выстрелить в такую растерянную птицу, то... Пока он соображал, что же «то», инстинкт свое взял, уточка рванулась в сторону, поднялась на крыло и скрылась за ближним островком. И там, как следовало ожидать, ударил чей-то выстрел.

Спешить было некуда, но все же он вытолкнул лодку из зарослей, будто селезень мог тоже подняться на крыло и достаться другому. Но нет, селезень был надежно мертв. И мертвым оставался удивительно красив, особенно красиво мерцали капли на шоколадной спинке — чучело было бы просто мокрым. Вода под ним окрасилась облачком, в котором уже сновали предпримчивые мальки, а он, окунув взлохмаченную дробью голову, словно вглядывался в водоросли на дне. Взвись за тугие основания крыльев, Кирилл Валерьянович поднял добычу и бережно положил на носовую банку, и по глубокому стеклопластику зазмеился розовый ручеек крови с водой. Голубое и розовое — сентиментальные цвета охоты.

До наступления дня нечаянно удачная засидка принесла ему еще крякву и парочку лысух. Но если первая лысуха была убита аккуратно, то вторая, когда подплыла лодка, разевала полный крови клюв и водила крылом по воде — молча, что всегда поражало Кирилла Валерьяновича в подранках. Видит бог, какой мукой для него была необходимость сворачивать шею подранкам...

Шел одиннадцатый час утра, когда он продирался назад в свою бухточку. Канонада на озере смолкла в десятом часу, но он не торопился возвращаться, кружил меж островов не спеша и почти наугад. Горячка охоты прошла, он вспомнил о чужаках и долго размышлял, как быть дальше. Вообще-то он считал себя последовательным человеком, но вот вспомнил чужаков и понял, что ему не очень хочется, чтобы они убирались с острова. Почему? Вот ведь странно... Зачем ему общество этой парочки, если приезжает он сюда за уединением, если выдавались даже здесь, бывало, дни, когда невыносимым делалось общество себя самого, осточертевшей плоти, которую и здесь требуется троекратно в день кормить, оберегать от радикулита и катать от застоя крови на лодке... Не находя ответа, он тем не менее не спешил возвращаться, чтобы не застать сборов. Глупо было бы уговаривать их остаться после вчерашнего. Другое дело, если он вернется, а гостей и след простыл — можно будет продолжать считать себя последовательным человеком.

Первое, что он увидел в бухточке, была притулившаяся к мосткам чужая лодка. Пустая, без вещей. Выйдя из камышей, он и палатку чужую увидел на прежнем месте. Никто ее не помышлял сворачивать, и от этого, опять же не слишком последовательно, стало досадно.

У палатки он остановился и ненатурально покашлял. Барабанно натянутая, палатка была как будто необитаема. Он спросил:

— Есть живая душа?

В палатке зашевелилось. Молния с визгом разъехалась, высунулись две розовые ступни, за ними показались джинсами обтянутые острые колени, выехал свитер с толстым воротом, похожим на хомут, и вот уж вся Даша перед ним сидела, сонная, растрепанная и прекрасная. Что значит возраст, подумал Кирилл Валерьянович, вот ведь возраст сатанинский — все к лицу!

— Что вы раскашлялись тут? — проворчала она. — Поспать не дадут человеку...

— День добрый! — с неожиданной для самого себя приятностью в голосе сказал Кирилл Валерьянович. — Рискуете лучшее время проспять. Смотрите, красота какая!

Обхватив колени, Даша оглядела морщинистое, испятнанное островами озеро, оглядела небо, посеревшее к полудню, оглядела закиданный сухой травой косяг, спускающийся от ее ступней к ржавым камышам внизу. И зевнула, показав ослепительно молодые зубы:

— Будем считать, что вы пошутили, Кирилл... ой, я забыла отчество.

— Валерьянович. Но это не обязательно, — вдруг добавил он, к собственному удивлению.

Она же глазом не моргнула:

— Конечно, не такой уж вы старый, каким хотите казаться. О-о, а какая добы-ыча!

Ей-богу, за одно это «о-о» он простил бы и не такую фамильярность.

Ей вообще можно было простить что угодно, при условии, конечно, что ты мужчина, и она прекрасно знала это. Помотала головой, укладывая волосы — они разлетелись соломенным шаром и тут же послушно и пышно легли в золотистую с отливом скобку, — и растерла лицо ладонками вместо умывания. И получилось прекрасно! Свежее сияющее личико смотрело снизу на него, губы в мелких дольках, как плоть апельсина, а потом она одним движением поднялась, обтянула свитер и оказалась вся составлена из подростковых уголков и линеечек, разве что грудь была уже поженски тяжеловата.

— Что вы так уставились? Наверно, на вашу дочь похожа.

— Представьте, да, — засмеялся он. — И зовут по тому же принципу. Вы Даша, а она у нас Варенька...

— В нашем классе даже Глафира была. По тому же принципу. Отыгралось ваше поколение на нас за Анжелик Петровых.

— Вот вы и подросли, оказывается, Даши-Вари, — вздохнул Кирилл Валерьянович. — Хорошая вам выпала волна — красиво и патриотично. Слушайте, а приходите вечером на чахобили.

Он приподнял за лапы перевернутый букет из развернутых крыльев и болтающихся тусклоглазых головок.

— М-м, — мурлыкнула Даша, — как интересно... А Борька только двух принес, и то таких вот, тощеньких, — и показала на лысук.

Сладостны были Кириллу Валерьяновичу эти слова! Нет, все же славно, что они не уехали.

— А где ваш... э...

— Любовник, — подсказала Даша.

— Приятель, — как бы не расслышал он подсказки. — Что-то не заметил я его нигде, когда подымался.

— Птичек своих пошел потрошить. А почему вы передумали высесть нас, можно спросить?

Гляди, не забыла, отметил Кирилл Валерьянович и сказал:

— Любопытно стало познакомиться с вами.

— Со мной? Или с нами обоими?

— С вами вообще, с патриотичной этой самой волной. С дочерью мы как-то редко видимся, понимаете ли...

— Понимаю, еще как понимаю... — засмеялась она чему-то. — Значит, будем знакомиться. А сейчас идите, Кирилл, мне надо себя в порядок приводить, скоро Борька заявится.

И Кирилл Валерьянович, представьте, повернулся и пошел. А когда она крикнула вслед: «Значит, вечером мы у вас?» — он закивал и даже замахал своими утками.

— Да, да, обязательно! Буду рад!

После запоздалого, зато куда как основательного завтрака, после трех кружек крепчайшего чаю отправился Кирилл Валерьянович разделять свою добычу.

Спустился он на противоположную от бухточки сторону острова и долго шел вдоль золотисто шумящей стены камыша, пока не встретил бочажок, полный темной прозрачной воды. Тень его упала на воду, и тут же из бочажка вильнула серая струя, расталкивая стебли, — то пасся сазан, и прездоровый. Надо будет подстеречь его тут с ружьем. Кирилл Валерьянович присел у воды на корточки, вынул нож и принялся за работу.

Когда уже и с утки, и с селезня были стянуты перчаточками шкурки, когда их тушки, неотличимо уже полые и культяпые, рядышком легли в кастрюлю, только тогда из камышей выступил кот и уселся в нескольких шагах, окутав лапы дымчатым хвостом. Кирилл Валерьянович сделал вид, что не заметил его. Но и кот оставался невозмутимым, не облизывался, и глаза его были холодны. Просто сидел и смотрел, как человек занимается обычными человеческими глупостями, превращая вкусную еду бог знает в какую дрянь.

Первым не выдержал характера Кирилл Валерьянович:

— Ба, кого я вижу! Какая высокая честь!

К иронии кот остался вполне равнодушен. Он сам не опускался до шуточек и уж тем более не одобрял суесловия других.

— Лева, как же тебе не совестно, Лева? — подступил с другого боку Кирилл Валерьянович. — Ждать себя заставляешь, как должностное лицо, а ведь ты дитя природы, Лева, инстинкты твои не испорчены. Хочешь жрать — будь на месте, и вовремя. Или ты не хочешь? Честно — кто тебя накормил? Любовник?

Кот отмалчивался, только кончик хвоста подрагивал.

— На, лови, ренегат!

В сердцах Кирилл Валерьянович швырнул сиреневую гроздь внутренностей. Кот брезгливо посторонился, понюхал гроздь и едва ли не со вздохом поволок ее в камыши — прятать про черный день.

— Любовники, ха, — ворчал Кирилл Валерьянович, принимаясь разделять лысух.

Этого слова он и прежде терпеть не мог — жеманное, бабье, отдает помадой, — а сейчас в нем проступала пошлая какая-то угроза... чему? Уж не к Вареньке ли угрожало оно отнестись? Сам ведь замечал уже не раз, как оглядываются ей вслед мужики, как окидывают вверх и обратно взглядами, выражающими очень конкретный интерес. Ревность ворочалась в нем, темная и беспредметная, — кого ревнуешь, к кому? Чужак, накормил кота, ну и подумаешь... Варенька? Все равно уведут, для того и воспитывал — долг. Жена осталась в городе, это, что ли?

А черт его знает. Ну не потому же, что не мог никого представить в любовниках у этой соломенно-тоненькой Даши... кроме, пожалуй, себя. Что за глупости лезут в голову!

Всю вторую половину дня над островом однообразно провисело низкое и оттого как будто еще более жгучее солнце — даром что осень. Управясь с кухонными хлопотами, Кирилл Валерьянович влез от него в палатку с намерением полежать полчаса, откуда утки гушатся. Соус для чахохбили был уже готов. Он закрыл глаза и сразу же открыл их, и по медным полосам на потолке палатки понял, что солнце валится на закат. Дьявол, утки же сгорели! Едва не обрушив палатку, он ринулся вон.

По счастью, не одного его, всю вселенную сковала, обездвижила одурь. Оцепенел камыш, вода вокруг острова затвердела стеклом, примус же сам собою давно угас, не причинив вреда угощению. Ругнувшись все же для порядка, Кирилл Валерьянович принялся прочищать его и заново раскочегаривать.

К заходу солнца все у него поспело в самый раз, оставалось появиться гостям — и они появились, словно материализованные его мыслью из сизых предвечерних теней. Впереди поднималась по склону Даша с необыкновенной лентой в волосах, за ней шагал этот самый Борис, нес сумку.

— Где совесть у людей, Кирилл! — пожаловалась она издали. — Этот тип уснул на посту, и все его цыплята превратились в угольки. А я виновата!

— Потерпите, это временное! — бодро откликнулся Кирилл Валерьянович, ставя на стол дымящуюся кастрюлю. — В супружестве все скоро переменится — хороший муж виноват хронически, даже если сам не знает в чем.

И только сказав, сообразил, что вряд ли помышляют они о супружестве, да и вообще им вряд ли пригодится его семейная мудрость — своей обзаведутся, на собственном опыте. Впрочем, гостям было не до чьей-либо мудрости, ибо поднявшийся ветерок нес в их сторону запах утятин, а готовить Кирилл Валерьянович умел...

Даша немедля принялась выкладывать на стол из сумки хлеб, какие-то консервы, снопики зелени и щекастые яблоки, миски с ложками, кружки, красивую бутылку с французской этикеткой.

— Вот, пожалуйста, наша доля в пир, — сказала Даша. — Дайте, что ли, нож Борису, пускай хоть хлеб нарежет.

Посмеиваясь, Борис в два счета распахал буханку: видно было, что ему нравится подчиняться этой пигалице. Ну-ну, подумал Кирилл Валерьянович с той же неотчетливой неприязнью, лиха беда начало...

Но до чего же славно начинался этот вечер! День угасал с какой-то оперной торжественностью, солнце долго лежало на расплавленном горизонте, пока вдруг не повалилось за него, но долго еще пылали закатные облака кармином и бронзой, и камыши внизу шипели нарастающими волнами, и далеко на озере гукала неубитая выпь. Чудный разворачивался вечер.

— Боже мой, ну нельзя ж так готовить, Кирилл! — стонала Даша, вгрызаясь в сочную утиную ножку. — Я растолстею, изверг вы!

— Мм, да-а, — мычал Борис с набитым ртом, — работенка что надо. Всякий талант, Дашок, обязательно в чем-нибудь изверг — сейчас ты в этом убеждаешься.

— Подводит к мысли, что и он талант, — засмеялась Даша.

— Ну уж...

И Кирилл Валерьянович свою порцию уплетал с таким удовольствием, какого бы не испытал в одиночестве. Оно, конечно, чахохбили удалось, но славословия придавали ему некий особенный вкус.

— Кстати, о дарованиях, — заметил он. — О ваших, Боря, мне судить пока трудно, но у Даши бесспорный талант, и несчастый, — располагать к себе людей.

— Мужчин, — уточнил Борис.

— Пусть мужчин. Тоже люди, в некоторой степени. Уж насколько я был против вашего присутствия на острове, а теперь... с вами очень даже славно.

— Хорошо сидим, как любит говорить мой папочка, — сказала Даша. — И вообще, у меня тост. За связь времен, которая опять распалась.

— Шекспир пошел, — крикнул Борис. — Не рановато, Дашок?

— Успокойся, не трогаю я твоего Шекспира, — отрезала Даша. — Вот вы говорите, Кирилл, у меня талант располагать к себе. Это я сама замечала. Вас, чужого человека, расположила — дел на две минуты. А вот отца родного не могу.

— Да? Это странно, — вежливо удивился Кирилл Валерьянович.

— И ничего тут странного, у вас в семье наверняка то же самое. С нами, с чужими людьми, вам славно, а ведь дочь вы сюда не взяли.

— Зачем я стал бы ее брать? Ей это просто не нужно.

— Ах, как вы уверены! Вы просто до чертиков похожи на моего папочку, разве что бзик у него другой. Вы охотитесь, а он сплавляется. Пятый десяток человеку, а он весь отпуск сплавляется по горным речкам, а остальные одиннадцать месяцев лечит радикулит и заклеивает свой идиотский катамаран. Я терпеть не могу его компанию — соберутся, фанатики, и бу-бу-бу про маршруты, и такие все первопроходцы, такие настоящие мужчины все, включая женщин, — прямо слушать тошно, — но если бы вы знали, как хочется разочек сплавиться с ними. Только для одного. Посмотреть на другого папочку, понимаете? На настоящего. Где-то он ведь должен оказаться настоящим, иначе что это за жизнь...

— Но с чего вы взяли, что в городе ваш отец ненастоящий?

— Ни с чего не брала. В городе я просто его не вижу, как же я могу судить, какой он?

— Он что, не живет с вами?

— Ну, какой вы, Кирилл... Почему обязательно не живет? Проживает! В нашей с мамой квартире проживает хороший, добрый, интеллигентный, непьющий отец, которого я вижу семнадцать минут утром и около часу вечером, но вечером вижу только его затылок, потому что он подрабатывает к отпуску... Честное слово, только оттого, что вы так похожи на папочку, я и не велела Борьке вещи собирать. Хотя нам тоже хотелось бы побыть одним, вы ж понимаете...

— Понимаю и ценю вашу жертву, — сухо сказал Кирилл Валерьянович, которому все менее хотелось бы почему-то оставлять их одних. — По-моему, тост затянулся. Значит, за связь поколений?

— Валяйте, поколения, соединяйтесь, — сказал Борис слегка осевшим голосом. — Может, у вас наконец и получится, от тургеневских-то времен...

— Ты отвратительный скептик, — сказала Даша: — А вдруг получится? Может, нам впервые выпала возможность пооткровенничать, правда, Кирилл?

— Что за гадость, послушайте? — сумрачно сказал Кирилл Валерьянович, разобравшийся наконец в своих ощущениях от странного напитка.

— Сразу гадость... — обиделся Борис. — Вы сначала распробуйте! Очень полезная на охоте семитравная смесь и, по-моему, вкусная. Отвар шиповника, элеутерококк...

— Предупреждать надо, — перебила Даша. — Откуда знать человеку, что ты у нас спортсмен и йог? Он и меня отварами насквозь уже пропитал, не сердитесь на него, Кирилл, лучше поговорите со мной откровенно.

— Не желаю, — буркнул Кирилл Валерьянович. Он чувствовал себя обделенным. Ведь когда-то кто-то вылакал из этой бутылки французский алкоголь? И Даша зачем-то втаскивает его на пустующий пьедестал отца, хотя ему там ровным счетом нечего делать. Он предпочел бы место ниже, но поближе к ней...

— Но почему? — настаивала Даша.

— Я мешаю, — усмехнулся проницательный Борис. — Промежуточная между вами генерация.

— Вот и не встречай! — ничего не понимала она. Или делала вид, что не понимала. — Разве вы дома общаетесь с дочерью?

— Регулярно, — буркнул Кирилл Валерьянович.

— Я вам скажу, как вы общаетесь: «А, доброе утро, котенок! На лекции не опоздаешь? Уже без пяти. До вечера, киска». «Здрате, явилась! Ты б до утра еще шлялась! Зачеты? Какие зачеты? Ну, извини, я же понятия не имел про твои зачеты. Спокойной ночи, детка, и не морщи лоб — морщины будут». Баста, набеседовались по душам. А я не могу разобраться, для чего на свете существует мой родной отец — чтобы сплавляться, что ли? — а он понятия не имеет, где я сейчас нахожусь и с кем.

— Вот тоже — наплела родителям с три короба, — сообщил Борис. — Турпоезд «Дружба» выдумала, экскурсию по Прибалтике с группой конкурников. А зачем выдумывала? Неужели не поняли бы?

— Слишком хорошо бы поняли — сами в молодости в байдарочном походе познакомились, там мамочка невинность и потеряла. Так что с правдой к моим не суйся, да они и сами-то не очень жаждут знать ее — экскурсия и экскурсия, всем хорошо и просто. А ваша дочь, Кирилл, еще не ездит на экскурсии?

— Дашок, осади, — проворчал Борис, а Кирилл Валерьянович совсем нахмурился, готовый оскорбиться, но вдруг не оскорбился.

И именно потому не оскорбился, что минувшим летом Варенька и впрямь, когда вернулась с целины, сообщила им с матерью, что они решили всем стройотрядом слетать на несколько дней во Львов. На экскурсию. Так, мол, постановили истратить свой летний заработок. Что ж, надумали они с матерью, пускай тратит заработок с группой, пускай на экскурсию, не на тряпки же его, в самом деле, тратить. Хорошо, слетала Варенька во Львов. Вернулась с отсутствующим лицом, вопросов о достопримечательностях не понимала, роняла чашки и невпопад улыбалась. Нет, не оскорбился нынче Кирилл Валерьянович. Только спросил:

— Послушайте, да разве важно, жаждут или не жаждут родители знать правду? Обязаны знать. Все зависит от вашей способности... да что там, от потребности говорить только правду. А вот есть ли такая потребность...

— Откуда? — отмахнулась Даша. — Примера-то родительского нет. Вы-то сами всегда откровенны с дочерью?

— Ну... — сказал Кирилл Валерьянович и задержался с ответом, ибо

сам этот ответ был испытанием на способность перебросить мосток откровенности через разделяющие их два десятилетия. И Борис тут посмеивается, промежуточное звено, ждет, как он будет выкручиваться. — Как вам сказать... — тянул Кирилл Валерьянович. — Смотря по ситуации...

Его заглушил раскатившийся выстрел, недалекий и до того неожиданный, что Кирилл Валерьянович твердо закончил:

— Не всегда.

И тоже обернулся к берегу.

Даша озабоченно сказала:

— Кого там принесло?

Тут же ахнуло еще раз — метелки камыша над бухточкой озарились розовым пороховым огнем, — и Борис отозвался:

— А ты не догадываешься?

— Господи, я когда-нибудь с вами свихнусь, — трагически сказала Даша, а Кирилл Валерьянович в раздражении отодвинул тарелку:

— Проходной какой-то двор, а не остров. Еще один олух пожаловал.

— А вот мы олухам назло... — Борис пронес над кружками бутылку, плеща понемногу в каждую, но безмятежное течение вечера было нарушено пальбой, и к кружкам никто не притронулся.

Даша сказала:

— Все-таки надо бы посмотреть, кто там.

— Сам явится, если он, — сказал Борис, продолжая спокойно обсасывать косточки. — А мимо проплывет — не расстроимся, правда?

Однако же не мимо проплывал этот олух, сумеречный стрелок. Послышался треск в камышах, стук шагов, затем обрисовалась на тропе фигура в резко белеющей куртке, с рюкзаком за спиной и ружьем в опущенной руке. В другой руке несла фигура бесформенный ком, из которого свисали охвостья, мели траву и темную пыль.

— Он самый, — тяжело вздохнула Даша. — Борь, он никогда не оставит нас в покое.

Тем временем фигура поднималась по тропе, уверенная в праве приближаться к чужому застолью, к огоньку карбидной лампы, даже если под ним никого больше не ждут. Когда же фигура достаточно осветилась, Кирилл Валерьянович едва не выронил ложку, потому что к столу подходил еще один Борис, только был он в белоснежной, неуместно франтовской пуховой куртке. Прежний же Борис так и сидел на прежнем месте, одетый в прежний грязноватый бушлат, и продолжал уничтожать чахохбили.

— А что, устроились неплохо, — сказал пришелец, — шапки прямо под носом разгуливают!

И с этими словами плюхнул на скамейку искристый, рыжий, запятнанный темною влагой ком и протянул Кириллу Валерьяновичу руку:

— Богдан. С остальными как будто знаком.

Кирилл Валерьянович не увидел его руки. Он смотрел на мертвого кота и не мог поверить, что это случилось, что ничего уже не может быть прокручено на несколько минут назад, исправлено быть не может.

— Неплох зверюга, правда? — нимало не смущенный, Богдан сбросил рюкзак и уселся рядом с котом. Потрепал его рыжим ухом нежно, как живого: — Прямо в лодке сидел, наглый черт. Пришлось пугнуть сначала, а то бы флот ваш пустил на дно.

— Слушай, ты... — с трудом сказал Кирилл Валерьянович. — Что ты сделал?

— Быстро же мы подружился — уже на «ты», — усмехнулся Богдан. — Кота я шпокнул, вот что сделал. А что с ним надо было делать, если он сидел и смерти дожидался?

— Рыбки он дожидался! — Кирилл Валерьянович сам понимал всю нелепость и этих слов, и накатившей вдруг злобы на человека, для которого Лев был скорняжным сырьем и не более, ведь если на то пошло, не далее сегодняшнего утра и сам Кирилл Валерьянович вскинул ружье на взлетевшую выпь, и вскинул только потому, что выпь живая и можно ее

убить, — все это он понимал, но продолжал озлобленно: — Ждал, что его угостят!

— Я и угостил, — спокойненько сказал Богдан. — Рыбки не было, правда, да уж чем богаты... Шапка ничего получится, дырок должно быть немного.

Над столом повисло молчание. Даша было открыла рот, но Борис предупреждающе коснулся ее руки — не суйся в мужские дела. И сам сидел как воды в рот набрал. Кирилл же Валерьянович пристально смотрел на свои кулаки, сжимающиеся все крепче совершенно помимо его желания. Более того, он не знал, что они примутся вытворять в следующую секунду, и, как только он понял, что уже не волен над своими кулаками, он сквозь сжатые зубы и громко втянул холодного воздуха, поднялся и пошел к своей палатке. Порывшись там недолго, вытащил складную лопату. Темень тем временем стустилась.

— На вас он тоже так кидался? — спросил Богдан.

— Зря ты kota застрелил, — сказал Борис. — Они дружили вроде.

— Ручной, что ли, кот?

— Обыкновенный, дикий. Только вежливый.

— Ну, вежливые долго не живут. Кто-нибудь все равно бы его употребил. Кормить собираетесь гостя, нет?

Наполнив свою миску кусками утятины, Даша подвинула ее к нему, сказала:

— Ну почему вокруг тебя, Данечка, везде возникают сложности? Так все было славно, так мы подружались с этим дяденькой, а теперь он нас точно отсюда выгонит.

— Кто, хмырь этот толстый? — усмехнулся Богдан. — Недооцениваешь своих друзей, девушка, мы его сами в три шеи...

— Не балагань, жуй как следует, — сказал Борис. — Налить?

— Опять витамины? Сосуды бы расслабить... Стоп, хватит.

— Как ты нас нашел? — спросила Даша.

— Да лодочник с огромным удовольствием вас выдал. За двести граммов спирта, но выдал бы и даром, думаю. А уж за спирт чуть не под ручку проводил, до самого острова, а как пробраться — показал.

— Вот шкура, — без особенной злости сказал Борис, подкладывая брату еще кусок, а Даша обронила:

— Неужели всю жизнь так и будет у меня в глазах двоиться? Думала хоть здесь побыть с Борькой в единственном экземпляре...

Богдан перебил ее, смачно жуя:

— В Тибете, говорят, по восемь братьев одной женой обходятся. И ничего, говорят, не жалуются в Тибете. Особенно жены.

— Не балагань, — проворчал Борис.

Из темноты появился Кирилл Валерьянович. Взял со скамьи за шиворот обвисшего кота, понес прочь.

— Эй, дяденька! — аж подскочил Богдан. — Куда поволок мою шапку?

— Сиди, — дернул Борис его за рукав. — Пускай похоронит. А ты-то куда, Дашок?

Она как будто не хотела отвечать, но с тропы обернулась:

— Больше не могу. Болтаем и жрем, вроде бы ничего не случилось. Не ходи за мной.

Вернулся Кирилл Валерьянович, перепачканный желтой землей. С утятиной было покончено, братья сидели друг против друга, одинаково кучерявые, одинаково ссутулившиеся над кружками, и даже желваки на костяшках крупных кулаков темнели у них одинаково.

— Присаживайтесь, — Богдан похлопал по скамейке рядом с собою. — Помянем котофея. Борька столько хорошего рассказал о покойном, просто слезы душат...

Кирилл Валерьянович постоял, разглядывая его в упор. Да и сел:

— Помянем, почему не помянуть... Все-таки попробуйте объяснить, зачем вы это сделали. Кошачий мех никуда не годится, есть кошатину даже вы, наверно, не станете. Зачем, объясните?

— А зачем вам мои объяснения?

— Интересно, как вы будете выкручиваться.

— С чего вы взяли, что я собираюсь выкручиваться?

— Но как-то ведь должен человек оправдать свою пакость. Не передо мной — перед совестью.

— Борь, ну чего он ко мне привязался? — жалобно сказал Богдан. — Слова употребляет — совесть, пакость... Объясни ты ему ради бога, что мне нравится делать пакости, что я нормальный патологический убийца. Для кайфа я кота убил!

— Для кайфа... — повторил брезгливо Кирилл Валерьянович. — Вот что у всех у вас вместо совести — кайф этот сучий. Короче так: на острове не уживемся. Недавно я по-другому думал, но вижу — не получится. Кота не прощу. Поэтому договоримся, что сегодня здесь переночуете, черт с вами, но завтра утром чтобы духу вашего не было на моем острове. Все ясно?

— Борь, ну чего он меня раздражает? — совсем уж печально спросил Богдан. — Чего он добивается своей грубостью, ты не знаешь?

— Не заводись, — Борис ладонью припечатал к столешнице его кулаки. — Вы тоже зря вразнос идете, Кирилл. Вы постарше, тормоза у вас должны быть лучше. Вы ведь не выпалите сдуру в кота, а Данька увидел и выпалил — возраст такой. Потом пожалел, уж я-то знаю, да разве исправишь? Теперь балаганит, лицо боится потерять...

— Слушай, пошел ты со своими теориями! — обозлился Богдан. — Надоел — всю жизнь мои поступки объясняет! А для чего ты сам, и этот покровитель кошек, и все остальные для чего сюда понаехали? Играть на флейтах? Птичек кормить? Стрелять приехали! Стрелять и убивать!

— Охотиться по водоплавающим, — уточнил Кирилл Валерьянович. — По водоплавающим позволено. Сезон.

— Ох, ну просто тошнит меня от таких дяденек солидных, — сказал Богдан. — В уток им стрелять позволено, а в котов не позволено, не сезон. Зато как откроется — он первый... Слушай, Борь, неужели я тоже перерасту вот в такого ханжу? Хрен вам, не дождетесь — в тридцать пять повешусь, это я давно решил...

Борис перебил его:

— А у вас так неужели не случается, Кирилл? Неужели вы делаете только то, что позволено?

— Если бы было такое возможно, — сказал Кирилл Валерьянович, — если бы было возможно...

— Он был бы счастлив, — заключил Богдан. — Вот в чем между нами роковое различие. Антагонизм! Ну а если мы не уберемся, дяденька, — побьете?

— Съезжу за егерем, — как мог спокойно сказал Кирилл Валерьянович. — Расстанетесь с ружьями да еще уплатите штраф.

— За какого-то шелудивого кошака?

— Камышовые коты в Красной книге записаны.

— Добра-то! Да я вашему егерю из города мешок котов привезу. Хочет — породистых, хочет — с помойки, и в масть подберу! Только чтоб ружье не отбирали и без штрафа! Пусть лучше побьют!

— Кончай балаганить, — поморщился Борис. — Ладно, Кирилл, мы обдумаем это дело, завтра кончим разговор. Пошли на боковую, Тартарен... — Он рывком поднял с места упирающегося брата и повел его вниз по тропе.

Тот же все оборачивался:

— Вы свидетель, как он со мной обращается! Старше на восемнадцать минут, а двадцать шесть годов меня тиранит и воспитывает! Лучшие куски — себе, а мне теории! И ведь терплю! Ведь слушаюсь мерзавца! Брат!

Боже мой, сжал виски Кирилл Валерьянович, как не заладилась эта охота... С самого начала все вкривь и наискось, и нет пока просвета..

Чтобы несколько успокоиться, он принялся убирать со стола — никогда на нем не собиралось этакой пропасти посуды. Чужую составил гряз-

ной кучей в сторонке, прямо на земле, затем поставил воду в миске греть на примус, чтобы перемыть свою. Вода грелась медленно. Под шипение примуса вспомнилась почему-то Валюша и подумалось, что не оттого, что не позволено, не состоялось чаепитие с нею. Да, не позволено, ну и что? Всю неделю, запланированную на охоту, могло бы продлиться это чаепитие, и никто ничего не узнал бы — ни дома, ни тем более на службе. К черту «позволено», не захотелось как следует, вот и все. Приспичило бы, окажись бы на месте той доброй, несчастной, коровистой бабы какая-нибудь этакая... ну, такая... Даша, одним словом, окажись бы — вспомнил бы разве про охоту? Ха, и еще раз ха. Все забыл бы, все с радостью бросил, признался он себе с удивлением, горечью, но и тайным каким-то удовлетворением, причины которого не понимал.

Была уже полночь, наверно, когда он вполз в палатку, разулся и медленно, в два приема, лег — сначала на локти, потом повалился набок. Он уже понимал, что задремывает или даже уже засыпает, и еще чуть-чуть... И услышал шаги снаружи. Ширкает сухая трава, камешки скатываются под шарящей стопой. Да черти бы вас драли!

— Вы спите? — спросила Даша, отворачивая полог и впуская в палатку звезды и воздух с озера. — Можно к вам на минутку, Кирилл?

— Можно! — сказал он свирепо. — В чем дело?

— Не кричите на меня. На что я наступила? Ноги? Двиньте-ка их в сторону.

Она опустилась на колени у входа, и звезды исчезли опять. Невидимая, сказала:

— Вы так задушевно говорили о правде, которую родители обязаны знать... Я принесла целую охапку, еле донесла.

— Чего?

— Ну правду же! Вы ее сами хотели.

Сон рассеивался окончательно, однако сколько ни всматривался Кирилл Валерьянович, чернота перед ним оставалась однородной и абсолютной, и оттого казалось, будто это начинается какой-то новый идиотский сон.

— Явилась шуточки шутить? — сказал он сердито. — До зорьки спать осталось четыре часа!

Она молчала. Во тьме как будто замерцали точки там, где быть ее глазам. Иллюзия, он понимал, а все же сделалось не по себе. Она сказала:

— Извините, я в дурацком тоне начала. Уже привычка — ничего как будто бы всерьез. Кто кого пересмеет, тот и умный. А дело у меня — тут можно бы и поплакать, сама понимаю.

— Постой, плакать тоже не нужно, — встревожился Кирилл Валерьянович. — Объясни просто толком. Обидели, что ли, тебя?

— Ну что вы, кто меня обидит... Случилось. Именно случилось. А поплакаться некому — подружки нет, папа с мамой для этого недостаточно чужие.

— А я — достаточно?

— Вы — в самый раз. Разъедемся завтра и больше никогда не увидимся.

Потом темнота молчала долго, еле слышно дышала. Он заворочался, отвык лежать на жестком, спина затекла — и уж собрался поторопить, когда темнота протянула печально:

— Понимаете, я очень люблю Бориса. Ну и он меня любит.

И снова умолкла.

— Так, — сказал суховато Кирилл Валерьянович. — Это все?

— Это только начало. А дальше то, что он и брата любит.

— Оригинал, конечно. А ты ревнуешь, значит.

— Не торопитесь угадывать, тут все не по-людски. Вы не заметили, что Богдан ко мне как-то странно относится?

— Ревнует брата?

— Хуже. Тоже втрескался в меня, дурак такой.

Кирилл Валерьянович нервно зевнул — многовато народу столпилось вокруг этой девочки. Как и на острове. Вслух же сказал:

— Детский садик, ей-богу. Могла бы сама разобраться с мальчиками, а мне б хоть три часа поспать...

— Да не могу я сама разобраться! — отвечала темнота. — Хорошо вам, вы взрослый, вы давно распутали свои треугольники...

— Это кто тебе сказал? Распутаеть... одни распутаеть, другие тут же сами вяжутся. Жизнь, голубушка, сплошная тригонометрия. Нужна тебе должность, предположим, а на нее уже другой нацелился, вот и треугольник — ты, он и должность. А что касается сердечных треугольников, то я их никогда не запутывал, слава богу. Лично я ставил сразу все по местам. Каждому свое, только так.

Темнота вздохнула доверчиво:

— Я бы тоже все расставила, но у меня не хватает фигур. Можно к вам поближе влезть? Здесь дует ужасно...

— Разумеется, — дрожащим басом разрешил Кирилл Валерьянович.

Она переползла поближе, прилегла, и коленом он ощутил ее горячее и твердое бедро. Сделалось неловко, жарко, но ведь и отстраниться было совершенно некуда в одноместной палатке. Он почувствовал на лице ее дыхание и окоченел.

— У нас не получится, чтобы каждому свое. — Она говорила тихо, почти шепотом, словно кто-то мог их подслушать. — Для этого мне надо раздвоиться, а я одна. Была бы у меня сестра.

— Еще бы хуже запутались, — по какому-то наитию сказал он, потому что не мог толком вдумываться в ее слова, когда дыхание щекотало ухо.

— Почему?

— Ну, ты ведь тоже равнодушна к Богдану?

— Что, здорово заметно? — приподнялась она.

— Ничего не заметно. Просто близнецы ведь не бывают одинаковы, они дополняют друг друга до какого-то третьего человека, и вот этого, третьего, ты полюбила. Правильно?

— Какой вы умный... — с уважением прошептала она. И снова прилегла. — Прямо хочется рассказать все-превсе.

— Ну и рассказывай.

— Если б вы еще слушали, цены б вам не было. А то ведь думаете о своем.

— Что? — спросил Кирилл Валерьянович. Ему мешали сосредоточиться приятное тепло, которое ощущалось теперь всей ногой, и запах растертой пыли, и дыхание на щеке.

А она шептала:

— Просто ужас, до чего вы с папочкой похожи. Знаете, в детстве он однажды отправлял нас с мамой на юг. Мы сидели в купе, а он на перроне, и я ему кричу, чтобы не забывал кормить черепаху, а он тоже говорит что-то громко, жилы на шее надулись, и показывает, что все понял, что будет питаться регулярно, как мама наказывала. Я про черепаху, он про себя, и мы совершенно не слышим друг друга через стекло... И вот всю жизнь с ним так — как будто сквозь стекло, и он отплывает с любящей улыбкой.

— Положим, я слышу нормально, — буркнул он. — И никуда не собираюсь отплывать.

Хорошо, что темно. Не хватало покраснеть перед девчонкой.

— Положим, — согласилась она. — Ну тогда слушайте. Такая мелодрама, просто жуть: вам будет интересно. Жили-были два брата. Окончили институт инженеров гражданской авиации и стали работать диспетчерами в аэропорту — всегда в одну смену, потому что друг без друга шагу ступить не могли. И были у них многочисленные девушки, с которыми они встречались, каждый со своей, и которых они не любили. И все у них было хорошо.

— Пока на них не свалилась ты, — подал голос Кирилл Валерьянович, чтобы показать, как внимательно слушает.

— Да, пока на них не свалилась я. Не перебивайте. Что было дальше

вам неинтересно, главное для вас, к чему все это привело... приводит. Вы правильно заметили, люди они очень разные, и если я Борьку не просто люблю, но глубоко, глубоко, глубоко уважаю, то Богдана мне просто жаль — тут вы пальцем в небо попали насчет моего отношения. Если б Борька мучился, не дай бог, как он, Борька сделался бы еще лучше, чем есть, я уверена. А этот делается жалким, страшным, а теперь и опасным.

— Опасным? Почему ты решила?

— Не знаю. Кот. Или что-то еще. Так я чувствую. А Борька ничего не чувствует, для него брат остается братом, с которым нельзя разлучаться. Раньше я еще надеялась, что мы куда-нибудь уедем насовсем, в другой город, и все само собой уладится. Куда там. На десять дней попробовали уехать — Данечка тут как тут.

— Да, приятного мало, — сказал Кирилл Валерьянович. — Все-таки не в Тибете живем, да и Данечка, видно, скотина изрядная, но мелодрамой тут не пахнет, успокойся. Мелодраме, понимаешь, нужен труп, и чтобы кровь рекой, и зверства всякие...

— Это будет, — просто сказала Даша. — У него время есть.

— У кого?

— У Богдана. Он сюда не с добром приехал.

Кирилл Валерьянович скосил глаза, но ничего, разумеется, не увидел.

— Воображение, девочка, — сказал он. — Парень приехал поохотиться с братом, ну и с тобой побыть. Уйми воображение.

Но темнота его не слушала:

— Раньше он делал все, чтобы Борька бросил меня. Ни ему, ни себе, все какое-то подобие справедливости. А теперь, когда узнал, что я беременна...

— Эх... — крикнул Кирилл Валерьянович. — Ты еще и беременна?

И отодвинулся. Место нашлось.

— А что тут удивительного?

— Нет, ничего, — смешался он окончательно. — Продолжай, я так...

— Теперь я уверена, он решился.

— Решился? — пробормотал Кирилл Валерьянович. — Чушь какая-то. На что он мог решиться, в пуховой-то куртке?

— При чем здесь куртка?

Он и сам не знал. Мысли путались и перебивали друг друга. Столь естественный биологический факт — Дашина беременность — вдруг все поставил с головы на ноги, и оказалось, что ему не пионерский лагерь следовало бы вспомнить сейчас, а Вареньку, вполне способную вот так просто и естественно хоть завтра сделать его дедом. Все, молодость ушла в песок, а ты и не заметил... Нравится тебе или нет, а девочка прибежала к тебе, как к отцу, как к деду будущего ее ребенка, искать защиты, а ты тут губы распустил... тьфу, старый дурень!

— Ты преувеличиваешь, девочка, — сказал он. — Чтоб решиться на такое... Не так это просто. Нужно быть не такими, как вы.

— А разве вы знаете, какие мы?

И он опять не мог ей ответить. Но отвечать было нужно, и он сказал:

— Какими ж вам особенными быть? Какие родители, такие же и вы. Яблочко от яблони, знаешь ли, во все времена далеко не откатывалось. Кто отец-то у братьев?

— У них нет отца.

— Ну... это и неважно. Вот что я тебе посоветую...

— Советов не нужно, пожалуйста. Выслушали, и на том спасибо. Хуже, когда некому выговориться. Спокойной ночи...

— Погоди! — схватил ее за руку Кирилл Валерьянович. — Тебе ведь страшно, я вижу. Тебе нельзя пугаться. Собери-ка вещи, и давай я отвезу тебя в город. Прямо сейчас. К родителям.

— Вы с ума сошли, — сказала она, высвобождая руку. — Зачем мне к родителям? Зачем мне в город, если Борька здесь?

Снова отворилось небо, влился шум камышей, и тоненькая, пряменькая тень стояла на коленях среди звезд, придерживая полог.

— Я знаю точно, что нам нельзя оставаться втроем, — сказала тень. — Если что-то все-таки произойдет, Данечка устроит так, что виноват будет Борька.

Или кто-то другой, подумал Кирилл Валерьянович.

— Поэтому прошу вас — раз уж нам повезло, мы оказались не одни, а с вами, посматривайте в нашу сторону время от времени. Больше ничего не нужно. Ладно?

— Да. Разумеется. Ладно. Иди уже спать, ради бога.

Он почувствовал, что страшно устал от этого разговора, больше, чем от всего сегодняшнего бесконечного дня. И он был рад, когда она ушла.

Он лежал в темноте, еще пахнувшей Дашею, и как будто бы разными половинками мозга обдумывал то, что услышал, — одновременно и поразному. С одной стороны, теперь он мог оставить возрастные амбиции и спокойнo еще раз послушать эту девочку, вслушиваясь в ее слова, как если бы не было между ними никакого стекла. Он вслушался. И стало, знаете ли, совестно за свое снисходительное удивление тому, что вот, гляди ж ты, в «фирме» ходят, на родительской шее сидят, а тоже какие-то чувства испытывают, вроде как и любовь! Было ведь такое? Было.

Но это «с одной стороны» обдумывалось одной какой-то частью полу-сонного сознания, а в другой, параллельно, шла другая работа. Допустим, Даша не преувеличивает и этот загнанный в тупик Богдан готов и в самом деле решиться на... окончательное. Всегда разумно предполагать наихудшее, тогда уж если ошибешься, то в лучшую сторону. А насчет потемок в чужой душе не нами сказано, не нам и искать в ней просветов, тем более — кот... Кирилл Валерьянович заворочался: Гибель Льва, показавшаяся вначале нелепой, обидной, дурацкой, теперь становилась мрачным знамением избранного этим типом способа действия. В самом деле, поищи-ка удобнее место для преступления, чем остров — крепость на разливах, поищи-ка время удобнее, чем канонада на утренней зорьке. И оружие под рукой, и боеприпасов вдоволь, и труп в озерном иле не отыщет никакого следствия. А главное, есть кого подставить следствию.

Кирилл Валерьянович закашлялся, сел, помотал головой, разгоняя сон. Что же делать-то? Не придумашь сразу... Ну, во-первых, до того, как что-нибудь произойдет, он вообще ничего предпринять не может, разве только посматривать время от времени в их сторону — цела ли там еще девочка в свитере или уже не показывается... Бр-р, ужас какой... А во-вторых, что сможет он предпринять, если все-таки она исчезнет?

Чужая палатка безмолвно серела на косогоре, исчерченном резкими полнолунными тенями. Рядом вытянулся темный предмет, то был спальник Богдана. Ступая по-звериному бесшумно, стараясь не кряхтеть под грузом, миновал их Кирилл Валерьянович, как вражеское становище. И даже в спине было жжение, как будто мог в нее хлестнуть из палатки ружейный пламень. Глупости, конечно, а неудобно. Стараясь поменьше трещать, пролез Кирилл Валерьянович сквозь чащобу и вышел к мосткам. И встал как вкопанный, потому что на мостках, свесив ноги, сидел человек в белой пуховой куртке, подбрасывал спичечный коробок.

— Богдан? — окликнул он, оставаясь в некотором отдалении.

— Не угадали, — отозвался человек. — Я — Боря. Что-то припозднились с моционом, а?

Игнорируя праздный вопрос, Кирилл Валерьянович сделал несколько шагов и увидел лодки. Его, стеклопластиковая, пошлепывала бортами на прежнем месте, а рядом оцепенела, погрузившись чуть не по уключины в мелкую волну, деревянная лодка. Шельма все-таки Саша, новенького непременно надует, подсунет дырявую. Третьей лодки не было вообще.

— Вы-то сами почему не спите? — спросил он, даже не пытаясь спрятать неприязнь. Вся эта компания была ему неприятна.

— Да вот размышляю. Не то вдогонку плыть, не то дожидаться. Могут ведь и вернуться, правда?

— Кто?

— Ну так ведь Дашка, дрянь, уплыла кататься с Богданом. На ночь глядя. Если совсем не удрала.

— Даша? С Богданом?

— Никому нельзя верить, — убежденно сказал сидящий. — Родному брату, и тому нельзя, чего уж от девки хотеть...

— Ерунда какая-то. Да ведь Даша терпеть его не может, хуже того — боится. Она мне сама говорила...

— Когда это?

— Ну, может, два часа назад. В моей палатке.

— И к вам таскалась, значит? Вот ведь дрянь, — сокрушенно качал головой сидящий, поигрывал коробком: — Нет, все-таки придется ее выключить.

— То есть как?

— А запросто! — Этот Боря вдруг выдохнул и рубанул ладонью прямо по мосткам. Крякнула доска, не шибко, правда, толстая, из перелома вылетели две щепки и долго кувыркались в воздухе, пока не булькнули. — Дашку вот так, а вздумает заступаться братан, на него найдем другой прием. Его придется пяткой. Один ведь черт посадят — что за двоих, что за одного. Верно я говорю?

Не произнося ни слова более, Кирилл Валерьянович обогнул широченную, лунную, в пухлых подушечках спину и задом приблизился к своей лодке. Присел на корточки, сгрузил вьюки — все одной левой рукой, — начал цепь распутывать.

— Это вы зачем бренчите, дяденька? — спросил Борис и поднял на мостки одну ногу, намереваясь подняться. — Эй, вы лодку не трогайте, лодка мне самому понадобится, если догонять... \

— Сидеть! — рякнул Кирилл Валерьянович, направляя на него ружье, а свободной рукой продолжая еще яростнее раздергивать звенья, но даже сквозь лязг был слышен щелчок предохранителя. — Я приказал сидеть, щенок! Иначе ляжешь!

— Ой-ей-ей... — Борис снова свесил ногу. — Нет, я все-таки раньше — я в тридцать повешусь. — И даже руки меж колен сложил пай-мальчик. — Дня лишнего не согласен жить в маразме:

— Дег-генераты чертовы!.. — бормотал между тем Кирилл Валерьянович. Рюкзак, палатка и спальник шмякались поочередно в лодку. — Уроды... Ничего святого за душой...

Не отводя ствол, он задом сполз в лодку и задом же, перехватывая борт рукой, полез на среднюю банку. Лодка судорожно раскачивалась на ртутной воде, отплывая.

— Эй, дяденька! — донеслось с мостков. — Пощупай, не мокро в штанах? Чему ты учишь подрастающее поколение?

И покатился над водой полновзвучный, долгий, изумительного здоровья гогот, каким в кино на мелодрамах в самых неожиданных местах гогочут задние ряды. Как хочется выпалить туда волчьей дробью...

С треском и чавканьем он выломился из камышей на просторную черную гладь, усеянную блестками от луны. Вставил в уключины весла, сделал кряду несколько свирепых гребков и вдруг над самым ухом услышал:

— Эй, куда это вы собрались, Кирилл?

В редкой щеточке осоки, прямо на которую он правил, светлела лодка, в ней сутулился знакомый громадный бушлат, и кудри металлически поблескивали, и широкие баки... Кирилл Валерьянович не успел отвернуть, его лодка стукнулась носом в борт чужой, и накренилась, и как будто приварилась к ней, схваченная крепкой рукой. Из-за бушлата выглянула Дашина головка, светлая и взлохмаченная, и почему-то голое плечо, на которое она все тянула ватную полу.

— Отплываете все-таки? — протянула она, как бы убеждаясь в давно ожидаемом. — Отплываете...

— Ничего подобного, — сердито отвечал Кирилл Валерьянович. — Я за егерем еду. Не вижу другого способа вам помочь.

— Чем же егерь поможет?

— Ружья отберет. А то и вообще шуганет вас отсюда, с разливов. От греха.

— Дашок, а почему нам нужно помогать? — осведомился близнец. — С чем это мы не справимся?

— Погоди, тут наши дела, — махнула Даша. — Но зачем же со всеми вещами за егерем, а, Кирилл? Нет, вы отплываете, я же вижу.

— Просто я не собирался больше возвращаться, вот зачем! — почти грубо сказал Кирилл Валерьянович. — Вы мне всю охоту испоганили! И вообще никого не касается, куда я еду, с вещами или без! Пустите лодку!

— Отпусти его, Боря, пускай удирает, — попросила она.

— Боря? — тупо сказал Кирилл Валерьянович. — Боря там, на причале сидит...

— Ну уж нет, мне и здесь неплохо, — усмехнулся этот Боря, или Богдан, или дьявол его разберет, кто на самом деле, но лодку он не отпустил. — Объясните же, ради бога, Кирилл, что случилось? Чем мы вам охоту испоганили, зачем уезжать? Из-за кота, что ли, все?

— Ну конечно, — быстро сказала Даша. — Твой Богдан кого угодно допечет своими шуточками.

— Шуточками? — взбеленился Кирилл Валерьянович. — Это все ты называешь шуточками? Идиоты! Только что я чуть не пристрелил одного шутника! Отпустите лодку, слышите?

— Все понятно, — миролюбиво сказал этот дьявол его знает кто. — Сейчас я Даньке по ушам навалю, в воспитательных целях. Возвращайтесь, ей-богу. А мы с утра переселимся на другой остров, вон их сколько кругом. Возвращайтесь, чего же вы будете из-за нас...

— Отпусти его, Боря, пускай удирает, — повторила она. — Вы ведь так и не додумались, умный, взрослый Кирилл Валерьянович, чем могли помочь.

— Не о чем больше думать... — пробормотал сквозь зубы Кирилл Валерьянович, и отодрал от борта чужие пальцы, и с силой отпихнулся сам. Немедленно налег на весла, сделал громоплещущий гребок, другой и третий, но все-таки услышал над водою Дашин голос, в котором ни упрека, ни презрения или издевки не было, только удивление, что человек не додумался сам до такого простого:

— С Данечкой поговорить надо было! Его-то и вовсе некому выслушать!

Он греб и греб изо всей своей немалой, прямо скажем, силы и плеском и скрипом уключин заглушал все то, что она еще могла бы выкрикнуть вслед беглецу и что он знал прекрасно без нее — он эгоист, он стареющий сластолюбец и трус, не желающий впутываться в чужие трагедии. Что ты сказала — трус? Ну, это уж слишком! И он бросил весла. Пусть скажет сама, в полный голос. Есть вещи, труднопереносимые для мужчин, и он вернется, он найдет способ доказать... Но лодка продолжала скользить в тишине, ничем уже не нарушаемой.

В той стороне, где он оставил их, понемногу стали проявляться звуки. Шуршала одежда, он слышал: о чем-то спрашивал негромко мужской голос, девичий что-то ему объяснял — спокойно и даже как будто весело. Затем там стукнули уключины, плеснули весла, погружаясь, и Даша сказала — на этот раз звонко, чтобы услышанной быть далеко:

— Чего вы там ждете? Прощайте! Дочери своей привет!

Он почувствовал, как густо, тяжело краснеет, но не тронулся с места — теперь уж нельзя было выдать себя. Сидел, и слушал, и считал гребки, которые кругло и влажно нанизывались на журчание воды под килем и становились все тише, удаляясь. Захрустели камыши, впуская их лодку в бухточку. Вот они и вернулись, как будто к себе домой...

А он куда?

Кирилл Валерьянович мерно греб к юго-восточному берегу, где находилась контора охотхозяйства. Звезды начали уже тускнеть, близилось время рассвета, самый сонный, самый безмятежный час на озере, и остров, бывшие его и Льва совладения, уменьшался перед ним, как будто вырезанный из черной бумаги, и терял очертания. Слева в этом тающем контуре, у самого основания, теплилась красная точка. Он смотрел на нее, дружелюбно мигающую во мраке, и размышлял о том неожиданном, что обнаружил в себе в последние несколько странных часов. Он, так легко сходящийся с ровесниками независимо от их положения, он, всегда спокойно сдержанный со старшими и в меру почтительный с руководством, он не мог ужиться с обычными парнями и очень милой девочкой, потому что не смог их понять. И не сможет, по-видимому. Они другие. Варенька тоже другая, теперь это ясно, но Варенька — кровь своя, и рано или поздно семейные заботы прикатят яблоко под родительскую крону, и общий язык восстановится. А с этими... Да и у этих будет то же самое, утешал себя размышлениями Кирилл Валерьянович.

Точка же тем временем росла, хотя с расстоянием ей полагалось уменьшаться, и уже превратилась в пляшущий глазок, от которого отрывались и взлетали в ночь живые ленточки. Кирилл Валерьянович даже нахмурился, пытаясь понять происхождение иллюзии.

И — понял.

Тихо взыв, он крутанул на месте лодку и погнал ее назад, к острову, погнал изо всей своей мощи, умноженной ужасом того, что разворачивалось за его спиной. Он уже знал точно, что происходит там, ему не надо было оборачиваться, чтобы видеть. Неспроста проклятый Данечка поигрывал там, на мостках, спичечным коробком! Вот как он придумал решить — просто, страшно и окончательно, ведь сухой камыш горит не хуже пороха, да ветер хороший, никто не выберется из костра. Льва он, сволочь, легкой смертью наградил... С натужным стоном Кирилл Валерьянович выламывал весла из вязкой воды — успеть надо, нельзя не успеть! — а затылком видел с совершенной отчетливостью, как пляшущий глазок разбежался понизу полосой, как взвилось из полосы этой полотнище и пошло подниматься и шириться, забирая неторопливо в кольцо весь остров — неожиданно маленький и на самом деле смешной, накрываемый флагами пламени чуть ли не весь. Успеть, нельзя не успеть, ведь занялось со стороны бухточки, и теперь их лодки горят, только он их и может вывезти, пока не поздно... С нечеловеческой силой вытягивал он весла из вязкой, медленной воды, однако же ночь перед ним, и вода перед ним, и проносящиеся мимо снопы камыша — все оставалось по-прежнему темным, чуть только выделяясь в предрассветных сумерках. Почему?

Не прекращая грести, он повернулся, готовый обжечь взгляд о пламя. А пламени не было. Ночь и в той стороне оставалась темна. Тогда он бросил весла и повернулся совсем.

Пляшущий глазок отплясывал, как и прежде, только теперь далеко в стороне от острова. Кирилл Валерьянович остолбенело смотрел, как мигает он над темной водою, и туго понимал, что это всего лишь костерок, разведенный к утреннему чаю каким-то охотником на каком-то отдаленном острове. Просто сначала он виделся сквозь камышовую заросль у бухточки...

Долго сидел Кирилл Валерьянович. Тихо несло, возвращало лодку к острову утренним ветерком, первая утка просвистела в темном поднебесье крыльями, а там и рассвело, и загремела зорька, осыпая его дробью и птичьим пером, и отгремела зорька — а он все сидел, приближаясь понемногу к месту отплытия.

Дегук Угай

Самый счастливый человек

Один говорит: счастье в здоровье.
Другой скажет: счастье в деньгах.
Третий уверяет: счастье в любви.
Четвертый убежден: счастье в детях.

Если здоровье — счастье,
надо его беречь.
Надорванное здоровье
падает, как лошадь.

Если деньги — счастье,
честно их заработай.
Нечестные деньги
погубят тебя, как огонь.

Если любовь — счастье,
с ней обращайся нежно.
От грубости и насилия
она улетит, как птица.

Если дети — счастье,
бережно их расти.
Если дети пропащие,
то ты пропаций отец.
Счастлив, кто бережет
здоровье, деньги, любовь, детей.
Береги как зеницу ока
своих престарелых родителей,
свой отчий дом —
и будешь самым счастливым
человеком на свете.

Хороший человек

Что значит: хороший человек?
К кому подходят и говорят: спасибо?
О ком рассказывают: золотые руки?
Или: светлая голова?

Добрые слова говорят
только в знак благодарности.
Если сделал по-настоящему доброе дело,
если помог в беде.

Люди ни за что ни про что не скажут: спасибо,
а только в знак благодарности,
потому что спасибо — не пустое слово,
это оценка поступка.

Если не уважают, спасибо не скажут.
Если человек печется только о себе,
он никогда не услышит: спасибо.
Спасибо говорят труженикам и мудрецам.

Если человеку ни разу не сказали: спасибо,
значит, он не сделал ни одного доброго дела.
А если его вдобавок порицают,
то какой же он хороший человек?

Лентяю не скажут: спасибо.
И вору не скажут, и чинуше.
Спасибо говорят
только хорошему человеку.

Когда человек становится морем

На земле много рек, больших и малых,
и текут они к морю,
чистые или мутные,
но для моря все они — реки:
море великодушно.

Если небо мучится от жажды,
море отдает ему, не скупясь,
самую чистую воду,
а соленую и горькую оставляет в себе:
море отзывчиво.

Ил и песок море оставляет себе,
горечь и соль оставляет себе,
не потому ли на душе у моря
горечь?

Стужа кидается на него,
пытается сковать, как пруд или реку, льдом;
борется море со стужей,
пар поднимается над жаркой схваткой,
но море не сдается.

Поэтому большие и малые реки
приходят к морю,
и оно принимает их любезно —
у моря покладистый характер.
Если к человеку тянутся люди,
он становится морем.
Трудно быть морем.

Горбатое дерево

Росло горбатое деревце.
Никто не знал про его печали.
— Не на что бедолажке надеяться, —
посочувствовали, а после и не вспоминали.

Сами росли, довольные своей судьбой,
им больше солнца перепало.
Но однажды разразился ураган громовой,
и одно большое дерево упало.

И соседи этого дерева горячо
посетовали и притихли вскоре.
А горбатое дерево подставило свое плечо:
кому, как не ему, понятно чужое горе?

Родина и чужбина

Жалей о потере, но свято
знай: на родной земле
потеря — еще не утрата,
и слез понапрасну не лей.

Деньги сберечь не сумел,
вернешь их новым трудом,
если твой дом сгорел,
новый построишь дом.

Сад обесплодил твой,
новый посадишь сад, —
невозвратимых утрат
нет на земле родной.

Все потери вернешь назад
на родной земле трудом:
слаще старого новый сад,
выше прежнего новый дом.

Но если ты честь потерял,
если отбросил стыд, —
если предателем стал, —
родная земля не простит:

Никогда край чужой, поверь,
как бы он ни был богат,
не восполнит твоих потерь,
не оплачет твоих утрат.

Перевод с корейского Владимира Летучего.

Вахид Итаев

* * *

Как долго ждал я этой встречи,
И вдруг вблизи увидел бога.
Взволнованно я подошел к нему,
Взволнованно задал ему вопрос,
Всю жизнь терзавший мою душу:
— Скажи, какое право ты имел
Создать меня
И бросить тут на произвол судьбы?!
Он долго молча на меня глядел,
Непонимание мое не понимая.
Я был готов вернуть свои слова,
Прощения просить я был готов.
Но зыбкий сон меня покинул.
Видение растаяло мое,
Но бездну его глаз я видел долго.
И, боль их созерцая, понял,
Что нелегко и богу править миром.

* * *

В мирозданье большом и прекрасном
Страстно бьется мысль человека —
Вот по звездам бежит и вечность пронзает,
Вот, как обруч, в кольцо
Млечный Путь за концы загибает,
Снова к теплomu сердцу летит,
На мгновенье замрет и опять страстно бьется.

* * *

Бессонница мой гонит сон.
Плывут в душе хорошие мысли.
Но я их пропускаю равнодушно.
Вот пропустил одну,
Потом вторую,
А следом и еще, еще.
Я нынче им силки из слов не ставлю.

Зачем?
И кто нам верно доказал,
Что пойманная мысль полезней той,
Которая не поймана еще?
Ведь у второй великое достоинство:
Она еще ничью не мутит душу.
Пусть нынче мысли плывут мимо.
Я нынче им силки из слов не ставлю.

Ответ на печальное письмо друга

Печаль, мой друг, высокое чувство.
Она дана нам вместе с жизнью.
Но долго, друг мой, не печалься.
Чем в бытии быть просто камнем
И вечность пролежать без боли,
Уж лучше боль — любая боль!
Ты выйди мыслью в мир огромный
Иль просто оглянись вокруг.
Земля прекрасная планета!
Вот сколько лет и сколько зим,
Как образ редкий в наших песнях,
Она кружится вокруг солнца,
И жизнь еще жива на ней.
Ты пишешь мне, что есть мгновенья,
Когда душа гнусней гиены.
Да, это правда.
И я боюсь таких минут.
Зови на помощь все святое
И душу удержи над бездной,
Верни ей облик прежних дней.
Страшись, страшись,
Мой друг, страшись
За грань отчаянья вступить.
О смерти думай без боязни.
Не все во тьму идем мы разом,
Под солнцем вечно кто-то есть.
Но если вдруг печаль большая,
Ты выйди в ночь.
О, сколько звезд на темном небе
И сколько тайн хранят они!
Быть может, кто-то с тех высот
Глядит сюда и ищет нас.
Или постой в горах высоких.
Я столько чуда видел там!
Вот скачет с гор босой поток.
На трубах сказочных ущелий
Играет ветер песнь свою.
И месяц — вечный герб поэтов,
Шагает гордо за хребтом.
Да что там долго говорить,
Одной нет точки во Вселенной,
Где б не мерцал волшебный образ.
Возьми его в свое сознанье
И к мысли пламенной прибавь...
Ну вот и все.
Гони печаль на край Вселенной.

Земля прекрасная планета!
Не все во тьму идем мы разом,
Под солнцем вечно кто-то есть.

* * *

Когда читаю жалобы поэтов
На бедность, на безденежье и прочее,
Какую горькую обиду переживаю я.
В такой беде
Я сострадать собратьям не могу.
Коль око вечности подарено тебе,
Какая непростительная слабость
На хлеб насущный жаловаться миру.

* * *

Я многое не понял в этой жизни.
Но более всего не понял я
Подспудное желанье одного
Укоротить другому дни под солнцем.
Да, странное желанье.
Как будто кто-то может и не лечь в могилу
И дольше звезд гулять по свету.
Простейший опыт мысли говорит:
Рожденный умереть,
Живи хотя бы тысячу лет,
Живет не более мгновенья
В сравненья с вечною природой.
И от мгновенья полмгновенья отломить
И прежде дней своих кого-то ослепить...
Какое странное желанье,
Какое грустное затмение ума.

* * *

АДЛАНУ ШАХБУЛАТОВУ

В эту жуткую темную ночь,
Сидя в башне в высоких горах,
Я под жалобы ветра бездомного
Не ищу никаких нас морочащих тайн.
Я хочу быть счастливым софистом:
Если было начало, значит, будет конец;
Если будет конец, значит, было начало.
Кто-то вышел из мира, и зашел сюда я;
Я уйду из-под солнца, кто-то следом войдет.
В эту жуткую темную ночь
Не ищу никаких нас морочащих тайн.
Я хочу быть счастливым софистом:
Если было начало, значит, будет конец,
Если будет конец, значит, было начало.

* * *

Когда-нибудь потомки наши скажут,
Сойдясь для информации последней:
— Ну что ж, друзья, кроссворд разгадан,
У бытия нет больше тайн пред нами.
Давайте розно разойдемся по Вселенной
И все начнем сначала —
С простой любви и глупости простой.

* * *

Лежу на песке у моря.
В высоком небе ночь плывет,
Крылом своим почти касаясь
Чертогов бога.
И вдруг, непонятно отчего,
В горле застревает ком,
Но ум не ищет,
Боясь вспугнуть мгновение святое,
Чем больше опечалена душа:
Гармонией непонятого мира
Или мгновенной слабостью своей.

* * *

Моя печаль всегда была светла.
Отчаянье не побеждало мое сердце.
И, чувствуя всегда за занавесом жизни
Безбрежной вечности безбрежный океан,
Другим гораздо чаще удачи я желал,
Чем мог желать себе и в слабые минуты.

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

ОТМЕЧЕНО САМОБИТНОСТЬЮ

Три самодеятельных художника, представленных на вкладке, живут в Ташкенте, двое из них — Георгий Николаенко и Евгений Габай — занимаются главным образом станковой живописью — пишут маслом, а Раиса Кийко является автором ряда настенных декоративных (типа макраме) композиций.

Николаенко и Габай, при всем различии творческих подходов и художественных манер, едины в одном: оба принципиально отвергают «писание с натуры» и полагаются только на силу воображения. И если для Габая характерен яркий, доведенный порой до крайней степени, декоративизм, то у Николаенко всегда ощутимо свойственное ему философское, поэтическое начало.

Его «Скворчонок» при внешней «незатейливости» пронизан трепетом обнаженного человеческого чувства, искренне и раскрепощенно выраженной тревогой. На холсте изображено, казалось бы, совсем нежное: силуэт, вернее, крупно взятый профиль большеголового подростка. Как бы «непроявленный», бестелесный цвет лица, его черты, тонкая шея — все это рождает сходство с маленьким, совсем еще желторотым, скворчонком, который вот-вот выпадет из гнезда. Но ничего смешного, а главное — жалкого, в этом образе нет, а есть ощущение человеческой драмы, слагаемое различными компонентами картины. Прежде всего это фон — сплошной, «колючий». От множества тонких бугристых горизонтальных мазков почти физически ощущаешь ветреную непогоду и незащищенность «Скворчонка». На дальнем плане сквозь заснеженную мглу угадывается обнаженное дерево, на одной из ветвей точно таким же цветом, как и лицо подростка, — желтовато-охристым — изображена будочка скворечника. Возле дерева отвесно и каким-то не совсем обычным строем группируется ряд домиков, по своему виду напоминающих птички. Аллегория, доведенная до крайности. И — завершающая подробность: глаз подростка и круглое отверстие скворечника абсолютно идентично трактованы.

Аллегория здесь незамысловата, чуть ли не наивна, но так естественна, что не сразу замечается. Аллегорическое начало лежит в основе многих картин Николаенко, активно участвует в сложении их образной структуры и выступает не как излюбленный прием, а питается глубокими внутренними переживаниями. От них и возникает своеобразный мостик доверия к зрителю. Кому-то «Скворчонок» может напомнить собственное, опаленное войной детство, кому-то что-нибудь другое. Ощущение драмы, невосполнимой утраты чего-то очень дорогого для автора, возможно, любви, надолго застревает в памяти, вызывает надежду вернуть самому себе какое-то равновесие.

Всякий художник узнается по мазку. Николаенко в своих лучших работах узнается именно характером живописи. Мазки-блики, словно колебания воздуха вокруг летающей бабочки, окрашенной в яркую синеву неба, — этот мотив настойчиво звучит в его картине «Цветы». Без бабочки картина лишилась бы внутреннего напряжения. Даже некоторая композиционная неуравновешенность здесь выглядит вполне уместной, ибо, свободно обращаясь с пространством, Николаенко в то же время оставляет достаточно простора и для «игры воображения», включая активное зрительское восприятие.

Небо, как правило, чрезвычайно насыщено цветом, уплотнено до «небесной тверди». В одной из картин небо как бы переливается в широкую полноводную реку, берега которой напоминают скорее материки — столь грандиозен их масштаб. Печать сказочности сродни той же аллегоричности. В «Пейзаже с ивой» художник не просто изображает оранжевые полосы утренней зари, прорывающие пелену ночи, — по авторскому замыслу это встреча жениха и невесты: первого луча солнца, сказочно осветившего все вокруг, с ивой, вернее, с ее отражением в воде. Такая персонафикация в задумках всегда видится более содержательной, а вот найти способ ее художественного выражения непросто, начинаются «муки творчества», и порой нужно немалое время, чтобы пришло ощущение завершенности (бывает и так, что автор «не дотягивает», остается на полпути).

Но конечно же, наиболее плодотворным оказывается результат, когда идея и форма ее воплощения приходят сразу, когда какие-то, может быть даже внешние, обстоятельства как бы подталкивают воображение, придают ему некое ускорение. Так случилось с работой над графическим листом — «А зори здесь тихие» (по Борису Васильеву), афишей, выполненной Николаенко для молодежной театральной студии Ташкентского института связи. Надо было буквально за два-три дня найти решение, и он создал лист, отвечающий прежде всего высокому духовному началу известного произведения.

Девушки — стройные белые березки, как бы срываются с крутого склона в бездну. Но одновременно это и высочайший взлет духа, выраженный автором характерным вертикальным расположением фигур, гордой поступью людей, связанных воедино не только молодостью, но и трагичностью судьбы...

Г. Николаенко пробует себя и в книжной графике. Интересен его цикл иллюстраций Омара Хайяма.

* * *

— Фантастик, фантастик! — с таким именно восклицанием группа туристов из ГДР стала рассматривать, а затем и приобрела одну из работ Евгения Габая, выставленных в магазине-салоне Союза художников Узбекистана. Пожалуй, именно фантастичность в значительной мере определяет характер картин Габая. Мы привыкли: каждый художник тогда интересен, когда он создает свой мир. Зачастую такой художник, прокладывая свой путь, начинает интересно экспериментировать. Но при этом считается, что прежде он непременно должен отдать дань тем добротным академическим началам, канонам, которые были усвоены им еще в пору становления — в художественном училище, в вузе.

Женя Габай — очевидно, в силу того, что страсть к живописи открылась у него неожиданно и сравнительно недавно, не успев подучиться «азам», стал сразу же проявлять в своих опытах что-то очень личностное...

Сейчас, по прошествии некоторого времени, когда на смену первым, еще неровным и наивным, поискам пришло нечто самостоятельное, о чем можно говорить и спорить, трудно сказать — следует ли ему переучиваться, овладевать навыками академической грамоты, ведь в этом случае он может что-то важное и утратить. Например, тот пронзительный декоративизм, необычайную яркость палитры, в которой краски словно горят и искрятся, будто они подождены азиатским солнцем... Здесь совершают свой полет необычайные по оперению и виду птицы, в аквариумах, сквозь пузырьки поднимающегося воздуха, снуют стайки сказочных рыб, на фоне яркой узорной ковровой ткани в декоративных вазах стоят неведомые фантастические цветы — подобный перечень можно продолжать и продолжать. И что интересно — круг тем художника весьма строго очерчен, каждый сюжет имеет множество вариаций, где автор скорее безотчетно, нежели следуя некоей заданности, пытается реализовать различные подходы. В условный цикл «Рыбы» войдет до десятка, а то и более самостоятельных полотен. Что здесь характерно? Прежде всего разнообразие (при сохранении общего единства) композиционных приемов. Например, рыбы (конечно же, рыбы «вообще», а не какой-либо конкретный вид), то совершающие свое движение как бы в свободном пространстве, то заключенные в прозрачный объем аквариума. Во всех случаях автору удается достигать внутренней завершенности работы, находить точный ритмический рисунок. Динамика, движение — ради этого складываются сказочные крупные узоры из тех же рыб, а контуры их контрастно подчеркиваются. Иной раз возникает ощущение запечатленного мгновения — резко и стремительно взмахнув хвостом и плавниками, рыба «замирает» на холсте. Мы привыкли говорить о «мере условного» в искусстве. Для Габая эта «мера» решительным образом расширена — весь мир его картин условен. Иногда мелькнет мысль — а не похоже ли то, что делает Габай, на детские рисунки с их характерной графичностью и безоглядной выдумкой? Но нет, рука художника уже достаточно уверена и тверда, а мысль работает на равных с чувством.

Работы Евгения Габая могут украсить и квартиру, и холл современной гостиницы, и, конечно же, интерьер школы, детского сада. Некоторые из них можно рассматривать и как эскизы монументальных композиций, витражей, ковров, гобеленов — да мало ли где окажется кстати такое своеобразное сочетание изобразительного и декоративно-прикладного начал.

На одном из натюрмортов на фоне драпировки-ковра изображены срезанные дыня и арбуз, ломти этих лакомств и рядом стальное лезвие чуждого ножа с богато инкрустированной ручкой и кожаным чехлом. Сама конструкция композиции решена в горизонтальных линиях. Здесь, на первый взгляд, нет контрастных соотношений. На самом же деле ткань фона имеет как бы два «силовых» поля, на одном из которых расположена дыня, на другом — арбуз. Причем, дыне, имеющей более сдержанный и локальный цветовой колорит, отвечает и более сдержанный фон, тогда как другая часть композиции решена во всем своем «орнаментальном» блеске. Хочется подчеркнуть: у художника особая манера доводить свои работы до максимальной завершенности и необычна сама техника. Кончиком кисти наносятся многочисленные точки — мельчайшие цветные пятна, которыми буквально испещряется вся плоскость картины. Это не обычный мазок, а нечто иное, скорее, стремление «условное» максимально приблизить к «натуральному» для получения в результате чисто декоративного эффекта. Разумеется, такая работа требует самодисциплины и кропотливого труда. В чем же притягательность картин Габая? Может быть, именно в их «мозаичности», ведь каждая его работа — это калейдоскоп цветов и впечатлений детства.

В школе Женя Габай писал сказки. Их публиковала газета «Пионер Востока». Однажды он рассказал о мальчике, которому подарили красное стеклышко. Рассматривая через него улицу, деревья, людей, мальчишка увидел, что мир преобразился. Не правда ли, как удивительно похож герой сказки на самого сказочника?..

* * *

Недавно стало известно, что авторы самодеятельных работ наравне с художниками-профессионалами вправе реализовывать свои произведения — любое частное лицо может их приобрести. Это решение будет способствовать не только воспитанию художественного вкуса населения, но и формированию иного отношения к творчеству самодеятельных художников.

К работам Раисы Кийко в этом плане интерес совершенно определенный — желающих приобрести ее работы более чем достаточно.

В отличие от Николаенко и Габая, которых можно отнести к «чистым» самоучкам, Кийко окон-

чила в 1975 году отделение театральной декорации ташкентского художественного училища им. Бенькова, но работает в совершенно необычном жанре настенных плетеных (в основном из шелкового шнура) композиций.

Мягкостью, свойственной именно женщине, особой гармоничностью и деликатностью веет от ее работ. Они способны создавать своеобразный настрой, придавая обычной квартире некую неординарность, рождая ощущение покоя, уравновешенности. Невольно вспоминается строка Осипа Мандельштама:

«Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина»...

Многочисленные плетения словно бы струятся, создают своеобразную «графику линий» то строгих, то свободно ниспадающих очертаний. Композиции Кийко двух видов: крупные, в пол-стены, и сравнительно небольшие, уютные. Вот достаточно большая композиция настенного декоративного панно, которое условно можно назвать «Подсолнухи», художественно завершена и вписана в пространство интерьера. Вся работа исполнена в монохромной гамме, детали как бы приглушены. Здесь, как, впрочем, и в других своих работах, художница использует своеобразную технику, кроме плетеного шнура, применяет соломку, обыкновенное мочало, «вьетнамский веник», дерево. Их фактура и оттенки цвета создают, при определенном разнообразии, необходимое колористическое единство.

Внимательно вглядываясь в те или иные создания Кийко, замечаешь некую общность: все они как бы «вырастают» из силуэта дерева с его корнями, стволом и ветвистой кроной. Подобное композиционное чутье художницы срабатывает безошибочно, помогая автору решать творческие задачи верными соотношениями «внутри сюжета». Контуры большинства работ как бы сгущены, уплотнены внизу, у корней.

Работы Раисы Кийко обладают, думается, своеобразным психологическим воздействием: они не «взрывают», а гармонизируют среду, вносят некое успокоение, взывая к тишине и раздумчивости. Композиция «Два филина» выделяется ассиметричностью построения — на мощных ветвях дуба вольготно расположились лесные обитатели.

Композиции Кийко «Обезьянка», «Грива льва» и другие отличает тот же авторский почерк. Все они удачно могут быть расположены в любом уголке квартиры, и та внутренняя теплота, которую автор способен передавать своими произведениями, несомненно сохраняется в них, воздействуя на окружающее.

Художницей создано немало интересных работ, но Раиса Кийко считает, что «все еще впереди». И это не ложная скромность. Такое состояние ожидания, стремления к новому весьма плодотворно.

В. СТРИНЬКОВСКИЙ.

Л. Усманов

ДАВАЙТЕ МЫСЛИТЬ ШИРЕ!

ЗАМЕТКИ О НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Какую роль играют литература и искусство в жизни современного советского человека? Странный вопрос, скажет читатель. Можно было придумать и менее банальное начало для проблемной статьи. Согласен. Мысль о возрастании значения литературы и искусства по мере развития советского общества и научного прогресса — тоже, конечно, проходит по ведомству эстетического ликбеза. И все-таки не все так просто, как это кажется на первый взгляд. У нас в самом деле увеличилось количество «единиц» искусства. Появилась даже целая индустрия художественного творчества. Но означает ли это, что и мера воздействия произведений искусства увеличилась? Согласитесь, что на этот вопрос ответить непросто. А может быть, количество и качество художественной продукции находятся в обратной зависимости? Во всяком случае, поток произведений искусства неудержимо растет, а их полезная отдача падает. Ну а за доказательствами далеко ходить не надо. В жизнь современного человека вторгаются сотни книг, спектаклей, телевизионных передач, выставок и прочих видов художественной продукции, призывающей его к честности, порядочности, чуткости, доброте и принципиальности и т. п. Ну и что же? Разве мало у нас хапуг, подлецов, бюрократов? Разве все у нас в порядке с гражданской позицией, нормами нравственного поведения?

А может быть, и в самом деле жизнь сама по себе, а искусство — само по себе? Может быть, искусство только на миг, на какое-то время (скажем, на момент «проявления») может захватить человека, перевернуть его чувства и мысли, а затем все возвращается на круги своя?

Мне приходилось на своем веку встречать людей на высоком государственном посту, беззастенчиво присваивавших себе народное добро и в то же время самозабвенно увлекавшихся искусством. Однако не будем вторгаться на суверенную территорию социологов и медиков и вернемся к нашему предмету.

Аксиомой является то, что без литературы и искусства немислим какой-либо социальный и

научно-технический прогресс. Не стоит, наверное, размышлять на тему, каким важным эстетическим, нравственным, гражданским ориентиром для современного советского человека является, например, мировая и отечественная классика.

Другое дело, что современные литература и искусство могли бы играть более значительную роль в жизни советского человека, более эффективно формировать его жизненную позицию, эстетические вкусы и нравственные устои. Так почему же наше искусство не доходит до всех, не выжигает каленым железом язвы нашего общества? Ведь для этого соцреализм вроде бы и существует.

За последние годы, правда, наметилось оживление в наших писательских делах. Но симптоматично не только появление целого ряда новых и острых по проблематике произведений Д. Гранина, А. Рыбакова, В. Дудинцева, Б. Можяева, Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Распутина, В. Быкова, А. Приставкина и др. Главное в другом. Вырос престиж литературы, укрепилось доверие читателя к художественному слову. Конечно, не стоит переоценивать эти первые шаги. Они представляют собой лишь подступы к качественно новому рубежу развития нашей многонациональной литературы. Но почин, думается, есть.

Применительно к нашей республике проблема повышения роли литературы и искусства в жизни общества стоит особенно остро. По моему глубокому убеждению, уровень развития современной узбекской литературы и критики не отвечает требованиям дня. Ну а если более взыскательно подойти к нашим литературным «завоеваниям» за последние десятилетия, то похвалиться, пожалуй, нечем. Именно нечем, хотя мы обладаем многовековыми литературными традициями, неиссякаемыми источниками народного творчества. Затянувшийся кризис — так, пожалуй, можно охарактеризовать состояние нашей литературы и критики. К слову будет сказано, положение других видов искусства вызывает не меньшую тревогу.

А не слишком ли сурово вы судите, может возразить мне читатель. Все-таки за последние десятилетия узбекская литература кое-чего добилась, не стояла же она на месте. Взять, например, историческую романистику: «Звезды над Самаркандом», «Молниеносный Баязет» С. Бородина, «Тени пустыни» и «Перешагни бездну» М. Шевердина, «Гнет» А. Алматинской, «Тропа гнева» и «Согдиана» Явдата Ильясова, «Звездные ночи» П. Кадырова, «Машраб» Х. Гуляма, «Гроза» Н. Сафарова, «Сокровища Улугбека» А. Якубова, «Кривые улочки Бухары» А. Мухтара и много других произведений в этом жанре, пользующихся большим успехом у читателей. Разве можно отрицать успехи исторической романистики? А поэзия? Сколько замечательных достижений на лирическом фронте, включая и поэму, которая за последние годы не такой уж редкий гость на страницах республиканской печати! Разве не популярны имена Зульфий, Уйгуна, Шукрулло, Шухрата, А. Арипова, Э. Вахидова, Г. Нуруллаевой, Г. Джураевой и других наших поэтов? Не буду спорить. Более того, согласен, что не только поэзия, но и проза не стояла на месте. Фронтально осваивалась такая важная тема, как историко-революционная. Не ютилась на задворках и тема современной жизни республики. Получили развитие даже приключенческие и детективные жанры. С именами К. Яшена, Н. Сафарова, А. Мухтара, П. Кадырова, А. Якубова, У. Умарбекова, У. Хашимова, У. Назарова, Ш. Холмирзаева и других прозаиков, конечно же, связано наше поступательное движение и наши дальнейшие надежды.

Можно вспомнить и о большом отряде молодых литераторов республики, чьи весомые «заявки» свидетельствуют о солидных потенциалах возможностях нашей литературы (Т. Мурад, Г. Хатамов, Р. Парфи, Х. Давран, Х. Султанов, Ш. Рахман, М. Салих, У. Азимов и др.).

Но не стоит самообольщаться и пора трезво оценить наши достижения и, прежде всего, с точки зрения общесоюзных критериев и тенденций. Какое место занимает современная узбекская словесность в семье братских литератур? Может, она задает тон, на нас равняются другие литературы? В том-то и дело, что нас не знает всеобщий читатель. На наши литературные достижения никто не равняется. Вокруг произведений узбекских авторов не разгораются жаркие споры. Они не стимулируют развитие художественной мысли страны. У нас нет своего Чингиза Айтматова или Василя Быкова.

Позвольте — может возмутиться читатель. Только за последнее время в центральных издательствах были изданы книги Рахмата Файзи («В пустыню пришла весна»), И. Рахима («Дарю тебе солнце»), Уктама Усмана («Ожидание»), Уткура Хашимова («Дела земные»), Ульмаса Умарбекова («Повести»), Суннатиллы Анарбаева («Сайли»), Тулепбергена Каипбергенова («Землица окая»), Рауля Мир-Хайдарова («Чти отца своего»), У. Назарова («Верность»), однотомники Зульфий, Шукрулло, Э. Вахидова и многих других узбекских авторов. Издана книга каракалпакских повестей («Степные ветры»). В библиотеке «Дружбы народов» вышли «Узбекские повести», с произведениями наших молодых авторов (Э. Агзамова, М. Мухаммада Доста, Н. Кабула, Т. Малика, Э. Усмана), были опубликованы и две книги современных узбекских рассказов. Прореагировала на эти издания и центральная критика. В журнале «Литературное обозрение» (1986, № 4) помещена целая подборка критических материалов, составленная на основе вы-

ступлений участников одного из заседаний Совета по узбекской литературе при Союзе писателей СССР.

Разве не свидетельством успехов литературы Узбекистана является присуждение Государственной премии Т. Каипбергенову за историческую трилогию «Дастан о каракалпаках»? Разве перестали вызывать споры произведения Тимура Пулатова, получившие всеобщую известность? Разве остались незамеченными острые публицистические выступления на страницах Литгазеты К. Икрамова, А. Якубова и других наших авторов? Или, например, выступления вокруг проблемы Арала в «Новом мире» и «Звезде Востока»?

Вопросов подобного характера и в самом деле можно поставить много. Можно даже путем нехитрых манипуляций убедить себя, что не так уж плохо у нас обстоит дело с литературой и искусством. Но если смотреть правде в глаза, следует признать, что появление произведений узбекских авторов в центральной печати отнюдь не становится заметным явлением в развитии многонациональной литературы и не оказывает заметного воздействия на общий литературный процесс. Присуждение Государственной премии Т. Каипбергенову, всеобщая известность Т. Пулатова и вообще появление нескольких удачных произведений все-таки не отражают наш общий уровень, к сожалению, всегда посредственный. Не жалует нас и центральная критика; появляемся мы в дежурной обойме писателей, особенно по случаю юбилейных дат, знаменательных событий, как иллюстрация расцвета национальной культуры в СССР. И рисуют нас дежурными красками, апеллируя к национальному характеру и колориту, особенно в тех случаях, когда ничего другого путного сказать не могут. Хвалить как будто не за что, а ругать как-то неудобно, все-таки речь идет о национальных явлениях, «меньшим брате». Даже в лучших разборах, каким, например, является упомянутое выше обсуждение сборника «Узбекские повести» (М., 1984) на страницах «Литобозрения», много расхожих характеристик и привычных схем. Все разборы (Т. Расуловой, В. Оскоцкого, И. Ростовцева, З. Кедринной, Вл. Гусева, Я. Данова) сбиваются на мелкое рецензирование по схеме: в общем недурно, но местами бывают промахи.

А какие характерные тенденции в развитии узбекской повести вообще и прозе молодых в частности? Вносят ли молодые свое, новое, продуктивное в проблематику и поэтику жанра как в рамках собственно национальных традиций и перспектив прозы, так и в русле общесоюзных тенденций? Вот эти вопросы, к сожалению, не были поставлены. Разве лишь В. Оскоцкий в конце своего выступления буквально в двух словах коснулся «параметров и жанрово-стилевых черт» прозы «новой волны». А вот об этом можно было поговорить подробнее. Где она, эта «новая волна»? И почему, глядя из Москвы, ее можно заметить, а из Ташкента — нет?

И вообще, думается, что специфика современного литературного процесса в национальных республиках, особенно в среднеазиатских, на фоне общесоюзных тенденций пока так и не стала предметом серьезного научного изучения и внимания со стороны центральной печати. А общие рассуждения «о своеобразии национального видения», «об особом восточном подходе к миру, к человеку, об особых веками выработавшихся приемах письма» (Ярослав Данов) уже давно бьют мимо цели, служат порой оправданием литературы как бы второго сорта.

Однако вопрос можно поставить и по-другому. Любая национальная литература удовлетворяет прежде всего свои внутренние потребности. И так ли обязательно ей блистать на всесоюзной арене? Если наша словесность выполняет свою высокую миссию в пределах республики, на своем национальном языке, есть ли необходимость требовать от нее большего?

В том-то и вся суть, что она не выполняет свою благородную миссию и «местного» значения, положенную, так сказать, по штату. Это — во-первых, а во-вторых, нельзя удовлетворять свои внутренние потребности, одновременно не работая на «общесоюзный рынок». Подлинное художественное произведение не знает национальных ограничений и принадлежит всем народам. Забвение этих очевидных истин, к сожалению, самым негативным образом сказалось на развитии узбекской литературы.

Но не будем спешить и поставим проблему так: почему узбекская литература, в первые десятилетия после установления Советской власти в Туркестане сразу же выдвинувшая таких великолепных мастеров слова, как Хамза, Айбек, Г. Гулям, Каххар, Кадыри, Айдин, Х. Алимджан и др., в заметной мере обогатившая поэтический арсенал молодой советской литературы, в последующие десятилетия снизила темпы своего развития? Особенно малоэффективной была эпоха 60-х — 70-х годов, выдававшая продукцию весьма низкого качества. Собственно, в это время узбекская литература больше чем когда-либо растеряла свою национальную самобытность и творческое лицо. Республика, обладающая колоссальными художественными возможностями, практически выдвигала лишь небольшую группу писателей, которая, и только которая, публиковалась на страницах местной и союзной печати и произведения которой высокими и даже средними эстетическими достоинствами отнюдь не блистали.

А вот, например, прибалтийские республики, располагавшие отнюдь не большим литературным потенциалом, давали более серьезную и оригинальную продукцию. Поэтому не удивительно, что к настоящему времени в маленькой Литве можно найти целое созвездие великолепных писателей, не только хорошо известных всесоюзному читателю, но и сумевших внести новое в развитие соцреализма. (Э. Межелайтис, Й. Авижюс, В. Бубнис, Ю. Марцинкявичюс, М. Слущис, А. Беляускас, А. Малдонис и др.).

Какие же факторы оказали замедляющее воздействие на развитие узбекской литературы последних десятилетий? Ответить на этот вопрос в рамках статьи, конечно, трудно. Ведь пустые обороты в нашем литературном движении стоят в одном ряду с кризисными явлениями в экономической, общественно-политической и культурной жизни республики и шире — страны, отчетливо намечавшимися ко второй половине 60-х начала 70-х годов. Одно от другого неотделимо. И в этом сложность анализа, тем более, что своего слова не сказали социологи, философы, экономисты.

В нашей республике застойные явления в хозяйственной и духовной жизни давали о себе знать наиболее ярко, а нарушения социалистической законности и очковитательство проявлялись наиболее уродливо. Сфера литературы и искусства оказалась той областью идеологической жизни республики, в которой порочные методы руководства бывшего первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш. Рашидова сказывались особенно губительно и, в сущности, по-

давливали всякие формы общественной активности и творчества масс. И было бы, наверное, полбеды, если бы наш бывший лидер сам поверил в свой исключительный талант писателя. Но вся беда в том, что в центральной и республиканской печати его романы «Победители», «Сильнее бури», «Могучая волна» и др. преподносились как величайшие достижения узбекской и всей советской литературы.

Теперь уже нелегко подсчитать, какой колоссальный ущерб нанесли узбекской литературе и искусству писательские и культурные амбиции Ш. Рашидова, на какое-то время приостановившие поступательное движение художественной мысли республики. Непомерное восхваление средствами массовой информации, тиражирование опусов Рашидова-прозаика, киносценариста, публициста можно было расценивать как своего рода курьез, если бы на его образцы не ориентировались молодые и далеко не молодые писатели, если бы они постепенно не становились своеобразным эталоном передового и гражданского искусства. Равняясь на этот эталон, раздавали республиканские и даже союзные премии, проводилась в жизнь система материального и морального поощрения писателей и деятелей искусства.

В результате трудно даже представить, сколько мы недодали добротной художественной продукции, сколько оскорбили душ и как подорвали веру в наши идеалы. Поэтому не удивительно, что на протяжении всех этих лет у нас так мало появлялось произведений, в которых нашли бы свое отражение негативные явления в хозяйственной и духовной жизни республики. Одно парадное живописание. А симптомы неблагополучия чувствовали многие, и именно в публицистике, художественной литературе, в театральные и телевизионные постановках искали и не находили слова правды, ответов на злободневные вопросы жизни. Встает вопрос: могли ли наши художники будить общественную совесть и формировать гражданскую позицию сотен тысяч своих читателей, закладывая твердую основу всенародной борьбы за оздоровление климата в республике? В какой-то степени, вероятно, могли. Но этого не случилось. Более того, наши литераторы и деятели искусства воспевали имена тех партийных и хозяйственных руководителей, которые затем были привлечены к уголовной ответственности за присписки, очковитательство, взяточничество и прочие службные злоупотребления.

Наивно думать, что теперь, в период перестройки, дело изменилось коренным образом. Болезнь была продолжительной и проникла достаточно глубоко во все поры нашей хозяйственной и духовной жизни. Лечить ее непросто. Прошло несколько лет, а между тем пока нет произведений, которые бы художественно осмысливали беспрецедентные по своему драматическому накалу события в жизни республики тех лет.

Нет, наконец, просто обнадеживающих симптомов решительного поворота к новому художественному мышлению, к переоценке эстетического опыта прошедшего периода. Несколько острых публикаций К. Икрамова по этой теме (см., например, его статью «И пробил час...» в Литгазете за 10 июня 1987 г.) не получили продолжения на страницах республиканской печати.

Собственно, именно теперь мы пожинаем последствия малопродуктивной эпохи в развитии узбекской литературы и искусства. Между тем в это время в других республиках, при всех неблагоприятных условиях, все-таки заклады-

вавшая будущая основа, способная рождать таланты, поиски, эксперименты, творческую атмосферу. И вот теперь при других условиях, более благоприятных, эта основа «срабатывает» и приносит первые положительные результаты, а нам, боюсь, надо начинать чуть ли не с нуля. Уж не поэтому ли даже наши ведущие писатели, особенно прозаики, создавая свои произведения, механически копируют общесоюзные стандарты, робко ищут свою проблематику и форму?

Одним словом, перестройка литературного дела у нас, похоже, сталкивается с серьезными трудностями и пока не дает ощутимых результатов, поскольку совсем не затронула основную массу членов Союза писателей Узбекистана. По-прежнему рядовой состав Союза относит перестройку к сфере работы правления писательской организации, к переменам в составе этого правления. Если судить по последним пленумам и партийным собраниям Союза писателей Узбекистана, то демократизация писательского дела в республике сводится к откровенной клановой борьбе за власть в нашей творческой организации и не выходит за сферу амбициозных устремлений наиболее влиятельных членов Союза.

И на критику мы пока реагируем крайне болезненно. Не терпим ее. В особенности это относится к нашим именитым писателям и литераторам, которые долгое время были вне всякой критики и многие из которых давно не подтверждают своего высокого звания. Впрочем, все эти негативные явления в работе писательской организации республики хорошо известны. О них уже писали, как и о том, что ни одно из критических выступлений в центральной и республиканской печати не стало предметом широкого обсуждения в Союзе писателей. Нужна не мнимая, а действительная демократизация всех звеньев работы творческого Союза литераторов Узбекистана. А для этого нужно трезво взглянуть не только на наши прошлые промахи, но и на нынешние, продолжающие сдерживать прогресс художественной мысли. К ним относятся не только вопросы организации писательского дела в республике, но и собственно литературные факторы, учет которых, повторяю, может содействовать преодолению застойных явлений в нашей литературе.

Какое создается впечатление, если окинуть единым взглядом всю современную узбекскую литературу? Прежде всего, поразительное однообразие и бедность образного, проблемного и жанрового репертуара нашей прозы, драматургии, публицистики, критики. Можно пожелать и большего тематического разнообразия. Плохо, например, у нас разрабатывается тема рабочего класса, производственный роман. Точно так же дело обстоит с военно-патриотической, молодежной, энтелевровской, экологической темами. Плохо развиваются сатирические жанры, литература для детей и юношества. Однако какие бы мы претензии не предъявляли к широте литературных поисков, главное же — глубина. Любая тема может получить широкое социальное звучание. В коротеньком рассказе «На подводе» А. П. Чехов пишет о том, как учительница едет в город за жалованьем, но сколько важных, общественных и человеческих, проблем сумел поставить автор в этом произведении! В сущности, любой рассказ великого русского писателя является ярким примером превращения вроде бы «тематического пустячка» в объемное по своему идейному содержанию произведение. Одним словом, промахи наши не столько в узости тематики, сколько в бедности проблем-

ного и образного освоения жизни. Сложный мир нашего современника, противоречивые искания, не укладывающиеся в рамки привычных добродетелей и пороков, процесс нравственно-психологической девальвации духовных ценностей и обретений пока так и не стали предметом художественного исследования в узбекской литературе, сохраняющей в целом мажорную тональность, контрастные образы и краски, надоевшую тщательную дозировку тени и света. Ведь не побоялся Виктор Астафьев рассказать о девальвации русского характера в «Печальном детективе». Как исключительно остро разрабатывается сложная проблематика у В. Быкова, В. Распутина, Ч. Айтматова, братьев Ибрагимбековых, А. Адамовича, Э. Ветемаа, О. Чиладзе, Г. Семенова и многих других советских писателей!

А вот как, например, стереотипно, по уже примелькавшемуся стандарту выстроены наши романы и повести на современные темы: положительный герой, с набором нормативных добродетелей, легко преодолевает все трудности и довольно часто достигает высокой должности. Ему помогает старый, умный, заслуженный человек, чаще всего партийный работник. Антипод героя, карьерист, стяжатель, подхалим и т.д., наоборот, терпит неудачу, наказан, снят с работы. В конце концов налаживается и семейная жизнь героя (или наладится в перспективе). Предпочтение отдается сельскому жителю, не утратившему свои «патриархальные» обычаи. Представитель города, нередко интеллигент, обрисован нравственно более ущербным человеком. Есть, конечно, и другие вариации, но суть остается.

В этом нетрудно убедиться, сопоставив такие произведения, как «Наедине» У. Усманова, «Свет не без тени» У. Хашимова, «Совесть» и «Белый аист» А. Якубова, «Корни и листья» Мирмухсина, «Золотые пески» С. Караматова, «В пустыню пришла весна» Р. Файзи, «Алмазный пояс» П. Кадырова, «Благодородство», «Дарю тебе солнце» И. Рахима, «Перекресток» А. Мухтара и др.

Возможно, не совсем правомочно ставить в один ряд произведения различного достоинства. Но в этом есть свой резон, ибо есть больше оснований говорить о бедности образных построений в исканиях писателей, подчеркиваю, разных поколений и дарований. Упрощение материала, очевидно, и приводит многих наших прозаиков к эскизности письма и обрисовки характеров, слабости социально-психологических мотиваций в движении героев. Даже наши крупные романисты сбиваются на очерковые и публицистические формы повествования. Загляните в любой роман Мирмухсина, Х. Гуляма, И. Рахима, Б. Даминова, Р. Файзи и вы легко найдете в них примеры движения не характеров и самих образов, а авторской мысли, оценки. Проблема художественной убедительности, полноты или законченности образных построений всегда принадлежала к фундаментальным проблемам и категориям эстетики и определяла степень мастерства писателя, глубину воздействия литературного произведения на читателя.

Об этом свидетельствует опыт отечественной, да и всей мировой литературы. Искусство движения образа включает разнообразие мотиваций, вбирающих сложный спектр социальных факторов, личных, мимолетных, случайных и других причин. В этом случае и будет проявляться точность, яркость письма художника, его индивидуальная окраска.

У Достоевского в романе «Преступление и

наказание» Родион Раскольников, казалось бы, четко разработал план ограбления старухи-процентщицы, совершает убийство благодаря стечению многих обстоятельств, в том числе совсем случайных и неучтенных. И это придает особую убедительность и жизненность образа героя. Его поведение, внутренний мир характеризуются противоречивыми увлечениями, мотивами, соображениями, раздумьями. Собственно, без «разнообразия» мотиваций любой образ приобретает черты упрощенчества, эскизности и не может служить в достаточной мере художественным средством раскрытия проблематики, если даже эта проблематика по своей потенциальной значимости и эстетическим возможностям удовлетворяет самым высоким требованиям.

В повести Бобомурада Даминова «Нужно верить» (см. его сборник «Рухсор», М., «Советский писатель», 1985) все поступки героя Уктама Хидирова и его жены Назлии объясняются одним несложным мотивом — фанатичной преданностью работе героя и патологической ревностью его супруги. В какую бы ситуацию ни помещал автор Назлию, она на все реагирует одинаково — воображает, как ее муж обхаживает молоденьких женщин, и устраивает ему разнос. А Уктам, между тем, в сельской больнице оперирует, спасает десятки людей и в своем поведении безупречен. К этому сводится вся сложность проблематики и сюжета повести. Поэтому и кажутся примитивными ее герои, всегда выступающие в одном и том же амплуа. Трудно ожидать художественного эффекта в случае, когда образное движение подменяется откровенной авторской риторикой или логикой.

Обратимся к роману П. Кадырова «Алмазный пояс». Откровенно говоря, я не без некоторого пристрастия отношусь к этому автору, считая его одним из наиболее талантливых писателей Узбекистана. Его «Алмазный пояс», опубликованный в журнале «Дружба народов» несколько лет тому назад, рядовым произведением не назовешь. Но тем более полезно порассуждать, почему даже талантливый писатель в наших условиях не раскрывается полностью и его роман несет печать той трафаретности, какая характерна и для других авторов. В центре повествования «Алмазного пояса» положительный герой Аббор Агзамович, прекрасный специалист по ландшафтной архитектуре, противопоставлен своему антиподу Шерзоду Бахрамову, плохому архитектору и руководителю.

Все, что ни делает Аббор, проникнуто заботой о человеке, семье, родителях. А все, что делает Шерзод Бахрамов, несет печать откровенного эгоизма. Вот эта мотивационная доминанта заранее определяет все поступки героев.

Точно такая же лобовая, контрастная расстановка тени и света в романе Уктама Усманова «Наедине» (в его книге «Ожидание», М., «Советский писатель», 1987 г.). Молодой, талантливый, честный и порядочный ученый-селекционер Азиз Касымов вывел новый, устойчивый к вредителям сорт хлопчатника. Ему мешают псевдоученые, в числе которых директор института — Расул Аллярович и даже академик Мухитдин Джабарович. Азиз, конечно же, побеждает и даже получает Государственную премию. Ему в этом сильно помогают весьма заслуженный и идеальный председатель колхоза Махамат-ака и секретарь ЦК. Его антипод Юлдаш, красивый молодой человек, делец с машиной и при деньгах, правда, успевает соблазнить его жену Салтанат. Но в эпилоге все прозревают. Будь, конечно,

Салтанат более стойкой и, главное, более умной, она не «клюнула» бы на Юлдаша, намерения которого были так откровенны, а способы так хорошо обросли бородой, что заблуждаться мог только и в самом деле очень уж примитивный человек. Слишком бесхитроsten внутренний мир Салтанат, слишком однозначно выстраиваются все ее поступки. Такой и образ героини в романе Суннаталлы Анарбаева «Сайли».

И вообще, думается, что узбекской женщине явно не повезло: она так и не заняла своего достойного места в современной узбекской литературе, богатство и сложность ее внутреннего мира так и не раскрыты писателями.

Плакат или примитив — вот, пожалуй, наш художественный итог по части освоения образа узбекской женщины.

Вазира, героиня «Алмазного пояса», на какое-то время ослепленная вниманием Бахрамова, затем испытывает мучительный стыд, поскольку позволила себе иметь другое, чем мужнино, мнение о плане застройки Ташкента и ничего не рассказавала об этом своему супругу. В отличие от Салтанат, она только имела свое собственное мнение и свою внутреннюю жизнь. Но этого достаточно, чтобы в романе она выглядела как предательница и чуть не распутница. Жена во всем должна следовать мужу и даже в мыслях быть ему преданной — вот та нехитрая философия, которая проповедуется в романе. Можно было дать и большую свободу узбекской женщине и ее духовным исканиям.

Нет, не поем мы дифирамбы нашим женщинам, отказываем им в высоких и свободных побуждениях. Зато с лихвой превозносим партийных работников. Вот уж кто образец чистоты, честности, доброты, ума и т. д. и т. п. При этом, чем выше он по должности, тем больше у него положительных качеств. Так дело обстоит в романе У. Усманова «Наедине», да, собственно, почти во всех произведениях 60-х—70-х годов.

В романе У. Хашимова «Свет не без тени» (М., «Советский писатель», 1979 г.) герой попадает в кабинет такого руководителя. Когда он открывает дверь, то слышит «величественную мелодию «Полонеза» Огинского. В кабинете чисто деловой стиль. У Сулеймана Рустамовича глаза спокойные, излучающие какой-то притягательный свет». Не буду далее цитировать автора. Думаю, что интерьер с полонезом Огинского в рабочее время может потрясти воображение любого читателя.

Образ партийного руководителя, его суровые будни, драматические страницы жизни партийной организации республике также еще ждут своего освоения в узбекской литературе. Можно, конечно, сказать, что все бывает хорошо только у очень большого мастера. Но ведь литература состоит не только из генералов. А недостатки есть и у них. Главное все-таки не форма, а содержание. Если наши современные авторы ставят серьезную, гражданскую проблематику, то формальные оплошности с лихвой покрываются достоинствами содержания.

К сожалению, дело обстоит иначе. Не думаю, что у нас все в порядке и по части идеи, но опять-таки, какой толк от правильных идей, если они не запали в душу читателя, если их образное открытие и исследование не состоялось. А не лучше ли откровенно сказать, что у нас просто хромает художественная культура писателя. Вот мы и добрались до важного источника истинного творчества, без которого всегда будут заметны не только огрехи формы, но и вообще едва ли возможно решение серьезных задач.

В художественную культуру писателя входят и общая эрудиция, и гражданская зрелость, и нравственные критерии. Входят и чисто профессиональные навыки и знания, художественный вкус, широта и глубина поэтического мышления. Но не будем вдаваться в теорию: без художественной культуры даже большой талант не раскроется полностью. И когда мы говорим о жанровом примитивизме нашей литературы, то тем самым подчеркиваем недостаточно высокую художественную культуру авторов.

Чтобы удержаться на высоте современных задач, деятели литературы должны быть в гуще общественной жизни республики и занимать принципиальную гражданскую позицию. Но не менее важно быть и эстетически образованным человеком. Давно замечено, что расцвет литературы или, скажем, живописи происходит не сам по себе, а в контексте всех форм искусства. Только на фоне общего художественного прогресса в республике мы вправе ожидать достижений и в области узбекской литературы.

Между тем, можем ли мы говорить об интенсивной художественной жизни в Узбекистане, об интересных театральные постановках, кинофильмах, завоевавших симпатии не только нашего, но и всеобщего зрителя? Не будем вспоминать о редких удачах, они не определяют погоду. К сожалению, пока не говорят о феномене узбекского театра, кино, живописи, эстрады. А вот об успехах, например, грузинского кинематографа, картин Абуладзе знают все, аналогично гремят театральные постановки прибалтийских республик. Вызывают всеобщий интерес живопись и прикладное искусство Армении. Много сейчас любопытного в художественных исканиях национальных республик и народов СССР, только нас там нет, а если есть, то слишком скромное место мы занимаем.

Может, у нас просто нет талантов? Не думаю. Прочитательна, например, история молодежного театра-студии «Ильхом», возникшего лет десять тому назад в Ташкенте и осуществившего интересные постановки «Монумента» Энн Вестемаа, «Утиной охоты» Вампилова, «Магомета, Мамеда, Мамыша» Ч. Гусейнова, «Сцен у фонтана» С. Злотникова и т. п. Попасть теперь в «Ильхом» трудно. Театр успешно гастролировал в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Болгарии. А ведь как драматично складывалась судьба театра, изобилующая чуть ли не детективными историями! Когда «Ильхом» ставил «Прощай, овраг» К. Сергиенко, дело дошло до пикетирования театра. Публика, купившая билеты, так и не была допущена на спектакль. В официальных кругах бытовало мнение, что театр является рассадником вредных идей и игнорирует национальное искусство. Теперь об этом стыдно вспоминать, но тогда только вмешательство видных деятелей нашей культуры из центра, в том числе писателей Д. Гранина, Г. Бакланова, отвратило неминуемое запрещение постановки «Сцен у фонтана». Неужели же мы сами не можем разобраться в своем хозяйстве?

Только в атмосфере широких и смелых художественных поисков во всех жанрах литературы и искусства формируются таланты и появляются значительные произведения. Отсутствие же такой интенсивной художественной жизни в Узбекистане, на мой взгляд, сдерживало и еще сдерживает развитие литературы.

На протяжении последних десятилетий мы больше на словах, чем на деле, изучали художественный опыт братских литератур. Мы проводили шумные мероприятия и больше трубили

о взаимодействии литератур народов СССР, в созвездии которых якобы расцвела узбекская литература, чем осваивали наследие отечественной и мировой классики, достижения советской литературы. А на самом деле все больше и больше замыкались в рамках своих литературных интересов и традиций, шумно декларируя принципы национальной самобытности, своеобразия восточной поэтики, чуть ли не художественного мышления. Все это было бы не так досадно, если бы не терялся творческий ориентир не только у молодых, но и опытных, талантливых писателей, художников, музыкантов. Собственно, рецидивы этой художественной «политики» дают о себе знать и теперь! Попробуйте предложить любому республиканскому издательству книгу, а журналам статью просто о Пушкине, Толстом, Достоевском, Чехове, Горьком, Маяковском, В. Астафьеве, В. Быкове, О. Чиладзе, Э. Межелайтисе. Не возьмут. У нас, скажут, национальная специфика. Только об узбекских авторах, только местная тематика. Вот если как-нибудь свяжете, то можно. Поэтому и появляются у нас работы об одних и тех же национальных авторах, словно развивались они сами по себе, словно нет другой, общесоюзной литературы, нет магистральных путей, художественных исканий.

Кто же спорит? Каждая республика должна развивать свою литературу, но замыкаться в ней не следует. Нужно шире пропагандировать в наших изданиях опыт братских и зарубежных литератур. Хорошо известно, что даже гениальный художник должен всегда учиться у своих собратьев по перу. А как, собственно, учиться, если мы и русскую литературу не пропагандируем, плохо переводим и толком русского языка не знаем, и соответственно не читаем русских авторов. Одним словом, широтой художественных интересов не отличаемся, равнодушны к достижениям других. Спросите, а зачем русский язык в национальной республике? Разве у нас не равенство языков? Достаточно, если наш художник владеет узбекским языком. Можно ограничиться, разумеется, и национальным языком, но писатель тогда будет лишен доступа к самым богатым источникам творчества, культуры и письма. Через русский язык мы осваиваем достижения мировой литературы, братских республик. Можно, конечно, вспомнить о переводах. Но ведь наши переводы — это капля в море. Все не переведешь. Да и качество этих переводов оставляет желать лучшего.

В наше время без знания языков, в том числе и иностранных, далеко не уедешь. Ну, а без русского — трудно удержаться просто на плаву. К сожалению, именно с русским языком в Узбекистане дело обстоит особенно плачевно. По этому поводу уже было много официальных постановлений, но пока сдвигов не видать. Ни одна республика не держит такой громадный контингент студентов-русистов в педвузах Российской Федерации и Украины, а между тем, языка мы по-прежнему не знаем. Русистика в Узбекистане топчется на месте. Ни одной интересной научной разработки, ни одного учебника, пособия. До сих пор нет и серьезно разработанной научной методики по изучению русского языка лицами коренной национальности.

Возвращаясь к основному предмету разговора, снова и снова следует сказать, что в силу разных причин мы плохо осваивали и осваиваем богатство художественных исканий современной отечественной и мировой литературы и искусства, предпочитая опираться на собственные традиции, вариться в собственном соку.

К этому только хотелось бы добавить, что не очень-то мы бережем и «национальные традиции». Скорее на словах, чем на деле.

Возьмите, например, народные ремесла, прикладное искусство, возьмите самые различные формы народного творчества. Из года в год они приходят все в больший и больший упадок. А без этого важного источника страдает художественная культура любого творческого работника. И когда читаешь такую заметку, как «Искусство на весах равнодушия» Вл. Арсеньева в «Известиях» (за 16 сентября 1987 г.), становится больно за наше народное искусство. Речь в статье идет об упадке древнего искусства лаковой миниатюры Узбекистана. И в конце автор с горечью восклицает: «Неужели это происходит в республике, где на словах все уважают добрые традиции предков!» Упрек, думается, обидный, но справедливый. Почему бы нам не брать пример с Грузии и Армении, где бережно сохраняют и развивают художественные традиции народа, где мало-мальский памятник архитектуры и зодчества, древней культуры окружены такой заботой, какая нам и не снилась. А каково художественное оформление наших древних городов и поселков? Горько сравнивать с Литвой и Эстонией.

Бережное отношение к культурному наследию народа включает и широкую пропаганду национального языка. А между тем, как у нас изучают представители нерусских национальностей узбекский язык? Например, в школах. Архисверно. И отношение к этому предмету пренебрежительное. Поэтому наши школьники не только не знают узбекского языка, но и теряют интерес к национальной культуре. В любой республике нужно знать не только русский, но и национальный язык. Правда, мы не дошли до таких крайностей, когда просто позакрывали национальные школы, как это случилось в Белоруссии. Но у нас свои трудности. К сожалению, мы не только плохо изучаем узбекский язык, но совсем его не пропагандируем. У нас даже нет добротных самоучителей по узбекскому языку, просто учебников. А попробуйте купить в книжных магазинах узбекско-русский или русско-узбекский словарь!

Как же так, может возмутиться читатель. Получается, что мы и свои художественные традиции не развиваем, и на чужие не опираемся. В каком-то вакууме живем. Не слишком ли вы, того... строго судите. Так вместе с водой можно выплеснуть и ребенка. Может, конечно, и строго, если учесть наши большие потенциальные возможности. Но эти возможности мы плохо реализуем. Нет у нас настоящей творческой атмосферы, робко ищем мы свою проблематику и форму.

Горько, конечно, принимать упрек в подражательности, вторичности, в отсутствии своих национальных форм, но когда-то нужно глянуть правде в глаза. Наверное, есть какая-то закономерность в том, что литература, замыкавшаяся в свои узкие национальные рамки, так и не становится подлинно национальным искусством, а только теряет свою оригинальность, становится подражательной.

Годы застоя особенно тяжело сказались на состоянии критики и публицистики. Именно в этой области закрепились худшие традиции прошлых лет — комплиментарность, беспринципность, отсутствие профессионализма, демагогия, размытость критериев оценки, клановость, яркие проявления вульгарного социологизма и т. п. И в сущности, к сегодняшнему дню мы

подошли без позитивных традиций и опыта анализа литературных явлений, основанных на принципах советской критики применительно к специфике национального искусства слова. Подавляющая часть статей и рецензий в республиканских журналах и газетах, монографических работ, сборников представляла собой славословие, парадное живописание. И даже теперь, когда появляются острокритические статьи Н. Худайбергана, П. Шермухамедова, О. Шарифудинова, У. Норматова и других авторов, нет ощутимых перемен на этом важном участке литературы, ибо не преодолен примитивный уровень самого литературно-критического мышления. Даже в наших лучших работах, появляющихся на страницах центральных изданий, нет ни широты замаха, ни глубины суждений, нет филологической культуры и конструктивных идей, что, например, мы находим в статьях А. Бочарова, Л. Анненского, И. Золотусского, С. Чупрынина, И. Дедкова, Ю. Андреева, В. Лакшина, Н. Ивановой, В. Кардина, В. Баранова и др.

А в обычных наших работах, раздутых не только до размеров большой статьи, но и пухлой книги, к сожалению, просто нет профессионализма. И вина за появление таких работ ложится на всех нас, рассуждающих довольно просто: не в Москве живем, для нас сойдет.

Не меньшую озабоченность вызывают у меня «парадоксы» и нашей большой критики, которая, казалось бы, и начинает сдвигаться с мертвой точки. Но, сбрасывая с себя прежние грехи, она приобретает новые. Некоторые тенденции в критических выступлениях наших ведущих критиков вызывают серьезную тревогу. Складывается впечатление, что и лучшая критика дает слишком много холостых оборотов.

В последнее время обратил на себя внимание своими острыми публикациями на страницах центральной и республиканской печати критик Н. Худайбергана. В целом мне нравится пафос его критических выступлений. Смелость, с которой он говорит о негативных явлениях в нашей жизни и литературе, вызывает горячее одобрение читателей и специалистов. Но уже в статье «Заботы критики положительной», опубликованной на страницах журнала «Вопросы литературы» (№ 1 за 1987 г.) проявляется та болезнь элитарности и непогрешимости, против которой так эмоционально выступает сам Н. Худайбергана. Но проясняется она неявно, на уровне подтекста и заметна только тем, кто хорошо знаком с местной литературной жизнью. А в статье «В поисках истины», помещенной в первом номере журнала «Звезда Востока» за 1988 г., к сожалению, эта старая болезнь уже заметна невооруженным глазом. Возможно, автор посчитал, что на страницах республиканской печати уже можно не церемониться и не маскироваться. Пафос ее, на первый взгляд, верный. И в общем надо согласиться с автором, особенно по тем пунктам, которые, собственно, выходят за рамки литературы. Но беда в другом. Статья явно направлена против Х. Абдусаматова и Л. Каюмова, которые, на взгляд Н. Худайбергана, повинны в застое узбекской литературы и критики. Выпады против них уже были и в статье «Заботы критики положительной». Аналогичное обвинение выдвигается против У. Умарбекова и С. Азимова. В адрес последнего — несколько приглушенно.

Почему такая избирательность? Повинны не только они, но и все мы, в том числе и сам Н. Худайбергана, о чем, кстати, справедливо пишет Х. Абдусаматов («Звезда Востока» № 3, 1988 г.)

Почему так безапелляционно зачеркиваются работы Л. Каюмова и Х. Абдусаматова? Они, оказывается, в лучшем случае «информативные». Во-первых, это не так уж плохо. Во-вторых, они ничуть не хуже работ Худайбергана и любого другого нашего литературоведа. К ним можно предъявлять претензии, которые относятся ко всей узбекской критике. В-третьих, хорошо бы автору смелой статьи и самому приводить какую-либо аргументацию, которую он никогда не находит у своих оппонентов. Наверное, вместо благородного негодования и эмоций лучше было бы разобрать какую-либо книгу Л. Каюмова и показать, в чем ее ущербность и почему автор не может достойно представлять узбекское литературоведение на всесоюзной арене.

Негодование Н. Худайбергана достигает своего кипения, когда он касается вопроса, почему и теперь, в эпоху перестройки, они процветают и занимают еще более высокие командные высоты, чем раньше. В каких только смертных грехах не обвиняет именно этих двух критиков и двух писателей автор статьи. Не важно, что Н. Худайберганов в пылу полемики забыл о литературе, что читатель так и не дождался серьезного и конкретного разговора о состоянии нашей критики и литературы. Все свелось к обличению нескольких лиц. И вот теперь, считает автор статьи, они должны держать ответ и уступить свое место другим, более достойным, не запятнавшим себя, принципиальным, каким, например, является сам Н. Худайберганов. Ну что ж, цели теперь определились. Автор дает понять, что настало время, когда все бразды правления должны перейти к Н. Худайбергана и его сторонникам, которых раньше давили. Происходит смена кабинета. Трудно обвинить автора в излишней скромности, когда он видит в своих работах «примеры нынешнего периода революционного обновления, широкой демократизации и гласности». Вот уж поистине — себя не похвалишь, другой ведь не догадается.

Насколько продуктивны для нашей критики, пока так и не проснувшейся от благодушного сна и не достигшей союзной зрелости, споры и выступления подобного характера, не уведут ли они нас к личным обидам, клановой борьбе, «перетягиванию каната»?

Вовлекая в бесконечные дискуссии новые силы, они грозят нас перессорить. Во многом прав Н. Худайберганов, но если бы не этот личностный аспект! В литературе и критике хватит места всем. И нужно не дегтем мазать друг друга, а искать общую платформу.

Я люблю Георгия Семенова, и мне кажется, тот эпиграф, который он предпослал своей статье в Литгазете под рубрикой «Писатель и общество» (ЛГ от 18 ноября 1987 г.), очень подходит и к нашему случаю: «Нам надо как-то отряхнуться от обид, подняться над ними, иначе мы просто погрязнем в сведении счетов». Не менее актуально звучат и следующие слова писателя: «Обиды, которые выплескиваются сейчас, я заметил, приобретают вдруг окраску мести. Мы действительно переживаем досаду, горечь и обиду за прошлые ошибки, за прошлые беды, за то, что обворовывали нас, глаза замазывали, за то, что негодяям жилось лучше, чем честным... Но мстительность, желание возмездия, желание добить, дотоптать поверженных, осужденных судом или в общественном мнении — это не путь движения вперед, не путь духовного очищения».

В литературе нужны в той же мере генералы,

в какой офицеры и солдаты. Гений Пушкина никак не затмил талант и значение поэтов пушкинской плеяды. И пришло время не уходить с литературной арены нашим именитым писателям, как это представляется Н. Худайбергана, а сказать свое новое слово, внести свою лепту в процесс художественной перестройки. Многие из них не исчерпали своих возможностей. Давайте смотреть не в прошлое, а в настоящее. Наша критика не должна развиваться по пути, открывающемуся в субъективно-полюемических статьях Н. Худайбергана и Х. Абдусаматова. И в то же время подчас суровая и обидная критика в адрес любого нашего литератора, если она справедливая и не унижает достоинство человека, должна восприниматься как норма сегодняшней жизни.

Трудно согласиться с Н. Худайбергана, когда он выступает против «положительной критики» С. Чупринина (В. Л., 1985 г., № 12). Наш критик просто не понял С. Чупринина, а вернее, истолковал в соответствии со своими, как мне представляется, не совсем верными представлениями о задачах современной критики. Критика должна критиковать — считает он. И чем острее и болезней, тем лучше. Но критика должна быть прежде всего созидательной, показывать то положительное, что нужно развивать, к чему нужно стремиться. Так представляет себе задачи критики С. Чупринин, полемические суждения которого, кстати, никогда не характеризовались мягкостью, и мне остается только согласиться с ним.

Нам нужна критика конструктивная, а разрушать ради разрушения дело нехитрое. Неотложная задача нашей критики — повышение ее профессионального уровня.

И, наконец, коснемся последнего вопроса — какой литературный прогноз на ближайшее время, есть ли реальные силы, на которые можно опереться и сдвинуть с мертвой точки нашу словесность? Не думаю, что смогу ответить на эти вопросы. Но главное — их поставить. Прежде всего необходимо решать современные проблемы с принципиально новой точки зрения, овладевать новым и демократическим мышлением. Непросто, конечно, наладить здоровый и творческий климат в нашей писательской организации. Но это сделать необходимо в первую очередь.

Когда мы говорим о перспективах развития литературы, то обращаемся к творчеству молодых и с ними связываем надежды на принципиальные изменения в нашей художественной жизни. Как же обстоит дело с нашей литературной сменой? Отличается ли она от старших поколений или идет проторенными дорогами?

Мы уже упоминали имена наших молодых литераторов. Но к ним следует прибавить прозаиков М. Мухаммада Доста, Н. Кабула, Э. Агзамова, Х. Султанова. На мой взгляд, наиболее перспективных среди молодых. Правда, нашим молодым писателям уже давно за тридцать, а многим и за сорок. Но сказать, что они уже определились, вошли в литературу со своей темой и своим поэтическим видением, нельзя. В. Оскоцкий с молодой сменой связывает «новую волну» в узбекской литературе. Но если молодые не открыли свою проблематику, не нашли свой жанр, не перешли к принципиально новому художественному мышлению, какая же это новая волна? Да и читатель пока их не выделяет из общего литературного потока. Но очень хотелось бы согласиться с В. Оскоцким. Давно ждем «новую волну». Боюсь, до нас она еще не докати-

лась, и если ее заметили в Москве, будем терпеливо ждать. Тем более, что симптомы «художественного становления» вообще-то заметны. Молодые писатели, например, отказываются от широких панорамных форм художественного исследования жизни, эпически развернутой манеры письма от «третьего лица». Они предпочитают не широту охвата жизни, что характерно для старого и среднего поколения писателей, а глубину проникновения в действительность, в единичный факт. Для них характерен психологический анализ. Поиски новых художественных форм, очевидно, диктуются поисками новой проблематики. Насколько продуктивны эти формы молодых по сравнению с произведениями их старших сверстников, покажет время.

Но в целом попытки обновления весьма скромны. Подавляющая часть молодых и давно созревших писателей не сворачивает с проторенных дорог.

Поэтому не стоит переоценивать симптомы обновления художественных форм в нашей литературе.

Следует заметить, что дело подготовки литературной смены в республике поставлено из рук вон плохо. Все эти семинары и прочие виды работ с начинающими серьезного эффекта не дают. На это есть и объективные причины. Единственный в СССР Литературный институт, выпускающий кадры творческих работников в области литературы, всех своих очень разных по подготовке и культуре слушателей обучает по единому

стандарту и выбивает из них национальное своеобразие или в лучшем случае не развивает. Может, следует подумать о региональных литературных институтах, скажем, для республик Средней Азии и Казахстана, объединенных близостью языков, культуры и социально-экономического уклада. А в Москве уже можно завершать образование, овладевать высотами мировой художественной мысли. Впрочем, я не уверен, что писательскому делу вообще можно научиться.

Недавно я с большим интересом прочел книгу Эркина Вахидова «В минуты песни не порвись, струна...» (М., «Художественная литература», 1986 г.). В сборник вошли стихи и поэмы разных лет и различного достоинства. Но в целом и этот сборник, и другие его книги — свидетельство громадных потенциальных возможностей автора, поэтический уровень мышления которого позволяет осваивать самые сложные социальные и нравственные проблемы современной жизни. И он принадлежит не только национальной литературе, но и всей стране. То же самое я мог бы сказать о поэзии А. Арипова, Шукрулло и других авторов. Им по плечу задача поэтического осмысления драматических событий и ошибок прошлых лет, пробуждения нравственного и эстетического потенциала народа. И теперь, думается, складываются условия, когда можно раскрыть большие возможности не только поэзии, но и других жанров литературы и искусства в целом.

«В СТАРОМ НОВОЕ ПРОЗРЕТЬ»

Барот Байкабулов. Чувство Родины. Стихи и поэмы. Перевод с узбекского. «Советский писатель», Москва, 1986.

Творческие поиски Барота Байкабулова делают его поэтические книги неоднородными по составу, тематике, стилю. Сборник «Чувство Родины», вышедший в Москве, не является в этом плане исключением. Да, тут, пожалуй, весь Байкабулов с его приверженностью к современности и истории, к громогласной политической оде и сонету, к мудрой восточной медитации и вырвавшемуся будто из глубины души горестному признанию. Сборник получился крайне неровным, исполненным внутренних противоречий. Строки, пронизанные неподдельным вдохновением, соседствуют с унылыми дидактическими виршами.

Неприятно поражает и оформление книги. Странно, что стихотворному сборнику, в котором поэт попытался отразить многокрасочный мир Азии и Адриатики, художник Н. Лаврентьев придал вид серенькой политической брошюры, снабженной к тому же черно-белыми фотографиями.

Наиболее весомая в идейном и художественном отношении часть сборника — это, безусловно, «Письма из Италии» в переводе Натана Злотникова. Поэт любит путешествовать. В прежних его книгах отразились впечатления о Кавказе и Молдавии, Индии и Бенгалии, Багдаде и Париже... Теперь вот — Италия.

Не все равноценно в этом цикле. Явно не удалась поэту стихотворения «Генуэзский рыбак», «Тоска по Капри», «Микеланджело», «Гончар»... Они бедны мыслями, вялы по эмоциональному настрою. Но лучшие стихи передают чувства влюбленности поэта в красоту природы Италии, ее городов, людей.

Я только раз взглянул
и к ней попал в силки,
Не в силах
чары колдовские превозмочь, —

это о Венеции, воспетой поэтами многих поколений.

Нет, перед нами не отчеты туриста, которому посчастливилось лицезреть великий Рим, фонтаны Тиволи, но постижение сути современного мира, раздираемого острейшими социальными и политическими противоречиями. В мысленном обращении к Адриатическому морю поэт выражает убежденность в неодолимости сил человека, приверженного к мирному устройству жизни

на планете. Лирическое «я» в этом стихотворении становится воплощением мощи народной души, которой не страшны никакие угрозы.

В стране Петрарки и Микеланджело нельзя не восторгаться бессмертными творениями человеческого гения. Поэт одержим поиском вечно прекрасного. Особая трудность этого поиска — в той мере требовательности, которую художник определяет сам себе. Можно, обретая красоту, уединиться с ней в тихой обители, а можно искать пути сопряжения ее с жизнью людей. Этот, второй, путь непомерно труден, поскольку сам мир дисгармоничен.

Проникнуться духом Петрарки, полагает поэт, — означает, прежде всего, осознать себя в ряду творцов, объятых тревожным чувством ответственности за жизнь на земле, за качество любого поэтического слова. Поэт, «верный красоты закону», наделен огромной властью. Только он «способен в старом новое прозреть», только ему дано созидать красоту, умножая в мире добро. На этом подвижническом пути опорой становится вечно живой дух поэзии великих предшественников, утверждает Б. Байкабулов в стихотворении «Клятва духу Петрарки»:

И когда в Самарканде
Вижу раньше птиц зарю,
Размышляя на веранде, —
Тень твою боготворю.
Чтоб сказать о самом-самом,
Я дерзнул сложить сонет.
Строчка под моим калымом
За твоей спешит вослед.

В «Письмах из Италии» Б. Байкабулов — не только восторженный поклонник красоты и заморской экзотики, но и наблюдатель жизни страны, ее парадоксов. Среди рошч зеленых и райских чудес поэт рассмотрел тех, кому худо, нарисовал портреты итальянцев, не нашедших в самой солнечной стране места под солнцем. Таковы герои стихотворений «Молодой художник», «Жалоба неаполитанской матери», «Поэт», «Певец». В лирических этюдах Б. Байкабулова порой проглядывают черты национального характера итальянца, выделяющегося особенной живостью и темпераментом, неиссякаемым оптимизмом.

И еще: поэт рисует своих героев не отстраненно, а принимая чужие беды близко к сердцу. Отсюда духовное родство с рыбаками Генуи, с полунищим поэтом:

В центре древней земли,
Как узоры на меди,
Голоса мы сплели
В откровенной беседе...

(«Поэт»)

«Письма из Италии» читать интересно не только потому, что они полны любопытных наблюдений. Италия расковала душу поэта, пробудила

энергию ума, желание говорить о сокровенном. Тут и тоска о далекой родине («Аппенинские горы»), и бесхитрый рассказ о собственных невзгодах («Когда приболел», «Больные птицы чувств»)...

Из других произведений сборника, прямо скажем, чрезмерно пестрого по составу, выделяется небольшая лирическая поэма «Плакучая ива» (перевод В. Цыбина). Это немного сентиментальный рассказ об астенках, лишившихся во время бури родительского крова. Он созвучен раздумьям о собственной судьбе, полной превратностей, о необходимости исполнить в жизни свое предназначение: «Я тоже, словно эти аистята, скитался вдалеке, себя искал, и слабым был, и был слепым когда-то, скользил и падал, и опять вставал. Мятущийся, худой, нетерпеливый и жаждущий всемерной похвалы, я долго жил в разлуке с этой ивой плакучей, вдалеке от Музаллы».

К сожалению, этот мотив не подкреплен другими произведениями, никак не связанными с временем наступивших благотворных перемен в жизни нашего общества. Многие, очень многие стихотворения сборника будто извлечены из поэтических книжек тех лет, когда приторная выпренность и трескучая декларативность обрели не заслуженные ими права.

В глаза бросается следующая парадокс: если в итальянских стихах поэт радуется художественными находками, то в стихотворениях об Узбекистане он в значительной степени декларативен, чувства поэта здесь будто закованы в броню величественных, но холодных речений.

О, как приелись все эти «хлопковые волны тугие» и «горы урожая», вознесишься до самых звезд, и ощущение «безбрежной радости», «вечного довольства» — парение стиха в заоблачных высях избитых и ложных представлений!

«Народ» — слово, наиболее часто повторяемое в этих стихах, но оно так и осталось словом, не развертывается в образ, созвучный времени:

Я в этот мир пришел — душой стал мой народ,
Мне кровного навек родней стал мой народ.
Я счастье его пел и сам счастливым стал,
Мне в песне и труде судьбой стал мой народ.

(Перевод В. Цыбина).

Эти и подобные им строки докажут присутствие в них стихотворной техники, изобретательности в сочетании эффектных слов, — чего угодно, но только не поэзии.

Унылая дидактика проникла в поэму о Самарканде «Священная земля», переведенную М. Шаповаловым. В длинной веренице строк глаз отыщет несколько точных речений, в целом же поэма слишком перегружена риторическими фигурами, к тому же она получилась композиционно рыхлой.

Большинство произведений, вошедших в сборник, создано много лет назад. Читая их, легко убедиться, что далеко не все выдержало испытание временем. Так, содержание и эмоциональный тон поэмы «Новая жизнь» заставляют вспомнить тематику и стиль некоторых поэм тридцатых-пятидесятых годов, в которых освещение исторически плодотворного процесса перехода к новым формам жизни смазывалось излишней и неоправданной патетикой. Именно этот недостаток отчетливо выступает в поэме Б. Байкабулова. Рассказ о создании колхоза «Новая жизнь» в

Мингбулаке завершается эпилогом, в котором каждая строка выражает воодушевление в столь значительной степени, что невольно зарождается сомнение в его правомерности.

Качественная неровность сборника заставляет задуматься о необходимости более строгого отбора действительно лучшего в запасниках минувших десятилетий. Время властно предлагает нам отказаться от блесток мишуры во имя всего, что подлинно талантливо и созвучно времени больших революционных перемен.

Д. ИЛИМОВ.

МИГ... МИФ... МИР

Мухаммад Али. Бешгуль. Стихотворения. Поэмы. Ташкент, издательство им. Г. Гуляма, 1986 г.

Играть на созвучиях в заголовке рецензии? Каламбур? Каламбуры — низший вид остроумия... Ассонансы и консонансы глушат смысловые нюансы... Можно было бы сочинить или процитировать еще с десяток столь же правильных суждений о музыкальной перекличке слов и слогов. Но речь-то идет о поэзии, а истинная поэзия распахнута навстречу созвучиям: это ее реальная плоть и жизнь.

Стихотворения Мухаммада Али, объединенные в книге «Бешгуль», — истинная поэзия, и, думается, позволительно предпринять такую попытку: обозначить художественный смысл сборника рифмующимися тезисами — рифмующимися ровно настолько, насколько необходимо (иначе они просто совпали бы и выродились в бесплодное повторение).

Три главные меры (или оси) сборника: миг, миф, мир. Именно в этой последовательности.

Миг, или, вернее, миги — лейтмотив многих стихотворений Мухаммада Али. Частица быстро текущей жизни, атом неостановимого движения, момент, который только что был будущим, обратился в настоящее и сейчас обратится в прошлое, — вот часто занимаемый автором наблюдательный пункт.

Засветло поэт встает
И, поев, — к столу опять:
Завершить стихи, что ночью
Не успел он дописать.
На работу сын спешит,
В институт бежит сноха,
А поэт к цветам ухдит,
И душа его тиха.
Розу влагою поит,
Распрямляет базилик —
Под ночным порывом ветра
Нежный стебелек поник.
(Перевод Р. Морана)

Или:

Я страдал, а чаровница, безучастна,
не пришла...

Или:

Поднимали полные бокалы,
Не сулили больше ничего,
Одного желали, чтобы ждало
Только счастье впереди его.
В свете среди праздничного шума
Слов о том, что будет, как назло,

Он не слышал, потому что думал
Лишь о том, что было да прошло.
(Перевод Н. Гребнева)

Проулок, тесный даже для арбы,
Втекающий в пылящую дорогу...
(Перевод Н. Гребнева)

Казалось бы, лирическая позиция избрана в одном случае — элегическая, в другом — грустная, чтобы не сказать пессимистическая, но Мухаммад Али — это важная черта его поэтического зрения — воспринимает жизнь во взаимосвязи, в потоке, в беге, видит ее мелькающие кадры как составные части большой ленты, слышит звуки в масштабах целой мелодии. И поэтому даже драмы под его пером переходящи — мимолетные строки праздника, где «господствует радость в сердцах».

Динамикой мигнов правит человеческая активность. Созерцание, сопутствующее печали, преодолевается деянием, утверждающим оптимизм:

Один твердит: «Напрасно день я
прожил!»
Другой твердит: «Не зря я прожил
год».
На свете все проходит, все течет,
И не становится никто моложе...

Что б ты ни сделал на веку своем,
О том когда-нибудь напомним память.
Что было, то не порастет быльем,
Оно или кольнет тебя шипами,
Или одарит розами потом.
(Перевод Н. Гребнева)

Или:

Ни туч кочевые стада,
Плывущие где-то,
Плывущие где-то,
Ни гром не лишат никогда
Нас звука и света,
Нас звука и света.
(Перевод Н. Гребнева)

Наивысшая форма человеческой активности — труд, творчество, и им посвящены самые патетические стихотворения сборника: «Золотая осень», «Благословение матери», «Мартен...», «Монолог комсомольца», а также поэмы: «Любовь», «Бешгуль», а особенно — «Живем на земле», маленький роман в стихах о нашем современнике, преобразующем родной край.

Миф в транскрипции Мухаммада Али звучит двояко. Это, во-первых, дошедшее из глубины веков сказание о подвиге, которое стало назидательной притчей, или, еще резче, советом потомкам, указующим перстом. Таковы слова из давнего диалога Мухаммада Али с Прометеем:

Затем ли ты прикован был к скале,
Чтобы огонь, шатающийся слепо,
И землю сжег,
Подаренный земле,
И небо сжег,
Похищенный у неба?!
(Перевод А. Передрева)

В новый сборник включен большой цикл «Эхо древних времен», представляющий собой переложение индийских сказаний. Разумеется, на размах «Махабхараты» или «Рамаяны» автор не посягает, ограничиваясь несколькими драматическими сюжетами, в которых ему удается подсмотреть нравоучительный басенный поворот.

Во-вторых, миф Мухаммада Али — его авторский миф, страна его детства, столь трогательно описываемая:

Айван, дымок из глиняной трубы,
Чинар, листвою шуршащий понемногу,

Это миф преодолеваемый, ибо лирический герой, полагавший прежде, будто Родина «von за той кончается горой», теперь осознает: «Нет пределов Родине моей».

О детстве поэт умеет говорить вдохновенно, пылко, трогательно, не умея при этом лишь одного: останавливаться вовремя.

Иногда заколдованную идиллию детства расколдовывает горькая ирония:

Жаль тех далеких лет,
Когда скакал, бывало,
Как жеребенок малый,
Лишь пыль летела след.
Я песню пел о том,
Что конь мой был крылатым,
Когда скакал когда-то
На палочке верхом...

Казалось и потом:
На скакуне горячем
Куда-то наудачу
Лечу я напролом,
А трясясь я на кляче,
На палочке верхом.

(Перевод Н. Гребнева)

Так возникает третье измерение сборника Мухаммада Али — мир. Многогранный поэтический мир автора. Мухаммад Али умеет работать постимпрессионистской кистью — в этом можно убедиться, знакомясь с «точной живописью» стихотворений. Он же — мастер эпического повествования, владеющий плотным реалистическим мазком (поэма «Машраб»). Наконец, Мухаммад Али — не просто художник, но и интеллектуал, конструирующий особую планету нравственных конфликтов: афористическую поэзию.

Многие мотивы стихотворений этого ряда навеяны фольклором, иногда мы имеем дело со стихотворной «экранизацией» пословицы или поговорки.

Своих достоинств не хвали, пиит,
Не трать речей похвальных даром:
Кто мускус продает, тот не кричит,
Каким торгует он товаром.
(Перевод Н. Гребнева)

И, тем не менее, личный поэтический почерк Мухаммада Али заметен здесь столь же ясно, как и в его нефольклорных стихах, в его утонченной любовной лирике, в притчах «Предание» и «Странник», в гражданской поэзии, обращенной к теме патриотизма, братства народов, населяющих наш маленький «глобус», к теме преодоления войны.

Да, миги Мухаммада Али столь значительны, что слагают подлинный поэтический мир.

Как и всякий мир, этот мир не свободен от противоречий. Многие стихотворения сборника перегружены риторикой («Струны», «Ни с чем не сравнится твоя красота...», «Я слушаю Ташкент»). В некоторых случаях поэту отказывает вкус, и тогда мы дивимся вдруг холодному, надуманному образу, как, например, в стихотворении «Кукла». Там «непреходящая» улыбка куклы рассматривается как некое положительное свойство, достойное подражания («Если бы и люди так могли»). Вот уж у кого людям нечего брать, так это у кукол!

Но миги огорчений при чтении сборника малы, они растворяются в минутах радости от знакомства с интересным, думающим человеком — поэтом Мухаммадом Али.

А. ВУЛИС.

Кибрия Каххарова

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА РЯДОМ С КАХХАРОМ

Нет, наверное, ничего труднее, чем писать о самом близком человеке — наставнике, друге, спутнике жизни. Но еще в сто раз труднее, если человек этот — всенародно признанный писатель, подлинный мастер слова, внесший весомый вклад в сокровищницу многонациональной советской литературы. Трудно потому, что буквально на каждом шагу приходится сдерживать себя, ибо, рассказывая о самых прекрасных и незабываемых мгновениях, невольно ловишь себя на том, что как бы выставляешь себя соучастницей того, что сделано твоим наставником, приобщаешься к его славе. Но тут, по-видимому, ничего не поделаешь: жизнь быстротечна, и — хотим мы того или нет — остается после нас только то, что мы успеваем запечатлеть на бумаге.

После смерти Абдуллы Каххара я была почти уверена, что жить мне осталось недолго. Четверть века — немалый срок в человеческой жизни. И если они прожиты душа в душу, на одном дыхании с любимым человеком, то с утратой его неизбежно утрачивается и интерес к жизни. И если я живу до сих пор, то только благодаря любви моего народа, поддержке близких мне людей и светлым воспоминаниям об Абдулле Каххаре — Писателе и Человеке. И еще, наверное, благодаря убежденности в том, что никто лучше меня не сможет рассказать людям об этих навечно сохранившихся в сердце воспоминаниях, и уже ради одного этого стоит жить на земле.

Прошло почти двадцать лет с того дня, как не стало Абдуллы Каххара, но его светлый образ, память о прожитых вместе годах ни на секунду не расстаются со мной.

Порою ни с того ни с сего тоскливо сжимается сердце, и я не нахожу себе места. Тогда я сажусь за стол моего наставника и погружаюсь в воспоминания. Они обступают меня со всех сторон, близкие — протяни руку и коснешься, отчетливые и словно пронизанные светом волнующие страницы былого... Невольно останавливаю взгляд на каляме.¹ Калям мастера. Обыкновенный калям, который становился в его руке поистине волшебным и на чистом листе бумаги выстраивал в строчки драгоценные жемчужины слов, привычно, изо дня в день, творил чудо. А теперь? Что предстоит ему теперь? Писать воспоминания о своем хозяине? Сможет ли? Нет, никогда! Уже сама мысль о том, что я буду писать калямом Абдуллы Каххара, кажется мне кощунством, повергает в трепет. Калям подавляет меня своим величием. Чтобы им писать, нужна могучая рука мастера, его мужество. Его мастерство. Возьму другой калям. Попробую.

1

Июль 1944 года. Мы (я в военной форме с лейтенантскими погонами) с глазным врачом Мухтарамой Хамидовой (теперь она профессор) пришли в театр имени Хамзы на комедию Уйгуна «Рискованная шутка». После окончания спектакля поэт Уткур Рашид представил нас человеку с седыми висками, красиво оттеняющими изящное выразительное лицо, на котором как-то по-особенному выделялись горящие огнем глаза.

¹ Калям (узб.) — ручка, карандаш.

— Познакомьтесь. Это наш знаменитый писатель Абдулла Каххар. Он собирает материал для книги о девушках на военной службе...

Впервые я видела этого человека весной 1939 года. В то время я работала заведующей отделом художественной и детской литературы Таджикского государственного издательства в Сталинабаде. В Таджикистане создавалось специальное издательство литературы для детей и юношества, и я приехала в Ташкент поучиться опыту. Издательство размещалось на Ленинградской улице, против теперешнего магазина «Гуль-нара», в большом общем дворе. Слева от ворот была комната директора, в комнатах справа работали сотрудники издательства. Поэтесса Зульфия возглавляла один из отделов. Но все это мне стало известно позже, а тогда я спросила первого встретившегося мне во дворе юношу с едва пробивающимися усиками, где мне найти директора.

— Маруфджан,— представился юноша.— Я братишка Камиля Яшена.— И проводил меня до самых дверей. Из кабинета навстречу нам вышли мужчина с чуть раскосыми глазами и стройный молодой человек с едва тронутыми сединами висками. Они приветливо поздоровались.

— Познакомьтесь: это наш любимый писатель Абдулла-ака, а это — Адыл Рихми,— представил Маруфджан.

В те годы я была знакома с узбекской литературой лишь по «Минувшим дням» и «Скорпиону из алтаря» Абдуллы Кадыри и потому не поняла толком, о каком Абдулла-ака идет речь. И если бы теперь Уткур Рашид не представил нас друг другу, я бы, возможно, его не узнала: за эти годы Абдулла Каххар сильно изменился и поседел.

Жили мы с Мухтарамой в разных концах города, попрощались тут же, в фойе театра, и с Абдуллой Каххаром вышли на улицу. На трамвайной остановке было полно народу.

— Где вы живете?— спросил Абдулла Каххар.

Я ответила, что квартируюсь недалеко от редакции газеты «Фрунзевец» у старушки родом из Самарканда.

— Недалеко. Пройдемся пешком,— предложил он.

Завязалась беседа об узбекской литературе. Я недостаточно хорошо знала произведения узбекских писателей и чувствовала себя скованно. Попутчик понял это и переключил тему.

— Где вы служите?

— В редакции «Фрунзевца». Военным переводчиком.

Абдулла Каххар спросил, где я училась, откуда я родом. Я рассказала о своих родителях, живших в Самарканде, о сестрах, которые учились в вузах Сталинабада. Потом мы долго говорили о поэзии.

— Я должен непременно написать о вас,— сказал он.— Если не возражаете, встретимся завтра же.

Я согласилась и показала дом, где снимала квартиру. Естественно было ожидать, что он станет расспрашивать и делать записки, но вместо этого он пришел на следующий день со старинной книгой в потертom переплете.

— Ходжа Хафиз,— сообщил он, испытующе глядя на меня.— Конечно же, вы его читали.

— Разумеется,— я не знала, обижаться мне или радоваться.— Но вы, по-моему, хотели...

— Успеется,— улыбнулся он.— Давайте почитаем Хафиза.

Позже я поняла: это было нечто вроде экзамена — насколько я разбираюсь в восточной поэзии и знаю фарси. Кажется, я успешно сдала экзамен. И газель Хафиза, которую я перевела прямо с оригинала, окончательно определила отношение Абдуллы Каххара к его новой знакомой.

В следующий раз он пришел с «Бахористаном» Абдурахмана Джами. Сам Абдулла Каххар понимал таджикский, но не настолько, чтобы читать поэзию в подлиннике. Поэтому я вначале читала стихи по-таджикски, потом дословно переводила их на узбекский и уже затем снова произносила их на таджикском.

Особенно пришло ему по душе притча Джами о слепом и глупце, и он тут же записал ее с моих слов. Вот эта притча:

«Темной ночью по улице шел слепой с фонарем в одной руке и глиняным кувшином в другой. Повстречался ему глупец и спросил со смехом:

— Эй, ты, бестолковый, какая тебе разница — ночь на дворе или день? Для чего ты несешь фонарь?

— Фонарь нужен мне для того,— ответил слепой,— чтобы глупец вроде тебя не наткнулся на меня в темноте и не разбил мой кувшин».

Я уже решила, что Абдулла Каххар забыл о своем намерении, но однажды он сам вернулся к этой теме.

— Помните, мы с вами говорили о книге?

— О какой книге?— Я сделала вид, что не понимаю его.

— Книге о вас. Так вот, расскажите мне свою биографию. Или напишите. Что вас больше устраивает?

Написать меня устраивало больше.

— И не скупитесь на бумагу,— добавил он.— Чем больше получится, тем лучше. Через несколько дней я вручила ему десять листов, заполненных убористым почерком.

II

«Я родилась в 1914 году, когда моему отцу исполнилось пятьдесят шесть лет. Лутфулламахмуд — так звали отца — был образованным, прогрессивным для своего времени человеком и заботился о том, чтобы дать образование своим детям. Вначале он обучал меня сам, а позднее отдал в старометодную женскую школу при нашем гузаре². В этой школе не было деления на классы. Все ученицы занимались в одной комнате, устланной циновками. Учиться письму для девочек было необязательно. Считалось, что, овладев письмом, она получит возможность переписываться с юношами. Поэтому в женской школе обучали в основном чтению. Читать полагалось во весь голос, ученицы читали одновременно, не обращая друг на друга внимания, и школа гудела, словно гнездо растревоженных шершней. Отин ойи — учительница — большей частью была занята своими делами, а уроки в основном вела халифа — говоря нынешним языком — староста, и она же наказывала озорниц, нарушающих дисциплину.

Занятия продолжались от силы два-три часа в день, а остальное время ученицы помогали отин ойи управляться с домашними делами. По-видимому, она была состоятельной женщиной. Во всяком случае, у нее был огромный яблоневый сад, и после обеда мы собирали яблоки, нарезали их дольками и раскладывали на просушку. Входили в наши обязанности также прополка огорода и уборка усадьбы. Заниматься домашним хозяйством отин ойи не любила и заставляла нас стирать белье, топить тандыр, месить тесто и печь лепешки.

В школе действовала изощренная система поборов и приношений, начиная от различных кушаний, которыми родители ученика должны были угощать отин ойи, и до комплектов одежды учительнице и ее супругу. На определенной ступени обучения ученицы ходили по дворам жителей гузара и собирали пожертвования опять-таки в пользу отин ойи.

При таких порядках школа, разумеется, не давала, да и не могла дать, ученицам надлежащее образование. Отец это понимал и каждый вечер экзаменовал меня дома, ругая отин ойи и заставляя меня переучивать все заново.

В 1930 году в нашем квартале открылись курсы ликбеза, и по совету отца я записалась в число их слушателей. Проверив мои знания, учитель в первый же день отвел меня в общеобразовательную школу. Директор школы, преподаватели математики и литературы устроили мне экзамен и зачислили на шестимесячные курсы по подготовке учителей. Я кончила курсы за два месяца и стала работать учительницей.

Прошло два года. Как-то во время летних каникул я зашла в магазин «Таджик-книга». Директором магазина был худощавый высокий мужчина средних лет в чустской тюбетейке. Впоследствии сын этого человека — Гани Абдулла — стал известным таджикским драматургом. Убедившись, что я свободно читаю по-арабски, директор предложил мне пойти на работу в издательство.

— Понимаете, дочка, такие, как вы, образованные молодые люди нужны там позарез. Хотите, я прямо сейчас провожу вас к главному редактору?

Я, не раздумывая, ответила согласием.

Абдулладжан-ака привел меня в филиал Таджикского государственного издательства, который размещался тогда неподалеку от Гур Эмира. Филиал представлял собой очень длинную комнату. В одном ее конце стоял стол директора, в другом — главного редактора, а посередине помещались остальные издательские работники: переводчик, редактор, машинистка, корректоры.

Главным редактором филиала работал Садриддин Айни. Он дал мне прочесть рукопись и, убедившись, что я бегло читаю по-арабски, сказал, что зачисляет меня на должность машинистки. Женщин, владеющих арабской грамотой, в те годы было немного, и потому «машинистами» — именно так их и называли — работали преимущественно мужчины. В филиале Таджикгосиздата их было двое: пожилой седобородый человек по фамилии Икроми и (впоследствии известный таджикский переводчик) Хабиб Ахрори. Вместе с ними я занималась тем, что перепечатывала рукописи, написанные арабским письмом.

² Гузар — квартал.

Работа в издательстве под началом такого наставника, как Айни, стала для меня большой школой. Он был очень требовательным редактором. Если, читая оригинальную или переводную рукопись, он встречал слово либо фразу, неточно употребленные автором или переводчиком, он на отдельной бумажке подробно разъяснял смысл и происхождение слова и почему оно не может быть употреблено в данном конкретном случае и подклеивал бумажку к рукописи.

В 1934 году в связи с созданием в Сталинабаде собственной полиграфической базы необходимость в Самаркандском филиале издательства отпала и он был закрыт. По приглашению издательства я переехала на постоянное местожительство в Таджикистан. Вскоре меня назначили литературным редактором, а затем поручили заведовать отделом художественной и детской литературы.

Работа в издательстве требовала больших теоретических общеобразовательных и специальных знаний. На первых порах я этого не замечала, но потом убеждалась все чаще и чаще. В 1940 году я подала заявление и поступила на востоковедческий факультет Ленинградского государственного университета. Одновременно на общественных началах я работала редактором в филиале Таджикгосиздата на Невском проспекте.

В Ленинграде и застало меня 22 июня 1941 года. В ту же ночь всех студентов вызвали в военкомат, и до утра мы доставляли по адресам повестки. Вскоре студентов призвали в ряды Красной Армии. Для девушек в здании университета открылись краткосрочные курсы медицинских сестер.

В конце июля издательство направило меня в Таджикистан с несколькими наиболее ценными рукописями. Выполнив поручение издательства, я обратилась в военкомат с заявлением об отправке меня в армию, однако получила отказ. Некоторое время я работала в издательстве, потом главным редактором республиканского радиокomite-та, заместителем секретаря ЦК ЛКСМ Таджикистана по пропаганде и агитации.

В июле 1943 года я снова подала заявление в военкомат. Опять отказ. Тогда я пошла в ЦК КП (б) Таджикистана и на этот раз добилась своего. Военкомат направил меня в распоряжение Среднеазиатского военного округа.

В Ташкенте меня ждало разочарование. Правда, мне присвоили звание лейтенанта, но, учитывая мою специальность, направили не на фронт, куда я рвалась, а в редакцию газеты «Фрунзевец» в качестве военного переводчика. В те годы газета «Фрунзевец» выходила на языках народов республик Средней Азии. Освоившись с новой работой и наладив свои редакционные дела, я как-то зашла в радиокomiteет. Председателем комитета работал в те годы Иззат Атаханович Султанов. Он принял меня и внимательно выслушал. Цель моего визита заключалась в следующем. Почему Узбекское радио не организует передач на таджикском языке? Что нужно, чтобы наладить такие передачи?

— Самая малость,— усмехнулся Иззат Атаханович.— Редактор, переводчик, диктор, машинистка и так далее. Словом, штат новой редакции.

Я изъявила готовность помочь в этом. Так при Узбекском радио родилась редакция вещания на таджикском языке. Редакция, в которой на первых порах функции переводчика, редактора, диктора и машинистки исполняла одна сотрудница. Редакция находилась на ташкентской Красной площади, радиокomiteет и студия — на сквере Революции, а я, как челнок на ткацком станке, сную туда и обратно.

Вот вся моя краткая биография».

Абдулла Каххар ознакомился с моими записками и... ничего не сказал. «Молчит — значит, что-то его в моей биографии не устраивает. Наверное, ожидал прочесть что-то героическое о девушке-лейтенанте, а оказалось — биография самая обычная», — решила я с обидой и ни о чем не стала спрашивать. И хорошо, что не спросила. Не раз потом была у меня возможность убедиться, что он очень внимательно изучил мою биографию. Как бы между прочим в разговорах он спрашивал о деталях моего детства, о родителях, о Садриддине Айни, о жизни в предблокадном Ленинграде. О том, будет он писать книгу или нет, больше не упоминалось. И спустя годы, когда я была уже уверена, что он давным-давно забыл об этой идее, Абдулла Каххар вдруг снова вернулся к прошлому и начал работать над «Сказками о былом».

Не могу сказать, думал ли он об этой книге уже тогда, в дни наших первых встреч, но если судить по тому, что память его в течение двадцати лет хранила мельчайшие подробности моего рассказа, замысел «Сказок о былом» вполне вероятно зародился уже тогда.

Однажды в воскресенье Абдулла Каххар пригласил меня к себе в гости. Жил он на улице Жуковского, на том месте, где стоит теперь магазин «Медицина». Квартира состояла из двух комнат с высокими потолками. Всю обстановку большой комнаты составляли допотопный шкаф для одежды и не уступающий ему в возрасте книжный шкаф. В маленькой комнате стояли железная кровать и неуклюжий письменный стол. Этот стол и книжный шкаф достались Абдулле Каххару «по наследству» от Садвин-

треста, занимавшего раньше это помещение и при переезде оставившего старую мебель, видимо, за ненадобностью. Шкаф стоял слева от входа, за ним в углу находился умывальник с тазом и чуть дальше — маленький круглый столик.

К моему приходу Абдулла Каххар, приложив все старание, приготовил плов. Моркови в доме не оказалось, идти за ней на рынок он поленился и вместо моркови использовал... свеклу.

— Извините меня,— сказал он, краснея. — Обычно ферганцы большие мастера по части плова. Но у меня в таких делах сноровки нет: скитался, в детских домах рос, а там готовить не приходилось.

Я едва притронулась к плову, но он поел с аппетитом.

...Исполнилось ему тогда тридцать шесть, и роман «Мираж» уже числился в его писательском активе, но был он застенчив и молчалив, как мальчишка из «Сказок о былом», которым суждено было появиться из-под его пера лишь двадцать лет спустя. Мы встречались без малого год, и ни разу за все это время он ни словом не обмолвился о том, что носил в сердце. Темы наших разговоров касались преимущественно литературы и всего, что с ней связано, и почти никогда — личности беседующих. Абдулла Каххар знал обо мне то, что я изложила в биографии, и то, о чем с присущей ему деликатностью он меня спрашивал. Я — только то, что он считал нужным о себе рассказать. Потом у меня началась «запарка», дел в редакции «Фрунзевец» и на радио было невпроворот, я вертелась, как белка в колесе, и мы стали встречаться не чаще одного-двух раз в месяц. Кончилось все это страшными головными болями, и я вынуждена была взять отпуск, чтобы отдохнуть и хоть немного прийти в себя. Накануне отъезда зашла попрощаться. Он, как мне показалось, равнодушно отнесся к моему предстоящему отъезду и сдержанно попрощался. Даже провожать не пошел. У меня в глазах потемнело от обиды. Опомнилась уже на улице Гоголя, возле здания нынешнего Президиума Академии наук: позади слышались чьи-то торопливые шаги. Оглянулась — Абдулла Каххар. Подошел, взял за руку.

— Остаться никак нельзя?

— Как?— спрашиваю. — Я уже и с квартиры съехала.

— Квартиру найдем. У меня друг есть, Сайфи. У него снять комнату можно. Вернулись.

— Сядьте,— сказал он. — Я хочу вам кое-что сказать. Очень важное. О себе. Устроит вас то, что сейчас услышите,— идем в ЗАГС.

Но, во-первых, должен вам сообщить — у меня так много грехов, что если стану их описывать, то и бумага покраснеет.

Этому я даже при желании не могла поверить. Ни до, ни после не встречался мне человек более чистый, стыдливый, застенчивый, чем Абдулла Каххар. Он просто испытывал меня. И еще, вероятно, сказывалась привычка мыслить образами, гиперболами.

— Во-вторых,— продолжал он,— давайте договоримся раз и навсегда: никогда и ни в чем не обманывать друг друга. При любых обстоятельствах, чего бы это ни стоило, мы должны говорить только правду. Запомните: можно простить случайный проступок. Но нельзя простить человека, который сознательно говорит неправду. Да это и бессмысленно. Правда запоминается на всю жизнь. Ложь легко забывается. Солгавший со временем забудет свои слова и в конце концов проговорится, скажет правду и навсегда потеряет доверие. Кто может поручиться, что человек, солгавший один раз, не солжет еще и еще? Никто!

И еще: между супругами должна быть своеобразная грань, за ее черту никогда не следует переступать. Переступи — и пиши пропало: семейная жизнь даст трещину. Это — как впервые поднять руку на собственного ребенка. Вначале трудно, но стоит сделать это один раз, и потом рука будет подниматься уже сама собой. То же и в семье. Один раз перейти «на ты», «крупно поговорить» — и все. Следующий шаг — потасовка.

Выслушав Абдулла Каххара, я решила, что и мне следует предъявить свои требования, а поскольку не была к этому готова, то не нашла ничего лучшего, как поинтересоваться, как быть с теми, кто навещает Абдулла Каххара поздно вечером и засиживается до полуночи. Дело в том, что несколько раз он при мне демонстративно поглядывал на часы и, обронив многозначительное: «Ого, пора, в одиннадцать ко мне обещали прийти», — удалялся, а потом, как бы невзначай, упоминал в разговоре, что накануне «заболтались до часу ночи».

— Так что будем делать с вашими ночными визитерами?— настаивала я.

— Видите ли,— невозмутимо усмехнулся Абдулла Каххар,— родители ваши далеко, на вас шинель с погонами, ну кто может мне сказать, что вы за человек? Обжегший губы на простоквашу дует. Вот я и решил вас испытать. В старину люди на коране клялись. Хотите, я на вас поклянусь, что с тех пор, как с вами знаком, ни о какой другой женщине даже не думал.

После этой исповеди, 12 апреля 1945 года, за двадцать семь дней до Победы, накануне дня моего рождения, мы отправились в ЗАГС. Вернувшись домой, Абдулла Каххар произнес фразу, которая запомнилась на всю жизнь.

— Ребенок может быть неродным,— сказал он. — Но жена — никогда не бывает неродной женой. У меня такое ощущение, словно я только-только появился на свет, открыл глаза и увидел вас.

III

Наша семейная жизнь началась с авральных работ. Примерно неделя ушла на то, чтобы привести квартиру в относительный порядок, прибраться, навести чистоту. Мы освободили пристройку, которая использовалась под дровяной сарай, сложили дрова во дворе, отремонтировали строение и решили сделать здесь кухню. Разыскали печника, обзавелись плитой, застеклили окна, повесили на них марлевые занавески.

— Что значит присутствие женщины! — глубокомысленно изрек Абдулла Каххар. — Всего какая-то неделя — и заброшенное обиталище превратилось в жилой дом.

Первым нашим семейным приобретением стал старенький велосипед, купленный на Тезиковском рынке. На велосипеде Абдулла Каххар ездил в издательства и Союз писателей. Иногда мы брали велосипед с собой на базар и, нагрузив его покупками, пешком возвращались домой, шагая по обе стороны нашего транспортного средства.

После нашей женитьбы Абдулла Каххар большую часть времени проводил дома. Однажды, затеяв генеральную уборку, я предложила ему пойти прогуляться.

— Что-что, а план по прогулкам я давно перевыполнил,— улыбнулся он. — И вообще, знаете, когда мужчину тянет на улицу? Когда он не находит дома то, что ему нужно!

Проводив меня на работу, он садился к письменному столу и, как правило, трудился за ним до моего прихода. В те дни он работал над романом «Огни Кошчинара». Помнится, тогда же он несколько раз ездил в янгиюльский колхоз «Ленинизм», которым руководил Герой Социалистического Труда Абдулла Артыков. В результате этих поездок на свет появился рассказ о пяти самоотверженных старушках.

Примерно в это же время театр имени Хамзы поставил пьесу Тренева «Матросы флота» в переводе Абдуллы Каххара. После премьеры он пришел домой слегка навеселе. До того я никогда не видела, чтобы он употреблял спиртное. Разумеется, мне это не понравилось, и он заметил мое недовольство. Ни слова не было произнесено. Но с тех пор в моем присутствии Абдулла Каххар ни разу не притронулся к рюмке. Неподалеку от нашего дома в магазине постоянно продавали пиво. Как-то летом я предложила:

— Хотите, пива принесу?

— Пусть пьют те, кто поругался с женой! — рассмеялся Абдулла Каххар.

Он был человеком высокой культуры, тонким и как-то трогательно, по-старомодному деликатным. Не помню, например, случая, когда он не то чтобы повысил голос, а просто громко окликнул меня по имени. После землетрясения 1966 года украинские писатели пригласили группу своих коллег из Ташкента отдохнуть в Доме творчества в Одессе. Среди приглашенных был и Абдулла Каххар. Наши земляки каждый день отправлялись купаться в море. Абдулла Каххар, чтобы не смущать меня, к морю не ходил. За годы супружеской жизни не могу припомнить ни одного случая, чтобы он переоделся в моем присутствии. Тогда я не придавала этому особого значения. И только теперь, десятилетия спустя, начинаю сознавать и разделять отношение моего супруга к вопросам восточного этикета. Это и есть та самая грань, о которой он говорил накануне нашей женитьбы, и как же обидно, что не знают о существовании такой грани многие современные супружеские пары.

Жизнь — не асфальтированное шоссе. Встречаются в ней и рытвины и ухабы. Наверное, это в порядке вещей. И когда при мне хвастают идеально-безмятежной идиллией, я не верю. Жизнь есть жизнь. И недомолвки в ней случаются, и недоразумения, и ссоры. Случалось такое и у нас. В таких ситуациях Абдулла Каххар не спешил седлать «коня гнева», а наоборот, — бережно подбирал слова и выражения, чтобы не задеть мою гордость и самолюбие, спокойно и безобидно ставил все на свои места.

Не помню уже, на какой почве произошла у нас однажды размолвка. Я обиделась и заявила, что ухожу из дома.

— Э, да вы взгляните на меня, высосали весь сок, словно с хусайни³, а когда осталась одна кожа, хотите сплюнуть и уйти, — сказал он, улыбаясь. Я чуть не рассмеялась и вошла в дом.

³ Хусайни — дамский пальчик. Сорт винограда.

Как-то раз пришли к нам по делу директор издательства Шариф Талибов и Абдулла Уразаев. Тогда я еще не знала черты характера своего супруга, которую сам он шуточно называл «рашшок», скорый на ревность, и на равных вмешался в беседу. Когда гости ушли, Абдулла Каххар улыбнулся:

— Я взял жену оптом, то есть всю ее. И шутки, и остроты, и смех... все ее мое.

Скажи он это в другой форме, резче, грубее — я бы наверняка обиделась, а тут... С тех пор я больше никогда не совала нос в мужские разговоры. Разумеется, гости у нас в доме не делились на мужские и женские компании по старой восточной традиции, но когда мужчины начинали говорить о своих делах, женщины старались не вмешиваться и вели беседы на свои темы.

С первых дней супружеской жизни у нас сложились близкие отношения с семьей Маруфа Хакима. Однажды Маруфджан обронил в шутку:

— Абдулла-ака, Кибрия день и ночь с вами, ни на шаг не отходит, а вы ее еще и ревнуете.

— Видите ли, — с обычной улыбкой ответил Абдулла Каххар, — у петуха под началом десять хохлаток, но стоит чужому петуху сунуться в его владения, быть драке. Не успокоится, пока чужака не прогонит. Ну а в моем распоряжении всего одна жена.

Мы и в самом деле почти все время бывали вместе. И когда я работала в радиокомитете, и когда была сотрудницей журнала «Саодат», супруг обязательно провожал меня до самой работы, а вечером — встречал, и мы вместе возвращались домой. Лишь однажды я заставила его ждать меня несколько часов и поплатилась за это.

Абдулла Каххар любил свежие лепешки. Своего тандыра у нас тогда не было, и я отправилась печь лепешки к своей подруге. Замесила тесто, но — то ли дрожжи попались старые, то ли прохладно было (стояла зима) — тесто долго не подходило. К тому времени, когда я вынула из тандыра последнюю лепешку, было шесть часов и уже стемнело.

Он ждал меня на улице. Ждал, судя по всему, давно.

— Вернулись? Ну вот и прекрасно. А теперь я пошел.

И он ушел, оставив меня одну, чего никогда прежде себе не позволял. Одинадцать часов, а его все нет. Двенадцать. Час... Чего я только не передумала в эту ночь в смятении и тревоге! Наступило утро. Я окончательно растерялась, не знала, что делать. Часов в двенадцать решила, наконец, и пошла домой к Гафуру Гулям. «Абдулладжан к вам случайно не заходил?» «Был утром, — ответил Гафур Гулям. — Посидел немного и куда-то ушел».

Жив... Отлегло немного от сердца. Возвратилась домой. Вечером, точно в то же самое время, когда накануне вернулась я, он переступил порог и, улыбаясь, спросил: «Ну как, хорошо ждать?»

Весной сорок седьмого года мы перебрались жить в Дом творчества Союза писателей в Дурмени. Нынешних строений тогда не существовало и в помине. Небольшой дом с мезонином и пристроенный к нему коридор с двумя рядами комнат.

Мы поселились в мезонине. Над арыком поставили что-то вроде шалаша, смастерили очаг. Здесь мы проводили целый день. Работали, готовили пищу, кушали. В мезонин поднимались только ночевать. Время от времени поездом отправлялись в город, навещали квартиру, потом шли на базар, делали покупки и поездом же возвращались обратно в Дурмень. Других транспортных средств не было.

С переездом в Дом творчества мне пришлось уволиться с работы. «Нет худа без добра, — рассудил Абдулла Каххар. — Попробуйте». И дал мне рукопись «Огней Кошчинара». Рукопись была написана арабским алфавитом.

Узбекским языком я тогда владела недостаточно хорошо, и на первых порах приходилось трудновато. Зато процесс переписки романа помог мне освоить язык настолько, что уже некоторое время спустя я перевела на узбекский повести Авдеева «В одном населенном пункте» и Галина «Гурты на дорогах».

— Неплохо, совсем неплохо, — отозвался о переводах Абдулла Каххар. — Теперь, пожалуй, можно и за что-нибудь покрепче взяться.

И тогда я перевела с таджикского «Старую школу» Садрриддина Айни.

Еще в двадцатых годах Абдулла Каххар перевел на узбекский язык роман Серафимовича «Железный поток». Узгосиздат решил осуществить переиздание перевода и обратился к его автору за официальным разрешением. «В те годы я владел русским языком кое-как, — ответил Абдулла Каххар, — поэтому от переиздания старого перевода отказываюсь». Тогда издательство предложило мне перевести роман заново. Я согласилась и попросила супруга дать мне старый вариант перевода, но он наотрез отказал: «Это все равно, что глотать разжеванную пищу. Так из вас переводчик не выйдет. Сделайте, что в ваших силах, а где не получится — напишите по-таджикски. Потом вдвоем посмотрим».

Роль и заслуга Абдуллы Каххара в моем формировании как переводчицы сравнима разве что с ролью матери, которая ставит свое дитя на ноги и учит его ходить. Не

будь этого, я бы наверняка не отважилась взяться за перевод эпопеи Льва Николаевича Толстого «Война и мир».

«Раскладка сил» во время работы над переводом была такая: свое участие в переводе первого тома «Войны и мира» я считаю минимальным. Над вторым мы работали вместе: я переводила по оригиналу, а Абдулла Каххар читал и переписывал. Текст перевода третьего тома он уже только редактировал. Причем делалось это следующим образом: то, что я успевала перевести за день, он редактировал ночью. Переводить вместе четвертый том нам было уже не суждено...

Выше я упомянула, что работа над перепиской «Огней Кошчинара» помогла мне лучше освоить узбекский язык. Дело в том, что дома мы с мужем разговаривали преимущественно по-таджикски. Так было условлено сразу, и условие это исходило от Абдуллы Каххара.

— Давайте говорить между собой по-таджикски, — предложил он. — Я должен изучать этот язык. Только, чур, не смеяться над ошибками.

Поначалу это смахивало на игру. Но со временем Абдулла Каххар втянулся в нее и настолько овладел таджикским, что даже в присутствии гостей стал обращаться ко мне на моем родном языке.

Как-то, рассердившись, он обронил такую фразу:

— Ну что вы еще от меня хотите? Ношу вас, как наскавак⁴, оставив родной язык, говорю на языке жены.

Полгода потребовалось ему, чтобы в совершенстве овладеть языком, и когда Таджикгосиздат готовил к выпуску его рассказы в моем переводе, он собственноручно их редактировал.

Был Абдулла Каххар требовательным к языку невероятно, и здесь скидок не делалось никому, даже самым близким для него людям. Ну и, понятно, прежде всего он спрашивал с самого себя. Некоторое представление о его отношении к слову можно составить хотя бы по следующим выдержкам из его статьи «Поэзия — высокое искусство»:

«Стихи — экстракт мысли и в этом плане — великая мудрость. Но они же и музыка, находящая дорогу к сердцу и пробуждающая в нем ответное эхо.

Стихи — это вздох влюбленного, слезы страждущего, заразительный смех счастья и радости.

Стихи — зеркало души, отражают то, что в ней есть.

Стихи — невинный младенец, не знающий притворства. Где есть двуличие, там нет стихов.

Стихи — волшебство. Не каждому дано постичь его и обуздать. Разума, настойчивости и труда для этого явно недостаточно. Нужно еще что-то.

Поэзия — высокое искусство.

Наверное, в порядке вещей, когда юнец на пороге совершеннолетия вдруг ни с того ни с сего пытается выражать свои чувства стихами; мать, убаюкивая ребенка, напевает ему стихи; трагическая поэзия звучит в ее плаче над гробом; влюбленные, открывая друг другу сердца, не обходятся без стихов».

Это статья. А вот отрывок из очерка «Слово Ганишеру»:

«Не тяни меня за язык, птенчик! Говорил я тебе, что осенью под столом окажешься? То-то! Тебе до взрослого петуха еще четырнадцать процентов не хватает. А погода смотри какая — того и гляди дожди польют. Что тогда? Четырнадцать процентов хлопка на согревающие компрессы пустишь? Переходи-ка с будущего года в мою бригаду. На худой конец, к старому кетменю из тебя рукоять сделаю!»

Каждое слово в фразах Абдуллы Каххара стоит на своем месте. Не сдвинуть, не переместить. Они словно на нитку нанизаны. Само собой разумеется, это результат долгого кропотливого труда.

Где бы ни выступал он с трибуны, в основе его выступления всегда были проблемы языка. Вот выдержки из его выступления перед студентами иняза:

«Я часто и с большим удовольствием встречаюсь со студентами. Вы съехались сюда из разных концов республики. После окончания института вы станете обучать школьников английскому, немецкому, французскому, испанскому языкам. Но куда бы вас ни направили на работу, наряду со знаниями иностранных языков прививайте учащимся огромную любовь к своему родному узбекскому языку. Раскрывайте перед ними его неисчерпаемое богатство, необыкновенную красоту, его поистине безграничные выразительные возможности. Где и в каких условиях ни придется вам работать — будьте страстными пропагандистами, маяками культуры нашего языка.

Говорю вам все это не для того, чтобы дать отпор попыткам посягнуть на богатство

---

⁴ Наскавак — тыква-горлянка, в которой хранят нас (особый табак). Обычно наскавак всегда носят на поясе.

нашего языка, осквернить его красоту, подвергнуть его «редактуре». Проблема гораздо глубже и шире, она, если хотите, имеет государственное, социально-политическое значение.

Несколько лет назад во время поездки по Индии мне встретился узбек. Трехлетним ребенком попал этот человек в Индию, но родного языка не утратил.

— Скажите, — спросил он меня, — в Узбекистане есть еще узбекский язык?

Вопрос поначалу озадачил меня: если этот человек, живя на чужбине, не утратил родного языка, то почему узбекский народ в своей национальной республике должен его лишиться? Я ответил: узбекский народ не только сохранил свой язык, на нем миллионными тиражами издаются газеты, журналы, книги, развивается театральное искусство.

Позже я узнал, в чем дело. До провозглашения Индии республикой колонизаторы внушали народу, что большевики представляют собой угрозу национальной культуре, что большевизм губит национальные традиции и обычаи, национальные языки. В том, насколько лживы эти гнусные измышления, легко убедиться на примере нашей бурно развивающейся национальной культуры, литературы и искусства, получивших международное признание.

Практически все выдающиеся исторические личности кроме своего родного языка владели одним, а то и несколькими языками. Навои писал стихи на фарси, Лермонтов сочинял стихи на французском, Абу Али Ибн Сина писал научные трактаты на арабском. Для нас таким языком является русский язык, который содержит все необходимое для дальнейшего развития и совершенствования нашей культуры. Вот почему одновременно с любовью к узбекскому языку вы должны прививать своим ученикам любовь к русскому языку, который мы по праву называем вторым родным.

Вопросы языка были главными и в выступлении Абдуллы Каххара на встрече со студентами Ташкентского государственного педагогического института в 1965 году.

«... В последнее время все больше внимания уделяется вопросам морально-этического воспитания. В печати постоянно публикуются материалы по этим проблемам, что, конечно, вовсе не означает, что молодежь наша портится, что в ее среде увеличивается процент недостойных молодых людей. Дело в том, что даже капля дегтя может, как гласит народная пословица, испортить бочку меда. В семье не без урода, так давайте же поставим дело так, чтобы в нашем обществе моральным уродам не было места. Необходимо создать такие условия, чтобы дурной человек сразу же бросался в глаза, как маслянистое пятно на чистой поверхности воды. Здесь огромная роль принадлежит средствам массовой пропаганды, печати, радио. К сожалению, они не всегда делают это достаточно хорошо.

Недавно мне довелось смотреть спектакль «Белый голубь» в театре имени Хамзы. Автор пьесы взял на свои плечи очень тяжелую ношу: показать, почему порой слаба наша пропаганда. В мужестве ему не откажешь, в гражданственности тоже. Но как драматург он еще молод и неопытен, и это дает о себе знать. Образно говоря, у него порою дрожат колени. Однако уже сам факт, что он поставил перед собой такую благородную цель, не побоялся трудностей, заслуживает одобрения. Автора пьесы зовут Фархад Мусаджанов.

Пьеса меня очень обрадовала, и прежде всего потому, что молодой автор решительно восстает против того, чтобы наша пропаганда велась застывшим казенным языком, справедливо утверждает, что таким языком пропагандистскую работу вести нельзя...»

Абдулла Каххар регулярно слушал ежедневные передачи для работников сельского хозяйства республики и большей частью оставался ими недоволен. На встрече со студентами Ташкентского пединститута, организованной газетой «Тошкент окшоми», он резко критиковал эти передачи, отмечая, что если бы не музыкальное сопровождение, передачи эти никто не стал бы слушать, камня на камне не оставил от некоторых радиочерков. Критика, по-видимому, дошла до руководства Комитета по радиовещанию и телевидению, и Абдулла Каххара вскоре пригласили выступить перед работниками радио и телевидения. Вот фрагменты из его выступления:

«...Язык наш богат и прекрасен. Нет мыслей и чувств, которые бы он не смог выразить. За пятьдесят лет он приобщил наш народ к сокровищам мировой и русской культуры. К сожалению, Узбекское радио предпочитает не говорить с народом на этом богатом, красивом, могучем языке. Есть люди, которые без конца повторяют имеющуюся в их распоряжении пригоршню слов, получая за это зарплату, не желая, а может быть, будучи не в состоянии глубоко изучать родной язык, полное использование его богатейшие возможности. В результате лениности или же скудоумия таких людей, в результате «научных» измышлений полуграмотных «мужей науки» рождается некий суррогат узбекского языка, пользоваться которым в общении, в беседах, в семейных разговорах не отважится ни один нормальный здравомыслящий человек...

«Язык» этот может выдержать и стерпеть только микрофон...

Почему язык нашего радио и телевидения с каждым днем все больше и больше

удаляется от живого народного языка? По какому праву нарушаются сложившиеся веками языковые законы и нормы? Почему нарушителя правил уличного движения останавливает свисток сотрудника ГАИ, а злостных нарушителей правил языка никто не призывает к порядку?

... В последнее время заметно снизился и продолжает снижаться идейно-художественный уровень произведений песенного жанра. Тексты многих транслируемых по радио и телевидению песен не выдерживают критики. Диву даешься, на каких свалках умудряются откапывать эти тексты композиторы, каким образом откровенная халтура может вдохновлять на создание мелодии?

В классической поэзии, в устном народном творчестве, в жизни, наконец, — джигит любит девушкой, восторгается ее красотой, наделяет комплиментами. А в песнях нынешних горе-сочинителей девушки расхваливают сами себя. И некому сказать: «Эй, поэт, инициатива должна исходить от мужчины, даже у соловьев не самки поют, а самцы!»

На собраниях в Союзе писателей молодежь всегда с нетерпением ждала выступлений Абдуллы Каххара, буквально засыпала президиум адресованными ему записками. Некоторые из них сохранились в нашем архиве:

«Уважаемый Абдулла Каххар! Читатели ждут вашего выступления».

«В президиум съезда.

Уважаемый Абдулла Каххар!

Молодые делегаты просят вас непременно выступить на съезде.

Группа студентов университета».

«Уважаемый Абдулла Каххар!

Мы, читатели, с нетерпением ждем вашего выступления по вопросам современного состояния и перспектив развития узбекской литературы».

«Уважаемый Сергей Петрович⁵

Когда выступит Абдулла Каххар? Ждем с нетерпением.

Книголюбы».

А это тезисы выступления Абдуллы Каххара о прозе 1965 года:

«Самым большим достижением нашей литературы за последние годы следует считать то, что вопросы художественного мастерства постоянно находятся в центре внимания.

Художественное мастерство — это не умение найти красивые слова, выражения, занимательную фабулу, смешные или печальные ситуации, это — способность создавать образы, которые донесут до сердца читателя то главное, что хочет сказать автор. Чем важнее, весомее, актуальнее то, что писатель хочет сказать народу, тем сильнее должен быть образ, призванный донести идею автора до сердца читателя. И уж коли мы собрались сюда, чтобы обсудить прозу тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, порадоваться успехам, с огорчением отметить неудачи, обогатить свой опыт, то, наверное, мы лучше всего достигнем своей цели, если обсуждение от начала и до конца будет посвящено образам, созданным нашей литературой в истекшем году.

Будет правильно, если при оценке того или иного произведения мы будем исходить не из того, толстое оно или тонкое, кто его написал и с какой целью, а из того, какие образы ему удалось создать. Только так можно оценивать произведение с позиций большой литературы. Произведения «махаллинского значения» роняют престиж литературы в глазах читателя. Чинопочитание, корысть, зависть, подхалимаж несовместимы с подлинной литературой, им нет места при оценке художественного произведения».

* * *

Одной из характерных особенностей Абдуллы Каххара было то, что он никогда не поднимался на трибуну без предварительной подготовки, не набросав хотя бы тезисы своего выступления. Даже короткий тост на чьих-нибудь торжествах вначале непременно записывался на бумаге. Не припомню случая, чтобы он хоть раз воспользовался этими записями во время выступления. Они нужны были ему для того, чтобы «семь раз отмерить» то, что ему предстояло сказать. Лично я усматриваю в этом прежде всего уважение к аудитории слушателей. И в этом же, наверное, один из секретов неизменного успеха его выступлений.

⁵ Сергей Петрович Бородин. (К. К.)

В 1947 году Союз писателей выделил нам легковую автомашину «Москвич». Вместе мы ходили на занятия в автомотоклуб, изучали материальную часть, под руководством инструктора учились водить машину. Но когда подошло время сдавать экзамены, он передумал: «Пусть пока жена за рулем будет». — И преспокойно устроился на заднем сиденье. Что оставалось делать? Я села за руль, автоинструктор рядом, и мы поехали. Так я стала обладательницей водительских прав на вождение машины и примерно полгода разъезжала на «Москвиче».

В ту пору женщина за рулем была редкостью, и автоинспектора нередко останавливали наш «Москвич», порою, по-моему, просто из любопытства. Абдулле Каххару это надоело, и в один прекрасный день он заявил:

— Нет, ничего из этой затеи не выйдет. Среди бела дня милиционеры останавливают твою машину — «гражданочка, пожалуйста ваши права», отпускают шуточки, а я — сиди и смотри? Довольно, руль должен быть в мужских руках.

Несколько дней практиковался в вождении машины в окрестностях Янгиюля, сдал экзамены и получил права. А я стала «запасным шофером».

Теперь дальние поездки перестали быть для нас проблемой. Весной 1948 года мы перебрались в колхоз «Кзыл Узбекистон» Орджоникидзевогo района. Перебрались не на летний отдых. Абдулла Каххар не относился к числу писателей, которым достаточно было один раз побывать в колхозе, чтобы написать очерк. Абдулла Каххар не брался за перо до тех пор, пока основательно не ознакомился с героем своего будущего произведения.

Поселились мы в домике, который стоял на том месте, где теперь правление колхоза. В одном конце комнаты находилась железная кровать, в другом — электроплитка. Абдулла Каххар подружился с председателем колхоза Абдуджамилом Маткабуловым. Это был представительный мужчина с пышными саблевидными усами. Колхоз уже тогда был крупным многоотраслевым хозяйством, и дел у председателя было невпроворот. Однако он все-таки выкраивал время и возил Абдулла Каххара с собой на фермы, поля, отгонные пастбища.

Абдуджамил-ака знал свое дело и любил его, пользовался уважением колхозников. Позднее в повести «Птичка-невеличка» Абдулла Каххар создал образ Каландарова, наделив его многими чертами Маткабулова.

Однажды мы беседовали с председателем, сидя на сури под раскидистым карагачем. Неподалеку остановилась легковая машина. Из нее вышел плотный, чуть полноватый мужчина в полувоенной форме и сапогах и уверенной походкой направился в нашу сторону.

— Э, да это же Усман-ака! — чуть не в один голос воскликнули Абдулла Каххар и Абдуджамил-ака и поспешили навстречу. Это был первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усман Юсупов. Скромный, немногословный, он как-то не походил на руководителя республиканского ранга, был прост и доступен.

— А ты что тут делаешь? — удивился он, увидев Абдулла Каххара. Супруг объяснил, что хочет поближе познакомиться с жизнью колхоза и потому живет здесь уже третий месяц.

— В Мирзачуль не хочешь поехать? — спросил Усман Юсупов. — Вот где настоящие целинники! Если согласен, я сегодня же в райком позвоню. Тахиров сам тебя встретит.

Абдулла Каххар, не раздумывая, согласился.

В августе 1948 года мы все на том же «Москвиче» выехали в Мирзачуль. Первый секретарь райкома партии встретил нас очень приветливо и в тот же день отправился с нами в колхоз. Контора колхоза помещалась в двух комнатах стоящего на отшибе строения.

Председательствовал здесь высокий худощавый мужчина, приехавший в эти края из Намангана в 1941 году по призыву Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Юлдаша Ахунбабаева на освоение целинных и залежных земель.

Застенчивый по натуре, Абдулла Каххар трудно сходилась с людьми, но председатель колхоза ему понравился, и они подружились. На улицах Мирзачуля толстым, выше школоток, слоem лежала пыль, стоило пройти дождю, и она на неделю превращалась в клейкую непролазную грязь. Абдулла Каххар с председателем большей частью верхом ездили по полям. Иногда они брали с собой и меня. В таких случаях использовался красный председательский «фиат». Время от времени мы навещали бригаду известного андижанского хлопкороба Ганишера Юнусова, приехавшего в Мирзачуль из Бутакаринского района, и подолгу беседовали на его полевом стане.

Писать в условиях, в которых мы жили, было непросто. Небольшой колхозный движок выключался уже к девяти часам, так что волей-неволей Абдулле Каххару приходилось успевать к этому времени зафиксировать в тетради полученные за день впечатления.

Вскоре начались холода. Топить было нечем, и мы отправились в Ташкент. Возвратились с машиной угля, дров и приобретенной на Старогородском базаре тридцатилитровой керосиновой лампой. Абдулла Каххар помудрил над ней, и получилось что-то среднее между лампой и керосинкой. Теперь, когда выключалось электричество, она одновременно и освещала комнату, и обогревала ее. На ней же мы кипятили чай. Разумеется, нам было нелегко, но ни разу за все время нашего пребывания в Мирзачуле я не слышала, чтобы Абдулла Каххар жаловался или выражал недовольство. Целыми днями пешком или верхом на лошади он колесил по полям, а потом надпролет трудился над записями. Именно тогда были написаны им очерки «День ночи в Мирзачуле», «Слово Ганишеру», «Покорим целину, друг».

В ноябре Абдулла Каххар почувствовал недомогание, и нам пришлось вернуться в Ташкент. Здесь его положили в больницу и установили диагноз: сахарный диабет.

Стоило бы особо отметить, что, несмотря на трудности и лишения, поездка в Мирзачуле сыграла огромную формирующую роль в творческой биографии Абдуллы Каххара. Здесь родилась идея и был заложен фундамент комедии «Янги ер» («Шелковое сюзане»). Здесь он познакомился с прототипами Мавляна («Шелковое сюзане»), Эшана («Птичка-невеличка») и многих других героев своих будущих произведений.

Выписавшись из больницы, Абдулла Каххар вплотную засел за комедию и вскоре ее закончил. В закрытом республиканском конкурсе 1949 года «Шелковое сюзане» участвовало за подписью «Мирзачулец» и получило высокую премию. В том же году старейшина узбекской сцены Етим Бабаджанов поставил комедию в театре имени Хамзы.

Затем «Шелковое сюзане» вышло в мартовском номере «Звезды» в переводе Ю. Германа и Б. Реста и было удостоено Государственной премии. Таким образом, Абдулла Каххар стал первым, кто вывел узбекскую драматургию на всесоюзную орбиту. Позднее эта комедия ставилась в союзных республиках, прошла по сценам многих зарубежных театров. В Демократической Республике Вьетнам, например, она не только была поставлена на сцене, но и вышла отдельной книгой.

По данным ВААП, «Шелковое сюзане» ставилось на сценах 74 театров нашей страны в течение нескольких сезонов подряд.

Автор получил множество поздравительных телеграмм и приглашений на премьеру. Скромность и застенчивый характер Абдуллы Каххара сказались и здесь: только две премьеры прошли с его участием — в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола и в театре имени Моссовета. Позднее, возвращаясь через Баку с отдыха из Кисловодска, мы побывали на премьере «Шелковое сюзане» в театре имени Азизбекова.

Лето мы обычно проводили в Доме творчества «Дурмень». Как-то раз в беседе за пиалой чая в тени липы над арыком Абдулла Каххар вскользь обронил:

— С детства надоело таскать взад-вперед курпачи. Думал, теперь не придется, ан нет. Иметь бы свой клочок земли, да лачугу...

Среди гостей были секретарь ЦК КП Узбекистана Ходжиакбар Гулямов и председатель колхоза «Кзыл Узбекистон» Абдуджамил Маткабулов.

— А почему бы вам не построить собственный домик, ну, скажем, вот здесь? — Гулямов указал на небольшой, засеянный клевером участок. — Кто вам что скажет?

— Вообще-то говоря, этот участок колхозный, — пояснил Маткабулов. — Граница по этому арыку проходит. Но если вы надумаете строиться, Абдулла-ака, колхоз только рад будет. И поможем, если это требуется.

Так летом 1953 года мы начали строиться. На два года я превратилась в «прораба». Абдулла Каххар, правда, всюду сопровождал меня. («Когда вас рядом нет, сердце не на месте»), но сам никогда из «Москвича» не выходил, предоставляя мне полную свободу действий по добыванию досок, кирпича, цемента. Порою мне казалось, что нашим строительным мытарствам не будет конца, но конец приходит всему, и через два года мы въехали в свое новое жилье. Теперь Абдулла Каххар мог полностью отдавать себя творчеству: строительные заботы кончились, а садом я занялась сама, без его помощи и участия. Никогда не думала, что смогу стать садоводом, но чего не делает с человеком любовь? И я стала заправским садоводом, научилась ухаживать за саженцами, делать прививки, бороться с садовыми вредителями.

По воскресеньям у нас всегда бывало многолюдно. Приезжали друзья-приятели Абдуллы Каххара: академики Хабиб Абдуллаев, Убай Арипов, Джурахан Саидов, Мухаммаджан Уразбаев, Мирзавали Мухаммаджанов, медики — профессор Самаркандского медицинского института Мамаджан Кулматов, ректор Андижанского медицинского института Юсуфбек Атабеков и другие. Особенно частым гостем был Махаммаджан Уразбаев. Они с Абдуллой Каххаром дружили с детства, воспитывались в одном интернате. Первое время после переезда из Коканда жили в Ташкенте вместе. Но объединяло их еще и другое: Уразбаев, хотя и избрал своей профессией технические науки, страстно любил литературу и всякий раз, прочитав новое произведение, спешил к нам, чтобы обсудить его с Абдуллой Каххаром.

Часто бывали у нас и Гафур Гулям, Айбек, Миртемир, Шейхзаде, Сабир Абдулла и другие.

Такое своеобразное «паломничество» было не случайно: Абдулла Каххар обладал редким даром располагать к себе людей независимо от того, дехканин это или академик. К сердцу человека есть один-единственный ключ — скромность, простота, — и Абдулла Каххар виртуозно владел этим ключом. Потому и «не зарастала» к нашему дому «народная тропа».

V

Еще не улеглись страсти вокруг «Шелкового сюзана», а Абдулла Каххар создал свою следующую комедию — «Больные зубы». Это было в 1953 году, а уже в 1954-м Александр Осипович Гинзбург поставил комедию на сцене Академического театра драмы имени Хамзы. Спектакль шел с неизменным успехом, комедия явно пришлась зрителям по душе.

Работал Абдулла Каххар преимущественно зимой. Летние месяцы служили ему периодом накопления материала: он много ездил по республике, внимательно изучал грандиозные преобразования, происходящие в сельском хозяйстве Узбекистана, встречался и беседовал с героями своих будущих произведений, стремился как можно глубже понять их внутренний мир, источники их трудового энтузиазма.

В 1954 году Абдулла Каххар приступил к созданию повести «Птичка-невеличка». Это означало, что в его рабочих тетрадях накопилось достаточно жизненного материала: фактов, деталей, эпизодов, человеческих характеров, описаний, набросков. Писал Абдулла Каххар очень медленно, подолгу работая над каждой фразой, взвешивая каждое слово, вживаясь в каждый характер, тщательно отшлифовывал каждый эпизод, сюжетный ход.

Во время его работы над повестью, примерно в 1956 году, летом к нам пожаловал в гости один знакомый с молоденькой кокетливой женой, по возрасту годящейся ему в дочери. Забавно было смотреть, как этот тучный, далеко не молодой уже человек из кожи вон лез, красуясь перед своей супругой. Как-то мы на машине повезли их показать город. На обратном пути завернули на базар за покупками. И здесь «молодожен» усердствовал особенно рьяно, выставляя себя в глазах жены молодым, сильным, ловким. Он буквально выхватывал у нас из рук тяжелые сумки с покупками, бежал к машине, укладывал их в багажник и рысцой возвращался за новыми. Человек явно выбивался из сил, но старался не подавать виду. Когда же наконец с покупками разделались и сели в «Москвич», на «молодожена» жалко было смотреть: побледнел весь и дышал, как загнанная лошадь. Абдулла Каххар глянул в зеркальце заднего обзора и, не поворачивая головы, произнес по-таджикски, чтобы не поняли гости:

— Зури беҳуда миён мешиканад.⁶

Позднее он поставил эту таджикскую поговорку эпиграфом к своему рассказу «Траур на свадьбе».

Леонид Ленч писал об этом рассказе:

«В нем, казалось бы, взята банальная ситуация — пожилой ученый и молоденькая женщина из породы тех, которых в просторечьи называют «фифами». Сколько написано на эту тему пьес, сатирических куплетов, рассказов и т. д. и т. п.!

И вот Каххар берет такую, казалось бы, банальную ситуацию и пишет маленький рассказ. Под его пером эта ситуация превращается в маленькую жизненную трагикомедию. Каххар заставляет читателя усмехнуться по поводу нелепой судьбы своего героя. Писать в комическом плане о смерти человека очень трудно, это умел писать Чехов, умели французы. У нас сейчас мало кто умеет это делать. А вот Абдулле Каххару это удалось».

В рабочих тетрадях родился и замысел рассказа «Тысяча одна жизнь». Записи были сделаны еще в 1949 году, когда Абдулла Каххар лежал в больнице. Возвратился же он к ним почти десять лет спустя, завершив работу над «Птичкой-невеличкой».

Вскоре после того, как повесть была написана, позвонил редактор журнала «Звезда Востока» и попросил представить подстрочник, пообещав, что литературного переводчика найдет сам. Я отнесла в редакцию подстрочный перевод на русский язык. Следующий звонок обрадовал нас и озадачил:

— Константин Михайлович Симонов согласился перевести повесть. Надо бы вам встретиться. Позвоните ему.

Абдулла Каххар долго колебался. Взвешивал «за» и «против» и наконец решился. Разговор с Симоновым развеял все сомнения. Константин Михайлович поздравил Абдулла Каххара, сказал, что повесть ему понравилась.

⁶ Сверх меры пыжиться — пупок надорвать.

Вспоминая эти дни, К. М. Симонов писал:

«Заметил я в Каххаре, при личном знакомстве с ним, и еще одну, дорогую моему сердцу черту. Явно остроумные люди, при этом вполне сознающие свое остроумие, редко бывают застенчивы. Каххар был застенчив. Он никогда не спешил доказать собеседнику меру своего остроумия, оставляя это главным образом для литературы, для тех часов, когда оставался наедине с листами бумаги. Он знал себе цену, но при этом бы застенчив, сдержан и скромнен. Я хорошо помню, какого внутреннего труда ему стоило впервые неловко и даже неуклюже заговорить со мной о своей повести «Птичка-невеличка» и о том, не возьмусь ли я за ее перевод, если она мне действительно настолько понравится, что у меня найдется охота и время заняться этой работой.

Впоследствии, когда я ею действительно занялся, я взялся за это все-таки с некоторой нерешительностью. Меня заботило и страшило — сумею ли хоть в какой-то мере передать на русском языке ее удивительно точный национальный колорит. Если бы не жил к тому времени уже довольно долго в Узбекистане, я, наверное, так и не решился бы на это. Но когда решился, то работа вознаградила меня тем, что во время нее я особенно близко узнал Каххара, что в общем-то неудивительно, ибо, наверное, ничто другое не знакомит человека с человеком так близко, как общая работа.

Почти с самого начала я почувствовал, что Каххара заботит то же самое, что и меня. Ему, со своей стороны, хотелось сделать все, что было в его силах, чтобы помочь мне как можно точнее переложить повесть на русский язык. Мы провели вместе с ним немало дней и вечеров, подыскивая русские синонимы и идиомы, соответствующие тем или иным узбекским выражениям и оборотам речи.

Каххар прекрасно владел русским языком, был великолепно начитан в русской литературе и очень находчив и изобретателен в поисках узбекских выражений, адекватных русскому тексту.

Я с благодарностью вспоминаю время, проведенное рядом с Каххаром в Ташкенте, не только потому, что я работал над переводом его прозы на русский язык и эта работа была для меня важна как для писателя и многому меня научила. Месяцы, проведенные за ней, дороги мне еще и памятью о личном общении с этим человеком — ироническим, резким и в то же время полным мужественного добра к людям».

Закончив перевод первой главы повести, Симонов позвонил нам домой и очень деликатно спросил, найдется ли у Абдуллы Каххара время, чтобы встретиться и вместе обсудить перевод. Встретиться договорились у нас. Как сейчас вижу их за совместной работой: Константин Михайлович читает перевод, делая время от времени паузы, во время которых они уточняют отдельные выражения и обороты. И все это спокойно, очень дружелюбно и по-деловому.

Так было всякий раз, когда Константин Михайлович заканчивал перевод очередной главы: созванивались, договаривались, и Симонов приезжал точно в условленное время. Работа у них спорилась, и вскоре в «Звезде Востока» повесть «Птичка-невеличка» увидела свет в русском переводе.

К проходившей в Москве в январе-феврале 1959 года Неделе узбекской литературы тираж номера «Звезды Востока» выпустить не успели. Пришлось везти всего несколько кое-как сброшюрованных экземпляров. На состоявшемся в рамках Недели обсуждении «пальму первенства» единодушно присудили «Птичке-невеличке». Собратья по перу сердечно поздравляли Абдуллу Каххара.

В том же году «Птичка-невеличка» была напечатана в «Роман-газете» и уже с этого издания переведена практически на все языки народов СССР.

VI

Слава, признание... Не каждому по плечу вынести их нелегкое бремя. Не зазнаваться, не вознестись до небес. Остаться самим собой. Абдулла Каххар прекрасно это понимал.

И в зените своего успеха, став лауреатом Государственной премии СССР, чьи произведения переводились на языки народов нашей страны, издавались за рубежом, он оставался все тем же простым в общении с людьми, скромным в запросах, предельно взыскательным к себе и своему творчеству человеком. И еще он терпеть не мог беспринципность.

Когда зашла речь об экранизации «Птички-невелички», например, он к немалому удивлению работников «Узбекфильма» наотрез отказался изменить название фильма, хотя в этом случае гонорар мог быть значительно больше.

— Что-то в этом есть непорядочное, — рассудил Абдулла Каххар. — Читатели приняли и знают мою повесть под одним названием, а фильм выйдет под другим. Не стану я их ради денег обманывать.

Аналогичные ситуации случались и в издательствах, но Абдулла Каххар оставался непреклонным и не допускал, чтобы денежные соображения были определяющими.

Городская квартира наша состояла из двух комнат: большой и маленькой. Летом это не чувствовалось: мы выезжали на дачу, в Дурмень, а там и в самом деле было хорошо — сад, зелень, вода, свежий воздух. Но зимой, да еще если собирались гости, теснота сразу давала о себе знать. И вскоре нам выделили просторную, благоустроенную квартиру на улице Уста Ширин.

Незадолго до переезда Абдулла Каххар вдруг передумал:

— Это помещение выделили нам, не так ли?

Я подтвердила.

— Значит, мы можем распоряжаться им по своему усмотрению?

Я кивнула.

— Тогда давайте уступим ее Маруфджану: семеро в одной комнате уютятся, бедняги.

Переводчик Маруф Хаким — человек, обремененный большой семьей, действительно жил в одной-единственной комнате. И он въехал в «нашу» квартиру, а мы остались жить на старом месте. То же самое повторилось, когда нам выделили дом в Рабочем городке.

— Послушайте, — сказал Абдулла Каххар. — Такой-то (он назвал одного из своих учеников) мучается без квартиры. А у него семья. Что если мы...

И в «наш» дом въехал ученик Абдуллы Каххара.

В этом был он весь: дружба, человечность, справедливость, доброта составляли неотъемлемую часть его личности. Но уж если случалось ему невзлюбить кого-нибудь, то нелюбовь эта распространялась, по его собственному выражению, «до кончиков ботинок».

Окончание следует.

Ш. Устаев

КАК СТАНОВЯТСЯ УКРОТИТЕЛЯМИ ЗМЕЙ?

В начале 60-х годов среди населения Байсуна было очень популярно имя заклинателя ядовитых змей Химмата-морбоза. Он был жителем кишлака Зарабаг Шерабадского района, поэтому в народе его называли Химмат-Зарабогий-морбоз. В действительности же Химмат-морбоз был уроженцем кишлака Сариясия Байсунского района, часть жителей которого в 1921 году переселилась в Шерабадский район. Чтобы не потерять связь с земляками, он ежегодно, в начале лета, со своими ядовитыми змеями приезжал в Байсунский район и давал несколько представлений. Перед зрителями он выступал по субботам, ближе к вечеру, так как в это время на большом Туз-базаре собиралось огромное количество людей, прибывших сюда из горных кишлаков и ближайших селений, чтобы сделать покупки или что-нибудь продать на воскресном базаре.

Химмат-морбоз на представления приходил в сопровождении своего ученика Мусульманкула-морбоза по прозвищу Джуги-морбоз. На плечах у обоих висели хурджуны, набитые выдолбленными и высушенными тыквами. Их можно было принять за торговцев кислым молоком. Но они в этих тыквах держали ядовитых змей.

Представление обычно начинал Мусульманкул-морбоз. Он вытаскивал из тыквы примерно метрового, необыкновенно красивого, с черно-алыми полосами на спине, полоза, которого в народе называют лоласар, обвертывал его вокруг шеи, талии, а голову полоза подносил к своему рту, глазам. Все это зрители воспринимали с удивлением и восторгом. А Химмат-морбоз все это время сопровождал на дойре. После нескольких трюков они менялись местами. Химмат-морбоз вытаскивал из тыквы огромную гюрзу. Крепко сдавливая змею у самой головы, он заставлял ее открывать пасть, а как только змея это делала, Химмат-морбоз плевал в пасть и начинал играть с гюрзой. Он обворачивал ее вокруг шеи, засовывал под рубашку, опускал на землю. Но змея не уходила, а возвращалась к нему. Коронным было выступление с коброй. Поставив перед собой тыкву, Химмат-морбоз начинал играть на самизиге — флейте — жалобную мелодию. Из тыквы показывалась голова кобры. Постепенно она поднималась все выше и выше, а достигнув высоты шестидесяти-семидесяти сантиметров, откинув голову, кобра начинала раскачиваться в такт музыке то влево, то вправо. Зрители всегда встречали этот номер восторженно и кричали: «Бали! Офарин!» А Мусульманкул-морбоз, пользуясь моментом, обходил собравшихся с чашкой в руках — собирал деньги «хайр барака». Представление заканчивалось тем, что Химмат-морбоз вытаскивал из большой тыквы 10—15 змей-стрелок, засовывал их под рубашку, под тюбетейку, а они выползали через воротник, рукава и возвращались в ту же тыкву, из которой их вытащили. Но морбоз не давал им скрыться. Он снова собирал их в кучу и бросал в сторону зрителей с таким расчетом, чтобы змеи не достигли людей. Зрители в панике пятились назад, поднимали шум. Змеи же расползались в разные стороны на небольшое расстояние и вновь возвращались к морбозу.

Во время одного из таких представлений случилось непредвиденное. Когда Химмат-морбоз бросил змей в сторону зрителей, попятившихся от испуга, из толпы вышел мальчик лет десяти, собрал ползавших по земле змей в один клубок, поднял его и отнес морбозу. Люди только диву дались. Химмат-морбоз, будто ничего не случилось, взял змей из рук смелого мальчика, положил в тыкву, а потом обеими руками поднял мальчика над головой и крикнул: «Балогардон!» Народ, собравшийся на базаре, повторил за морбозом: «Балогардон!» Химмат-морбоз опустил мальчика на землю, резким движением снял с шеи талисман и надел на мальчика. Люди долго рукоплескали неизвестному храбрцу. Некоторые говорили, что номер был специально подготовлен морбозами. Но это было не так. Мальчика звали Саматом. Он был моим другом, и жили мы с ним в одном детском доме.

После представления Самат остался с морбозами. А в понедельник он вернулся в детский дом с Химматом-морбозом. Пока в директорском кабинете подготавливали документы на усыновление Самата Химматом-морбозом, Самат был с нами, показывал нам талисман, подаренный Химматом-морбозом. По его словам, это был талисман «мехригуё». После он попрощался с нами и ушел с Химматом-морбозом.

Мудрая народная поговорка гласит, что гора с горой не сходится, а человек с человеком встретится. Так случилось и с нами. С Саматом я встретился совершенно случайно через тринадцать лет. После утомительной командировки я возвращался поездом из Душанбе в Термез. Не дожидаясь отхода поезда, я взял у проводника постельное белье, зашел в свое купе, закрылся, постелил постель и лег спать. Долго ли я спал, не знаю. Проснулся от сильного стука в дверь купе. Кто-то басовитым голосом кричал: «Эй, откройте дверь, чтоб вас шайтан хлестнул. Попробуйте-ка постоять у закрытой двери с четырехпудовой тяжестью на плечах». Я открыл дверь. Передо мной стоял с огромным железным сундуком на плечах бородатый человек в старой солдатской форме без погон. Чтобы дать ему возможность войти в купе, я взбрался на полку. Он вошел, поставил сундук на нижнюю полку, сел возле него, облегченно вздохнул и сказал: «Вот мы и едем. Еще три часа потерпим и будем на месте». Кому адресовались его слова, не знаю. Меня раздражал этот разговор с самим собой. «Не хватало еще ехать в одном купе с сумасшедшим», — подумалось мне. «Не скажете ли вы, где мы находимся в настоящее время?» — спросил я своего попутчика. «Пожалуйста. Только что отехали от станции Сариясия, следующая станция Денау. А вы куда путь держите?» Я ответил: «В Термез». «И мы едем в Термез», — сказал он. И вновь во множественном числе. Это меня насторожило, и я спросил: «Кто это вы? По-моему, вы едете один, а говорите так, как будто вас несколько». «А вы не обращайте внимания», — проговорил он, сняв с головы панаму и обмахнув ею лицо, — я разговариваю со своими подопечными, находящимися в сундуке». «Интересно бы узнать, с какими подопечными вы разговариваете». «Ваши вопросы напоминают мне одного моего знакомого следователя, работающего в милиции. А вы не в милиции ли работаете?» — спросил он. Я ответил, что действительно работаю в милиции. «В таком случае, — заметил он, — у вас должно быть удостоверение личности». «Да, имеется», — я потянулся к вешалке, где висел мой пиджак. «Охотно верю», — сказал он, поднимаясь с места, — не надо доказательств. Я могу показать вам моих питомцев, но только не здесь, а в Термезе». Затем он расстегнул пуговицы на гимнастерке и, отвернувшись к стене, снял ее. Когда он повернулся ко мне, то я увидел у него на груди амулет, висевший на золотой цепочке. Амулет напоминал светлячка, испещренного черными полосками вдоль и поперек. Я вдруг почувствовал, что мы уже где-то встречались с ним. Но где? Недолго думая, я спросил: «Не кажется ли вам, что мы с вами где-то виделись?» «Возможно, — равнодушно ответил он, — в Термезе меня многие знают. А живу я в Шерабадском районе». «А в Байсуне вы были?» — допытываюсь я. «А как же, я там в детском доме воспитывался», — ответил он. «Вот так встречай!» Мгновенно соскльзнув вниз, я обнял своего спутника: «Самат, друг мой, сколько же лет мы не виделись!» Он ошеломленно смотрит на меня. Я напоминаю ему: «Вспомни, друг, детдом, третью группу, соседа по кровати...» Мы обнялись вновь и трижды расцеловались. А потом долго молчали, не находя нужных слов. Среди населения Байсуна и Шерабада о Самате ходили легенды: якобы он голыми руками может поймать любую ядовитую змею, без всяких снадобий лечит от укусов каракуртов, ядовитых змей и даже бешеных собак.

Первым молчание прервал я. Громко смеясь, толкая его в бок кулаком, признался, что вначале принял его за сумасшедшего. Он сказал, что у него обо мне также сложилось неважное мнение, а потом поинтересовался: «Как же ты меня узнал, ведь прошло тринадцать лет?» Я ответил, что узнал его по амулету, который ему подарили морбозы. «Кстати, здравствуют ли морбозы Химмат и Мусульманкул?» — спросил я. Самат засмеялся: «Сразу столько вопросов, что не знаю, на какой отвечать». «А ты отвечай на все», — говорю. «Если все рассказать, то получится долгая история. Давай сначала сходим в ресторан, пообедаем, а после я все расскажу».

Я же предложил Самату пообедать в купе. Он согласился, и мы сели обедать за дастархан с закусками из моего портфеля. Самат начал свой рассказ:

— Через три дня морбозы привезли меня из Байсуна в Шерабад. После двухдневного отдыха у знакомых отправилась в путь в кишлак Зарабаг, где находился дом морбозов. Тогда шоссейной дороги между Шерабадом и Зарабагом не было, так что весь путь мы проделали на ишаках. По пути в кишлак морбозы несколько раз повторяли мне, чтобы с этого времени я никому не называл свое настоящее имя. С моего согласия они дали мне имя Сагир — Сирота.

В дом Химмата-морбоза мы приехали уже ночью, когда люди в кишлаке спали крепким сном. Пройдя вдоль восточной стороны селения, мы подошли к самому крайнему дому. На зов Химмата-морбоза из дома вышла женщина и, ни о чем не спрашивая, попросила нас войти в дом. Тогда хозяин сказал: «Открой гостиную и приготовь что-нибудь. У нас гости». Женщина вошла в дом, вынесла ключи и открыла второй дом, расположенный недалеко от первого. Мне велели войти в него, а сами начали разгружать ишаков. Через некоторое время ко мне вошел сам хозяин дома. Его жена расстелила перед нами дастархан и принесла разные кушанья. У меня после долгой дороги не было аппетита, хотелось только пить. Несмотря на уговоры хозяина, я смог съесть только горсть сушеных ягод тутовника. Клонило ко сну. Когда дастархан убрали, Химмат-морбоз сказал: «С этого времени ты находишься под запретом сорокадневки, тебе запрещается с кем-либо разговаривать и встречаться. К тебе можно заходить только моему сыну Эрмату. Ему ты можешь сказать только свое второе имя, не больше». Сказав это, он вышел, а дверь закрыл на замок. Ответить ему что-нибудь я был уже не в состоянии, так как засыпал. Проснулся я от скрипа двери. В дом вошел мальчик немногим старше меня. В одной руке он держал керамический кувшин, в другой — скатерть. Не говоря ни слова, расстелил передо мной скатерть, положил на нее лепешку и луковичу. Так же молча сел возле меня, разломил на куски лепешку и начал есть, запивая водой прямо из кувшина. Я понял, что, если не последую его примеру, останусь без завтрака. После завтрака он встал, сложил скатерть и молча вышел, закрыв дверь на замок. Я вновь остался один. Вначале мне это даже понравилось. У меня было много времени. Полдня я пролежал на курпаче, вспоминая ребят из детского дома, школу, воспитателей. От воспоминаний слезы кожом собрались в горле. Но я сдержался и не заплакал. Обед мне не принесли. Чтобы как-то заглушить голод, постарался уснуть. Но мне это долго не удавалось. В конце концов уснул. Вечером накормили тем же, что и во время завтрака. Так продолжалось дней семь-восемь. Я уже начал подумывать, как бы отсюда выбраться и сбежать. В дверную щель я стал наблюдать, что происходит во дворе. Но там ровным счетом ничего не происходило. Виднелись только далекие горы. В этот дом никто не приходил, и никто из

него не выходил. Однажды я начал стучать в дверь ногами и руками и кричать: «Откройте дверь, не хочу с вами жить, отпустите меня!» На мой крик кто-то подошел к двери, постоял, вновь отошел, а возвратившись, принес большой чурбан и подпер им дверь. После этого я убедился, что обречен на одиночество.

На одиннадцатый день, когда сын хозяина дома принес завтрак, я встал с постели и не захотел разделить с ним трапезу. А он, закончив завтрак, оставил половину лепешки, воду в кувшине и, закрыв дверь, ушел. Я думал, что сейчас ко мне придет кто-нибудь из взрослых и начнет уговаривать меня поесть хоть немного. Но напрасно я тешил себя надеждами. Никто ко мне не пришел. А для более надежной охраны возле моей двери привязали большую азиатскую овчарку. Подумав немного, я съел все, что осталось от хозяйского сына, улегся на курпачу и задремал. Сквозь сон я услышал какое-то шипение. Подняв голову, увидел, что примерно в двух метрах от ноги на меня смотрела серая узорчатая змея, свернувшаяся тарелочкой. Она кружилась на одном месте, громко шурша, подобно воде, попавшей на раскаленную плиту. От испуга меня прошиб пот. Не помню, как я очутился возле двери и начал колотить в нее изо всех сил. Я кричал до хрипоты, звал на помощь, но никто не пришел. А змея тем временем по столбу, установленному посреди комнаты, уползла на потолок и там исчезла. Я долго простоял у двери, дрожа от испуга, но постепенно успокоился. Чтобы ночью было не так страшно, я попросил оставить в моей комнате свечу. Сын хозяина, принеший ужин, исполнил мою просьбу. На следующий день опять появилась та же змея. На этот раз я хотя и испугался, но уже не кричал и не звал на помощь. Змея долго смотрела на меня и снова скрылась на потолок. На третий день в моей голове созрел дерзкий план: нужно поймать змею и испугать сына хозяина. В этот день я с нетерпением ждал появления змеи. Она не заставила себя долго ждать. После завтрака, когда сын хозяина ушел, змея выползла из своей норы и по столбу спустилась на пол. Я подкрался к ней, но змея заметила меня, быстро отползла в сторону и, свернувшись, приподняла голову, готовясь к нападению. Я отошел от нее в угол комнаты. Затем, сняв фуражку и зажав ее в левой руке, я снова приблизился к змее. Она ждала моего приближения, кружась на месте. Мой расчет был прост: обманным движением левой руки отвлечь внимание змеи от себя, а тем временем прижать ее к земле ногой и поймать за шею. Но мне неожиданно помешали. Дверь приоткрылась, и кто-то между мной и змеей бросил кошку. Не успел я еще осмыслить случившееся, как кошка бросилась на змею. Высоко подпрыгнув на трех лапах, кошка занесла четвертую лапу над головой змеи и ударила, но промахнулась. Змея отпрянула назад и снова свернулась тарелочкой, ожидая приближения своего врага. Кошка осторожно обошла ее сзади и хлопнула лапой по хвосту. Змея бросилась на кошку с молниеносной быстротой. Какое-нибудь другое животное вряд ли успело бы среагировать, но кошка ушла от опасности. Она отскочила в сторону и еще раз ударила змею лапой по голове. Голова змеи стукнулась о землю. Кошка этого только и ждала. В тот же миг она бросилась на змею, схватила ее за шею. Раздался хруст, и обмякшее тело змеи бессильно повисло в зубах кошки. Все это произошло так быстро, что я еще и опомниться не успел от происшедшего, как кошка со своей добычей вышла в кем-то приоткрытую дверь. Дверь тут же захлопнулась.

Вечером, когда Эрмат принес мне ужин, я хотел рассказать ему о случившемся, но он приложил указательный палец к губам и произнес: «Тсс...» Это меня так рассердило, что я от злости ударил его кулаком по лицу. Ничего подобного он, конечно, не ожидал. Только посмотрел на меня обиженно, молча вышел, закрыв дверь. На следующее утро мы завтракали с ним вместе, будто ничего не произошло.

Где-то между двадцать первым и двадцать третьим днем моего заточения я потерял счет дням. Вечером во время ужина я спросил у Эрмата: «Будь другом, скажи, сколько дней я нахожусь в этом зиндане и когда меня выпустят отсюда?» Он показал мне сначала два пальца правой руки и три пальца левой, потом, соединив пальцы, показал два кулака, а затем еще два пальца. Я хотел уточнить: «Осталось еще семнадцать дней?» Но он закрыл мне рот ладошкой. Тогда я понял, что мы можем разговаривать только жестами. Я показал ему десять пальцев, а затем еще семь. Он засмеялся и кивнул головой. Мне стало ясно, что до моего освобождения осталось еще семнадцать дней. Ох, как же это много! Но мне немного стало легче. Теперь, когда Эрмат заходил ко мне, мы, сидя рядышком, разговаривали при помощи рук и мимики. Сначала это давалось мне нелегко. Жесты я понимал хорошо, а вот уловить смысл слов по губам мне никак не удавалось. Эрмат показал на мои глаза, а потом на свои губы и что-то сказал. Я понял его так: «Смотри внимательно на мои губы и повторяй». Что я и сделал. Теперь во время еды мы с ним довольно-таки сносно объяснялись. Но недолго. Через день мне приснился плохой сон. Настроение утром было отвратительным. Казалось, что за мной кто-то неустанно следит. Не хотелось вставать с постели. Я решил еще немного подремать, натянул одеяло на голову, но услышал шипение. Посмотрел влево и увидел в полутора метрах от себя кобру, которая, откинув голову, медленно раскачивалась. Я обмер. Собрав всю силу воли, отпрыгнул к двери и стал колотить в нее. Хотел позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Тем временем кобра двинулась в мою сторону. Что делать? Я забился в угол комнаты. И тут мне припомнился один случай, о котором судачили в Байсуне: одного непослушного мальчика в порядке наказания закрыли в темном чулане. Шалун, переждав некоторое время, поднимал крик: «Змея, змея!» Родители, конечно же, выпускали его из чулана. Но однажды, несмотря на крик мальчика, из чулана его не выпустили, решив, что проказник вновь обманывает. А когда через некоторое время открыли чулан, то увидели, что мальчик был мертв. Такой же конец, видимо, ждал и меня. «Но пока жив, должен бороться», — подумал я, немного успокаиваясь. Глаза стали искать подходящий предмет для защиты. В комнате же ничего подходящего не было, кроме одеял, да и те находились в дальнем углу. Пройти туда не было возможности: между нами была змея, высоко поднявшая голову, с раздувшейся шейей. Машинально руки нащупали майку. Недолго думая, я снял ее и набросил на голову змеи. Сам не ожидая такого точного броска. Голова моего врага, накрытая майкой, опустилась к земле. Мгновенно подскочив к змее, пятой левой ноги прижимаю ее голову, высунувшуюся из-под майки, к земле. Правой рукой хватаю кобру за шею и поднимаю. Вот здесь допускаю ошибку. Мне нужно было левой рукой держать змею за хвост. Я же этого не сделал, и кобра обвила мою руку до самого плеча. Она начала сжимать руку,

но я не выпустил ее, а, наоборот, от испуга еще сильнее стиснул змеиную шею. Кобра медленно раскрывала пасть, тело ее обмякло и бессильно повисло. Остальное помню смутно. Кто-то подошел ко мне и знакомым голосом сказал: «Молодец, ты станешь настоящим морбозом. Теперь успокойся и отдохни. Пошли со мной, покажу тебе твое место». Немного прошел, а потом мне показалось, что у меня появились крылья и я лечу.

Придя в себя, не понял, где нахожусь. Оглядевшись вокруг, увидел справа от себя сидевшего мальчика. Казалось, где-то его уже видел. Да ведь это же Эрмат! Хочу позвать его, но не могу. Из горла вырвался какой-то хрип. Эрмат ладонью прикрыл мне губы и быстро вышел во двор. Послышался его голос: «Папа! Он проснулся!» В дом вошли морбозы Химмат и Мусульманкул, за ними показались и Эрмат. Химмат-морбоз подошел, положил руку на мой лоб и сказал: «Молодец, Сагир. Первое испытание на самообладание ты прошел успешно. Теперь наберись немного терпения и будешь бегать, как джейран. Если, конечно, съешь все, что тебе подадут». А Мусульманкул-морбоз в это время гладил своими большими, сильными руками мои ноги. Ласково улыбнувшись, он подмигнул мне. Эрмат вышел, но вскоре вернулся с подносом. Началось чаепитие. Химмат-морбоз приподнял мою голову, Мусульманкул-морбоз поднес к моим губам пиалу с гранатовым соком. Хочу сделать хоть глоток, но не могу. Насильно заставляю себя глотать. Сидящие возле меня видят все это, но молчат. Эрмат принес в глиняных чашках хомшурпу. Кажется, для меня готовили еду отдельно. Моя шурпа отличалась цветом. Мусульманкул-морбоз сам начал кормить меня, приговаривая при этом: «Если съешь всю эту шурпу, сто лет не будешь болеть, а если съешь только половину, то полгода болеть не будешь». А кому не хочется прожить сто лет? Хотя меня и подташнивало от какого-то незнакомого запаха и вкуса шурпы, все же пришлось съест ее всю.

Я узнал, что нахожусь в доме, где живет семья Химмата-морбоза. За мной беспрестанно ухаживали стройная голубоглазая жена Химмата-морбоза Звай и их длинноволосая дочь Зевар. Несмотря на мое упорное сопротивление, меня заставляли в обед есть аталу — похлебку из поджаренной муки с солью и водой. Вечером, когда вся семья собиралась на ужин, я посмотрел на Эрмата и спросил его, шевеля губами, но беззвучно, сколько дней я нахожусь у них. Вместо Эрмата ответил его отец: «Сорок первый день». По моим подсчетам выходило, что я пробыл тринадцать дней. «Какое несчастливое число тринадцать», — пронеслось у меня в голове. Химмат-морбоз посмотрел на меня смеющимися глазами и сказал: «Тринадцать — счастливое число для морбозов. Каждую тринадцатую ночь новолуния нам полагают жертвоприношения во имя пророка Сулеймана, светлейшей Биби-Бэлькис и духов-наставников. Запомни это число». Меня охватил внутренний озноб: «Он прочел мои мысли!»

Через пятнадцать дней я впервые встал с постели и, опираясь на плечо Эрмата, вышел во двор. А через месяц уже бегал и прыгал, как будто и вовсе не болел. Но мне не разрешали еще выходить со двора. Ни на минуту не отлучался от меня Эрмат. По наказу отца он стал моей тенью. Наедине со мной он разговаривал только при помощи мимики и жестов и требовал того же от меня.

Хозяйство Химмата-морбоза состояло из двух коров, шести коз, двух баранов, двух ослов, глинобитного трехкомнатного дома, сарая и кладовки. Двор не был огражден, да и незачем это было делать. В кишлаке все жители знали друг друга и считались родственниками. Хозяйева дома никогда не повышали на меня голос, не позволяли работать. Но однажды за мое непослушание отец наказал Эрмата. Произошло это так. Морбозы Химмат и Мусульманкул постоянно предупреждали меня, чтобы я ни в коем случае не подходил к кладовке, находившейся в дальнем углу двора и постоянно закрытой. Прошло уже почти три месяца с тех пор, как я стал жить с ними. Но я никогда не видел, чтобы кто-нибудь подходил к этому загадочному домику. По-моему, постоянное пребывание Эрмата со мной было связано с этой кладовкой. Однажды, когда морбозы Химмат и Мусульманкул по неотложным делам ушли в ближайший кишлак Шержон, Эрмат подошел ко мне поиграть в «сангха» — камушки. Мы расположились у айвана. Во время игры к нам подошла Зевар и велела моему опекуну сходить к соседям и попросить хамиртуруш — дрожжи, необходимые для приготовления лепешек. Эрмат отказался, но сестра сказала, что так велела мать. Эрмат, не сказав ни слова, отправился за дрожжами. Зевар ушла к матери. Только этого я и ждал. Огляделся вокруг, но никого не увидел. Лишь из дома доносился разговор матери с дочерью о каких-то гостях, приглашенных к вечеру. И я направился в сторону кладовки. Внимательно осмотрев ее, не нашел ничего необычного. Обыкновенный невысокий глинобитный домик, похожий на курятник байсунцев. Только верхние углы имели примерно пятнадцатисантиметровые отверстия. Крыша была покрыта камышом и сверху замазана глиной. Вот и все. Увиденное разочаровало меня. «Такие строгие запреты из-за какого-то курятника», — подумал я и хотел уже уйти. Но тут на крыше домика увидел валяющуюся пустую тыкву, похожую на те, в которых морбозы привозили в Байсун змей. Я решил взять тыкву, показать Химмату-морбозу и узнать, куда же они дели своих змей. Он мне еще ничего не рассказал ни о змеях, ни о том, где их содержат. Не раздумывая, я прикатил большой камень, встал на него, ухватился руками за крышу и взобрался. Кроме тыквы, я нашел на крыше длинную палку, а посреди крыши увидел дыру, такую же, как и по верхним углам кладовки. Мне захотелось узнать, что же находится внутри этого загадочного домика. Я улелся на живот и через отверстие стал рассматривать его внутреннюю часть. Было темно, и сначала я ничего не смог рассмотреть. Но постепенно глаза привыкли к темноте, и я увидел, что внутри были разбросаны какие-то круглые предметы, назначение которых мне было неясно. Тогда я взял палку, просунул ее в отверстие, покрутил, пока не задел что-то твердое. Внизу послышались какие-то шорохи и глухие удары керамической посуды. Вдруг кто-то вырвал из моих рук палку, схватил меня и передал вниз Химмату-морбозу. В какой-то миг я очутился у айвана, где мы недавно играли с Эрматом. К нам присоединился и Мусульманкул-морбоз, который, оказавшись, снял меня с крыши. Присмотревшись, я заметил, что у обоих лица были бледными. А по дрожащим рукам я понял, что они были чем-то очень взволнованы. Некоторое время стояли молча. Мусульманкул-морбоз вынес из дома кружку воды. Морбозы по очереди выпили ее. Химмат-морбоз отер губы и сказал: «Слава аллаху, вовремя успели». Явился Эрмат, неся завернутые в тряпицу дрожжи. Химмат-морбоз окинул сына таким взглядом, будто увидел его впервые. Не сказав ни слова, взял сына за руку и направился в дом. «Тебе страшно было?» — спросил меня Мусульманкул-морбоз. «Почему?» —

вопросом на вопрос ответил я, не понимая его. «Это хорошо», — сказал Мусульманкул-морбоз и пошел в дом. Через несколько минут вышла Зевар и велела мне также войти в дом. Когда я вошел в комнату, то увидел, что все семейство Химмата-морбоза было в сборе. Мусульманкул-морбоз молча показал рукой, где мне сесть. Незаметно оглядев сидящих, я отметил, что Эрмат обеспокоенно смотрит на меня и глаза у него вроде бы заплаканы. Молчание нарушил хозяин дома: «Мы пригласили тебя, чтобы спросить: хочешь ли ты остаться с нами или же отправить тебя обратно?»

Сердце у меня упало. Не думал я, что дела обернутся так плохо. Вроде бы ничего такого не сделал, почему же меня хотят отправить в Байсун? «Да, ты ничего дурного не сделал, — прочел мои мысли Химмат-морбоз, — но ты нарушил наставление устоа. У морбозов неподчинение устоу наказывается очень строго. Провинившего выгоняют или же наказывают телесно. Эрмат выбрал себе телесное наказание, и я его желание исполнил. Теперь твоя очередь выбирать наказание».

Без колебаний я выбрал телесное наказание и стал снимать рубашку. Тут Мусульманкул-морбоз произнес: «Извините меня, устоа, но Сагира нельзя наказывать. На это есть основания. Во-первых, он только недавно оправился от болезни, во-вторых, ему никто не объяснил, почему нельзя подходить к кладовке. Получается, я мы виноваты в случившемся».

«Истинно вы правы, — поддержала Мусульманкула-морбоза жена хозяина, — ученик не виноват, если учитель не научил писать его каламом или палкой». На этом разговор прервался. Все умолкли. Заговорил Химмат-морбоз: «Сагир, на первый раз я прощаю тебя, но не думай, что в следующий раз ты так легко отделаешься. Обязательно накажу со всей строгостью. А теперь, если хочешь спросить о чем-нибудь, спрашивай. Мусульманкул тебе ответит».

«Я и так знаю, о чем хочет спросить ваш ученик», — спокойно ответил мой защитник.

«Коль знаешь, что у него на душе, то рассказывай», — приказал Химмат-морбоз.

«С вашего позволения, — сказал Мусульманкул и улыбнулся мне, — прежде всего наш любезный друг хочет узнать, почему мы изменили ему имя. Так ведь?» Я кивнул головой в знак согласия. «У всех морбозов имеется не менее двух имен, — объяснил Мусульманкул, — одно из них настоящее, полученное при рождении, второе — повседневное. Настоящее имя произносится только на свадьбах и похоронах. При этом запрещается имена произносить в полный голос. В противном случае их могут услышать змеи. Зная имена, змеи не поддаются заклинаниям, могут даже укусить. Змея бессильна перед человеком, пока ей неизвестно его настоящее имя. У каждой змеи есть также свое имя. Морбоз, читая про себя заклинание, должен угадать имя той змеи, которую хочет укротить. Если ему это удалось, то змея без сопротивления покоряется воле морбоза. Вот по этой-то причине морбозы никогда не произносят своих настоящих имен. Именно поэтому тебе и дано второе имя Сагир. Вот мы сидим здесь, беседуем, а змеи подслушивают нас. Придет время, захочешь ты поймать змею, а она тебя накажет». Про себя я подумал: «Уж если на то пошло, то лучше вовсе не разговаривать, а объясняться жестами». Мусульманкул-морбоз продолжал: «Теперь послушай, почему тебе не разрешалось подходить к кладовке. То, что ты считаешь кладовкой, на самом деле морхона — наш змеиный питомник. В нем сейчас находится около ста ядовитых змей. Через отверстия, которые ты заметил, змеи выходят на охоту. Палкой, которую ты нашел на крыше, мы достаем змей для участия в представлениях. То, что ты находился на крыше и в дыру мог увидеть страшных змей, находящихся в хуме, нас не испугало. Нас испугало другое. Под крышей возле отверстия живет гадюка Парихон, которая могла укусить тебя в голову. Если бы это произошло, то мы не разговаривали бы сейчас. Поэтому устоа и решил наказать вас. Эрмата — за то, что оставил тебя без присмотра, а тебя — за непослушание. Теперь ты понял, к чему могла привести твоя непослушность?» «Понял», — ответил я тихо. «Ваше счастье, что вы еще не приняли перед обществом клятву морбозов. Тогда я разговаривал бы с вами иначе», — добавил Химмат-морбоз, пылливо посмотрев сначала на сына, а затем на меня. Хотя слова его и звучали как предупреждение, но мне показалось, что за ними скрывается что-то страшное. Чувства меня не обманули.

Через несколько лет, когда я уже пользовался авторитетом среди морбозов, один мой знакомый морбоз из кишлака Вандоб из зависти оклеветал меня перед обществом морбозов, будто бы я выдал настоящее имя Вали-морбоза, скончавшегося от укуса змеи. По решению некоторых морбозов, когда я спал, ко мне запустили кобру. Но выработанный в моем организме иммунитет против змеиного яда спас меня. Я остался невредим. В моем спасении была заслуга морбозов Химмата и Мусульманкула. Но до этого случая еще было далеко. Мне предстояло пройти курс по выработке иммунитета. А пока что меня лишь в словесной форме подготавливали к невиданным трудностям будущей профессии.

Наш разговор не был закончен. «Что ж ты молчишь, Сагир? Задавай свои вопросы, пока я на них отвечаю; не думаю, что у тебя появится такая возможность в ближайшее время. Ты должен исполнять все, что мы тебе поручим. Только в таком случае из тебя получится хороший морбоз. Если же небрежно отнесешься к нашим наставлениям, то можешь погибнуть. Пока не поздно, решай, оставаться ли тебе с нами или возвращаться в Байсун», — произнес Химмат-морбоз. Без колебаний я ответил, что хочу остаться с ними. И тут же спросил: «Когда я был один, ко мне приползла змея. Что это за змея? Я такой еще не видел». Вместо Химмата ответил Мусульманкул-морбоз: «Эту змею в нашем кишлаке называют афу (эффа). Она одна из самых ядовитых змей нашего края. Мы не знали, что она гнездилась на потолке дома, в котором ты проходил сорокадневку. Когда змея оказалась впервые, мы поняли, что допустили ошибку, но перевести тебя в другую комнату было нельзя. По верованиям морбозов, если нарушена сорокадневка, то жди беды. Тебя непременно укусила бы змея. Тогда я и устоа решили по очереди дежурить у твоей комнаты. В тот день, когда змея появилась вторично, дежурил я. Входить в твою комнату мне не разрешалось, поэтому я приготовил кошку. Чем закончилась схватка кошки со змеей, ты уже знаешь. А вот кобру мы пустили к тебе умышленно. Правда, перед этим мы удалили у нее ядовитые зубы, чтобы она не смогла повредить тебе. Озлобленная змея могла только шипеть. Но ты этого не знал, поэтому одержал честную победу. Такое испытание со своими учениками морбозы проводят редко. Только в том случае, если они убеждены, что ученик обладает сильной волей». Больше вопросов у меня не было.

С улицы позвали Эрмата. Все встали и через открытую дверь увидели, что кто-то подъехал к дому на ишаке. Это собирались гости...

После нашего разговора прошло три дня. Эрмат предложил сходить в гости к Мусульманкулу-морбозу. Жена морбоза Бодом встретила нас гостеприимно, угостила горячей лепешкой, вынутой из тандыра. За дастарханом между мной и Мусульманкулом-морбозом произошел такой разговор: «Скажи, Сагир, тебя когда-нибудь жалили пчелы?» — спросил морбоз. «Да, жалили», — ответил я. «И как, больно было?» — последовал вновь вопрос. «Да не так чтоб слишком», — ответил я, не понимая, куда он клонит. «Тогда послушай меня. Ты должен приучить свой организм к различным ядам животных и насекомых, — объяснил Мусульманкул-морбоз. — Если ты не возражаешь, начнем с яда пчелы». Я согласился. Через несколько минут мои руки, ноги и шею ужалили пять пчел. Я почувствовал жгучую боль. В местах укусов появились покраснения и опухоли. Лицо начало отекать, особенно надбровная область. Постепенно боль нарастала, усилился зуд кожи. Трудно стало дышать. Увидев мое состояние, жена Мусульманкула-морбоза ахнула. Она растворила соль в воде и велела мне вымыть лицо. Я почувствовал некоторое облегчение, но ненадолго. К вечеру опухоль увеличилась. Сам хозяин дома не отходил от меня и поил горячим чаем, настоянным на адонисе. С этого времени я начал жить в доме Мусульманкула-морбоза. Через тридцать дней опухоль сошла, и с моего согласия меня вновь ужалили пять пчел. К моему удивлению, на этот раз боль была намного слабее, а опухоль незначительной. Такой процедуре я подвергался восемь раз. В организме моем выработался иммунитет против пчелиного яда. Теперь мне не страшны были укусы и тридцати пчел одновременно. Я спросил Мусульманкула-морбоза: «А другие насекомые мне теперь тоже не страшны?» «Не знаю», — ответил Мусульманкул-морбоз. Я решил проверить сам. Нашел осиное гнездо, расшевелил в нем палочкой ос. Они набросились на меня целым роем и порядком искусали. Еле спасся от них в доме. Жгучая боль пронзила меня, тело покрылось красными пятнами. Но, проснувшись утром, я чувствовал себя отлично, вроде меня и вовсе не жалили осы.

Прошло три года с того времени, как меня забрали из детского дома. Морбозы Химмат и Мусульманкул, их семьи стали для меня родными. После второго года моего пребывания в Зарабаге Зевар вышла замуж и переехала к мужу в кишлак Шержон. Мои устызы к этому времени многому меня научили. Я уже знал почти все заклинания против ядовитых змей, научился играть на флейте незатейливые мелодии, жалобные и протяжные, которые так нравятся кобрам, научился переносить укусы пчел, ос, шершей, шмелей. Но для выработки иммунитета против змеиного яда этого было недостаточно. Мне предстояло еще испытать на себе действие ядов желтого, красно-бурого и черного скорпионов. Вообще, «привыкание» к ядам морбозы проводили по такой системе: яд сорока пчел или ос равнялся яду одного шершня, яд сорока шершей равнялся яду одного скорпиона, яд сорока скорпионов равнялся яду одной змеи. Согласно этой системе я прошел пока половину пути. Поэтому мои наставники категорически запретили мне даже приближаться к ядовитым змеям.

Вырабатывать иммунитет против яда скорпиона я начал с осени. По мнению моих морбозов, осенний яд скорпионов втрое сильнее летнего. Когда три крупных желтых скорпиона вогнали глубоко в мое тело острые изогнутые жала, казалось, будто кто-то колет меня тупыми булавами. Через минуту на месте укуса появилась небольшая опухоль. Я почувствовал легкое жжение. Через полчаса все признаки укуса исчезли. А еще через неделю меня жалили красно-бурые скорпионы. Их укусы были несколько чувствительнее. Вся процедура длилась сорок дней. Мне казалось, что яд шершня сильнее действовал на мой организм. Услышав мое мнение, Химмат-морбоз усмехнулся: «Посмотрим, как ты запоешь после укуса черного скорпиона. Вот тогда и поговорим». «Что ж, посмотрим», — самоуверенно ответил я.

Яд черного скорпиона я испытал в конце осени. Прошел девятью один день со времени первого укуса желтого скорпиона. У морбозов это число считалось счастливым. Причиной было то, что оно делилось на тринадцать, а в результате получалась семерка. Оба эти числа — семь и тринадцать — у морбозов считались счастливыми, благоприятными. Морбозы принесли в жертву козленка во имя пророка Сулеймана и его жены Балькис — царицы всех зверей и водяных чудовищ, а затем подвергли меня испытанию ядом черного скорпиона. Ужалили меня сразу три скорпиона. О, ужас! С каждой минутой нарастала боль жгучего пульсирующего характера. Боль, казалось, то ослабевала, то вспыхивала с еще большей силой. Дышать стало трудно. Во рту все пересохло, язык словно прирос к гортани. Тело покрылось холодным потом. Сквозь мучительную боль я услышал нежную колыбельную песню. Казалось, чем сильнее звучала песня, тем быстрее боль покидала мое тело. На фоне мелодии знакомый голос спросил: «Тебе больно?» Я ответил: «Вначале было очень больно, но теперь немного легче». «Тогда встань и иди за мной», — приказал голос. «Ноги не слушаются», — говорю. «Не хитри. Или ты пойдешь со мной, или я зарублю тебя саблей», — угрожал голос. «Откуда у тебя сабля? Я и самого тебя не вижу», — отвечаю. «Так ты мне не веришь?» — вскричал голос, и над моей головой сверкнула сабля. «Вставай», — повторилась команда. От испуга я поднялся. «Беги вперед», — вновь раздалась команда. Я заставил себя идти и даже бежать. Сначала я бежал медленно, а потом все быстрее и быстрее, пока не упал. Колыбельная мелодия не прекращалась. Чем дальше она звучала, тем больше нравилась мне. «Спать, спать, спать», — повторял голос. «Где же я буду спать? Не могу же я лечь среди дороги», — еле слышно прошептал я. Откуда-то появилась мягкая постель. Я лег. А голос все твердит: «Спать, спать, спать...» Колыбельная слышится явственней. Глаза закрылись сами собой. Что было дальше, я не помню. Но это блаженное состояние, охватившее меня во время сна, я до сих пор вспоминаю как нечто самое приятное в моей жизни. Так морбозы Химмат и Мусульманкул применяли гипноз в качестве противоядия от укуса черного скорпиона. Когда через пять часов я поднялся с постели, то никакой боли не чувствовал...

...Наш поезд подъехал к станции Шурчи. До Термеза оставалось еще два часа езды. Друг моего детства продолжил свое повествование.

— Как, понравился тебе яд вертихвоста? — спросил меня Химмат-морбоз, улыбаясь, когда в тот день мы сидели за дастарханом. В ответ я лишь усмехнулся. «Еще одно испытание ядом чер-

ного скорпиона, — подумал я, — и не жить мне на белом свете». Заметив мое настроение, Химмат-морбоз положил руку мне на плечо и сказал:

— Э, так не пойдет. Тебе радоваться надо, а ты, наоборот, грустишь. Такое на себе еще никто не испытывал, даже мой учитель Афган-Бангича боялся укуса одновременно трех черных скорпионов. Даже очень сильный человек не сможет одолеть силу яда нескольких черных скорпионов, а твой организм выдержал и тем самым опроверг мнение моего учителя.

— Да, выдержал, — обидчиво ответил я, — если бы не вы и Мусульманкул-устоз, то еще неизвестно, чем бы все это кончилось. И скажите, устоз, как понять то, что меня жалили сорок красных или желтых скорпионов, но со мной ничего не случилось, а ужалили всего три черных скорпиона и Азраил чуть не унес мою душу?

Немного подумав, Химмат-морбоз ответил:

— Правду говоря, я не знаю, почему так получается. Когда-то и я задавал такой же вопрос Афгану-Бангича. Он тогда ответил мне, что когда красные или желтые скорпионы пожирают мертвую змею, то они превращаются в черных скорпионов и становятся очень ядовитыми. Но если бы это было так, то самым ядовитым после змей был бы еж, для которого самое любимое лакомство — змеиное мясо. А за ежами следовали бы люди, а точнее, морбозы.

— Как, разве морбозы едят змей? — изумленно спросил я.

— Конечно, но едят они змеиное мясо раз в жизни, когда впервые отлавливают змей. Это делается для того, чтобы свойства змей перешли к морбозу. Но не беспокойся, ты уже прошел через это.

— Когда?

— Тогда, когда ты долго болел после борьбы с коброй. Во время болезни мы кормили тебя бульоном, приготовленным из побежденной тобой кобры. У морбозов принято первую змею съедать. Мои устозы учили меня, что после употребления человеком мяса ядовитой змеи ему не страшны укусы шмелей, скорпионов, ос и других насекомых. Но я этому не верю. Доказательством служит тот факт, что ты хотя и съел кобру, но яд черного скорпиона повлиял на твой организм. Поэтому скажи тебе правду: я не ученый человек. Чему научили меня мои наставники, тому и я научу тебя. А если ты хочешь знать больше, то заканчивай школу, поступай в институт, тогда и узнаешь то к чему. Все-таки там преподают профессора.

Вот такой прямой человек был устоз. Если чего не знал, то и говорил, что не знает. А на свой вопрос ответ я нашел позже на страницах одного из медицинских журналов: «Если степень тяжести отравления после укуса змеями, каракуртом и черным скорпионом обычно прямо пропорциональна количеству попавшего в организм яда, то при ужалении пчелами и осами степень тяжести отравления организма в очень большой степени зависит от индивидуальной переносимости пострадавшего».

Тем не менее, спустя некоторое время, находясь в гостях у одного моего хорошего знакомого в кишлаке Шуроб Ангорского района, я зафиксировал такой случай. Во время полива хлопчатника поливальщик убил эфу. Он позвал отдыхающих во время обеденного перерыва людей, чтобы показать убитую им змею. Увидев змею, люди ужаснулись, такой она была огромной и гадкой. Кто-то из собравшихся предложил зажарить змею и съесть, в целях лечения от ревматизма и для приобретения иммунитета от яда пчел, ос и шмелей, которые гнездились в этой местности в огромном количестве. Так и сделали. Изжарили змею, разделили на куски и съели. На следующий день я стал уговаривать одного из участников вчерашней трапезы проверить реакцию его организма на яд осы. Вначале он отказывался, но после моего настояния согласился. Тогда я поймал осу и опустил ему на руку. Слышали бы вы, как он закричал! Он ругал меня последними словами и подпрыгивал от боли. Глядя на него, никто не поверил бы, что ему больше двадцати пяти лет. Но дело было сделано. На месте укуса образовалась опухоль, а чуть позже появилась сыпь в виде крапивницы. Местные жители в таких случаях ужаленное место смазывают солевой кашицей. Но я применил старое народное средство — приложил на больное место растертые коренья одуванчика. Этот случай еще раз убедил меня в том, что мясо змей никак не может быть использовано в качестве противоядия.

Но вернемся к моему обучению. Наставники после восстановления моего здоровья посредством гипноза перестали натравливать на меня скорпионов. В конце осени того же года между мной и Эрматом произошел спор: кто ядовитей, скорпион или фаланга? Я настаивал на том, что скорпион сильнее, потому что его яд я испытал на себе. Эрмат же утверждал, что яда сильнее, чем у фаланги, нет. Услышав спор, к нам подошел Мусульманкул-морбоз и сказал:

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойдемте, покажу сам, кто сильнее.— Так мы и пошли в питомник, если можно так сказать, ядовитых насекомых Мусульманкула-морбоза. Домик, в который мы вошли, был построен из глины (пахсы). Был он невысоким. Вдоль стен тянулись двухъярусные полки, на которых располагались всевозможные банки, бутылки. Внутри этих посудин копошились знакомые и незнакомые мне ядовитые насекомые. Мусульманкул-морбоз вынес во двор три банки. В первой банке находился огромный черный скорпион, который, подняв крючкообразное жало, кружил по дну банки. Во второй банке были три красно-бурых скорпиона. А в третьей банке ползала большая фаланга с длинными мохнатыми лапами.

— Ну, начнем, — сказал Мусульманкул-морбоз. — Эрмат, достань одного красно-бурого скорпиона и посади к черному.— Эрмат сунул в банку руку, большим и указательными пальцами достал красно-бурого скорпиона. И, несмотря на то, что скорпион ужалил его, опустил в банку к черному скорпиону. А тот как будто только и ждал этого: сразу же бросился на красного скорпиона и молниеносно нанес несколько укулов ему в голову и грудь. Красный скорпион был парализован. Черный хищник принял за свою жертву, начал с более мягкого туловища. Тогда Мусульманкул-морбоз перевернул банку, скорпион выпал, но, не успев убежать, тут же был пойман и помещен в банку с фалангой. Она некоторое время кружила возле скорпиона, словно изучая своего врага. И вдруг неожиданно бросилась на него, схватила за членистый хвост, поближе к игле, и перекусила его. Затем, перебирая челюстями по хвосту, добралась до туловища и сожрала скорпиона.

С давних времен в народе бытовало поверие о необыкновенной ядовитости фаланги. Поэтому у байсунских заклинателей было специальное заклинание — замзама — против яда фаланги. Пос-

ледние работы ученых показали, что эти доводы необоснованны. Своего яда у фаланги вообще нет. Но она при укусе может занести в ранку трупный яд или яд других ядовитых тварей, которые ранее были ею съедены. Об этом я узнал, конечно, позже, когда учился в пединституте города Душанбе.

Во время эксперимента с фалангой меня удивило одно: то, что Мусульманкул-морбоз не обратил внимания на укусы скорпиона, мне было понятно, его организм приобрел иммунитет, а вот как умудрился Эрмат перенести укусы, даже не поморщившись, было неясно. Мне всегда казалось, что Эрмата оберегали. Ведь он был единственным сыном Химмата-морбоза. Мое мнение вскоре было опровергнуто самим Эрматом. В начале лета я и Эрмат сопровождали наших устозов в Байсун. Среди байсунцев в то время было распространено много легенд о быстроте, ловкости и ядовитости змеи-стрелки. В одной из таких легенд говорилось, будто бы один человек купил семь горячих лепешек, завернул их в платок и закрепил на левом боку. По дороге домой, проходя по каменной местности, он вдруг почувствовал сильный удар в левый бок от невидимого существа и потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел, что купленные им лепешки были продырявлены, кроме последней. И там лежала изжаренная змея-стрела. Говорили, что она изжарилась, так как лепешки были горячими. В противном случае, змея насквозь пробила бы человека. В другой легенде змея-стрела набросилась на дехканина и пробила железную лопату, которую он купил на базаре и нес домой. А люди из кишлака Чавкигузар даже убеждали нас в том, что змея-стрелка сразилась однажды с двумя кобрами и убила их. Наше возражение, что такого не могло произойти, было встречено недоумением. Тогда я решил доказать свою правоту на практике. На следующее утро, получив согласие устозов, я в сопровождении одиннадцатилетнего Болты, сына гостеприимного старшего брата Химмата-морбоза, отправился охотиться на змею-стрелку. Для охоты выбрали полупустынную местность Кизил. На самом деле змея-стрелка не так страшна, как о ней говорят. Причиной появления множества легенд является то, что эта змея маскируется под окружающую среду и становится совершенно невидимой. К тому же, она очень осторожна и при малейшем шорохе моментально прячется под каким-нибудь кустом или в ближайшей норке. Если в пустынной местности она спрячется на ветках саксаула, а в горах — на ветках клена, то увидеть ее довольно трудно. В Средней Азии она занимает первое место среди змей по выживаемости в безводной пустыне. Когда температура в песках достигает 70 градусов, другие виды змей погибают. Но змея-стрелка, приподняв шею и туловище, ползет по пескам как ни в чем не бывало. Самая отличительная ее черта — необыкновенная быстрота. Благодаря ей она и получила название «стрелы». Словить змею-стрелку очень трудно. Вот и мы в тот день, хотя и гонялись с утра до вечера за увиденными змеями, поймать смогли всего трех.

Через два дня, субботним вечером, Эрмат выступил с пойманными змеями перед собравшимися на площади Туз-базар. Перед этим Химмат-морбоз кратко рассказал о змеях-стрелках и представил своего сына Эрмата публике. Затем Эрмат показал различные трюки со змеями. Так как главная его цель была показать собравшимся, что змея-стрелка не такая уж опасная и ядовитая, как кажется людям, то Эрмат открывал змеиную пасть, вкладывал туда палец, а затем отпускал змею. Змея, держась за палец, свисала хвостом к самой земле. Да, в этом представлении зрителю было на что посмотреть. Змеи переворачивались в воздухе кольцами, зигзагами, переплетались друг с другом, образуя своеобразный толстый канат. По истечении некоторого времени Эрмат снимал змей с пальцев и засовывал за пазуху. Это выступление сопровождалось долгими рукоплесканиями. На следующее утро змею отнесли в то место, где они были пойманы. Когда возвращались, я попросил Эрмата показать руки. На пальцах явственно были заметны следы змеиных зубов.

— Тебе не больно? — спросил я.

— Не очень. Боль слабее, чем от укуса черного скорпиона, — ответил он.

— Как, разве яд черного скорпиона сильнее змеиного?

— А ты как думаешь? Яд трех черных скорпионов равен яду афы.

— Откуда ты знаешь? Может, ты еще скажешь, что и тебя когда-нибудь жалил черный скорпион?

— Отец рассказывал, — молвил он.

Вечером, улучив момент, когда Мусульманкул-морбоз остался один, я спросил его:

— Скажите, устоз, Эрмата когда-нибудь жалил скорпион?

— Ему это не обязательно, потому что он по воле бога родился с иммунитетом, — ответил он.

— Разве так бывает?

— Значит, бывает.

— А это как происходит? — попытался я.

— По правде сказать, я и сам толком не знаю. По рассказам устоза Химмата, когда Эрмат находился в утробе матери, ее укусила гадюка. От явной смерти ее спас Афган-Бангича, прочитав заклинание. После этого Химмат-морбоз стал его учеником. Когда Эрмату было около четырех месяцев, мать оставила его спящего в колыбели, а сама пошла доить корову. Возвратившись, она увидела, что колыбель сына обвила белая змея — полоз разноцветный. С криком она бросилась на улицу и позвала людей на помощь. Когда люди вошли в дом, то змеи и след простыл, а на груди ребенка лежало что-то очень красивое, похожее на жемчуг. Некоторые сведущие люди говорили, что это «шохимор» — рог змеи, другие же утверждали, что это «мехригуё». И еще говорят, что после этого в глазах Эрмата появился силуэт царя змей. Поэтому, когда он захочет, то любая змея подчиняется ему. Хотя, сколько я ни заглядывал ему в глаза, никакого царя змей не видел.

— Устоз, а я могу посмотреть «шохимор»?

— Нет, нельзя. Чтобы «шохимор» не пропал бесследно, принесли в жертву быка, семеро мулл прочли молитву над ним. А затем «шохимор» завернули в вату, зашили в мешочек. Теперь Эрмат носит его под мышкой в качестве талисмана.

Вот такой получил я ответ на свой вопрос. Позже я был свидетелем того, как Эрмат без каких-либо вспомогательных предметов голыми руками ловил ядовитых змей: эф, кобр, гадюк и т. д. В этих случаях его главным оружием были спокойствие, уверенность и нежность к своим питомцам. Были такие дни, когда Эрмат плохо себя чувствовал, либо у него было неважное настроение, или

просто не спалось ночью. В такие дни он категорически отказывался работать со змеями. И мне порой казалось, что змеи его понимают.

Однажды, когда мы гостили в кишлаке Таскент, подошла женщина и со слезами на глазах стала просить нас спасти ее корову от «огромного аждархо». Я неоднократно слышал от других об аждархо, но самому еще не приходилось ее видеть. Поэтому без колебаний отправился следом за устозами и женщиной. После нескольких минут ходьбы подошли к большому оврагу, расположенному на берегу реки Карасу. На дне оврага виднелось что-то черное, оказавшееся коровой. Спуск в овраг был довольно сложным, поэтому мы с Эрматом решили спуститься вниз вдвоем. Так и сделали. Когда мы подошли к корове, она оказалась уже мертвой. У ее головы, свернувшись спиралью и расположив в середине колец тела короткую треугольную голову, лежала гюрза. Услышав шорох камыша, она стремительно выпрямилась и угрожающе зашипела. Если бы возле меня не было Эрмата, то я от страха убежал бы. Но я пересилил себя и остался на месте. А мой спутник, как ни в чем не бывало, шел навстречу змее, тихонько насвистывая. Змея, услышав свист, вначале остановилась, а потом вновь свернулась спиралью. Эрмат беспрестанно насвистывал. В полуметре от змеи он остановился и стал пристально смотреть на нее. Потом поднял левую руку, осторожно отвел ее в левую сторону. Повинуясь его движениям, змея также повела треугольной чешуйчатой головой влево. Эрмат наклонился, взял правой рукой змею за шею, а левой за хвост. Как сказал Химмат-морбоз, такую длинную, более двух метров, гюрзу не видел даже он. Поэтому мы положили ее в мешок и унесли в Зарабаг, в свой питомник.

Эрмат очень жалел животных и никогда без надобности их не ловил. И другим не позволял обижать их. Помню, однажды, когда нас не было дома, в гости к нам пришла тетя с сыном. Во время чаепития, откуда ни возьмись, прямо к порогу гостиной приползла молодая гадюка. Испугавшись, тетя подняла крик, а ее сын схватил попавшую под руки скалку и убил змею. Потом же, в доказательство своей храбрости, привязал трофей за хвост к бельевой веревке. Когда мы возвратились, то промолчали, как обязывал закон гостеприимства. Но после этого случая Эрмат почти год не ходил к тете, чтобы не встретиться там с ее сыном.

«Если хочешь морбозом быть, хорошо знай и изучи поведение своих ядовитых питомцев», — постоянно твердили мне мои устозы. И я, путешествуя по ближайшим горам и пустыням, добросовестно изучал жизнь и повадки ядовитых пресмыкающихся и насекомых.

Ученичество у морбозов продолжалось до моего призыва в ряды Советской Армии. После службы закончил биологический факультет Душанбинского педагогического института. Сейчас работаю преподавателем в средней школе.

— Если ты учитель, то как понять твои хождения с такой тяжелой «шарманкой»? — спросил я, указывая на сундук.

— Половину школьных каникул я провожу в Бабатаге и отлавливаю змей для зоологических парков страны.

Наш поезд снизил скорость и остановился на станции Термез. Я взял в одну руку свой портфель, а другой рукой подхватил сундук, чтобы помочь Самату. В окно вагона кто-то постучал. Я увидел незнакомого улыбающегося человека. Мой товарищ, увидев его, радостно засмеялся и пригласил незнакомца в купе. После обоюдных приветствий и объятий Самат представил меня. Так я познакомился с Мусульманкулом-морбозом.

Крыстин Земский

Перевод с польского Н. Плиско

ПАРТИТУРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рисунки В. Будаева

ПОВЕСТЬ¹

ГЛАВА 18

Офицеры, прибывшие на совещание, молча занимали свои места. Обычно, пока секретарша вносила чай и кофе, Зентара обменивался парой слов с каждым, шутил, рассказывал забавные случаи, и только когда она исчезала за дверью, полковник становился серьезным и приступал к делу. Сегодня он даже не поднял головы от бумаг, а в ответ на приветствия бормотал что-то, жестом указывая на кресла.

— Ну, буря идет... — прошептал Врона Бежану на ухо, садясь рядом.

— Мы должны обсудить результаты работы, — начал Зентара, в его голосе чувствовалась сдерживаемая ярость. — Каковы же результаты? Ползаете, как сонные мухи, и все без толку. Видзский погиб из-за нашей нерадивости! Или потому, что оперативный план не был продуман как следует, — это было сказано явно в адрес Бежана.

Бежан молчал.

— Когда вы, наконец, начнете действовать? Если и дальше так пойдет... — Зентара запнулся, у него перехватило голос. Помолчал и добавил спокойнее: — Капитан Покора доложит о фактах, которые на сегодняшний день удалось установить, и дальнейшем плане работы. Потом обсудим.

Покора разложил перед собой листки с записями. Два дня он готовился к этому совещанию, скрупулезно собирал необходимые сведения, факты. Ездил в Управление, навёл справки о Гонтарском.

— Ничего особенного он из себя не представляет, — заявил ему генеральный директор. — Недисциплинирован. Пренебрежительно относится к указаниям руководства. Все делает по-своему, ни с кем не советуясь. У него просто мания величия. Вечные

---

¹Окончание. Начало в № 3.

конфликты, скандалы. Впрочем, подробную характеристику вы можете получить в отделе кадров, у Гулинского. — И он приказал кому-то по телефону: «Немедленно зайдите ко мне с личными делами руководителей Центра».

В дверях кабинета появился высокий плотный мужчина. Бледное, землистое лицо, резко выделяющийся на нем большой красный нос. Маленькие глазки осторожно глянули на Покору и остановились на директоре.

— Личные дела у тебя? — спросил директор, указав кадровику на кресло.

— Так точно, — отрапортовал тот, протягивая стопку папок.

— Проинформируй товарища капитана, — он указал на Покору. — Он ведет следствие по делу о диверсии в Верхославицах. Ему нужны сведения о Гонтарском и Язвинском.

Гулинский заглянул в глаза начальника, как бы проверяя, все ли тот сказал. И, получив знак, что может говорить, осторожно начал:

— Директор Гонтарский — бывший военный. Перед войной закончил школу подхорунжих. Во время оккупации был за границей, служил в дивизии генерала Мачека. Вернулся в Польшу в 1946 году. В 1954-м закончил Варшавский политехнический институт, защитил кандидатскую диссертацию и перешел на научную работу. Два года назад, по рекомендации директора Станиша, был назначен руководителем Центра, который принял от тогдашнего директора Вольского и от меня. Тогда и пропала часть планов важного изобретения. Вольский эти документы Гонтарскому передал, он сам мне об этом говорил. Но новый директор свалил всю вину на своего предшественника. Тогда считали, что Вольский несет ответственность за беспорядки в Центре. А я думаю, Гонтарский — человек ненадежный. Но что делать, — он бессильно развел руками, — не мы решаем...

Покора слушал с интересом.

— Вы считаете, что взрыв — дело его рук?

— Да, товарищ капитан. И не только я так считаю. Сам директор...

— А инженер Язвинский? Что вы о нем думаете?

Гулинский посмотрел на директора. Тот, помолчав, начал:

— Хороший специалист, это несомненно. Но его моральный облик... — он развел руками. — Не ведет никакой общественной работы. Как-то мы обратились к нему с пожеланием ускорить сборку действующей модели. А он, — директор поджал губы, — рассмеялся мне в лицо: «Ускорить можно выпуск кочерги, а не монтаж установки». Так и сказал. Это был явный намек. Дело в том, что по моей инициативе одно из наших предприятий недавно начало выпуск бытовых товаров из отходов основного производства...

— Асоциальный тип. Директор прав, — поддакнул Гулинский. — Политически ненадежен. Поддерживает связи с Западом. Все время получает какие-то письма из Парижа, Вены, Лондона, Нью-Йорка. И никому их не показывает. Бог его знает, какую он информацию отправляет на Запад?! Там-то ему все нравится. А вот у нас — нет. Беспрепятно критикует работу Управления, отрасли, да что там! Однажды на совещании принялся критиковать самого министра! Я думал, вылетит он с работы. Но нет, Гонтарский и Станиш его всегда покрывают. И Язвинский, и Гонтарский — это ведь люди Станиша, что хотят, то и делают, а тот, не задумываясь, поддерживает любое их решение.

Покора тогда все это подробно записал и сейчас докладывал.

— По моему мнению, дело совершенно ясное. Группа людей из Центра, на которых мы должны обратить наше внимание, — это Станиш, Гонтарский и Язвинский.

— Докладывайте факты, а не выводы, — прервал его Зентара.

— Гонтарский и Станиш знакомы еще с довоенных времен, со школы подхорунжих. Во время оккупации Гонтарский был в дивизии Мачека. Станиш воевал на Востоке.

— Я же сказал — докладывайте факты, а не рассказывайте биографии, — голос Зентары приобрел металлическое звучание.

Сбитый с толку Покора начал в третий раз:

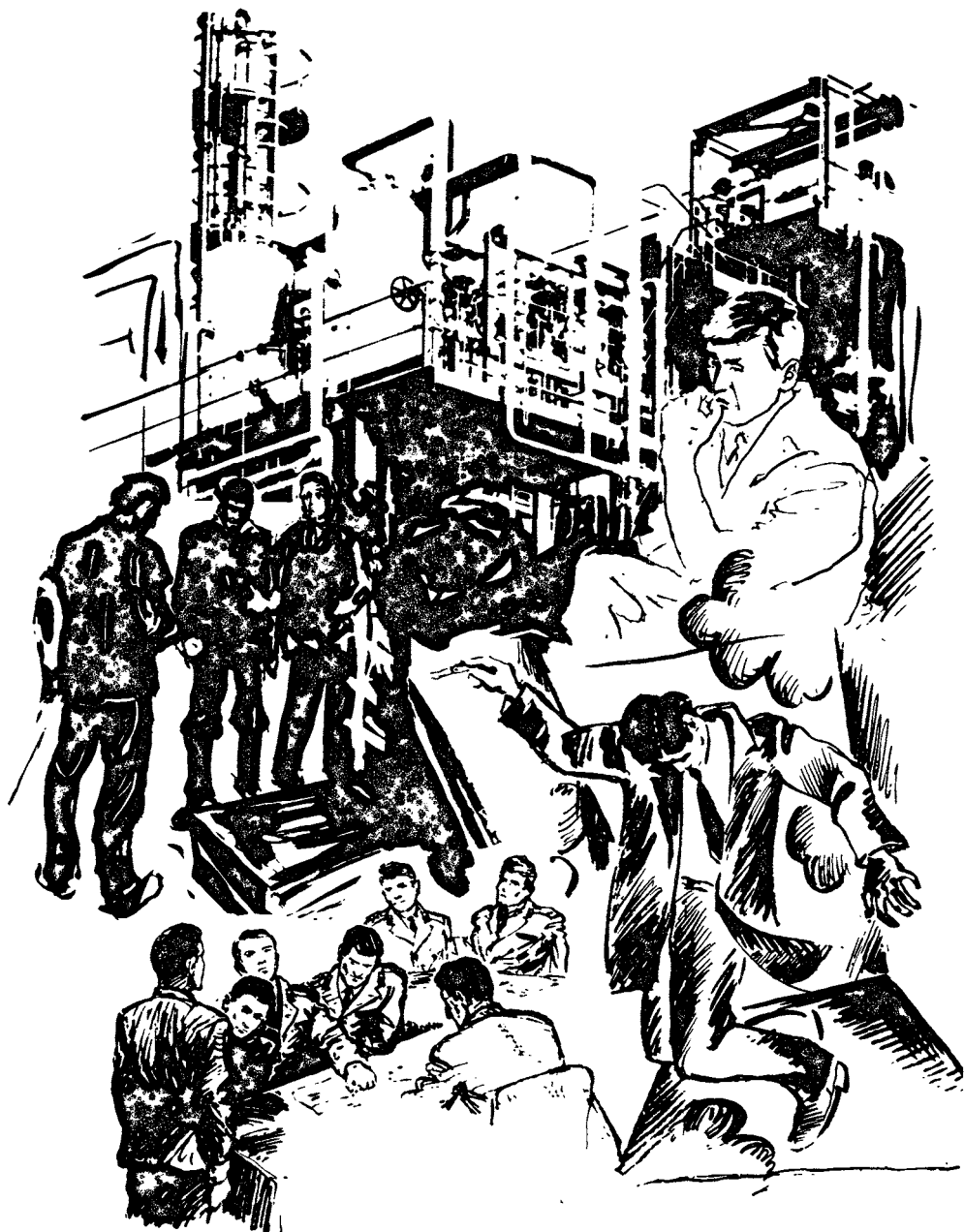
— Двадцать седьмого сентября в тюрьме был отравлен Адам Зелинский. Яд — цианистый калий — был подмешан в зубную пасту иностранного производства. Поскольку было известно, что активизировался новый агент, X-56, который в числе прочих заданий должен был ликвидировать своего провалившегося предшественника, дело было передано нам. Одновременно мы анализировали все случаи убийств и гибели при невыясненных обстоятельствах, так как уверенности, что провалившийся — это Зелинский, нет. После получения телефонограммы о взрыве в Верхославицах, во время которого погибли два человека, мы принялись к производству и это дело, не прекращая анализировать все случаи подобного рода. Но до сих пор ни одна линия, за исключением Верхославиц, не дала ничего интересного.

Первого октября в двенадцать часов дня в цехе номер один взорвался контейнер с нитроглицерином, стоявший на полочке под вентилятором. Включение этого венти-

лятора рабочим Капустой и стало причиной взрыва — воздушная струя столкнула контейнер, сотрясение от падения вызвало детонацию. Несчастный случай следует исключить. В цехе не было никаких взрывоопасных материалов.

Первоначальную гипотезу, что контейнер со взрывчаткой принес в цех кто-то из погибших, мы отбросили. Установлено, что бутылка в кармане пальто рабочего Франтишека Зембы действительно была с водкой. Показания сотрудников подтвердили его вдова и продавщица винного магазина, в котором Земба вечером тридцатого сентября купил эту бутылку. В плоском свертке, который принес на работу Капуста, были камеры для мотоцикла — подарок Зембе. Экспертиза установила, что в воронке находились обрывки обгоревшей резины. Эксперты утверждают, что это могут быть остатки мотоциклетных камер.

Мы установили, что контейнер с нитроглицерином был внесен в цех между 16.00 тридцатого сентября и 7.30 первого октября. Тридцатого сентября после 16 часов на территории Центра находились: директор Центра и его заместитель, инженер Язвиль-

ский, а также прибывший на территорию Центра около 16 часов начальник отдела организации труда Управления специальных исследований Збигнев Вольский, шофер директора и три уборщицы.

Контейнер с нитроглицерином был доставлен в цех следующим образом: окна кабинета директора Гонтарского выходят на прилегающую к зданию конторы крышу второго цеха, граничащую с крышей цеха номер один. Преступник спрыгнул с подоконника на крышу второго цеха, находящуюся на метр ниже окна, а оттуда проник на крышу первого цеха. Он захватил из кабинета директора металлический прут, при помощи которого закрывалось окно, и им снял с петель оконную раму, не повредив замка, а затем поставил контейнер на полочку. Вернулся он тем же путем и положил прут на место. Эта рама уцелела при взрыве. Механоскопическая экспертиза показала, что оконные петли были приподняты и вырваны металлическим предметом. На пруте остались следы, идентифицированные экспертами. Вне всякого сомнения, это именно то орудие, которым воспользовался преступник.

Покора на мгновение замолк, потом глубоко вздохнул и продолжил:

— Таким образом, в число подозреваемых входят люди, которые в данный промежуток времени находились в кабинете директора или же поблизости, то есть Гонтарский, Язвинский и Вольский. Все трое знакомы с расположением зданий, следовательно, могли воспользоваться этим путем, не привлекая внимания охраны. Поскольку Вольский показал, что он ожидал в секретариате, а не в кабинете Гонтарского, как утверждают директор и Язвинский, и двери из конференц-зала в секретариат были закрыты, то либо один из последних, либо оба являются преступниками.

Взрывчатка скорее всего была подложена в термосе. Термос Гонтарского вместимостью в один литр в это время исчез.

Оба подозреваемых обеспечили себе алиби. Гонтарский уехал в Управление и вернулся, когда все уже произошло, а Язвинский, переместив действующую модель, находился во втором цехе. Хочу добавить, — подчеркнул Покора, — что наблюдение установило контакт Язвинского с Куртом Вернером, представителем фирмы, связанной с разведкой Гелена. Именно по приглашению этой фирмы Шаронь выехал в 1962 году в Вену. Кстати, Шаронь до сих пор поддерживает связь с этой фирмой. К тому же именно паспорт Шароня был предъявлен в тюрьме человеком, отравившим Зелинского.

Основываясь на показаниях заключенного Зомбека, а также на нашей собственной информации, анализе обстоятельств дела Зелинского и других данных, можно с уверенностью сказать, что агентом, которого приказал ликвидировать Центр, был Зелинский.

А кто же X-56? — Покора сделал многозначительную паузу для усиления впечатления. — Факты и улики позволяют предположить, что им является директор Управления специальных исследований Вацлав Станиш. Его внешность полностью соответствует описанию внешности «родственника» Зелинского, которое дали охранники. И еще немаловажная деталь — бросающееся в глаза пальто в клетку. У Станиша такое есть. Мы установили, что с двадцать седьмого по двадцать девятое сентября Станиша не было на работе, он якобы болел. Медицинская справка есть в личном деле. Домработница Станиша показала, что его супруга в это время находилась в командировке в Нижней Силезии, а сам он взял машину («Шкода 1000 МБ») и уехал на полтора дня. Вернулся двадцать восьмого сентября вечером. Водитель машины этой марки с варшавским номером и по приметам похожий на Станиша заправлялся на бензоколонке, расположенной между местом, где находится тюрьма, и Варшавой. Машину слегка задел грузовик. Станиш обратился в автомастерскую в Ловиче, где вмятину устранили. Номер машины и фамилию владельца записали.

В конце июля 1966 года Станиш работал в Брюсселе и отправился в двухнедельный отпуск в Италию и Австрию. Время его пребывания в Вене совпадает — это следует из записей в книгах одного из венских отелей — с периодом, когда там находились участники туристической поездки из Польши, в том числе Зомбек и Зелинский.

Хочу подчеркнуть, — продолжал Покора, что Станиш знал Зелинского, до сих пор встречается с его вдовой и лечится у доктора Валя, который находится в дружеских отношениях с Зелинской.

Выяснить все эти вопросы было заданием Видзского. Убийцей может быть только Станиш. У него были и мотивы, и возможность, — продолжал он, приводя факт за фактом.

— Слово представляется майору Бежану.

— Покора упрощает ситуацию. В расследовании много пробелов, — сказал Бежан. — Взять хотя бы события в Верхославицах. Трудно с уверенностью предполагать, что только Вольский говорит правду, и обвинять таким образом директора и его заместителя во лжи. Мы слишком мало знаем Вольского, чтобы верить ему на слово. У него тоже есть мотивы: хотя бы месть Гонтарскому, который пришел на его место. Далее. Если предположить, что целью действий преступника было уничтожение модели

и что Язвиньский с агентом сотрудничает, как пытается доказать Покора, — зачем же тогда Язвиньский буквально в последний момент приказал переместить установку во второй цех?

Далее. Станиш. — Бежан повысил голос. — Улики против него. Но это всего лишь улики, часть которых весьма сомнительна. Словесный портрет «родственника»? Он подходит по крайней мере десяти тысячам граждан Польши. Пальто? У мелкого воришки, которого задержала вроцлавская милиция, было такое же. Заключенный Зомбек, которому показали фотографию Станиша, утверждает, что по фигуре он похож на человека из Вены. Но об идентификации не может быть и речи. Зомбек видел его лишь издали. Станиша не было ни на работе, ни дома двадцать седьмого сентября? Дорожное происшествие? Снова то же самое. Это могут быть улики против него, но нельзя исключать и случайное стечение обстоятельств. То же самое можно сказать и о его пребывании в Вене...

— Слишком много случайностей, — прервал его Зентара. — Смерть Видзского — это, по-твоему, тоже случайность?

Бежан покачал головой.

— Видзского убили. Но Видзский перед смертью успел нацарапать на стене буквы «С», «у», «З» и «ке» или «ко». Думаю, он хотел, чтобы искали среди тех, кто ездил в командировку. Если я правильно понял эту надпись, это исключает Станиша, который не находился в командировке. Смерть Видзского тоже слишком уж связана со Станишем. Нам на него просто пальцем показывают.

— Ты их защищаешь! — не выдержал Покора.

— Это обвинение? — с трудом сдержался Бежан.

— Успокойтесь. — Зентара нахмурился. — Ситуация очень серьезная, а вы тут будете ругаться. Слушай, Юрек, — он обратился к Бежану, — если бы мы знали канал связи, я бы арестовал всю эту троицу. Каковы твои выводы?

— Мы не имеем права, естественно, ни на минуту спускать с них глаз. Но я не вижу необходимости в других мерах. Следует наблюдать и за Вольским. Мы должны найти канал связи.

— Капитан Покора, ваши выводы?

— Немедленно задержать подозреваемых. Следует лишить их возможности действовать. Связь с центром наверняка идет по линии Язвиньский — Вернер. Когда мы возьмем их — все скажут!

— Похоже, Покора прав, — вслух размышлял Зентара. — Положить конец их деятельности — вот самое главное.

— Дайте мне десять дней, — сказал Бежан, — дайте людей и разрешите действовать на свой страх и риск. Я доведу это дело до конца. А если не сумею — подам в отставку.

Зентара надолго задумался.

— Хорошо, — наконец решил он. — Даю тебе десять дней и ни минуты больше. А отставка — это, конечно, глупость, — он пожал плечами. — Даже говорить об этом не хочу. Действуй.

Когда совещание уже кончилось, он задержал выходящего из кабинета Бежана.

— И что ты так уперся?

— Что-то мне тут не нравится. Слишком много шума. Разведчики работают тихо. Или же у них совсем не та цель. Что-то мне тут не нравится, — повторил он. — Эти улики и доказательства, которые сами собой появляются каждый день, слишком уж направленная информация — как будто кто-то хочет убедить нас, что мы на правильном пути. В подозрениях, которые падают на Станиша, Гонтарского и Язвиньского, слишком много «логических» улик и слишком мало психологической правды, — добавил он, закрывая за собой дверь.

ГЛАВА 19

Бежан ехал в Верхославицы в подавленном настроении. Десять дней. «Не переоценил ли я свои силы? — размышлял он. — Что за дьявольская головоломка! Все сходится, и ничего не сходится, как будто кто-то вместо нужных аргументов подсунул фальшивые. Факты, улики, данные — все указывает на тех троих. Но если присмотреться к подозреваемым поближе — ни одно из обвинений не соответствует характерам и убеждениям. Официальные характеристики? Они так часто подводят». Он подумал о Гонтарском. Было совершенно ясно, почему так плохо по отношению к нему настроены Гулинский и Вольский. Он сместил их с постов, выставил из Центра. Теперь они пытаются хоть как-то ему отомстить. А руководство Управления, с которым они в дружбе, приняло их оценки за свои, тем более, что Гонтарский восстановил против себя началь-

ство, критикуя его работу. Но и к хвалебным гимнам Станиша тоже нельзя относиться всерьез. Он в дружеских отношениях с директором и его заместителем, сам предложил их кандидатуры. Их поражение — это и его поражение.

Военные специалисты прекрасно отзывались о результатах работы нового руководства Центра. Их оценка — это действительно оценка труда. Ежедневной, тяжелой работы. А сотрудники... Как это они говорили о Гонтарском? «Требовательный, гоняет до седьмого пота, но и заботится о людях. Помогает». Язвиньского бригада ценит как хорошего специалиста. Его любят за непосредственность, скромность, почти дружеские отношения с рабочими.

Казалось, в Управлении должны были бы высоко ценить Гонтарского и Язвиньского. Однако из рапортов Видзского следовало, что кадровики и некоторые другие сотрудники отзывались о всех троих — Гонтарском, Станише и Язвиньском, как о людях весьма ненадежных. Мнение это подтвердили и материалы, собранные Покорой. Почему? Было ли здесь чье-то скрытое влияние или какие-то неизвестные до сих пор факты и основанное на них мнение? А может, зависть, которую так часто вызывают чужие успехи? Надо было серьезно поинтересоваться причинами и источником этих разговоров, распространившихся в Управлении, отметил он для себя. Похоже, это может стать важной ниточкой. Выяснение первичных источников и мотивов могло объяснить многое, очень многое. Бежан знал механизм возникновения слухов, хороших и плохих характеристик, в которые очень часто совершенно искренне верило начальство, уверенное, что это и есть их собственные наблюдения и взгляды, не понимающее, что как раз эти-то мнения им были ловко подсунуты кем-то. Кем-то, заинтересованным в вознесении одного и смещении другого.

Занятый этими размышлениями, он не заметил, как доехал до Центра.

Гонтарский и Язвиньский ждали его с нетерпением. То, что он обещал объяснить причины и ход происшедших событий, наэлектризовало их. Но Бежан оттягивал начало разговора, ждал Вольского. Вся троица была необходима для проведения эксперимента, идея которого появилась у него вчера. Именно с этой целью он попросил Станиша под любым предлогом в условленное время послать Вольского в Центр. Бежан то и дело поглядывал на часы, а Вольского все не было. Когда наконец Вольский с портфелем под мышкой вошел в кабинет, майор вздохнул с облегчением. Теперь можно было начинать.

— Я обещал вам поделиться информацией о ходе расследования обстоятельств, связанных со взрывом на территории Центра, — медленно начал он. — Так вот, мы уже знаем, каким образом преступник пронес в первый цех смертоносный груз, — он замолчал, внимательно следя за их реакцией.

Гонтарский и Язвиньский смотрели на него с интересом. Вольский слегка побледнел.

— Как же это произошло? — не выдержал Язвиньский. — Каким чудом? Как он прошел?

— Как прошел? — повторил Бежан, вставая с места. — А вот так, — и показал на окно.

— Через окно моего кабинета? — изумился Гонтарский. — Когда?

Бежан снова обвел взглядом своих собеседников. Язвиньский сидел напряженно, будто прирос к креслу. Вольский опустил голову, только судорожно стиснутые на подлокотниках руки говорили о том напряжении, с которым он слушал Бежана.

— Прежде чем я отвечу на ваш вопрос «когда?», я начну с того, как это произошло. Преступник выпрыгнул из окна на крышу второго цеха, прихватив с собой железный прут, который лежал на подоконнике. Прошел на крышу первого цеха, прутом приподнял и вырвал петли окна, выходящего на крышу, приоткрыл его и поместил взрывчатку на заранее выбранном месте... — Бежан помолчал и продолжал рассказ: — Наши эксперты установили, что именно этот прут, — он показал на него рукой, — и стал орудием, с помощью которого преступник вырвал петли на раме. Следы видны невооруженным глазом. Видите, краска на нем содрана.

Он не переставал наблюдать за ними. На лице Гонтарского — изумление. Язвиньский напряженно смотрит куда-то вдаль, словно обдумывая услышанное. В глазах Вольского — затаенный страх.

— Когда это случилось? — прервал напряженное молчание Гонтарский.

— Тридцатого сентября вечером...

— Но тридцатого сентября вечером мы все сидели здесь до шести часов! — воскликнул Гонтарский. — Кроме нас на территории Центра были только уборщицы и водитель, который потом отвез нас в Варшаву. Так кто же? — На лбу у него вздулись вены. И вдруг, словно проснувшись, он произнес: — Надеюсь, вы нас не подозреваете?

— Ответа не последовало.

— Вы подозреваете нас. — На этот раз его слова прозвучали утвердительно. Гонтарский закрыл лицо руками. Язвиньский не спускал изумленных глаз с лица Бежана. Вольский отвернулся.

— Я подозреваю всех, кто имел возможность совершить это, — спокойно ответил Бежан. — Всех без исключения. Поэтому я хотел еще раз поговорить с вами. Каждая деталь может оказаться важным звеном и помочь в раскрытии преступления. Если вы заинтересованы в том, чтобы задержать преступника... — он специально умолк на середине фразы.

Язвинский встал, подошел к окну. Открыл его. Долго смотрел на металлический прут. Вдруг выпрыгнул на крышу и исчез из их поля зрения. Через пару минут вернулся, перепрыгнул через подоконник в кабинет.

— Да, похоже, так оно и было, — констатировал он с удивительным спокойствием. — А я и не подумал о такой возможности. Как вы догадались?

Бежан улыбнулся.

— Я тщательно обследовал уцелевший цех. Он ведь точно такой же, как и разрушенный. Я смотрел на крышу. И тогда один из рабочих сказал: «Не с потолка же упало?» И меня осенило. А почему бы и не с потолка? Остальное выяснили эксперты.

Бежан старался говорить непринужденно, словно не чувствуя нараставшего в кабинете напряжения.

Вольский встал.

— Ну, я пошел. Это документы, которые я должен был вам передать, — он положил на письменный стол Гонтарскому папку с бумагами.

— Подождите немного, — обратился к нему Бежан. — Я еду в Варшаву, подвезу вас. А по дороге поговорим.

Вольский кивнул. На лбу у него выступил пот.

— Спасибо, — произнес он хрипло. — Я буду готов через десять минут. Только забегу в контору, у меня там еще кое-какие дела. — И он выскользнул из кабинета.

— Теперь я понимаю, что меня тоже подозревают. И наверное об этом уже говорят вслух, потому что люди обходят меня стороной, словно зачумленного. Некоторые даже переходят на другую сторону улицы, лишь бы не столкнуться со мной, — говорил Гонтарский то ли Бежану, то ли себе. — Только Станиш ведет себя по-прежнему.

Оглушительный грохот прервал его монолог. Все трое выбежали из кабинета, ворвались в секретариат.

— Что случилось? — почти закричал Гонтарский.

Секретарша ошалело уставилась на них. Они выбежали в коридор. Здесь уже стали собираться сотрудники.

— Модель! Это наверняка там! — Язвинский стрелой помчался вниз. Они за ним следом. Но во втором цехе все было в порядке. Оттуда уже выбегал Язвинский.

— Слава богу, здесь все нормально! — крикнул он.

— Что-то взорвалось в конторе!

Они побежали туда.

— Сюда, скорей! — один из сотрудников показывал в конец коридора.

Место взрыва, словно дорожный знак, указывала лежащая на полу сорванная с петель дверь туалета. Они подошли ближе. На полу в крови, пыли и осколках кафеля лежал Вольский. Он был мертв. Вольский? Его можно было узнать только по одежде. Лицо было изуродовано.

— Никому не входить сюда! И ничего не трогать, — приказал Бежан.

Из секретариата он позвонил к себе и отдал соответствующие распоряжения.

ГЛАВА 20

— Это я виноват. Решил провести эксперимент. Ну и вышло как в анекдоте: «Операция удалась, пациент умер». — Бежан говорил не с Зентарой, а сам с собой. Руки на подлокотниках чуть дрожали.

— Успокойся. Такого финала ты не мог ожидать.

— Я должен был предвидеть, что кто-то из них, истинный виновник, может отреагировать именно так. Я загнал его в угол, напугал до смерти. Он решил, что провалился и выхода нет. Что мы все знаем. И принял отчаянное решение. И снова мы в тупике.

— Не такой уж это тупик. Юрек, возьми себя в руки. Ведь смерть Вольского подтвердила твою версию. Если преступником оказался он, значит, я ошибался, предлагая задержать тех троих подозреваемых. Смерть Вольского очищает от подозрений Гонтарского.

— Я лишь одного не понимаю, — вслух размышлял Бежан. — Если Вольский всегда имел при себе взрывчатку, почему он не решился ворваться в цех, где находится модель, и погибнуть там? Может быть, взрыв повредил бы машину. Похоже, он не ждал взрыва. У меня такое ощущение, — продолжал он, — словно я иду, держась за нитку, которую мне кто-то специально вложил в руку. Все шиворот-навыворот.

— Что ты хочешь этим сказать?

Бежан провел рукой по лицу.

— Агенты Гелена обычно стараются выполнять свои задания тихо, избегая лишнего, опасного для них шума. А в этом деле все наоборот. Будто кто-то специально оставляет визитные карточки, чтобы вызвать переполох. Взрыв в Верхославицах не имеет никакого смысла, если посмотреть на него с точки зрения реальных результатов. Даже если бы действующую модель удалось уничтожить, какая от этого польза? Испытания будут отложены. Ну и что? Чертежи надежно укрыты в сейфе по инициативе инженера Язвиньского. Кстати, это тоже кое-что о нем говорит.

— Ты ничего не сказал об этом на совещании. Почему?

— Покора вывел меня из себя.

— Это очень добросовестный работник, он искренне верит в то, что делает. Ты и сам это прекрасно знаешь.

— Но он слишком легко поддается влиянию привычных схем. Начинает с «пятен» в биографии, которые ни о чем не говорят. Верит во все дурное, что наговаривают на человека, не задумываясь над тем, чем может быть вызвано это негативное мнение. Но ведь все мы знаем, сколько в таких сплетнях бывает яда зависти, раздражения, мести, оскорбленного самолюбия. Так бывает всегда, если маленькие люди оказываются на слишком высоких постах. А Покора к таким сомнительным характеристикам подгоняет улики. Опасный метод.

— Так что же с этим взрывом? — сменил тему Зентара.

— Раз уничтожение действующей модели лишь отодвигало начало испытаний, зачем в таком случае весь этот шум, вызванный взрывом, привлекая наше внимание именно к Верхославицам? Ведь мы начали расследование, организовали наблюдение за всеми, кто имеет доступ на территорию Центра, таким образом, агент потерял всякую возможность продолжать свою деятельность. Зачем все это? Не вижу цели, а цель, несомненно, существует.

Смерть Видзского. С одной стороны, все, казалось бы, ясно: убрать опасного человека, который, возможно, сам себя чем-то выдал. С другой стороны, если принять за чистую монету улики против Станиша, возникает вопрос: неужели X-56 так глуп, что всюду, как нарочно, оставляет свои следы, облегчающие нам работу по его поимке?

Зентара слушал Бежана, шагая из угла в угол.

— Что-то в этом есть, — пробормотал он. — Значит, ты думаешь, что они водят нас за нос... Но как в твоей концепции уместается смерть Вольского?

Бежан задумался.

— Думаю, что это был первый конкретный след. И он оборвался. Никогда себе этого не прощу.

Он замолчал. Завонил телефон. Зентара взял трубку.

— Да. Хорошо. Он сейчас будет у себя. Слушай, Юрек, — обратился он к Бежану, — звонили из министерства. К ним обратилась журналистка Эва Гонтарская, жена директора из Верхославиц, просит помочь ей встретиться с тобой.

Бежан поморщился:

— Наверное, муж ее подослал.

Через минуту он уже ждал ее в своем кабинете.

Когда майор встал из-за стола, чтобы поздороваться с вошедшей женщиной, то застыл потрясенный. Невероятно похожа на Марию. Те же темные, гладко причесанные волосы, те же большие карие глаза, даже улыбка похожа. Он с трудом взял себя в руки.

— Прощу, — указал он на кресло. — Чем могу служить? — Бежан старался не выдать своего волнения.

— Я пришла к вам по очень сложному делу, — начала она.

Бежан опустил глаза.

Тот же голос, мелодичный, низкий. Прошлое вдруг ожило, знакомые черты встали перед глазами. «Случайное сходство, всего лишь случайное сходство, — мысленно повторял он. — Мария мертва».

— Я вас слушаю, — хрипло сказал Бежан.

— Постараюсь говорить кратко — я пришла в связи с делом моего мужа, Януша Гонтарского. Вы хотите арестовать его... — Она умолкла.

— Почему вы так думаете?

— У меня на работе все знают о том, что произошло. На меня уже начинают коситься в редакции. Жена человека, подозреваемого в диверсии и бог знает в чем еще...

— Понимаю. Но вы не ответили на мой вопрос. С чего вы взяли, что мы хотим арестовать вашего мужа? Кто вам сказал?

Она пожала плечами.

— Не знаю. По-моему, все так думают. Некоторые знакомые не узнают меня, другие стараются бывать у нас как можно реже. Муж от всего этого совершенно не в себе. Мы хотели расстаться... Еще до всех этих событий. Но теперь, в такой ситуации... Я не могу уйти... Хочу помочь ему. Впрочем, может быть, и я... — Ее голос дрогнул.

Он не мог спокойно слушать этот голос. В нем проснулась давно забытая нежность. И вдруг он неожиданно для себя решился.

— Я не собираюсь арестовывать вашего мужа. — Он впервые посмотрел ей прямо в глаза. — Но меня интересует источник этих слухов. Откуда они взялись, каким образом так быстро распространяются. Вы журналистка. Может быть, вы можете нам собрать материал, осторожно выяснить, кто что слышал и от кого. Хотелось бы установить источник слухов. Но только — никому об этом ни слова. Даже вашему мужу не рассказывайте, что были здесь. Вы знакомы с Зофьей Рейент? — спросил он, наблюдая за ее реакцией.

Она кивнула.

— Да, знакома. Я когда-то писала об эстраде. Она с этим связана. Как-то пригласила меня в гости, познакомила с актерами. Видимо, хотела, чтобы я как следует узнала людей этого круга, прежде чем стану писать о них.

— Каковы были ваши впечатления?

Она ответила, не задумываясь:

— Это очень своеобразный мирок, где все воюют друг с другом. В конце концов, речь идет о выступлениях, славе, деньгах. Вот они и крутятся вокруг Рейент.

— На этом вечере был кто-нибудь из ее родственников?

— Только сестра, Ванда Зелинская.

— Когда это было?

— Точной даты не помню. В конце сентября.

— Кто-нибудь из присутствующих спрашивал вас о муже, о том, как идут дела в Центре?

Она задумалась.

— Нет. Вроде бы, нет. Погодите, что-то такое, кажется, было. Кто-то спрашивал у меня про мужа. — Она замолчала, отыскивая в памяти лицо и фамилию. — Это был врач. Известный врач — доктор Валь.

— О чем он спрашивал?

— Да какая-то светская болтовня. Кто-то заговорил о болезнях, кто-то поддержал, я сама подбросила пару слов о темпе жизни и его влиянии на рост числа нервных заболеваний. Тогда доктор Валь и спросил в шутку, не опираюсь ли я на свой семейный опыт и здоров ли муж. Он утверждал, что многие руководители секретных предприятий страдают нервными расстройствами...

— Упомянули ли вы когда-нибудь, что в Верхославицах проводятся секретные исследования?

Она подняла на него удивленные глаза.

— Нет. Я никогда не говорю на эту тему. Даже мои коллеги понятия не имеют, какие работы ведутся в Центре. Действительно, это очень странно! Откуда он мог узнать? — Она нахмурила темные брови. — Я как-то не задумывалась над этим. Только сейчас...

— Зайдите еще к Рейент. Под любым предлогом. Следует знать, дошли ли до нее слухи о подозрениях, касающихся вашего мужа. А потом дайте мне знать, — он продиктовал ей номер своего телефона.

— Спасибо вам за все, — в ее голосе звучала неподдельная искренность. — Я не ожидала такого приема. Рада, что познакомилась с вами...

Поднося ее руку к губам, он почувствовал, как у него сжалось горло. «Видно, от прошлого не уйти. Вечно возвращающийся девятый вал», — мелькнуло у него в голове. Он с трудом взял себя в руки.

Круг Зелинской, Валь и эти слухи? Может быть, именно здесь стоит искать оборвавшийся след?

ГЛАВА 21

— Вы записаны на сегодня? Фамилия? — Сидящая за столиком пожилая женщина в белом халате заглянула в список пациентов.

— Да. Меня зовут Вацлав Вардецкий. — Бежан любезно поклонился.

Она нашла его фамилию в списке.

— Ваш номер восьмой. Пройдите в приемную. Пан доцент вас вызовет. Будьте добры оплатить счет.

— Заранее? — удивился он, доставая бумажник.

— Видите ли, с некоторыми пациентами бывают недоразумения. Поэтому... Если хотите лечиться у хорошего врача, не следует считаться с расходами.

Бежан заплатил и вошел в просторную приемную. Увидел свободный стул рядом с сидящей женщиной.

— Разрешите?

— Пожалуйста. Место свободно, — отозвалась она, не поднимая глаз от журнала. Он взял со столика газету. Развернул «Трибуна люду» и, прикрывшись ею, стал наблюдать за пациентами. Какие-то сонные, вялые. Обычно в очереди к врачу ведутся разговоры о болезнях и лекарствах, здесь этого не было...

Сразу же после разговора с Гонтарской Бежан приказал принести сведения по наблюдению за Зофьей Рейент и доктором Валем, внимательно прочел их.

В донесениях, касающихся Рейент, не было ничего интересного. Она покровительствовала некоторым актерам, приглашала их на вечера, помогала устраивать заграничные гастроли. У Рейент время от времени бывал доктор Валь. Это подтверждало слова Гонтарской — Эвы, как мысленно называл ее Бежан. Она напоминала ему Марию, была как бы продолжением той, погибшей. Он думал о ней с нежностью, на которую, как ему казалось, уже не был способен.

Эва позвонила ему через пару дней после их первой встречи и сообщила, что Рейент, раньше такая гостеприимная, любезная, приняла ее холодно, на вопросы отвечать отказалась, сославшись на какое-то последнее распоряжение министра, и вообще отнеслась к Гонтарской как к назойливому непрошеному гостю, лезущему вдобавок не в свое дело.

— Кажется, ничего у меня не получается, — сказала Эва, когда они встретились в «Сюрпризе». — Какая-то стена выросла передо мной. Стена изоляции и подозрительности. Как будто я отравила как минимум пару человек. — Эва пыталась шутить, но Бежан видел, что она в отчаянии.

Он утешил ее как мог, и из кафе она вышла улыбающаяся и полная желаний продолжать поиски. На этот раз она должна была под тем предлогом, что готовит серию статей о нервных заболеваниях, зайти к доктору Валу и напомнить об их разговоре.

— Он знает, знает обо всем, — рассказывала она Бежану по телефону после встречи с доктором. — Принял меня холодно, неприязненно. Потребовал письменного разрешения министра, только тогда он согласен говорить со мной. В приемной его ждал какой-то мужчина, иностранец. Видимо, врач, потому что секретарша обращалась к нему «гerr доктор».

Бежан договорился о встрече с Гонтарской на следующий день, а сейчас, сидя у врача, ругал себя на чем свет стоит. Как можно было так прозевать? Давно следовало установить наблюдение за Валем. Врачебный кабинет и больница — это идеальная явка. Легко затеряться среди пациентов, легко передать и получить информацию. Откуда Валь знал о Центре и испытаниях, которые там ведутся? Почему в записной книжке Вольского, роль которого в деле уже не вызвала сомнений, оказался домашний телефон Валя, записанный на полях, без фамилии? Вольский и Валь. Вольский был снабжен смертоносной авторучкой, видимо, на случай провала, который, как он считал, и наступил. Экспертиза обломков авторучки позволила установить, что материал, из которого она была изготовлена, иностранного происхождения, а сама авторучка содержала крохотный тайник, где и находилась взрывчатка. Вольский устроил взрыв в Центре. Каким образом он оставил контейнер с нитроглицерином в Верхославицы, уже было известно. Рабочие, восстанавливающие разрушенный цех, нашли в водосточной трубе патронташ. В его кармашках, как установили специалисты, могли уместиться ампулы с нитроглицерином. Секретарша, допрошенная после смерти Вольского, вспомнила, что тридцатого сентября он был какой-то не такой, как обычно, угнетенный. Она даже спросила, не болен ли он, потому что Вольский даже двигался с трудом. Он проворчал, что плохо себя чувствует и что если бы не приказ Станиша, ни за что не появился бы в Центре.

— Я оставила его с директором и инженером Язвиньским, — сказала она. — Он ждал конца рабочего дня, чтобы с ними вернуться в Варшаву.

Гонтарский, придя в себя после шока, вызванного смертью бывшего директора, вспомнил, что у Вольского в тот день были грязные брюки, и когда везший их в Варшаву шофер спросил, где он так испачкался, Вольский пробормотал что-то невнятное. Эти мелочи только сейчас приобрели значение, фрагменты начинали складываться в целое. X-56? Нет, скорее пешка в чужой игре. Но эта пешка могла привести к ферзю. Бежан приказал собрать самые подробные сведения о Вольском, его связях, знакомствах, проверить всю его биографию. Одна ниточка оборвалась. Надо было искать другую. Номер телефона доктора Валя мог стать путеводной нитью. Бежан решил лично познакомиться с Валем. Доктор Могельский, консультант-психиатр, подготовил для Бежана историю болезни Вацлава Вардецкого. С этими документами и ждал сейчас Бежан приема. Его немного смущало то, что он не уведомил Зентару о своем новом эксперименте, но тот наверняка не дал бы согласия. Поэтому Бежан решил молчать. Ведь никакого риска, как он думал, не было. Валь его не знал.

Скрип двери вывел его из задумчивости. Он поднял голову от газеты и увидел, что в дверях кабинета стоит Чеся Кобельская. За ней, в глубине, белела фигура врача.

Один взгляд, и Чеся бросилась к Бежану:

— Как, вы здесь, пан майор!

— Это ошибка. Я вас не знаю, вы приняли меня за кого-то другого, — равнодушно ответил он, изменив голос.

— Не может быть, у меня та-акой глаз! — кокетливо улыбнулась она, совершенно не смущенная его поведением.

«Вот не повезло! — Бежан был в ярости. — Может, Валь не заметил».

За следующим пациентом закрылась дверь.

— Я вас не знаю, — повторил он. — И не люблю, когда ко мне пристают незнакомые женщины.

Их разговор привлек внимание пациентов. Все смотрели на него. Он подумал, не исчезнуть ли по-английски. Но если Валь видел эту сцену, а Бежан, заплатив немалую сумму, исчезнет, то не заподозрит ли доктор, что за ним следят? И снова ниточка оборвется. Пройдет немало времени, прежде чем удастся найти еще какой-нибудь след. А осталось всего восемь дней. X-56 действует. Бежан решил остаться. Однако ему было не по себе. Приемная опустела. Теперь в ней остались лишь Бежан и сорокалетний мужчина с бледным, беспокойным лицом и бегающими глазами. Бежан обратил внимание на неестественно расширенные зрачки — симптом психического заболевания.

Вновь открылась дверь. И вновь назвали другую фамилию. «Хочет принять меня последним, — понял Бежан. — Может быть, ему требуется больше времени, чтобы проверить, не симулирую ли я? — успокаивал он себя. — И все-таки зря я не оставил записки, куда и зачем иду...»

Его сомнения прервал низкий хриплый голос:

— Пан Вацлав Вардецкий.

ГЛАВА 22

Зентара нетерпеливым движением поднял трубку:

— Я просил Бежана зайти ко мне. Почему его до сих пор нет?

— Товарищ полковник, — объяснила секретарша, — на службе его нет. Звонила домой — и дома нет.

— Вызовите капитана Покору.

Через две минуты появился Покора.

— Где Бежан? — голос Зентары приобрел металлические нотки — как всегда, когда полковник был чем-то встревожен.

Покора развел руками:

— Не знаю, что с ним произошло, товарищ полковник. На восемь тридцать он назначил нам с Вроной встречу. Поручик до сих пор его ждет.

— Вызовите Врона.

Но и Врона сказал лишь, что Бежан приказал ему к восьми тридцати приготовить отчет о наблюдении за доктором Валем, а также представить список пациентов, которых Валь принимал в больнице и в своем частном кабинете.

— Почему Бежан поручил так тщательно наблюдать за Валем?

— В записной книжке Вольского мы нашли домашний телефон доктора Валя. Без фамилии. Наблюдая за связями Зелиньской, пришли к выводу, что Валь спекулирует лекарствами иностранного производства, наркотиками, а часто выезжая за границу, скупает там медикаменты. Произле того, как была собрана эта информация, Бежан приказал взять Валя под тщательное наблюдение. Он подозревал, что его контакты с Западом не ограничиваются только спекуляцией.

— Хорошо. Продолжайте следить за Валем. Но что с Бежаном? Какие у него были планы на вчерашний вечер?

Оба ничего об этом не знали.

— Дал задание на сегодня и ушел. Куда-то спешил, — объяснил Врона.

Зентара снял трубку.

— Соедините меня с офицером, дежурившим вчера. Немедленно.

— Нет, товарищ полковник, Бежан не сказал, куда идет, и не оставил никакой записки, — ответил на вопрос Зентары капитан Антчак.

— Возьмите мою машину, — приказал Зентара Вроне. — Поезжайте к Бежану домой. Может, проспал. Зайдите к соседям, спросите, видели ли они его вчера вечером. Только без лишнего шума. Вы, — обратился он к Покоре, — проверьте, не появлялся ли он в Управлении и в Центре? Жду донесений.

Зентара принялся расхаживать по кабинету. Размышлял.

«Что же могло произойти? Бежан, как и Видзский, никогда не подводил. Видимо, случилось что-то непредвиденное. Опять придумал какой-то эксперимент? И не сообщил мне, опасаясь, видимо, что я не разрешу. Черт побери, опять эти партизанские методы работы! Ну я ему покажу, когда вернется...»

Открыл дверь, вошел в секретариат.

— Немедленно затребуйте все донесения о несчастных случаях из городской комендатуры. И запросите «скорую помощь». Впрочем, нет, вызовите ко мне доктора Гавлика.

У секретарши дрожали руки. Она тоже была расстроена. Бежана все любили. Ей, Басе, он очень нравился, она охотно приняла бы ухаживания симпатичного офицера, но он никогда не проявлял такого желанья, относился к ней, как к доброму другу. «Никак он не может забыть ее, — думала Бася. — Но все пройдет. Живые сильнее мертвых. Время залечит все раны. Может быть, и обо мне подумает».

Она заботилась о Бежане. Крепкий кофе, такой, как он любил, всегда был готов. И бутерброды, когда он оставался поработать вечером. Бася угадывала его желания, мгновенно исполняла все просьбы. Бежан, она эта знала, ценил ее доброе к нему отношение. Всегда благодарил. Один раз ей даже удалось пригласить его на кофе, правда, только в служебный буфет. Но он обещал, что вот управится с работой... Но когда же, наконец, у него не будет срочной работы?! Она не напоминала ему о его обещании. Сейчас она тоже как могла участвовала в поисках пропавшего. Она выставляла за дверь всех, кто пытался пройти к Зентаре.

— Он занят и страшно зол. Не морочьте ему голову сегодня, — объясняла она.

Зентара действительно был зол. Он даже не просмотрел отчеты о результатах расследований, которые еще вчера потребовал от всех руководителей групп. Зентара нервно перелистывал рапорты городской комендатуры, ища лишь одну фамилию. Но этой фамилии там не было. Не было ее и в списке вечерних и ночных пациентов «скорой помощи», которые принес доктор Гавлик.

— Проверьте еще дежурные больницы, может, привезли ночью... — он не успел докончить, а доктор Гавлик уже выскочил из кабинета — он понимал, что ситуация критическая.

Тревога Зентары росла с каждым часом. Врона привез известие, что вечером Бежана дома не было. Соседка сказала, что заходила к нему около десяти часов, звонила в дверь, никто не открыл. На телефонные звонки он тоже не отвечал. Никакой записки, куда пошел, где его искать, не оставил. Дворничиха заявила, что ждала его вечером, Бежан должен был забрать у нее плащ, с которого она сводила пятна.

— Только мне дает чистить. Лучше вас, говорит, никто не сделает. — Охотно болтала дворничиха. — Золотые, говорит, у вас руки. И все делаете в срок. Ему важно было, чтобы плащ к вечеру был готов. Я спросила, не на свидание ли он собрался. А он ничего не ответил, только улыбнулся и побежал на работу... А за плащом не зашел. Значит, вечером его дома не было.

Вроне едва удалось прервать этот словесный поток. Он оставил у дворничихи записку для Бежана и попросил, чтобы она отдала ему, как только тот вернется.

— Как придет, сразу отдам, — обещала она. — Вежливые знакомые у pana Бежана.

Докладывая о результатах поисков, Врона смотрел на хмурое лицо Зентары. Тот спросил:

— Покора тоже ничего не узнал?

— Нет.

— Проверьте шаг за шагом, что Бежан делал с утра. Может, нападете на след.

— А может, товарищ полковник, осмотреть письменный стол Бежана и его сейф, — неуверенно предложил Врона.

Зентара согласился.

— Идемте.

Они внимательно просмотрели все записи. Открыли сейф. Ничего. Документы и протоколы экспертизы, небольшой пакетик с кассетой.

— Магнитофон, быстро, — приказал Зентара.

Врона вставил кассету.

«— Слушаю, — послышался голос Бежана.

— При Гонтарском из Центра пропали чертежи, — хрипел незнакомый голос. — Товарищ майор, обратите внимание на Гонтарского и его шайку».

Голос умолк, пленка продолжала бесшумно наматываться. Зентара выключил магнитофон.

— Кому и когда удалось узнать, что Бежан ведет это расследование? Он ничего не рассказывал мне об этом телефонном звонке. А может быть, здесь и следует искать секрет его исчезновения? Кто-то разгадал его. Он ничего не сказал мне, — машинально повторил Зентара. И вдруг словно очнулся: — Поручик Врона! Немедленно организовать наблюдение за всеми сотрудниками Управления!

— Людей не хватит, — возразил Врона. — Одну группу мы перебросили на наблюдение за Валем и его контактами. А еще Гонтарский, Язвинский, Станиш, Вернер...

К Зентаре вернулась активность. Он снял трубку, набрал номер и приказал:

— Немедленно отдай десять человек в распоряжение поручика Вроны, — и, не

слушая возражений, бросил трубку. — Распорядишься людьми, как я сказал. Надо обязательно установить, кто, кроме Станиша, Гонтарского и Язвиньского, знал, кто такой Бежан, его служебный телефон и то, что он ведет следствие по этому делу. Надо осторожно проверить, может, кто-то из тех троих проболтался родственникам или знакомым. Может быть, нечаянно услышала что-то секретарша? Возможно, таким образом мы узнаем, что случилось с Бежаном. Не исключено также, что это поможет нам добраться и до вражеского агента.

Врона вышел. Зентара упал в кресло, закрыл лицо руками. Бежан был его лучшим другом. «Был», — он поймал себя на этом слове. «Нет, нет, есть!» — уговаривал он себя. Взглянул на часы. Шесть часов вечера. Надежда таяла с каждой минутой.

ГЛАВА 23

Бежан пришел в себя. Сквозь мглу, застилающую глаза, увидел белые стены, мебель. Чужая комната. «Где я? Что это значит?» — Он хотел встать и не смог. Что-то удерживало его. Что? Он приподнял голову, осмотрел постель, на которой лежал. Одеяло было натянуто до подбородка. Осторожно повернул голову. Боль пронзила его. Он замер, закрыл глаза. Какие-то нестройные, бессмысленные видения застлали сознание. «Может быть, все это сон, кошмарный сон, — подумал он. — Я должен проснуться». Снова попытался повернуть голову. Та же страшная боль. Теперь он боялся пошевелиться, глубоко вздохнуть.

Звякнул поворачивающийся в замке ключ. Скрипнула дверь. Его это не интересовало, он всем своим существом ожидал минуты, когда исчезнет боль. Кто-то откинул одеяло, взял его руку... Бежан заставил себя открыть глаза. Фигура в белом наклонилась над ним. Укол. Снова чудовищный приступ боли, которая затем внезапно прошла. И такое чувство, словно он летит в пропасть...

Он снова очнулся, не зная, сколько времени прошло — год, день или час. Открыл глаза — та же комната, мебель. Старательно задернутые шторы. «Значит, это не сон...» — Он вспомнил прежде пробуждение, дикую боль... Попробовал пошевелить рукой — бесполезно. Вздохнул с облегчением. Хотел сесть на кровати, но не смог приподняться. Попытался двинуть рукой, напряг мышцы. И снова та же история. Что-то удерживало его. Что? Гипс?.. Он взглянул на свое тело, плотно прикрытое одеялом. Нет, никакого гипса. «Если не гипс, то что же? Привязали меня, что ли?» Он попытался повернуться набок. Не удалось. Снова напряг все мышцы — пошевелил пальцами рук и ног. Все в порядке. «Так что же произошло? Инфаркт? Сотрясение мозга? Привязали, чтобы не двигался? Зачем?» — терзали его тревожные мысли.

— Где я? — спросил он вслух. Голос звучал нормально.

В ответ — тишина. Он крикнул. Еще громче. Кто-то же должен прийти, объяснить.

Дверь открылась, появился мужчина, одетый в белое.

— Что за вопли? — проворчал он.

— Где я? Что произошло? — Бежан почти кричал.

— В больнице. Сейчас придет врач.

— Доктор, что случилось? Как я оказался в больнице? — засыпал Бежан вопросами высокого мужчину в очках, который вскоре вошел в палату.

— Не нервничайте. Это вам вредно...

— Как я здесь очутился?

— У вас был приступ, вас привезли на «скорой».

— Какой приступ? Почему я привязан к кровати?

— Успокойтесь, — строго сказал врач. — Сейчас я заполню историю болезни, запишу все, что произошло, по порядку. А потом объясню вам.

Он сел на стул, вынул из кармана бланк и положил на стол.

— Ваша фамилия?

— Бежан.

Врач искоса взглянул на него и повторил вопрос.

— Бежан. Я же сказал.

— Спокойно, спокойно, не нервничайте, — улыбнулся врач и начал писать фамилию, как заметил Бежан, более длинную.

— Дата и место рождения.

— Одиннадцатое сентября, тысяча девятьсот двадцать пятый год. Варшава.

Снова странная улыбка и еще более странные слова:

— Через пару дней у вас все пройдет, после курса лечения.

— Какого еще курса?

— Ларгактилового, — спокойно объяснил врач. — Завтра и начнем.

— Боже мой, доктор, что со мной произошло? — он сорвался на крик.

Врач как будто не слышал. Записав анкетные данные, спрятал удостоверение и спросил:

— Итак, когда у вас был первый приступ? Давно ли чувствуете себя больным?

— У меня никогда не было никаких приступов. О чем вы говорите?

— Значит, это первый. — Врач что-то отметил в истории болезни. — Раньше у вас были только головные боли и провалы в памяти? Сильное нервное расстройство? Так? И вдруг Бежан понял.

— Я что, в психиатрической лечебнице?

Врач кивнул.

— Как же я попал сюда? — упрямо спрашивал Бежан.

— У вас начался приступ, вы впали в буйство. Пришлось связать и привезти вас сюда. Мы вас вылечим.

— Но я совершенно здоров. Это недоразумение. Я вам сейчас все объясню.

— Хорошо, хорошо. Не все сразу, — прервал его врач. — Кто вас лечил раньше? Только доцент Валь?

И тут словно молния сверкнула в голове Бежана. Он вспомнил последние события. Будто раскручивалась вспять кинолента. Врачебный кабинет, невысокий плотный мужчина в белом халате.

— На что жалуетесь?

Бежан, расположившись в удобном кресле, долго перечислял симптомы. Он выучил их наизусть перед визитом к Валью.

Валь осматривал его долго, тщательно. Закапал атропин, исследовал глаза. Потом объявил:

— Не будем откладывать, сразу начнем лечение. Я сделаю вам укол.

Бежан не мог отказаться, иначе был бы разоблачен.

Сделав инъекцию, Валь извинился и вышел из кабинета.

Бежан решил воспользоваться удобным случаем. Он повернулся спиной к двери, чтобы в случае чего врач не заметил его манипуляций, быстро открыл ящик стола и окинул взглядом лежащие там документы. Заполненные рецептурные бланки без фамилий пациентов. И визитная карточка: Норберт Кон — директор фирмы «Евротурист». Адрес, телефон. Он запомнил все это и осторожно закрыл ящик стола. Вернулся на место. И как только сел, вдруг почувствовал что-то неладное. В глазах рябило, контуры предметов стали размываться. Как будто волна ярости ударила в голову. Остальное он помнил плохо. Кажется, он бросился на кого-то, его держали, он вырывался... И очнулся уже здесь, в больнице.

«Это ловушка», — вдруг осознал он.

— Доктор, это недоразумение. Я совершенно здоров. Немедленно выпустите меня. Это провокация, ловушка, — говорил он взволнованно. — Я работаю в милиции.

— Вы можете быть хоть персидским шахом. Меня это не касается. Вот вылечим, тогда и отпустим..

Глядя на улыбку врача, он понял, что говорить бесполезно. И еще эта история болезни. Он решил действовать по-другому.

— Хорошо, доктор, я буду делать все, как вы велите, только пусть меня развяжут и дадут поесть...

— Вот давно бы так, — обрадовался врач. — Я велю развязать вас, но с постели пока не вставайте. Потерпите несколько дней, и все будет хорошо, — сказал он, выходя.

Явился санитар, мгновенно развязал простыни, в которые Бежан был запеленат. Принес поднос с ужином и вышел.

Бежан не мог проглотить ни куска. Сознание, что он сам себя загнал в ловушку, не предупредив ни о чем Зентару, наполняло его ужасом. Он выпил несколько глотков чая.

— Это что, Творки или Древница? — спросил он у санитаря, вернувшегося за подносом.

— Древница, — ответил тот.

— Послушайте, я дам вам сотню, если вы сообщите моему брату... что я здесь. Санитар не слушал Бежана и спокойно принялся привязывать его к кровати.

— Но ведь доктор сказал, что меня не станут больше привязывать. Спросите у него. Санитар на минуту вышел, вернувшись, сказал:

— Только не вставайте, иначе плохо будет.

— Можно отсюда позвонить?

— Когда вам разрешат вставать. Да и то, если доктор позволит.

Ключ повернулся в замке, шаги в коридоре затихли. Бежан подождал с минуту, затем вскочил с кровати и тут же рухнул на пол. Он не слышал, как вернулся санитар. Не чувствовал, как его снова спеленали.

ГЛАВА 24

— Злой, как черт, даже входить к нему страшно. Всю ночь тут просидел, — шептала Бася офицерам, которые хотели зайти в кабинет Зентары. — Лучше подождать, пока буря пройдет.

Зентара действительно места себе не находил с той минуты, как стало известно об исчезновении Бежана. Он упрекал себя в том, что дал ему всего десять дней на завершение операции и таким образом как бы вынудил пойти на какой-то рискованный шаг, который — Зентара был почти уверен в этом — кончился трагически. На письменном столе громоздились все новые и новые донесения, протоколы, а он не мог заставить себя взяться за чтение бумаг. Ходил по кабинету и думал, думал... Все ли сделано? Не проглядел ли он чего-нибудь, не забыл ли? В таком настроении он решил сам позвонить Станишу, проверит еще раз.

Разговор со Станишем принес совершенно неожиданный результат. Зентара спросил его, не договаривались ли они с Бежаном встретиться два дня назад, вечером. Удивленный Станиш ответил, что его уже спрашивали об этом. Нет, не договаривался. Но сегодня утром его секретарша рассказала о странной встрече с майором. Ее поразило то, что он не захотел ее признать.

Зентара знал, что после гибели Видзского Чеся Кобельская вернулась на старое место. Не имело смысла еще раз внедрять туда своего человека. Слишком велик был риск. Известие о ее случайной встрече с Бежаном ошеломило полковника. Это был первый след. Он немедленно отправился к Станишу, якобы по делу, надеясь, однако, расспросить секретаршу.

Войдя в приемную, он галантно поцеловал ухоженную ручку Кобельской.

— Говорят, вы позавчера встретили моего друга. Я хотел бы извиниться за него. Где это было? — он с трудом сдерживал волнение.

— Ах, какие пустяки. И говорить не о чем. Я на него не обижаюсь... Пан майор был такой таинственный... Может быть, он не хотел, чтобы я знала, что он лечится.

— Где это было? — повторил вопрос Зентара.

— Мы случайно встретились в приемной доктора Валя. В последнее время у меня что-то неладно с нервами. Ну я и пошла посоветоваться... Подруга сказала мне, что он прекрасный врач...

Он прервал ее болтовню.

— В котором часу это было? Я спрашиваю вас потому, — объяснил он, — что именно в тот день я договорился встретиться с ним, а он не пришел. Вот я и веду маленькое частное расследование.

— От доктора я вышла часов в пять. И увидела его среди пациентов. Поздоровалась с ним, а он притворился, что не узнает меня.

Больше Зентара ни о чем не спрашивал. Все было ясно. Теперь главное — действовать как можно скорее. Но он ведь договорился со Станишем — пришлось потерять полчаса на разговор с ним, другого выхода не было.

— Что нового по делу о взрыве? — сразу же спросил Станиш. — И что же все-таки случилось с нашим Вольским?

— Опять кто-то подложил взрывчатку. Пока трудно точно сказать, для кого она была предназначена. Мы сейчас это выясняем.

— Гонтарский потрясен. Это уже третья трагическая смерть на территории Центра. Попытка уничтожения действующей модели... Что все это значит? Гонтарский утверждает, что вокруг него творится что-то неладное. Люди от него отвернулись. Неужели вы подозреваете, что он в этом замешан?

— Товарищ директор, о подозрении говорить пока рано. Когда мы установим все факты и обстоятельства...

— В таком случае, откуда взялись слухи, что Гонтарского и Язвиньского вот-вот арестуют? Даже до меня они дошли.

— И кто же вам сказал? — заинтересовался Зентара.

— Кто-то из сотрудников Управления. Не помню, кто... Товарищ полковник, — он запнулся. — Я понимаю, что все надо до конца выяснить, но что касается Гонтарского... Это кристально честный человек... Самоотверженный, преданный. И было бы непоправимой ошибкой...

— Вижу, вы поверили в слухи.

— Я не поверил, но...

— Вы считаете, что мы сначала действуем, а потом думаем?

— Нет, что вы, я так не считаю, — неуверенно покачал головой Станиш. — Просто я за него ручаюсь и хочу, чтобы вы это знали. Мы знакомы много лет. Если кто-то и говорил о нем плохо, то только из зависти. Да, Вольский, например, терпеть его не мог. Но ведь это понятно — Гонтарский занял его место. Но директоров-то назначают не пожизненно. Справляешься — работай, не справляешься — придется снять. Иначе, страдает дело. Вольского надо было заменить еще раньше, он совершенно не годился для этой должности. Посредственность с фантастическими претензиями.

— Я понимаю, — Зентара сидел как на иголках. Ему было жаль каждой потерянной минуты. С другой стороны, эти слухи, Станиш защищает Гонтарского. Интересно... Очень интересно... А о себе не говорит... И ни слова о Видзском, о его трагической смерти...

Он попрощался с директором и с Чесей Кобельской и бросился к машине, из нее по радию отдал приказ немедленно доставить ему все донесения по наблюдению за доктором Валем. Врона и Покора, уточнил он, пусть ждут его. Он сейчас будет.

Зентара вихрем ворвался в свой кабинет и первым делом велел Вроне немедленно достать список пациентов доктора Валя, которых тот принимал в своем частном кабинете двадцать третьего октября.

— А как это сделать, решай сам. Где донесения о наблюдении за Валем?

— На вашем столе.

Он сел, нашел донесение от двадцать третьего октября, внимательно прочел его. Ничего. Почти ничего. А это что? В семь часов вечера у дома Валя остановилась машина «скорой помощи». В нее внесли какого-то мужчину. Может быть, Бежан? Куда они поехали? Он прочитал до конца донесение и выругался. За «скорой помощью» не проследили. След потерян.

Бежан? Или это случайное совпадение? Он приказал проверить список всех больных, принятых двадцать третьего октября психиатрическими больницами Варшавы и Варшавского воеводства. Установить фамилии врачей, которые выписали в этот день направления туда.

— Как вы могли упустить «скорую»?! В детском саду вам работать, а не у нас! — кричал он на руководителя группы, занимавшейся наблюдением за Вале́м. — Немедленно установите номер «скорой», которую вызывали по этому адресу, фамилию врача, санитаров, водителя. Маршрут движения машины. Срочно.

Иснова углубился в донесения. На этот раз он изучал их все с самого начала и очень внимательно. Любая информация о Вале в данной ситуации могла быть на вес золота. Но ее было не так уж много. Вале вел размеренный образ жизни. Около двенадцати часов дня приезжал в больницу, консультировал. В три возвращался домой. После обеда, с четырех до восьми, принимал пациентов в своем частном кабинете. Его официальные заработки были достаточно высоки — десятки тысяч. А неофициальные доходы — спекуляции лекарствами и торговля наркотиками — исчислялись миллионами. Зентара подумал об алчности человека, который и при своих легальных доходах вполне мог жить на широкую ногу. Если он предает родину — то тоже из-за денег. В данном случае иначе быть не могло. Врач, продающий наркотики. О каком человеческом достоинстве тут говорить? Но именно это могло поднять его цену в глазах «работодателей» из разведки Гелена. Пациенты-наркоманы в его руках могли стать послушным орудием. Такие готовы на все ради очередной дозы «лекарства». А среди его клиентов были люди самых разных профессий. И список этот удлинялся с каждым днем. Рядом с некоторыми фамилиями появлялась более подробная информация: место работы, краткая характеристика, даже выписка из истории болезни. Некоторые познакомились с Вале́м в больнице, где он консультировал, а затем пополнили его частную практику. Так было со Станишем, который после военной контузии страдал мучительными головными болями. Однажды вечером была замечена Зелиньская, она вышла от Вале́а с большим пакетом, в котором скорее всего находились заграничные лекарства. С такими же пакетами вышли еще несколько человек. Двое были известны как посредники при продаже фармацевтических средств. Об остальных еще следовало собрать информацию. Но уже был известен механизм: клиентов предупреждали, что рецепты готовы, они приходили на прием на следующий день, фамилии их уже значились в списке пациентов, которых Вале́ должен был принять. Итак, уведомление о том, что рецепт готов, означало, что «товар» на месте, его можно забрать. Но что это за «товар», только ли заграничные лекарства? Ведь таким образом можно передавать и получать что-то другое, например, информацию. Девятнадцатого октября кто-то позвонил Вале́у и сообщил: «Пришел Мики». Вале́ тут же перезвонил человеку, которого называл Адамом, и сказал ему, что рецепт готов. Однако на следующий день в списке никакого Адама не было.

«Не было? Или оперативники опять что-то проворонили? — раздраженно подумал Зентара. — Как ту машину «скорой». — Лишь одно не вызывало сомнений — кабинет был идеальным «почтовым ящиком». Если вспомнить про частые поездки Вале́а за границу, исчезновение Бежана... «Да, нюх у Юрека удивительный», — с нежностью подумал он.

— Докладываю. Ни одна из машин «скорой помощи» в Варшаве не выезжала двадцать третьего октября по указанному адресу, — отозвался голос в эфире. И донесения посыпались одно за другим. Нашли доктора Могельского.

— До завтрашнего утра с ним можно связаться по этому телефону, — сообщила секретарша. — Соединить?

— Нет, позже.

— Поручик Врона ждет.

— Пусть войдет.

Врона подал Зентаре список пациентов от двадцать третьего октября. Полковник просмотрел столбик фамилий — Бежана не было. Может быть, он записался под другим именем? Да, видимо, так оно и было. Поэтому он и притворился, что не узнал Кобельскую. Это она его выдала — понял Зентара.

— Что они там возятся с установлением списка пациентов, принятых в больницы. Иди к Покоре, — отправил он Врону, — пусть их поторопит. Скажи, что я жду.

Врона вернулся через минуту.

— Уже установили. Двадцать третьего в Дривницу привезли некоего Вацлава Вардецкого в состоянии буйного помешательства. Врач, направивший пациента в больницу, — Вале́. Это может быть Бежан. Какое счастье, если это он! — воскликнул Врона, забыв, что стоит перед начальником.

Зентара не призвал его к порядку, напротив, он повторил:

— Какое счастье, если это Бежан.

Зентара позвонил доктору Могельскому и немедленно послал за ним машину. Доктор приехал, Зентара закрылся с ним в своем кабинете. Беседа с Могельским выяс-

нила все дело до конца. «Но как его оттуда вытащить?» — ломали они голову.

Придется подождать еще целый день. «Но самое главное, что он жив, что с ним ничего не случилось», — вздохнул с облегчением Зентара.

ГЛАВА 25

Бежан потерял надежду. Прошло уже три дня. Три дня, которые показались ему вечностью. Его угнетало чувство собственного бессилия. Когда он очнулся после обморока, то оказалось, что его снова привязали к кровати. Отвязывали только на время еды.

— Ничего не поделаешь, — ответил врач, которого Бежан умолял развязать его. — Иначе вы снова попытаетесь встать, а это опасно для жизни.

От назначенного лечения его спас обморок. Бежан панически боялся этой «медицинской помощи». Он был здоров, а вот что будет после лекарств... Он вспомнил провал в памяти после первого укола Валя, последствия второго укола — кошмары, болезненный страх и чувство падения в бездонную пропасть. Потом обморок, когда он попытался встать с кровати. Его охватил страх.

«Они тут прикончат меня. Это хуже смерти. — Впервые в жизни он испытывал страх, которого не мог побороть. Каждый скрип двери ввергал его в панику. — Сейчас начнут лечить... А если я и в самом деле сойду с ума?!» Он лихорадочно искал возможность спасения. Искал и не находил. Разговоры с лечащим врачом только усиливали чувство страха. «Он относится ко мне как к сумасшедшему, а может, после этих уколов я и впрямь свихнулся», — думал он, стараясь припомнить какие-то подробности, связанные с расследованием последнего своего дела. И когда наталкивался на провалы в памяти, приходил в такое отчаяние, что не мог спать. Снотворных, которые ему предлагали, не пил. Наоборот, сопротивлялся, вызывая изумление врача.

— Вам надо отоспаться. И сразу станет легче. Это совершенно безвредное средство, — уговаривал его врач.

— Нет, не хочу! — почти кричал он. — Ни за что!

— Да ведь это же не яд, — пошутил доктор. — Никто не собирается отравить вас. Безумный блеск в глазах пациента убедил врача в том, что именно этого и боится больной.

— Шизофрения, а также симптомы мании преследования, — докладывал затем лечащий врач заведующему отделением. — Он все время боится. Во всем видит заговор, ловушку. Боится есть, боится принять снотворное. Он очень истощен. С курсом лечения придется пока подождать.

Заведующий отделением сам осмотрел Бежана и подтвердил диагноз. Его убедили хаотические объяснения больного, который упрямо твердил, что он работает в милиции и что его загнали в ловушку.

В кабинет заведующего отделением вошел заместитель директора больницы Лапицкий.

— У вас, кажется, сложности с новым пациентом? Мне хотелось бы узнать кое-что о нем. — Заметив удивление заведующего, Лапицкий объяснил: — Им интересуется доцент Могельский. Это его пациент. Он звонил мне и предупредил, что придет взглянуть на него после обеда.

— Как это, его пациент? Больного к нам направил доктор Валь.

Заместитель директора пожал плечами:

— Может быть, Валь перехватил у него пациента, а Могельский хочет вернуть его?

— Но я через полчаса должен ехать в Варшаву.

— Ну и поезжайте. Я заменю вас. Только оставьте историю болезни, я хочу посмотреть ее перед приездом Могельского. Каково состояние здоровья пациента?

— Он очень слаб. Отказывается от пищи, — объяснил заведующий Лапицкому и вышел из кабинета. В дверях он чуть не столкнулся с высоким худощавым мужчиной. Заведующий извинился и побежал к выходу — его уже ждала машина.

Лапицкий тепло поздоровался с гостем. С доцентом Могельским они были знакомы давно. Еще со времен Варшавского восстания, когда оба, тогда еще молодые врачи, помогали раненым повстанцам Старого Мясга. После войны они виделись редко. Лапицкий работал в Древнице, Могельский — в Варшаве. Работа, семьи — все это не давало возможности встречаться часто. Но дружба осталась.

Сейчас Могельский просил о помощи — во имя этой дружбы. Он объяснил ситуацию и представил план действий.

Они поняли друг друга с полуслова. И вместе пошли к больному.

Бежан вздрогнул, услышав скрип открываемой двери. Поднял глаза на вошедших, и исхудавшее лицо его осветила улыбка:

— Доктор, спасите меня! — прошептал он.

— Я за этим и приехал, — сказал Могельский. — Ну и кашу вы заварили. Зентара врет и мечет.

Через несколько часов Бежан и Могельский ехали в Варшаву.

ГЛАВА 26

— Я — «Янина», я — «Янина», вызываю «Эву», вызываю «Эву», — прозвучали в эфире позывные.

Бежан нажал кнопку одной из раций, установленных в кабинете.

— Я — «Эва», я — «Эва». Прием.

— Докладываю. Объект вошел в подъезд. Братская, двадцать. Его ведет Зенон. Объект произвел какие-то манипуляции около списка жильцов. Зенон остался в подъезде. Объект вышел, движется в сторону Хмельной. Прием.

— Зенону оставаться на месте и ждать, пока его сменят. Пусть следит за каждым, кто заинтересуется списком жильцов. Проверить, не оставил ли объект чего-нибудь. Не спускать глаз с объекта. Жду дальнейших донесений. Конец связи.

По другой рации он отдавал приказы.

Список жильцов и всех, кто к нему приближался, надо было взять под постоянное наблюдение. Первый конкретный след. След, который мог вести дальше. До сих пор нити то и дело обрывались. Наблюдение за Норбертом Коном пока не дало никаких результатов. Может быть, эта визитная карточка в столе Валя оказалась случайно?

За последние три дня о Норберте Коне была собрана обширная информация. Сын лодзинского фабриканта, в 1939 году вместе с родителями поехал на лето во Францию, там их застала война. Во время оккупации Франции Коны нажили состояние, спекулируя на черном рынке. Похоже, торговали и с немцами. В Вену, где они поселились после войны, родители Кона приехали уже богатыми людьми. Старый Кон открыл в 1947 году антикварный магазин. Известно, что он скупал нелегально вывозимые из Польши картины и антиквариат. Предприятие его процветало. Удачливый торговец часто выставлял свои покупки на международных аукционах и зарабатывал огромные деньги на произведениях искусства, нередко купленных за бесценок. Их охотно скупали американские коллекционеры и разбогатевшие после войны торговцы, которым такого рода приобретения придавали вес в обществе. Так что через несколько лет Кон уже имел две виллы и располагал целой сетью расторопных агентов, которые выискивали и направляли в его магазин тех, кто, бросив родину, вывозил на Запад на продажу не только информацию, но и бесценные сокровища народной культуры. Среди таких людей оказались и вербовщик разведывательного Центра Шаронь, и несколько других агентов Гелена. Сам Кон, как было установлено, не поддерживал непосредственных контактов с Центром Гелена. Однако помогал его людям и направлял к ним клиентов, попавших в его магазин. «Они, — уверял он только что прибывших поляков, — помогут вам устроиться в новой жизни».

Таким образом он убивал двух зайцев: зарабатывал на произведениях искусства, которые скупал у «беглецов», и направлял «выбравших свободу» в руки Центра, за что получал от разведки Гелена тайную плату за услуги.

Его сын, Норберт, так же, как и отец, гражданин Австрии, получил хорошее образование, несколько лет путешествовал по свету — совершенствовал знание иностранных языков. Потом отец направил его практиковаться в фирму «Евротурист». Норберт работал около года в ее мюнхенском отделении, потом вернулся в Вену и отсюда был послан на самостоятельную работу в Варшаву, где только что открылся новый филиал фирмы. В стране, с которой его связывали лишь смутные детские воспоминания, он работал уже год. И до сих пор не возбуждал никаких подозрений. Только визитная карточка, которую Бежан увидел в столе Валя, обратила на него внимание контрразведки. Бежан не исключал возможности, что эта визитная карточка — всего лишь обычная реклама. Валь часто ездил за границу, стоило убедить его пользоваться услугами фирмы «Евротурист». Кроме того, Кон был его пациентом. Лечился от невроза. В этом тоже не было ничего странного. У Валя была репутация великолепного врача.

Кон мог попасть к Валею, услышав о нем от знакомых в Варшаве. Как они познакомились на самом деле, установить не удалось. Тщательная слежка за Валею и его контактами началась только девятнадцатого октября, когда телефон Валя был найден в записной книжке погибшего Вольского. «Вольский, — думал Бежан. — Мы, собственно, ничего о нем не знаем, кроме анкетных данных: где родился, когда и что закончил, где работал». Данные после проверки оказались правдивыми. Руководство Объединения высоко ценило его как специалиста. Тут, конечно, сильно повлияли и дружеские отношения бывшего директора со своими начальниками, решил Бежан, и то, что он послушно исполнял все их приказы. А Станиш считал его посредственностью с непомерными претензиями. Станиш на лезть не реагировал и снял его с должности дирек-

тора Центра. Правда, тот же Станиш дал ему работу в своем Управлении, но относился к этому решению как к необходимому злу и очень не любил Вольского. Впрочем, эта неприязнь была взаимной. Может быть, именно эта неприязнь к Станишу и Гонтарскому и побудила Вольского на диверсию на объекте, которым он сам недавно руководил. Возможно, он хотел отомстить Гонтарскому и Язвиньскому. Его показания могли стать серьезной уликой против них. Может быть, он рассчитывал после их ареста вернуться на прежнюю должность? Это было весьма правдоподобно. Возможно, ему обещали это возвращение? Кто именно завербовал его? Кто снабдил авторучкой-миной? Знал ли Вольский, как она действует? Вольский — Валь — Кон? Вольский, как показало вскрытие и серия исследований, проведенных отделом судебно-медицинской экспертизы, был наркоманом. Найденный в кармане погибшего шприц, разбившийся во время взрыва, многочисленные следы инъекций на теле... Валь торговал наркотиками. Значит, это могла быть связь торговца с наркоманом, а могли быть отношения вербовщика с агентом, который получает свою плату дозой «зелья», а в приступе наркотического голода готов выполнить любой приказ.

Валь — X-56? Нет, эта версия отпала. X-56 отравил Зелиньского двадцать седьмого сентября. У Валя — установлено точно — на этот день твердое алиби. Он участвовал в международной конференции врачей-психиатров в Варшаве. Все помнили, что он находился там до позднего вечера, а в час убийства Зелиньского делал доклад. «Может быть, он является посредником, каналом связи, — думал Бежан. — У него для этой цели прямо-таки идеальные условия. И еще... все эти заграничные контакты...»

Вдобавок история с ним, с Бежаном. Чего Валь так испугался? Выдала Бежана Чеся. Это ясно. Валь слышал, как она обратилась к нему: «Пан майор». С другой стороны, в списках пациентов Валя попадались и военные. Что же необычного в том, что в приемной сидит майор? Нет ничего странного и в том, что в такой ситуации он предпочел не узнать свою знакомую. Нет, тут что-то иное. Может, Валь что-то узнал? Но когда и от кого? Чеся вышла от врача и больше в кабинет не возвращалась. Конечно, если бы Чеся захотела предостеречь Валя, она бы уж нашла способ это сделать. Но ведь именно эта случайная встреча с Чесей и спасла его. Кобельская не стала бы рассказывать Станишу о своей встрече с майором, если бы была связана с агентом, заинтересованным в устранении его, Бежана. Нет, конечно. А то, что она лечилась у Валя, скорее всего, не имеет никакого значения.

Станиш тоже был пациентом Валя. Если бы, предположил Бежан, Станиш был замешан в спекулятивные или еще какие-то махинации Валя, он не повторил бы Зентаре того, что ему рассказала секретарша. А ведь именно это известие помогло напасть на след. Если бы Станиш был в сговоре с Валем, это совершенно бы не входило в его планы.

Если Валь — звено в шпионской сети, то и смерть Вольского, и попытка обезвредить меня, размышлял Бежан, должны найти свое отражение в его действиях и контактах.

Он перелистал донесения от девятнадцатого октября. За день до этого погиб Вольский. Бежан тщательно проанализировал все рапорты о Вале. Ничего. Абсолютно ничего, что выходило бы за рамки его ежедневных занятий. Около полудня какой-то мужчина позвонил доктору, сообщил — «пришел Мики». Разговор был такой короткий, что не удалось установить, откуда звонил неизвестный. Валь тут же перезвонил какому-то Адаму, сообщил — «рецепт готов».

Девятнадцатого октября за Коном еще не следили. Теперь наблюдение за ним привело к «почтовому ящику».

— Я — «Янина», я — «Янина», вызываю «Эву», — прозвучало в эфире.

— Я — «Эва», я — «Эва», — отозвался он. — Перехожу на прием.

— Объект вошел в кафе «Улыбка». Прием.

— Жду дальнейших донесений. Конец приема.

— Я — «Ванда», я — «Ванда», вызываю «Эву», — отозвалась другая рация.

— Я — «Эва», прием.

— Зенона сменили. Наблюдаем за списком жильцов согласно приказу. Ожидаю дальнейших указаний.

— «Ведите» каждого, кто подойдет к списку. Согласно плану. Конец приема. Теперь оставалось только ждать.

ГЛАВА 27

Бежан по очереди ставил на магнитофон записи, сделанные оперативными работниками. Ни один шаг Валя не ускользал от их внимания. Вооруженные магнитофонами, мини-радиостанциями и фотоаппаратами, они тенью шли за ним. Теперь, после того, как был найден «почтовый ящик», Бежан считал, что они на верном пути. Конечно, между Коном и Валем существовали не просто приятельские отношения. Но от этой уверенности до получения доказательств было еще далеко. Наблюдение за списком

жильцов пока ничего не дало. Список находился в стеклянной витринке, которая и могла служить «почтовым ящиком». Ее обыскали, но ничего не обнаружили.

Однако Бежан наблюдения не отменял. Если не сегодня, то, может, завтра... Он рассчитывал, что «почтовым ящиком» пользуются по крайней мере раз в неделю, но неделя прошла, а в витринке так ничего и не появилось. Кон к ней не приближался. Занимался своими делами — и только. Наблюдение за Валею тоже ни к чему не приводило. Он вел все тот же размеренный образ жизни, даже в мелочах не изменял своим привычкам. Однажды Валь позвонил в Древницу и поинтересовался состоянием здоровья своего пациента. Ему ответили, что Вардецкий по просьбе доктора Могельского, который раньше лечил его, переведен в Прушков. Валь позвонил в Прушков и проверил, есть ли такой пациент в тамошней больнице. Заведующий отделением подтвердил наличие такого больного, и это совершенно успокоило Валь, больше он никаких действий не предпринимал.

Ничего особенного не происходило. Явилось несколько посредников за «товаром». И вновь все замерло. «Может быть, мы слишком рано спугнули птичек? — расстраивался Бежан. — Как вынудить их действовать?» В который раз он перечитывал документы следствия, обдумывал все детали, проверял себя — не забыл ли чего-нибудь, не проглядел ли какую-то мелочь?

Наблюдение за сотрудниками Управления продолжалось. Этим занимался Покора. Но и тут пока никаких результатов.

Дело о смерти Видзского официально было закончено. Несчастный случай — такой вывод был сделан в постановлении о его закрытии. Прежде чем предпринять какие-то новые шаги, надо было получить доказательство. А доказательств не было, одни версии.

Следовало выяснить смысл букв, которые Видзский нацарапал на стене лифта. Эти «С», «у», «З», «ке» или «ко», которые Бежан воспринял как указание проверить документы по служебным командировкам. Но до сих пор ему не удавалось заняться этим. Масса работы, каждый день происходит что-то новое, да еще эти дни, проведенные в больнице... Как тут не потерять голову? А если все-таки вернуться к этой идее? Проверить все командировки сотрудников Управления за последний квартал? Даже если он ничего не обнаружит, то проверка может напугать кого-то, вынудить действовать. X-56 может быть только сотрудником Управления. Ведь если исключить Кона... У Кона так же, как и у Валь, железное алиби на двадцать седьмое сентября. Двадцать шестого сентября вечером он вылетел в Вену по вызову своей фирмы. Вернулся двадцать восьмого. Таким образом, он не мог отравить Зелинского. Но наблюдение за Коном и Валею должно привести к агенту, рассчитывал Бежан. Поэтому он придавал наблюдению за ними большое значение. Пока удалось установить только, что Валь встречался с неким Пенчеком.

Четыре года назад Пенчека обвинили в отравлении жены. Он был направлен на обследование в психиатрическую больницу, в отделение, которым тогда заведовал Валь. Показания Валь, как судебно-медицинского эксперта в области психиатрии, решили судьбу Пенчека. Его признали невменяемым и направили на лечение. Пенчек снова попал в отделение к Валею, а через год выписался — совершенно здоровый. Снова женился и уже год как работал гардеробщиком в «Зефире».

— Немедленно организовать наблюдение за Пенчеком, — распорядился руководитель оперативной группы.

Бежан посмотрел вчерашние донесения. Опять ничего. В дверях появился Зентара.

— Что нового? — спросил он.

Бежан пожал плечами.

— Я приказал следить еще за одним человеком. Вот и все.

— Ладно, не переживай. В конце концов мы сдвинемся с мертвой точки. — Теперь Зентара боялся торопить друга. Не дай бог, снова затеет какой-нибудь эксперимент. — Из наших заграничных источников — тоже ничего. Видимо, не могут установить деталей. Странно. До сих пор удавалось. Это значит, что X-56 должен выполнить особо важное задание. Мне только что позвонили, через десять дней в Центре должны провести генеральное испытание модели. Что скажешь?

— Сам не знаю... Может, к этому времени... — Он помолчал. — А если нет, то придется увеличить охрану Центра, особенно на время испытаний. Может быть, так мы заставим агента действовать... — Он усмехнулся. — Опять это «может быть»...

— Хорошо. Не нервничай. Надо ждать.

Бежан не выносил ожидания. Поэтому, когда ему сообщили, что пришла Гонтарская, он велел немедленно впустить ее. Может быть, ее поиски увенчались успехом? Он встретил ее с неподдельной радостью.

— Ну как, пани Эва? Удалось что-нибудь выяснить? Рассказывайте.

Она улыбнулась.

— Вы знаете, я уже начала беспокоиться за вас. Я столько раз звонила, никто не брал трубку. Вы болели?

— Нет, — коротко ответил он. Ему не хотелось вспоминать о своем пребывании в больнице.

— Но вы неважно выглядите.

Его тронула забота, прозвучавшая в ее голосе.

— Я плохо себя чувствовал, — пробормотал он, опуская глаза, чтобы она не заметила его волнения. — А что у вас? Удалось узнать, кто распускает сплетни?

— Это оказалось не таким простым делом. Один из моих друзей сказал, что слышал это от кого-то из Управления. У него там есть знакомые инженеры. И что говорят уже не только об аресте моего мужа и его заместителя Язвиньского, но и об аресте Станиша тоже. Более того, вокруг Вацека Станиша атмосфера сгущается. Болтают, что он прикрывает шпионов и диверсантов, сам связан с ними. Сына, дескать, послал учиться за границу только за тем, чтобы потом легче было удрать самому туда. Вы знаете, — объяснила она, — Станиш развелся с женой и сам воспитывает сына. Действительно, юноша учится в Париже. А теперь вокруг этого подняли шум... Чувствуется, что кто-то стремится создать определенное мнение. А виноват ли он на самом деле — это никого не касается, — с горечью закончила она.

— Нас касается. Меня касается, — сказал Бежан. — Мы хотим, чтобы каждый получил по заслугам.

— Что вы имеете в виду?

— Честные люди будут восстановлены в своих правах, а преступники сядут на скамью подсудимых. — Он взял ее за руку. — Пани Эва, не расстраивайтесь так. Это трудные для вас дни, но именно в такие дни человек многое понимает.

Она подняла опущенную голову. В глазах — немой вопрос.

— Только в таких ситуациях можно отличить белое от черного. Настоящих друзей — от тех, кто только называл себя другом, а на самом деле искал собственной выгоды. Настоящие друзья остаются до конца. А о предателях нечего жалеть, — он махнул рукой, не глядя на Гонтарскую.

X-56 должен быть в Управлении. Об этом свидетельствовало и то, что рассказала ему Эва.

ГЛАВА 28

Склонившись над чашкой горячего кофе, оперативник внимательно следил за гардеробщиком и входящими в кафе людьми. Но с тех пор, как он сел за столик у самых дверей, ничего существенного не произошло.

Он взглянул на часы. Двенадцать. «Как медленно тянется время, — вздохнул он, — и как они только могут тут часами сидеть...» Оперативник окинул взглядом кафе, посетителей в котором не убывало. Вдруг внимание офицера привлек мужчина среднего роста, в плаще, с сумкой в руке. Сумка была очень приметной, рисунок на ней изображал героя мультфильмов — мышонка Мики. Вошедший направился к гардеробу, поставил сумку на стойку барьера и пошел в зал, не снимая плаща.

Гардеробщик, не выказав ни малейшего удивления, быстро взял сумку и спрятал ее в угол, между пальто и плащами. Затем подошел к висевшему на стене телефону-автомату.

Плечистая фигура гардеробщика заслонила аппарат, и оперативнику не удалось заметить, какой номер был набран. Он лишь услышал:

— Передайте, что пришел Мики.

Прошло полчаса, но хозяин сумки так и не вернулся за ней. Оперативник прошел по залу, чтобы узнать, где сел неизвестный, и понаблюдать за ним. Во всем этом было что-то подозрительное. Надо было рассказать об этом другому сотруднику, который ненадолго отлучился — им казалось, что для наблюдения за гардеробом хватит и одного человека. Оперативник обошел зал, но мужчины в плаще здесь не оказалось. Не было его и во втором зале, поменьше. Он словно испарился. Встревоженный оперативник вернулся к своему столику. В это время подошел его запыхавшийся товарищ.

— Что нового? — спросил он, садясь рядом.

— Черт, и надо же, что именно в это время ты отлучился. — Оперативник рассказал о своих наблюдениях. — Посмотри сам.

Его коллега осмотрел оба зала — по выражению его нахмуренного лица стало ясно, что человек в плаще исчез.

— Каким чудом? — удивился оперативник.

— Никакого чуда нет. Он просто знал, где находится служебный ход. Официантка сказала мне, что видела, как тот человек вышел из кафе.

— Что будем делать? Упустили.

Ничего не поделаешь, надо было докладывать о том, что произошло.

Бежан пришел в ярость, когда узнал от руководителя оперативной группы обо всей этой истории. Вызвал провинившихся сотрудников. Они явились, смущенные и готовые к самому худшему, но неожиданно для них гроза прошла стороной. Бежан стал спрашивать о приметах человека в плаще.

Оперативник оказался наблюдательным парнем, он заметил, что плащ на неизвестном был слегка разорван сзади, на безымянном пальце у него, кроме обручального кольца, красовался еще золотой перстень с темным камнем.

Эти детали почему-то так поразили Бежана, что он отпустил изумленных оперативников, не сказав им худого слова.

Оставшись один, Бежан принялся расхаживать по кабинету. «Это и есть X-56 — лихорадочно размышлял он. — Все-таки я заставил их действовать. Приметы совпадают. Похож на Станиша. Однако — не Станиш». Бежан торжествовал. Оперативник, познакомившись с фотографией директора Управления, отрицательно покачал головой:

— Нет, не тот, но очень похож. Такой же седой, только у моего лоб более высокий и нос побольше... И глаза глубже посажены.

Бежан вызвал специалиста по словесным портретам. Тот явился со всем своим хозяйством. Через полтора часа портрет был готов. Бежан, оставшись один, долго вглядывался в рисунок. «Конечно, все это очень неточно, — думал он. И все-таки в этом лице, лишенном какого бы то ни было выражения, было что-то знакомое. — Кажется, я знаю этого человека...». Он закрыл глаза, вспоминая всех мужчин, связанных с этим делом.

Ничего не получалось. Куда же делась его интуиция, которой он так гордился? Как-будто захлопнулся какой-то ящичек в памяти. Уж не следствие ли это проклятых укулов Валя? Он посмеялся над своими страхами и принялся за чтение рапорта, касающегося контактов Валя и Кона. Теперь оставалось лишь ждать дальнейших известий. Валь приходил домой в три часа. Позвонит ли он Кону?

Но ожидание было напрасным. Бежан сердился. Даже отругал по телефону руководителя опергруппы за то, что не поступает новых материалов.

И вот наконец-то! В 15.10 Валь позвонил Адаму, Кону, просил немедленно прийти за рецептом.

Остальные донесения Бежан просматривал уже мельком.

— Где материалы по наблюдению за Валем?! — кричал Бежан в телефонную трубку. — Ведь я же ясно сказал — немедленно!

В полученных рапортах он искал запись разговора Кона именно в это время. Наконец нашел. Содержание было именно таким, каким он его и предполагал. Наконец-то! Так вот в чем дело...

Бежан попросил соединить его с руководителем оперативной группы.

— Всю информацию по наблюдению за Коном передавать непосредственно мне, — приказал он.

Он сел рядом с рацией с блестящими от возбуждения глазами. Наконец-то началось...

— ...Я — «Анна», Я — «Анна», — раздался голос в эфире. — Вызываю «Эву», вызываю «Эву».

«Если бы она знала, почему я выбрал именно этот шифр», — думал Бежан, нажимая кнопку.

— Я — «Эва», я — «Эва», перехожу на прием.

— Объект вышел из дома в 16.00. На такси номер «ВО 50-78» доехал до Новгородской. Вышел из машины. Вошел в подъезд дома номер шесть. Его ведет Вацлав.

— Не спускать с него глаз. Вацлав остается на месте для наблюдения. Пришлите ему смену. Обо всем, что он заметит, пусть докладывает по рации. Жду дальнейших донесений.

Вацлав сообщил, что Кон что-то делает в нише с электропробками.

Бежан немедленно послал людей на Новгородскую. Стало ясно, что там находился второй «почтовый ящик». Надо было сменить Вацлава и проверить, не оставил ли чего-нибудь Кон.

«Анна» снова отозвалась. Доложила, что объект едет в такси в сторону Кошиковой улицы.

И еще через несколько минут «Анна» сообщила:

— Объект вошел в свою квартиру.

До пяти часов вечера в эфире стояла тишина. В 17.05 заработала рация «Анна».

— Вышел из дома. Едет в такси в сторону Краковского Предместья. Мы ведем его.

— Вышел из такси на Замковой площади. Поднимается по лестнице на Шленский мост. Кшиштоф и Януш ведут его. Остановился на ступеньках, поправил шнурок и на четвертой снизу ступеньке мелом написал пять цифр. Еще раз поправил шнурок и спустился вниз. Сейчас едет на такси в сторону Мариенштата.

— Сфотографируйте надпись. Пленку немедленно доставьте мне, а сами не спускайте с объекта глаз.

Бежан закончил связь и позвонил в фотолaborаторию и шифровальщикам, чтобы были наготове.

— Работа сверхсрочная, — предупредил он.

— У нас всегда сверхсрочная, — ответил кто-то. — Хоть бы придумали какой-нибудь новый способ подгонять нас!

Бежан засмеялся.

— Обязательно придумаю, — пообещал он.

Когда из фотолaborатории сообщили, что доставленная пленка проявлена, Бежан приказал:

— Один снимок мне, остальные — шифровальщикам.

Он схватил еще мокрую фотографию — на серой каменной ступеньке мелом написаны цифры: 30444. «Что бы это могло значить?» — ломал Бежан голову, вглядываясь в цифры. Пробовал заменять цифры буквами. Ничего не получалось. «Ну ладно, пусть шифровальщики мучаются», — решил он. Но и шифровальщики оказались бес- сильны. Они не могли разгадать, что означала данная комбинация цифр.

В 18.00 заговорила рация.

— Объект едет в сторону Жолибоза. Вышел из машины у кафе «Жолибозанка». Вошел в кафе. Его ведет Кшиштоф.

И снова тишина в эфире. Бежан вызвал группу, следившую за Валем. Здесь ничего не происходило. Валь не выходил из дома. Как обычно, принимал пациентов. Значит, его роль закончилась на этом телефонном звонке?

Через некоторое время — новая информация:

— В 18.30 объект вышел из кафе. Едет на трамвае в центр города... Мы ведем его. Какие будут указания?

— Не спускайте с него глаз. Пусть Кшиштоф доложит, что он заметил в кафе. Перехожу на прием.

— Объект снял пальто, сунул гардеробщику двадцать злотых и попросил, чтобы тот позвал его, если позвонят Якубовскому. Сел за свободный столик недалеко от гардероба. Заказал кофе. Через некоторое время гардеробщик позвал его к телефону. Разговор был короткий. Объект сказал только: «Встретимся в восемь вечера у Якуба на мосту». Допил кофе, расплатился и вышел.

— Продолжайте наблюдать за ним. Установите квартиру, в которую он отправит- ся.

Снова бесконечные минуты ожидания. Кто такой Якуб? Новое звено?

Заработала рация:

— Объект пересел в трамвай, идущий в сторону Охоты... Вышел у костела святого Якуба... Его ведет Вацлав...

«Значит, этот район — место встречи. У Якуба... Кто бы мог подумать?»

— Установите, с кем он встретится. Организуйте наблюдение за тем человеком. Сфотографируйте его. Высылаю группу на помощь.

Бежан посмотрел на часы. Семь вечера. Встреча назначена на восемь. Значит, он или кому-то передаст информацию, или будет ждать. Если так, то почему Кон приехал так рано к месту встречи?

Бежан послал специальную группу с приказом сфотографировать всех входящих и выходящих из здания — с семи часов вечера до отмены приказа. Может быть, тот, дру- гой, придет на встречу заранее?

В 19.20 «Анна» сообщила:

— Объект ни с кем не встречался, минут пятнадцать кружил вокруг здания, а потом вошел в телефонную будку и долго листал записную книжку. Похоже, оставил что-то там. Группа «Ванда» прибыла и действует.

Бежан вызвал «Ванду» и приказал, чтобы кто-нибудь следил за телефонной буд- кой.

«Анна» доложила, что Кон вернулся домой.

Теперь Бежан был уверен, что Кон оставил для кого-то известие.

«Только был не оплошали, — вздохнул Бежан. — И снова ждать».

Обыскивать телефонную будку было нельзя. Кто знает, может быть, она находи- лась под наблюдением сообщников Кона...

ГЛАВА 29

Надежды на то, что все выяснится именно сейчас, оказались напрасными. Человек, который должен был прийти, и наверняка пришел, чтобы забрать из телефонной будки оставленные для него инструкции, ушел незамеченным.

— Проглядели, явно проглядели, — докладывал Бежан Зентаре.

— Что показало наблюдение за зданием и телефонной будкой?

— Ничего. Прошло множество людей, но никого из Центра или из Управления не было. Место очень многолюдное, хитро придумано...

— Ты приказал следить за всеми, входившими в телефонную будку?

— Конечно. Но вряд ли из этого выйдет какой-нибудь толк. В будке, кроме Кона, побывали четыре женщины. Две из них — живущие поблизости домашние хозяйки. Ничего интересного для нас не представляют. Третья — студентка, живет в общежитии недалеко от вокзала. Последняя — ученица экономического техникума. Не думаю, чтобы дальнейшее наблюдение за ними дало какие-то результаты. X-56 — это мужчина.

— Они не заметили мужчины, который бы крутился возле телефонной будки в восемь часов?

— В это время, как они утверждают, какой-то мужчина подошел к будке. Заглянул в нее и ушел.

— Вот, посмотри, — Зентара бросил на стол конверт с фотографиями. — Ничего не вышло.

Бежан склонился над фотографиями. Они были мутные, нечеткие. Темные фигуры, смазанные лица. Такими же нечеткими оказались снимки людей, входящих в костел и выходящих из него. На одном из снимков он с трудом опознал Кона, хотя и сравнивал его с несколькими другими.

На фотографиях Бежан заметил силуэт, повторяющийся дважды: мужчина, сначала одетый в пальто с поднятым воротником и в шляпе, а потом — мужчина в берете, очках и шарфе, тщательно завязанном вокруг шеи.

— Разве это не один и тот же человек, только изменивший свой облик? — Бежан размышлял вслух, показывая снимки Зентаре. — С такой работой надо кончать! Ведь это из-за них мы опять в тупике! Не обратить внимания на такую деталь!

На этот раз руководителю оперативной группы досталось от Зентары как никогда. Он слушал молча, даже не пытаясь защищать своих подчиненных. Да и что тут объяснять? Трудные условия? И не в таких приходилось работать. Значит, кто-то оплошал, так же, как и в кафе.

Бежан, молча наблюдавший за разнесом, который устроил Зентара оперативникам, лихорадочно обдумывал, как можно исправить положение. Где та нить, которая приведет к X-56? Что из того, что Кон навел их на «почтовые ящики», если до сих пор неизвестно, кто и когда доставляет туда материалы, как агенты работают, в какой очередности и через какие промежуточные звенья? Сколько их? Могут пройти месяцы, прежде чем это удастся установить, следя за Коном. Есть ли другой путь, более быстрый? Как узнать, кто X-56? Скорее всего, Кон забрал материал из «почтового ящика», значит, не он был инициатором контакта, а агент. Что заставило его сделать это? Сигналом тревоги, видимо, стала смерть Вольского. Вольский погиб восемнадцатого октября. Девятнадцатого Мики появился в кафе. А что стало поводом для контакта на этот раз? Видимо, то, что занялись проверкой командировок за последний квартал, ответил он сам себе. А если так, то версия о том, что X-56 — человек из Управления, имеет право на существование. Об этом свидетельствует и смерть Видзского. Он погиб потому, что обнаружил нечто, что представляло угрозу для агента. Заметить это мог только кто-то из сотрудников. Лишь человек, работающий с Видзским, мог установить, когда он будет на Новогородской. В Управлении же — это было ясно из рассказа Эвы — работал человек, распускавший слухи о том, что Гонтарского, Язвиньского и Станиша вот-вот должны арестовать. А если так... значит, наблюдение за сотрудниками должно было привести одного из оперативников, идущего следом за «подопечным», к телефонной будке... Как же я об этом не подумал, обругал себя Бежан...

— Слушай, Бронек, — обратился он к Зентаре, — сейчас все выяснится. Нужно только просмотреть донесения о наблюдениях. Кто-то из сотрудников Управления наверняка был там... Все очень просто.

Однако все оказалось сложнее. Покура, отвечавший за этот участок работы, принес целую гору отчетов и рапортов, но, как выяснилось, он не организовал наблюдения за всеми сотрудниками. Среди «подопечных» не было начальника отдела кадров Кемпиньского, заместителя директора Альберта Зыбельта и двух инженеров-электронщиков.

— Почему вы исключили именно их?

— Как почему? И кадровик, и заместитель директора — люди надежные, заслуженные. А эти два инженера — самые старые работники Управления. Из характеристик, данных им Кемпиньским и Зыбельтом, видно, что это безупречные и самоотверженные люди.

— Чеся Кобельская, — буркнул Бежан, — послушать тебя, так тоже — безупречный человек. А ведь никто, кроме нее, не мог выдать меня Валю!

— Успокойся, Юрек, — остановил его Зентара. — Может быть, этот недосмотр не имеет никакого значения. Давайте сначала проверим вчерашние маршруты всех, за кем велось наблюдение.

Они проверили все донесения. Ни один из следов не вел на Охоту.

— И что теперь? — посмотрели они на побледневшего Покуру.

На этот раз Зентара вышел из себя. Его громовой голос доносился сквозь плотно обитую дверь до секретариата.

Бежан молчал, расстроенный своей неудачей. Еще одна оборванная нить. Наблюдение за этими, исключенными из списка, людьми могло дать результаты только при очередном сигнале тревоги. А как его вызвать? Надо было снова организовать нечто вроде проверки командировок. Может, командировки — это и есть верный путь?

Из папки документов Бежан выбрал несколько — поездки за двадцать шестое и двадцать седьмое сентября. Разложив на столе карты железнодорожных и автомобильных дорог, он проверял маршруты, расстояния, часы отъезда и приезда.

Он хотел установить, мог ли кто-нибудь из сотрудников, бывших в отъезде в эти дни, свернуть со своей трассы так, чтобы в часы приема оказаться в тюрьме, где отбывал наказание Зелинский, а потом вернуться в Варшаву в срок, указанный в командировке.

Бежан проверил три поездки и отложил документы. Это было не то. Взглянул на четвертую. К бумагам был подколот путевой лист, выданный на личную автомашину «фольксваген». Маршрут: Варшава — Лодзь. Он посмотрел показания спидометра — до поездки и после. Пятьсот километров. А трасса Лодзь — Варшава (и туда и обратно) не может превышать двухсот шестидесяти километров. Откуда же взялись лишние двести? Майор подсчитал расстояние от Лодзи до тюрьмы. Ровно сто километров в одну сторону. И назад в Лодзь — тоже сто. Неужели то, что он искал? Почему же бухгалтерия оплатила эту командировку? Просто не проверили, ответил он сам себе. Приняли не глядя. Как же можно не верить человеку на такой должности!

Бежан повеселел. Вызвал Врону.

— Возьми машину, поезжай и проверь каждую мелочь, — приказал ему Бежан, вручая бумаги, касающиеся поездок. — И пришли мне сейчас же двух лучших оперативников. Только действительно самых лучших! Работа будет ювелирная. — Он хлопнул Врону по плечу.

Через полчаса он уже обсуждал с оперативниками их задачи.

— Работа, конечно, трудная, — подчеркнул он, — но если справитесь, можете считать, что награды и повышения у вас в кармане.

ГЛАВА 30

На этот раз Бежан поехал в Верхославицы повидаться с Гонтарским. Может быть, он припомнит детали, касающиеся пропажи документов, случившейся около двух лет назад. Украл их Вольский, в этом не было никаких сомнений. Но была ли это всего лишь месть Гонтарскому, пришедшему на его место, или выполнение шпионского задания? Если он был агентом разведки, то наверняка действовал не в одиночку. И, уходя из Центра, мог оставить «кукушкино яйцо» — своего человека, который сейчас, во время важного испытания, может активизироваться. Центр хорошо охраняется снаружи, Бежан был уверен в этом. А изнутри? Если человек, которого считают своим...

Сомнения разрешились неожиданно быстро. Гонтарский сказал, что исчезнувшие чертежи представляли собой фрагмент небольшого изобретения, точнее, рационализаторского предложения.

— Исчезновение этих чертежей в тот момент, когда я принимал Центр, — объяснил директор, — должно было показать всем, что именно будет здесь при моем руководстве. Это был аргумент против меня. «Видите, — подчеркивал Вольский в заявлениях в вышестоящие органы, — при мне ничего подобного не было». Следствием этих жалоб, подписанных и анонимных, было то, что комиссии к нам ехали одна за другой, и первое время я только и занимался объяснениями. Как и сейчас, — добавил он с горечью. — Как будто это я... — И замолчал. Гонтарский явно постарел за это время.

— Не надо так нервничать, товарищ директор, — утешал его Бежан. — Мы уже знаем, кто устроил взрыв и выкрал чертежи. Теперь я только хотел бы установить, не оставил ли Вольский в Центре своего человека. Ведь срок испытаний будет вот-вот назначен.

— Когда?

— Точно еще не знаю. Решение будет принято в ближайшие дни. Но вы не ответили на мой вопрос.

— «Наследник» Вольского? Нет, вряд ли. Я могу ручаться за людей, с которыми работаю. Приняв руководство, я сменил часть администрации. Нет, сейчас это невозможно, — повторил он, покачав головой.

— Еще один вопрос. Вы случайно не знаете, кто из Управления покровительствовал Вольскому?

Гонтарский задумался.

— Он был в дружеских отношениях с начальником отдела кадров Кемпиньским. Тот до сих пор зол на меня из-за Вольского.

«Вот почему Кемпиньский так плохо отозвался о Гонтарском», — подумал Бежан, спускаясь по лестнице. Внизу на него наткнулся Язвиньский.

— Вы опять к нам? Что нового? — спросил инженер.

Бежан засмеялся.

— Слава богу, ничего нового не произошло. Просто я хотел кое-что выяснить, ну и взглянуть на вашу знаменитую модель.

Они вместе вошли во второй цех.

— Может быть, вы объясните мне принцип действия, — попросил Бежан, указывая на машину, похожую на сигару с шестью колесами.

Язвиньский вдохновился:

— С удовольствием покажу нашу работу. Это, — начал он тоном экскурсовода, — универсальное транспортное средство УТС-12, предназначенное для ближней разведки в танковых и механизированных войсках. Конструкция машины позволяет ей свободно двигаться по суше, по воде и под водой.

— Да, заметить ее трудно, — сказал Бежан, подходя ближе и показывая на коричневые и серо-зеленые пятна защитной окраски. — Цвет подобран великолепно.

— Дело не только в этом, — улыбнулся инженер. — Краска поглощает инфракрасные лучи и искажает отражение радиолокационных волн. Ночью машина не видна даже при помощи ноктовизора, ее нельзя обнаружить локатором. На его экране окажется лишь слабое движущееся пятно.

— Это очень интересно, я даже не предполагал, что можно добиться такой великолепной маскировки, — признался Бежан. — А какво вооружение?

— Как вы видите, во вращающейся башне мы установили орудие специального типа, которое может стрелять как обычными, так и ракетными снарядами. После выстрела такой снаряд движется за счет собственного двигателя, работающего на твердом топливе. Боеголовка самонаводящаяся. Благодаря этому точность попадания возросла почти до ста процентов. Зарядка производится автоматически, командир машины контролирует работу электроники по показаниям приборов. Это еще не все, — продолжал он, — в башне в передней части корпуса находятся станковые пулеметы, третий пулемет может быть помещен на башне...

— Для противовоздушной обороны? — догадался Бежан.

— Да, вы правы. Интересно и оборудование машины. Вот, взгляните, — он показал Бежану на торчащее из башни приспособление, похожее на перископ, — это автоматически управляемая телевизионная камера. Изображение может передаваться непосредственно на командный пункт на расстоянии до пятидесяти километров. В машине находится передающая станция, устойчивая к помехам. Я уж не говорю об отражателях, работающих в инфракрасном диапазоне и сложной системе оптического наблюдения. Командир экипажа может записать в нем все свои наблюдения, которые потом будут воспроизведены без ошибок.

— Нам бы тоже пригодилось что-нибудь этакое, — вздохнул Бежан. — Можно еще один вопрос?

— Пожалуйста, я вас слушаю.

— Вы сказали, что машина может плавать под водой. Как это понимать?

— Ну, это как раз просто. Мы применили тот же принцип, что и в подводных лодках. Машина снабжена балластными камерами — постоянными и прицепными. При движении, например, по глубокой реке, камеры наполняются водой, и происходит погружение. Экипаж в это время пользуется кислородными аппаратами. Машина может перемещаться под водой со скоростью до десяти километров в час при помощи электрического двигателя. Тяга, как видите, надежная: два боковых винта.

— Ну, спасибо за интересную лекцию: я узнал много нового. Мне пора идти. Поздравляю с удачной конструкцией. Теперь я, по крайней мере, знаю, что защищаю, — добавил он, уже стоя на пороге. — Мне очень бы хотелось присутствовать на испытании...

«Испытание. Может быть, именно испытание станет тем магнитом, который вытаскивает «их» из укрытия, заставит действовать», — размышлял он, возвращаясь в Варшаву.

ГЛАВА 31

— Объект номер один покинул место работы. Сел в машину марки «Фольксваген». Едет в сторону центра. Мы ведем его... — работала радиостанция «Кристина».

— Номер один — это и есть X-56. Ушел посреди рабочего дня! Наконец-то! — обратился Бежан к стоящему рядом Зентаре. — Может быть, сегодня мы увидим, как действует этот механизм.

Зентара отвернулся, скрывая улыбку. Бежан был возбужден, как ребенок в ожидании подарка. Если все пойдет, как задумано, это будет его заслуга, план разработан Бежаном.

Зентара одобрил этот план не сразу. Пять дней тому назад майор вошел к нему и заявил:

— Я знаю, кто такой X-56. Наконец-то все сошлось в этой головоломке.

— Так чего же ты ждешь? — спросил тогда Зентара.

— Удобного случая. Надо взять его на месте преступления. Мы ведь не знаем, хранит ли он дома компрометирующие материалы. А если нет? Тогда у нас не будет никаких доказательств.

— А командировка, о которой ты говорил?

— Это всего лишь улика. Доказательство того, что в тот день он находился недалеко от места преступления и имел возможность совершить его — отсюда и лишние двести километров на спидометре. Но все это не позволяет нам с абсолютной уверенностью утверждать, что он был в тюрьме и отравил Зелинского.

— Что ты предлагаешь?

— Эксперимент.

Зентара поморщился. Об экспериментах он больше и слышать не хотел.

— Мало тебе больницы?

— Я хочу предложить тебе план, в котором нет никакого риска. Главное сейчас — заставить агента еще раз воспользоваться особым каналом связи, рассчитанным на критические ситуации. Послушай, — убеждал Бежан, — мы знаем канал связи, но только со стороны X-56. Мы знаем, как он в критической ситуации выходит на связь. Но до сих пор понятия не имеем, как это происходит со стороны Кона. Наблюдение за ним навело нас на два «почтовых ящика», мы следим за ними уже две недели — и никаких результатов. Сколько их вообще, каков порядок их использования, какова частота контактов — все это неизвестно. Одним только наблюдением мы не решим эту загадку и за несколько месяцев. А время дорого, мы должны обезвредить агента.

— Что ты предлагаешь? — спросил тогда Зентара.

— Распространим в Управлении информацию, например, через Чесю Кобельскую, что установлена дата испытания, ну, положим, семнадцатое ноября, что расследование близится к концу и мы уже знаем, кто организовал взрыв и отравил Зелинского. И обязательная деталь, этот некто ездит на машине «фольксваген». Я уверен, — заявил Бежан, — когда эти слухи дойдут до агента, а дойти они должны мгновенно, — цепь сигналов тревоги начнет действовать. И тогда, уже зная весь этот механизм, мы сможем опередить их. Заранее окружить все известные нам пункты и взять всю компанию на месте преступления.

Зентара план этот одобрил.

Эва Гонтарская навестила Чесю Кобельскую в отсутствие Станиша и рассказала ей «под большим секретом» то, что узнала из «абсолютно достоверного источника». И конечно же, умоляла никому, абсолютно никому не говорить об этом. Бежан был уверен, что Чеся в тот же день оповестила всех.

Эта часть плана была выполнена великолепно. Зентаре вскоре позвонил Станиш и попытался выяснить — правдивы ли известия, которыми взволновано все Управление, и почему его официально не уведомили о дате испытания.

Но это начало, а как пойдет дело дальше? Зентара не строил больших надежд на удачу. Уже три дня прошло после того, как Чеся разнесла «страшную тайну» по всему Управлению, а X-56 не предпринимал никаких действий. Бежан не выходил из своего кабинета, напряженно ожидая сигнала группы, которая вела наблюдение за агентом, и донесений оперативников из кафе «Зефир»... Но пока все было тихо.

И вот Зентара вошел к Бежану в тот момент, когда, наконец, отозвалась рация «Кристины».

— Ну, ушел с работы по какому-то личному делу. Бывает, — сказал Зентара Бежану.

«Кристина» снова вышла на связь.

— Едет по Кошиковой в сторону своего дома. Мы ведем его...

— Видишь, домой едет. Может быть, за сумкой?

— Вошел в дом номер двенадцать по улице Кошиковой. Его ведет Вацлав... — звучал голос в эфире.

Теперь оба слушали с напряжением.

— Вышел из дома с небольшим пакетом в руках. Сел в машину. Едет по Уздовским аллеям в сторону Нового Свята... — докладывала «Кристина». — Повернул на Журавлиную... Теперь на Паркинговую. Оставил машину... Идет без пакета в сторону Иерусалимских аллея. Его ведет Кшиштоф.

— Что такое?! Разве «Зефир» находится на улице Хожей?— завокнулся Бежан.

— А ты бы хотел, чтобы он двигался согласно твоим приказам,— сказал Зентара.— Я же говорил: идет по своим делам.

— Вошел в ворота дома по улице Иерусалимской, двадцать один. Возится у рекламного щита... Сунул что-то в щель за щитом...

Бежан с блестящими глазами отдавал приказы:

— Двоих оставить у щита. Найти и сфотографировать материал, затем положить на место. Посылаю людей за пленкой. А вы продолжайте вести его. Жду дальнейших донесений.

Бежан позвонил в фотолабораторию и шифровальщикам.

— Будьте готовы. Сейчас привезут важные материалы.

Предупредил руководителя оперативной группы:

— Готовность номер один. Немедленно пошлите кого-нибудь за пленкой. — Он продиктовал адрес. — И людей на смену. Все материалы, касающиеся наблюдения, немедленно ко мне.

— Я — «Эва», я — «Эва», вызываю «Янину», вызываю «Ванду», — он по очереди связывался со всеми группами наблюдения. — Готовность номер один, докладывайте о каждом шаге «подопечных».

— Наконец-то! — он повернулся к Зентаре с сияющим лицом. — Оставил материал в «почтовом ящике». Только теперь он сможет выйти на связь через кафе.

Предположения его сбылись. Из дальнейших донесений «Кристины» следовало, что объект номер один с туристской сумкой в руке — именно такой, описание которой заранее получили оперативники, — вошел в кафе «Зефир», оставив машину неподалеку.

Бежан позвонил в фотолабораторию:

— Материал у вас?

— Да. Снимки будут готовы через несколько минут.

— Передайте шифровальщикам, один — мне.

Донесение от «Кристины»:

— Объект вышел из кафе через служебную дверь... Едет по Маршалковской в сторону Площади Парадов. Мы ведем его...

Майор связался с оперативной группой в «Зефире».

— Следите за гардеробщиком с сумкой.

— Объект номер один едет в сторону улицы Халубиньского... — сообщила «Кристина».

— Возвращается на работу, — сказал Бежан Зентаре. — Больше ничего не произойдет до четырех или пяти часов вечера. Валь вернется домой после трех. Тогда-то и начнут развиваться события.

Они рассматривали снимок — зашифрованную информацию, найденную в «почтовом ящике» за рекламным щитом. Бежан торопил дешифровальщиков. Наконец через час они расшифровали текст: «Они установили связь между взрывом, убийством заключенного и «фольксвагеном». Испытание назначено на 17 ноября. Уничтожение действующей модели, захват чертежей в данной ситуации — слишком большой риск. Что делать дальше?»

— Что дальше? — спросил Зентара.

— Около 15.30 Кон, который получил сигнал от Валя, отправится к рекламному щиту, чтобы забрать материал. Потом вернется домой. Расшифровка сообщения и подготовка ответа отнимет у него не так уж много времени. Не исключено, что с ответом в кармане он придет к лестнице, что около тоннеля, чтобы оставить там несколько цифр — номер телефона. Затем поедет в какое-нибудь кафе и будет ждать, пока тот отзовется. Сообщит ему, во сколько и куда должен явиться X-56 за инструкциями и наверняка сразу же поедет по этому адресу. Это мы знаем. Не знаем, каков будет номер телефона, какое кафе и какую телефонную будку он выберет на этот раз. Около тоннеля и на ступеньках должны быть наши люди. Они немедленно передадут по радиации, что за цифры будут написаны и на какой ступеньке, считая от земли. От этой информации зависит место действия. А к телефонной будке, которую укажет Кон, я поеду сам. Хорошо?

— Ладно. Я пока пойду перекусить, а тебе велю принести обед в кабинет. — Зентара встал с кресла.

Бежан кивнул. Он не хотел ни на минуту отлучаться из своего кабинета. Он нервничал, поглядывая на часы, проверял по радиации, все ли группы точно знают свои задачи. В 15.35 ведущая наблюдение за Коном группа «Анна» доложила, что объект номер два вышел из дома, сел в такси и едет в сторону центра города.

— Объект подходит к щиту... Что-то вошел... Возвращается в такси... Вернулся домой, — таковы были донесения в течение ближайшего получаса.

И снова тишина в эфире, длившаяся почти час. Потом сигнал от «Анны»:

— Вышел из дома... Сел в такси... Едет в сторону моста... Вышел на Мариенштате... Идет пешком... Спускается по ступенькам... Остановился...

Ведущая наблюдение за тоннелем и ступеньками группа «Янина» тут же уточнила:

— На третьей, если считать снизу, гранитной плите написал номер 262621.

— Значит, кафе где-то в центре,— сказал Бежан Зентаре, который с трех часов сидел в его кабинете.— Немедленно установите, чей это телефон. — Он продиктовал номер связистам. — И точный адрес!

— Как тебе удалось найти ключ к этому шифру? — спросил Зентара, когда Бежан положил трубку.

— Я мог бы долго хвастаться, что умнее всех шифровальщиков, они ведь ломали головы над этой загадкой, да так и не догадались, в чем дело. Но я скажу тебе правду. Я долго перебирал разные варианты. Зашифрованные номера — дома, квартиры, «почтового ящика», часа, даты. Наконец, я еще раз посмотрел на фотографию. Цифры написаны на четвертой снизу гранитной ступени. Почему именно на четвертой? Почему три плиты оказались пустыми? И это «три» вдруг напомнило мне телефон «Жолибжанки». Я сравнил номера. Сошлось. Неплохо придумано. Даже если бы отгадали, в чем тут дело, как найти человека, для которого предназначена эта информация? Там проезжают сотни машин. Человек в автобусе, трамвае, автомобиле, только глянет в окно — и четко увидит. А заметить его в толпе невозможно.

— Телефон установлен в кафе «Роксана». Иерусалимские аллеи,— доложили связисты.

Бежан бросился к рации. Короткий приказ прозвучал в эфире, и одна из машин, участвующих в операции, направилась в указанное место, за ней другая, с группой, в задачу которой входило наблюдение за кафе и установление содержания телефонного разговора.

«Кристина» снова вызвала «Эву». X-56 проехал в «фольксвагене» мимо ступенек. Двигается в сторону Праги.

— Информировать меня немедленно, если он войдет в телефонную будку!— приказал Бежан.

— Объект номер два едет в такси в сторону центра,— доложила «Анна». — Мы следуем за ним.

Через несколько минут снова известие:

— Вышел на стоянке такси на улице Братской. Идет пешком... Вошел в кафе «Роксана»...

Мучительно тянущиеся минуты ожидания.

Донесение «Кристины»:

— Объект номер один вошел в телефонную будку... Набрал номер 262621.

— Гардеробщик позвал его к телефону. Он сказал: «Встретимся в шесть на мосту у «Анны»,— докладывала группа «Ванда», ведущая наблюдение в кафе.

— Это район костела святой Анны.— Бежан сорвался с места. — Мы должны опередить Кона!

«Ванда» как раз сообщила, что Кон вышел из кафе.

Настала пора действовать.

Бежан сел в машину, которая ждала его с начала операции. Еще три машины двинулись следом.

Все остановились на замковой площади. Заняли свои места вокруг храма, автобусной остановки и телефонной будки, наблюдая за подъезжающими машинами. «Анна» сообщила, что Кон сел в такси.

— Будьте внимательны,— сказал Бежан водителю. — В таком движении можно легко проглядеть его.

— Не беспокойтесь! Никуда он от нас не денется!— произнес водитель так уверенно, что у Бежана polegчало на сердце.

Ждать пришлось недолго. Такси остановилось у самого костела. Оперативники, затерявшись в толпе прохожих, внимательно следили за приближающимся к телефонной будке Коном. Бежан, стоявший у киоска с газетой в руках, подошел к будке, у которой уже находился их «подопечный».

«До сих пор все идет по плану...— с облегчением вздохнул Бежан,— если бы и дальше так... Конспирация у них, надо сказать, была налажена отлично. Кому придет в голову искать здесь. Мы себе голову ломаем над их каналами связи! А тут: список жильцов в подъезде, телефонная будка, цифры на плите. Все это вроде бы просто, но только тогда, когда расшифрован механизм связи, система контакта, условные знаки. Интересно, кто из них придумал все это?»— размышлял он, не спуская глаз с «подопечного».

Перед будкой росла очередь.

Агент вышел из телефонной кабины и перебежал дорогу в тот момент, когда уже зажегся красный свет. «Хитрец,— подумал Бежан,— проверяет, не идет ли кто за ним». Оглядывается, наблюдает за прохожими, смотрит издали на будку, как будто ждет, что кто-то сейчас войдет в нее. Минут десять длилась эта «игра». Бежану пришлось уйти со своего наблюдательного пункта и войти в магазин. Отсюда, через витрину, он тоже мог

вести наблюдение. И только когда Кон удалился, Бежан вышел из магазина и укрылся за газетным киоском. А тот, кто должен был забрать записку, все не приходил. Люди входили и выходили из будки, но тайник оставался нетронутым.

Около шести вечера у киоска появился Врона.

— Думаешь, что-нибудь получится?— шепнул он Бежану, разглядывая лежащие за стеклом газеты. — А то, черт возьми, стоим, ноги у меня отваливаются...

— Не говори глупостей. Я уверен, что мы на верном пути...— Бежан хотел еще что-то сказать, но в этот момент к будке подошел тот, кого они ждали столько дней.

— Есть!— шепнул Врона, не разжимая губ.

Момент был удачный: улица почти пустая, около телефонной будки — никого. Бежан, чувствуя, как лихорадочно колотится сердце, идет медленно к будке, в которой возится с телефоном давно известный ему человек. Врона опережает Бежана на несколько шагов, идет вдоль тротуара, делая вид, что ловит такси. Останавливается, пожимает плечами, поглядывая на проезжающие мимо машины...

Еще пять метров, четыре, три... Бежан распахивает дверь будки, выхватывает из кармана пистолет... Изумленный мужчина резко поворачивается и, как загипнотизированный, смотрит в маленькое черное отверстие. Он еще не понял, в чем дело, но до его сознания доходит слова, сказанные спокойным, уверенным голосом:

— Служба безопасности. Не двигаться!

Бежан и Врона хватают его под руки. Безвольный, подавленный, он послушно идет за ними. Он еще не в состоянии понять размеров катастрофы. Все произошло слишком неожиданно.

Открытые дверцы машины, незнакомое лицо водителя. И снова строгий голос Бежана:

— Позвольте предложить вам небольшое путешествие...

Машина срывается с места. Никто из прохожих не понял, что произошло у них на глазах.

Бежан выразительно поглядывает на Врону. Его взгляд говорит:

«Операция «Бридж у Анны» закончена! Выше голову, дружище!»

ГЛАВА 32

Удобно расположившись в кресле, хозяин с иронической улыбкой наблюдал за людьми, находящимися в его квартире. Сначала, опомнившись после шока, вызванного арестом, он пытался вырваться. Кричал и грозил, что он им еще покажет... Когда, уже в квартире, его обыскали и нашли пистолет и зашифрованную записку, слегка сбавил тон. Объяснил, что пистолет у него еще с войны, что он лишь недавно нашел его среди старых вещей и как раз собирался хлопотать о разрешении на хранение оружия.

— А записка?

— Просили передать одному знакомому. Это ведь не преступление. Я даже не знаю ее содержания.

— Это шпионская инструкция,— бросил ему в лицо Бежан. — Вы задержаны, Зыбельт, по обвинению в шпионаже.

— Такое обвинение,— спокойно ответил тот,— должно быть доказано. А какие у вас против меня улики? Эта записка? Я же объяснил вам, что согласился оказать услугу знакомому.

— И кому же вы оказали эту услугу?

— Одному дипломату, который вчера выехал за границу. На три-четыре недели.

— Фамилия?

С любезностью хозяина дома, старающегося угодить гостям, Зыбельт продиктовал фамилию, адрес, телефон.

— Я познакомился с ним, когда был в командировке за границей,— объяснил он. — Не мог же я отказать в такой мелочи. Мне и в голову не пришло...

«Если в квартире ничего не найдем — дело плохо,— подумал Бежан. — Это твердый орешек...»

До сих пор обыск не дал никаких результатов. Бежан, наблюдая за работой своих людей, видел, как постепенно мрачнели их лица. Они уже простучали все стены и пол, обыскали шкафы, полки, ящики, а теперь просматривали книги, рядами стоящие в двух старинных, богато инкрустированных книжных шкафах.

Зыбельт со странной улыбкой следил за ними.

«Уверен, что мы ничего не найдем. Видимо, он дома не держит компрометирующих материалов», — размышлял майор, окидывая взглядом массивную старинную мебель, загромождавшую двухкомнатную квартиру.

— Произведите измeрения! — приказал Бежан.

Если что-то и есть, надо искать среди мебели. Сотрудники с надеждой и энтузиазмом принялись измерять шкафы и кресла, но улыбка не сходила с губ Зыбельта.

«Не то,— подумал Бежан. — Может быть, в картинных рамах?» Взгляд его остановился на мужском портрете, висящем над застекленным шкафчиком. Он подошел поближе, и его поразили этот шкафчик. Особенно резьба на внутренней стенке. Мастер на ней изобразил дирижера с поднятой палочкой. На палитре лежали ноты, на них надпись: «Партитура».

— Кажется, шкафчик принадлежал какому-то дирижеру восемнадцатого века. Сделан был по его заказу для хранения нот. Это одна из самых ценных вещей в моей коллекции,— Зыбельт продолжал играть роль любезного хозяина.

Бежан открыл застекленные дверцы. Внимательно осмотрел резьбу. Его восхитила точность в исполнении каждой детали. И даже эти букочки в слове «партитура».

«Одна как будто светлее других»,— отметил он.

— Вы отдавали шкафчик на реставрацию?— спросил он и дотронулся пальцем до буквы, чуть отличавшейся по цвету от других.

Зыбельт не успел ответить, верхняя часть резной доски отскочила и упала, открывая узкую глубокую нишу.

Со вздохом облегчения Бежан занялся содержимым тайника. «Наконец будет хоть какой-то материал»,— думал он, выкладывая на стол тюбики с французской зубной пастой — такой же, какая была найдена в тюрьме, авторучки, доллары.

Один из сотрудников, осматривая чулан, принес два свертка. В одном оказалось несколько сумок с мышонком Мики, в другом — скомканное клетчатое пальто.

— Откуда у вас эти сумки?— обратился Бежан к Зыбельту.

— А, это сувениры. Уж не помню, кто мне подарил их. Если они вам нравятся, пожалуйста, можете оставить их себе.

— Ни один из нас не нуждается в услугах гардеробщика из кафе «Зефир», пана Пенчека,— услышал он в ответ.— Это ваше пальто?

— Да.

— Очень эффектное и весьма удобное. Особенно если знать о существовании другого такого же.— Удар явно достиг цели. Зыбельт с трудом изображал спокойствие.— Почему вы храните его в чулане, а не в шкафу?

— Раз оно принадлежит мне, значит, я могу распоряжаться им, как хочу!— голос хозяина сорвался.

— Никто не отнимает у вас этого права,— Бежан повел плечами и снова занялся тайником. На этот раз он достал конверт, открыл его и извлек паспорт. Взглянул на снимок. — На фотографии вы,— он продемонстрировал открытый паспорт Зыбельту,— а фамилия совсем другая. Шимон Ковальский!— Бежан взял паспорт Зыбельта, сравнил подписи на документах. — И одна и та же рука, во всяком случае, на первый взгляд. — Он жестом подозвал одного из сотрудников.— Пошлите немедленно на графологическую экспертизу. Пусть установят, кому принадлежит паспорт на имя Шимона Ковальского.

И снова заглянул в тайник.

В большом сером конверте был список адресов двенадцати «почтовых ящиков», схема связи, шифр. Бежан тщательно осмотрел все бумаги.

«Рекламный щит на Иерусалимских аллеях сработал бы вновь только через двенадцать недель!»— отметил он, откладывая в сторону список.

С шифром в руках он сел за стол рядом с Зыбельтом. Положил перед собой найденную у него записку. Несколько минут писал что-то. А потом обратился к Зыбельту все с той же предупредительной любезностью.

— Если позволите, я прочитаю, какое известие вам оставили для дипломата: «Прекратить всяческую деятельность. Стараться направить подозрения на «тех»... Я сам свяжусь с вами». Боюсь, что ваш работодатель уже не свяжется с вами, разве что в тюрьме. Как вы считаете?

Зыбельт ничего не ответил. Добродушие гостеприимного хозяина исчезло бесследно вместе с иронической улыбкой. Сжатые губы и впившиеся в подлокотники кресла руки свидетельствовали о том, что Зыбельт с трудом сдерживает свои чувства.

— Вы и сейчас продолжаете утверждать, что инструкция, которую я прочитал, была предназначена не вам? Что, в таком случае, означает этот шифр, адреса «почтовых ящиков», схема связи?

— Ну... я, конечно, объясню вам...— сказал Зыбельт слегка дрожащим голосом. — Но зачем же так сразу: шпион, измена! Просто в некоторых ситуациях знакомые оказывают друг другу небольшие услуги.

— Даже такие услуги, как убийство?

— О чем вы говорите?

— О взрыве в Верхославицах, во время которого погибло два человека, а также о неожиданной смерти вашего друга, Збигнева Вольского.

— Взрыв — это дело рук Вольского. Он хотел любой ценой отомстить Гонтарскому. А при чем тут я?

— Вы дали ему авторучку, такую же, как вот эти,— сказал Бежан.

— Это рекламные сувениры. Несколько штук мне подарили, когда я был за границей. Вольский попросил — я и дал. Обычная любезность.

Бежан молча взял одну авторучку, присел рядом с Зыбельтом и сделал движение рукой, как будто хотел раскрутить ее. Раздался крик Зыбельта:

— Положите! Это бомба!

— Значит, вы все-таки знаете, как она действует. Это было заранее обдуманное убийство. И не единственное,— продолжал Бежан. — Двадцать седьмого сентября, находясь в служебной командировке в Лодзи, вы на своем «фольксвагене» поехали в тюрьму и, предъявив фальшивый паспорт, оставили для Зелинского передачу с продуктами и зубной пастой, такой же, как и эта, лежащая на столе. Вы убили Зелинского.

— Но простите!— оскорбился Зыбельт. — Я его не убивал. Я был тогда в тюрьме, это правда, по просьбе моих заграничных знакомых. Я передал для Зелинского, как они и просили, продукты и зубную пасту. Именно ту, которой он пользовался всегда. А эти,— он показал на тюбики, лежащие на столе,— я должен был систематически передавать ему в дальнейшем. Паспорт? Ну что ж, он был приготовлен на случай, если мне будет неприятно показаться где-то под собственным именем. А как это выглядит по-вашему: заместитель директора серьезного учреждения вдруг лично навещает заключенного, да еще и передачу привозит...

— Я понимаю вашу заботу о собственной репутации,— в голосе Бежана прозвучала ирония,— и о заключенном, о состоянии его зубов...

— У этой пасты очень приятный вкус...

Бежан ничего не ответил, встал и с тюбиком в руках исчез в дверях ванной. Через минуту он вернулся в комнату. В одной руке у него была зубная щетка с белеющей полоской пасты, в другой — стакан с водой.

— Если эта паста так хороша, то, будьте добры, почистите ею зубы,— сказал он, подходя к задержанному. — Пожалуйста, почистите ею зубы,— повторил Бежан, подходя все ближе.

Зыбельт в ужасе прижался к спинке кресла, вскинул руки:

— Нет, не хочу!— вскрикнул он.

— Если вы считаете, что паста безвредна, чего же вы так испугались!

— Это смерть,— прошептал Зыбельт и замолк. Потом вскочил, прижался к стене, закрыв лицо руками. Вдруг уронил их, с трудом добрал до кресла и упал в него.

— Кто и когда завербовал вас для работы на разведку Гелена?— Бежан был уверен, что теперь он скажет все,— и жестом приказал записывать показания Зыбельта в протокол.

— Это было несколько лет назад. Я поехал за границу. Мой дядя, Шимон Драбович, взял меня с собой. Никто не знал о том, что мы родственники. Я бывал среди его заграничных друзей и знакомых. Они часто помогали мне. Дорогие подарки, деньги — я был им нужен.

Потом я подписал обязательство, что в случае нужды помогу им. Вернувшись в Польшу, благодаря связям дяди я получил работу в Управлении. Быстро приспособился к новому окружению, успешно продвигался по службе. И ждал сигнала. Я помнил слова дяди: «Ты сделаешь все, что они потребуют. А потом они сделают все, чтобы ты не пожалел о своем выборе».

Когда дядя выехал из страны, все кричали: «Предатель!» А он не был предателем, он только временно жил в Польше. А потом вернулся к своим, к тем, на кого работал...

Через пару месяцев ко мне явился немецкий предприниматель, приехавший в Польшу с деловым визитом. Фамилию я у него не спрашивал. Он знал пароль. Этот человек передал мне шифр, список «почтовых ящиков», эти авторучки, зубную пасту, паспорт на имя Шимона Ковальского, назвал специальный канал связи на случай тревоги, обсудил со мной мои задачи.

— Какими были эти задачи?

— В первую очередь следовало ликвидировать агента Зелинского. Он видел меня в Вене в 1966 году, когда я разговаривал с Шароном, и мог выдать. Я убедился в этом во время свидания с ним. Он сразу заявил: умирать — так с музыкой и в хорошей компании. Он пытался шантажировать меня.

— А остальные задания?

— Самое главное — занять место Станиша. И по мере возможности внедрять своих людей в Управление.

— Каким образом это должно было происходить?

— Надо было компрометировать тех людей, которых мне не удалось использовать в своих целях. В первую очередь надо было убрать Станиша, Гонтарского, Язвиньского. Сначала Гонтарского и Язвиньского. От этого зависело и другое мое задание: добыть чертежи разведывательной машины УТС-12, модель которой собирали в Центре.

Я разработал подробный план, основанный на давно известном механизме вознижения слухов и мнений. Как начальник отдела кадров, я знал, каковы критерии оценки людей.

Первым шагом, предпринятым для дискредитации Станиша, была поездка в Лодзь, появление в тюрьме в этом клетчатом пальто, на которое все обращали внимание. Я знал, что у Станиша есть точно такое же, он тоже купил его в Вене. Мы похожи ростом и фигурой. Мне также удалось установить, что Станиш знал Зелиньских и иногда встречался с Зелиньской. Я рассчитывал, что все эти детали станут уликами против него и он будет обвинен в отравлении Зелиньского.

Взрыв в Верхославицах должен был дискредитировать Гонтарского и Язвиньского. Вольский, который подложил контейнер со взрывчаткой, ненавидел их так сильно, что, уходя со своего поста, украл часть чертежей. А я нашел эти чертежи в его столе. И с тех пор он был у меня в руках. А потом я узнал, что он наркоман. Я сообщил об этом в Центр и через «почтовый ящик» получил для него рецепты на морфий. Таким образом, я платил ему наркотиками и разжигал в нем ненависть. Идею мести, которую я ему подsunул, он воспринял как свою. Я затребовал планы Центра, тщательно изучил их и продумал все детали. Оставалось лишь дожидаться удобного момента. Он наступил тридцатого сентября — когда Станиш принял решение послать Вольского в Центр с документами, необходимыми Гонтарскому и Язвиньскому для подготовки к докладу в Объединении. Вольский должен был ехать с утра.

Я привел его к себе домой, надел на него патронташ, в гнездах которого находились контейнеры с нитроглицерином. Подробно проинструктировал его, какие он должен оставить следы, чтобы подозрение пало на Гонтарского. Вольский поехал в Центр около четырех часов дня. Все произошло именно так, как я рассчитывал.

— Вольский знал о вашей шпионской деятельности?

— Зачем? В этом не было необходимости. Если бы он знал так много, он мог бы выдать меня.

— И поэтому вы дали ему авторучку, — заметил Бежан. — Он не знал, что там внутри?

— Нет. Я только сказал ему, что в авторучке спрятана инструкция. Если случится что-нибудь непредвиденное, он должен отвинтить колпачок.

— На что рассчитывал Вольский?

— Я обещал, что после ареста Гонтарского помогу ему вернуться на прежнее место. И я действительно собирался сделать это. Таким человеком, как Вольский, можно управлять без труда.

— Это была единственная цель вашей деятельности?

— Уничтожение модели задержало бы испытания, а вслед за этим и серийный выпуск, а также давало мне время для того, чтобы раздобыть чертежи. После смерти Вольского я получил приказ отказаться от этой операции и соблюдать осторожность.

— Это вы звонили мне, направляя подозрение на тех троих? — спросил Бежан. — Откуда у вас оказался мой рабочий телефон?

— Фамилию и звание знала Чеся Кобельская. А телефон записал Станиш в календаре после вашего визита.

— Вы обвиняетесь также в убийстве бывшего секретаря Станиша, Яна Видзского. Что вы можете об этом сказать?

— Видзский появился слишком неожиданно. Старался подружиться со всеми. Мне все это было на руку, пока он интересовался своим шефом и руководством Центра. Я сам подсовывал ему информацию. Но когда на его столе оказались документы, касающиеся командировок, он стал опасен. Этим двухсот с лишним километров скрыть не удалось. Двери в секретариат были приоткрыты, и я услышал, как Станиш распорядился, чтобы Видзский привез ему документы. Адрес лежал на столе. Это был удобный случай. И надо было воспользоваться им так, чтобы подозрения пали на Станиша.

У меня и Станиша пистолеты одного калибра. Только у него есть разрешение на владение оружием. Я взял свой пистолет и пошел на Новогродскую, осмотрел дом и подъезд. Оказалось, что расположение лифта, подвала, лестничной клетки было таким же, как у меня.

Я спустился в подвал. Сначала хотел дожидаться, пока Видзский войдет в лифт, спустить кабину в подвал и там застрелить его. Но когда я заглянул через стеклянную дверь в шахту лифта, то увидел там гору мусора. Тогда у меня зародилась мысль имитировать «несчастный случай». Я решил остановить лифт между этажами и поджечь весь скопившийся хлам.

Выключатель был рядом с лифтом, в нише. Все произошло так, как я и планировал. В нужный момент я отключил ток, а остальное было уже легко..

Станиш часто бывает в этом доме. Если бы смерть Видзского показалась кому-то подозрительной, все улики были бы против Станиша...

— Почему вы были так уверены в том, что после ареста Станиша займете его место?

— У меня прекрасная репутация, ко мне хорошо относится руководство, оно верило мне и ценило. Я знал слабости своих начальников и умел ими пользоваться. А если бы вдобавок я раскрыл шпионскую деятельность своего предшественника, то стал бы героем.

— Продолжайте допрос, — приказал Бежан одному из офицеров. — Я еду к Покоре.

ГЛАВА 33

Когда Бежан вошел в кабинет Валя, там уже был Покора, а на столе громоздились груды упаковок с заграничными лекарствами, пачки долларов, ампулы с наркотиками. Валь, увидев Бежана, побледнел.

— Вот мы и снова встретились, доктор, правда, ситуация несколько изменилась. На этот раз — вы наш пациент.

— Я? — изумился Валь. — И в чем же вы меня обвиняете?

— Лекарства, наркотики, доллары, — начал Покора.

— Я врач-психиатр. В моей работе необходимы различные лекарства, в том числе и наркотики. Иметь доллары не запрещено. Так в чем же дело?

— Мы арестовали несколько человек по обвинению в шпионаже, диверсиях, убийствах. Вы связаны с ними, значит, эти обвинения касаются и вас... — В голосе Бежана не было вопросительной интонации, он просто констатировал факты.

— А где доказательства? Это очень серьезные обвинения, — ответил Валь.

— У нас есть доказательства, что вы поддерживаете связь с «Адамом», — сказал Покора.

— Что странного в том, что я сообщаю пациентам, что их рецепты уже готовы?

— Странно то, что «Адама», которому вы звонили, зовут не Адам, а Норберт Кон.

— Я не знал об этом. Кто-то из пациентов назвал это имя и оставил этот телефон.

— Фамилия пациента?

— Не помню! У меня лечится столько людей!

— Вы не знали, чей это телефон? Вот здесь у вас лежит, — Бежан выдвинул ящик стола и вынул кусочек картона, — визитная карточка Кона. Вы не раз встречались с ним. Мы можем доказать это! И еще... Гардеробщик Пенчек звонил вам и говорил, что пришел Мики. А вы оставляли у него сумку с рисунком мышонка. Вот такую, — Бежан достал из портфеля одну из найденных у Зыбельта сумок. — Это вам ни о чем не говорит?

— Боже мой, простая любезность... И больше ничего.

— Любезность? Кон признался, что работает на разведку Гелена. Впрочем, именно поэтому мы его и арестовали. Вы были его связным. Передавали информацию, полученную от другого агента. Для этой цели вы использовали Пенчека. Он тоже арестован. Мы можем устроить вам очную ставку. Когда Кон завербовал вас?

Валь потерял самообладание.

— Но я... Никогда... Я столько больниц организовал... У меня заслуги...

— Перед разведкой Гелена — наверняка, — прервал его Бежан. — Итак, откуда Пенчек знал эту сумку?

— Но это и в самом деле всего лишь любезность... Я не знал, что это для разведки... Мы с Коном старые друзья. Как-то он попросил меня помочь связаться с одним приезжим, которому Кон не хотел давать своего телефона. Я согласился, хотя мне не очень понравилось, что мне будет названивать какой-то чужой человек... Тогда Кон, заметив мое неудовольствие, сказал, что будет лучше, если этот приезжий оставит известие у доверенного человека, а тот, в свою очередь, передаст его мне, а я Кону. Я договорился с Пенчеком. Когда сказал об этом Кону, он дал мне рекламную туристскую сумку своей фирмы, чтобы гардеробщик знал, как она выглядит и что означает появление такой же сумки. Я оставил эту сумку у Пенчека. И всякий раз, как он видел подобную, звонил мне и говорил: «Мики пришел». А я передавал это «Адаму» — Кону. Вот и все.

— Если вы говорите правду, то какую же цель вы преследовали, покушаясь на меня? Чем я вам помешал?

Валь опустил голову и долго молчал.

— Пан майор, — голос его дрожал, — это совершенно другая история. Я ждал партию... — голос его сорвался, и он с трудом выговорил, — наркотиков. И уже не мог отменить их доставку. Это должно было произойти двадцать четвертого октября, на следующий день после вашего визита. Пани Кобельская обратилась к вам — пан майор. А потом я внимательно осмотрел вас. И понял, что вся ваша болезнь — симу-

ляция. Все стало ясно — мною заинтересовалась милиция. Иного выхода не было, и я решил обезвредить вас хоть на пару дней.

— Продолжайте, — приказал Бежан Покоре. — Я еду к полковнику.

В кабинете у Зентары уже сидел Врона, присутствовавший на допросе Кона.

— Это старый агент, — рассказывал он, — и очень опытный, несмотря на молодость. Когда Кон понял, что игра проиграна, то сразу заговорил. Объяснил, что системе связи — двенадцать «почтовых ящиков», каждый из которых действует одну неделю, а также способ передавать номера телефонов и обозначать место получения инструкций — изобрел он и передал в Мюнхен, а там, одобрив, переслали Зыбельту.

Зыбельт Кона не знал, держал с ним связь только через «почтовые ящики». У Кона был телефон Зыбельта. Сначала он намеревался втянуть в шпионскую сеть и Валя, но Центр приказал ему лишь пользоваться его услугами, не посвящая в тайну. Решение это было вызвано тем, что Валь запутался в своих темных махинациях и мог легко привлечь к себе внимание милиции. А если бы его прижали, он, конечно, выдал бы всех. Кон заявил мне, что готов предоставить нам подробную информацию о деятельности мюнхенского Центра, если мы в присутствии адвоката гарантируем ему неприкосновенность.

— Каковы были обязательства Валя по отношению к Кону?

Врона усмехнулся:

— Самые разные. Валь с помощью Кона провез контрабандой несколько произведений искусства в Вену и выгодно продал там в антикварном магазине своего отца. А как-то, в свою очередь, Кон за крупную сумму в долларах продал ему патент на лекарство. Патент, украденный у хорошего знакомого. Кроме этого, они зарабатывали еще и на валютных спекуляциях.

— А теперь ты, Юрек, докладывай, — обратился Зентара к другу.

Бежан рассказал все, что удалось установить.

— Что за человек этот Зыбельт? — спросил Зентара, когда Бежан закончил свой рассказ.

— Житель Польши, но не ее гражданин! Племянник Драбовича и его идейный воспитанник. Бегство дядюшки он не считает предательством, поскольку, как он сказал, Драбович лишь временно проживал здесь. А теперь вернулся назад, к своим. Племянничек тоже считает пребывание в Польше своеобразной служебной командировкой, из которой, выполнив все задания, он вернулся бы домой.

— Ты понимаешь, Бронек, — продолжал свои размышления Бежан, — он так сумел приспособиться, что все принимали маску за истинное лицо. Он умело пользовался существующими еще у нас шаблонными фразами, из которых состоят официальные характеристики. Овладев этой фразеологией, он уверенно шел вверх, уничтожая по пути людей, которые ему мешали. Мы ведь не всегда ищем мотивы, которыми продиктовано «официальное» мнение. Помнишь, как Покора на совещании излагал мнение о трех подозреваемых? Как оно совпадало с уликами, и каким оказалось ложным! И подумай теперь, как же легко, приняв за неоспоримую истину эти шаблонные фразы, погубить честного человека, преданного своей родине. Зыбельт сам сказал, что это были люди, не признающие компромиссов.

— Ты был тогда прав, — сказал давно уже стоявший в дверях Покора. — А я поверил...

Бежан усмехнулся:

— Потому что принимал за чистую монету любое слово. А ведь нельзя верить тому, что говорят о человеке, если ты не знаешь того, кто это говорит и каковы его мотивы. Поэтому я и хотел добраться до источника слухов.

— И интуиция тебя не подвела, — признался Зентара. — Но и тебя неплохо поводили за нос.

Бежан засмеялся:

— Это наш общий успех. Разве я смог бы что-то сделать один?

Ноябрьский рассвет уже заглядывал в окна, когда они расходились по домам.

ГЛАВА 34

— Вы несколько лет работали вместе с Зыбельтом и, как выяснилось, совсем не знали его, — обратился Бежан к Станишу.

— Этот человек, словно угорь, выскальзывал из рук. Я не любил его, но именно поэтому считал свое мнение о нем слишком субъективным. Но скажите мне, когда вы перестали подозревать меня? О том, что меня подозревают, я, кажется, узнал последним.

— Трудно ответить на этот вопрос. После встречи с вами у меня осталось хорошее впечатление. Но этого мало... В такой игре ставка слишком велика, чтобы опираться только на впечатления. Улик против вас было много, даже слишком много. И с каждым днем их становилось все больше. Притом, вы горячо защищали Гонтарского. В такой ситуации мы никого не могли исключить и в то же время не могли никому предъявить обвинений. Так и продолжалось почти до последней минуты. Да и вы добавляли нам работы...

— Каким образом?

— Вы встречались с Зелинской, которая оказалась в числе подозреваемых. В день убийства Зелинского вы ездиле в сторону Лодзи. У вас есть точно такое же пальто, в каком был убийца. Вы находились в Вене в то время, когда Зыбельт вошел в контакт с Зелинским и Шароном. И вы оставили там доказательство своего пребывания, в то время как ваш заместитель позаботился о том, чтобы исчезнуть из Вены почти бесследно. Я говорю «почти», потому что лишь недавно удалось установить, что и он... Вы вышли из дома своих друзей на те критические полчаса, когда был убит Видзский. Прежде чем нам удалось установить, что в это время милиционер, задержавший вас за неправильный переход улицы, читал вам лекцию о правилах движения, прошло немало времени.

Станиш улыбнулся.

— Мои отношения с Зелинской? Я покупал у нее заграничные лекарства для тяжело больного брата. Он живет недалеко от Лодзи, и когда его жена сообщила мне, что состояние брата ухудшилось, я, хоть и сам тогда был болен, немедленно поехал к нему. А на обратном пути какой-то грузовик задел мою машину. Вот и вся история. Он не закончил, потому что перед ними, как из-под земли, вырос патруль.

— Прошу предъявить пропуски, — сержант козырнул.

Станиш высунул в окно пропуска, свой и Бежана.

— Далеко еще? — спросил Бежан, когда машина тронулась вновь.

— Полчаса с пересадкой. Но мы успеем.

Испытание УТС-12 на полигоне было назначено на 14.00. Вторая его часть — проверка качества машины в ночных условиях — была запланирована на 18.00. Сейчас было всего лишь пятнадцать минут второго, но Бежан хотел быть на месте как можно раньше.

Снова патруль и проверка пропусков. Они пересели в армейский «газик», который немилосердно трясло на лесной дороге.

— Стоп! Теперь, пожалуйста, мы вас проводим, — остановил их офицер с группой солдат.

Перепрыгивая через очередную лужу, Бежан поднял голову. Лес неожиданно кончился. Перед ними расстилалась холмистая долинка, с трех сторон окруженная деревьями. С четвертой поблескивала гладь озера.

Еще несколько метров — и из-за пригорка показались военные палатки. У одной из них стоял Язвинский. Жестом он пригласил гостей войти. Там уже работала комиссия, которая должна была на практике оценить достоинства УТС-12.

Машина находилась в другой палатке. На стене висела схема испытания: движение по пересеченной местности, движение при отсутствии видимости в задымленной зоне, плавание по воде и под водой, передача изображения «с поля боя», радиосвязь с автоматической шифровкой, стрельба по неподвижным и движущимся целям с места и с ходу.

Язвинский, закончив объяснения, обратился к собравшимся:

— Кто со мной — добровольцем?

— Я, — полковник Гусарек уже поднимался на машину. Солдаты подняли поллог палатки. Члены комиссии выстроились полукругом.

Машина выехала бесшумно, легко покачиваясь на широких колесах. На краю луга она сразу развила максимальную скорость.

— Более пятидесяти километров в час, — с одобрением заметил один из членов комиссии. — Фантастическая скорость при таком бездорожье.

После нескольких кругов, поворотов и движения задним ходом машина свернула на полосу препятствий. Это было потруднее: через каждые пятьдесят-шестьдесят метров — рвы, горки, ямы, песок, вязкая глина, поваленные деревья, высокие кусты, проволочные заграждения.

— Пройдет или нет? — волновался Бежан, наблюдая в бинокль маневры УТС-12. Машина уменьшила скорость, медленно преодолела первый ров, второй, третий, вползла, словно черепаха, на вершину искусственной горы, скатилась вниз и вскарабкалась по почти отвесной стене на глинистый холм. Шины расплющились, чтобы увеличить сцепление колес вездехода с мягким грунтом.

— Прет, как черт! — сказал Станиш.

Экипаж машины демонстрировал великолепною технику. Загорелись дымовые шашки, установленные по обеим сторонам полосы препятствий. Серая пелена покрыла луг.

— Маневрируем по гирокомпасу, — докладывал по радио полковник Гусарек. — Все идет точно по плану. — А через минуту добавил: — Направляемся в сектор «А», на север. Наблюдайте за нами.

Члены комиссии собрались вокруг радиолокатора. Он обычно обнаруживал движущиеся объекты уже на расстоянии тридцати километров на любой местности и при любой погоде. Однако на этот раз оператор, специалист высокого класса, ничего не мог поделаться. На экране время от времени вздрагивало какое-то пятно, посылаемые локатором импульсы не давали отражения.

— Ну как? — не успокаивался офицер радиолокационной службы. — Есть что-нибудь?

— Ничего, товарищ майор, — печально отвечал оператор. — Я не могу локализовать его даже самым узким пучком лучей. Изображение скорее напоминало грозную тучу, чем боевую машину.

Система маскировки действовала безупречно. УТС-12 была невидима в искусственном тумане, так же трудно было бы ее обнаружить и ночью. Электрический двигатель, выделяющий очень малую дозу тепла, благодаря специальному охлаждению, в значительной степени исключал возможность обнаружения машины с помощью nokтoви-зора.

Потом на командный пункт начали поступать посылаемые с большого расстояния «боевые донесения». ЭВМ переводила их зашифрованное содержание на язык данных.

— А теперь самое интересное, — предупредил Станиш. — Прошу внимания.

Они посмотрели на экран телевизора. Поворот регулятора — и вдруг появилось чистое и резкое изображение «поля боя». То, что наблюдал далеко отсюда экипаж УТС-12, они видели здесь, в безопасном месте.

— Изображение, конечно, меняется, — объяснил председатель комиссии, — но если будет нужно, мы можем получить снимки.

Он подошел к аппарату и показал, как они получаются. Глянцевые фотографии посыпались одна за другой.

— А так мы можем получить чертеж местности с нанесенной на него боевой обстановкой, — добавил он через минуту, когда собравшиеся посмотрели фотографии. Председатель комиссии вызвал по радиации экипаж УТС-12 и приказал им нанести какую-нибудь схему на карту. Не прошло и пяти минут, как этот материал оказался на командном пункте в виде увеличенного снимка. Знакомым почерком Язвиньского было написано: «У нас все в порядке, страшно хочется пить, приготовьте что-нибудь холодное».

Прекрасно удались и испытания на воде и под водой, а также стрельба по наземным и воздушным целям. Поздно вечером комиссия закончила работу, подписав протокол.

— Поздравляем от всего сердца, — члены комиссии пожимали Язвиньскому руку.

Поздравляли и Станиша с успешным окончанием работы.

— А меня хоть бы кто-нибудь поздравил, ведь это я вас вытащил из неприятной истории, — шутя шепнул Бежан Язвиньскому.

Тот крепко сжал его руку.

ГЛАВА 35

Они удобно расселись в креслах. Бася принесла кофе, расставила рюмки. Зентара достал бутылку коньяка из шкафика, стоящего рядом с письменным столом.

— Та-акой случай! — улыбнулся он. — Коньяк для подозреваемых! Этого еще не бывало! — Он медленно разливал янтарную жидкость по рюмкам. — За УТС-12! За ваш успех! — произнес он.

— За наш общий успех! — поднял свою рюмку Язвиньский. — Благодаря вам УТС-12 пришла к финишу благополучно, а мы очищены от всяких подозрений. Я лично, конечно, очень хотел бы узнать, как это мне удалось попасть в сферу ваших интересов, ну и услышать кое-что обо всем этом деле...

— Предоставляю тебе слово, — обратился Зентара к Бежану.

— Вы, уважаемый изобретатель, привлекли наше внимание своими встречами с Куртом Вернером. Фирма, одним из основателей которой он является, постоянно сотрудничает с разведкой Гелена, — объяснил Бежан. — Только недавно нам удалось выяснить, что инициатором этих встреч был Вернер, действовавший по приказу мюнхенского Центра. Они хотели тем самым скомпрометировать вас. Это было частью их плана. Вернеру удалось уйти. Потеря небольшая. После такого провала в Польшу он не вернется. Да и хозяева вряд ли встретят его с распростертыми объятиями. Поэтому Кон так боится, что его ликвидируют, как Зелиньского.

— Дьявольский план, — пробормотал Гонтарский. — Вы спасли нас. Если бы не вы, мы оказались бы на свалке.

— О чем ты? — Станиш не понял друга.

— Если бы их план удался, — Гонтарский обратился к Зентаре и Бежану, — в лучшем случае, нас отстранили бы от работы. Бесцельное, бесплодное существование хуже смерти! Все заслуги были бы приписаны врагам, и, что еще хуже, они захватили бы руководство Центром! Удар в самое сердце. Дьявольский план, — повторил он, — он страшен именно потому, что был основан на знании наших недостатков, нашей слепой веры в бумажку, в неизвестно кем и когда высказанное «общее мнение».

— Ты прав, — согласился Станиш. — Критерии, методы работы с кадрами давно устарели. Люди переросли их. Но кое-кто еще упрямо цепляется за отжившие догмы. И часто тем, кто не укладывается в привычные рамки, приклеивают ярлык «ненадежного человека». А в эти рамки идеально укладываются только такие посредственности, как Зыбельт, потому что они во имя своих целей старательно приспособляются к привычным схемам, прикрываются ими, словно щитом, используют как оружие против тех, кого хотят уничтожить. Надо будет как следует присмотреться к людям круга Зыбельта. Неизвестно...

— Товарищ директор, — прервал его Бежан, — только не спешите с выводами. Не все, кого поддерживал Зыбельт, обязательно должны оказаться предателями, так же, как не все, кто поддерживал его самого, сознательно действовали с дурными намерениями. Схематичность, предвзятость в решениях — и за борт, на свалку, как вы говорите, могут полететь честные люди. Помните, друзья мои, об этих трудных днях, о том горьком опыте, который мы приобрели.

— Я запомнил на всю жизнь, — ответил Гонтарский. — Как можно забыть! Достаточно было всего лишь глупых сплетен, распущенных врагом, чтобы некоторые «друзья» отшатнулись от меня, как от прокаженного, — в голосе его звучала горечь.

— Не преувеличивайте, — обратился к нему Зентара. — Так поступили мелкие, трусливые людишки.

— Вернемся к этому делу, — прервал их Язвиньский. — Каждый из задержанных агентов, как музыкант в оркестре, вел свою партию, согласно палочке дирижера, перед которым лежала партитура. Кто же дирижер?

— Наследники «сверхлюдей», это очевидно, — ответил Зентара.

Бежан достал из портфеля два больших листа бумаги с линиями, начинающимися в разных местах и сходящимися в одну точку.

— Вот посмотрите. Это схема связи между задержанными агентами. — Все головы склонились над листами, а Бежан продолжал: — Вы увидите дирижера, который высоко над толпой разыгрывает симфонию, состоящую из великолепных, магически-притягательных лозунгов. Лживых, пустых лозунгов. Это доказывает подбор как исполнителей, так и нот. Кто они, эти действующие на территории нашей страны «виртуозы»? Зелиньский, Шаронь, Валь — торгоши, каждый тянет в свою сторону штуку красного сукна — так назвал устами Радзивилла Сенкевич Речь Посполитую — чтобы ценой предательства, ценой страданий родины и народа выкроить из этого сукна плащ для себя. Вольский? Наркоман, полное ничтожество, пытающееся утолить жажду мести ценой разрушений и смерти. Зыбельт — ловкий игрок, идейный воспитанник Драбовича, поклонник культа силы и власти «сверхчеловека». Кон — шпион по профессии и призванию, готовый предложить свои услуги каждому, кто купит его.

Их методы работы? Целая гамма. От разжигания самых низменных инстинктов до саботажа, диверсий, убийств.

Ноты и оркестр таковы, каков дирижер и его партитура.

— Партитура преступления, — закончил Язвиньский.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Ленина, 41.
Телефоны: главного редактора — 33-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43;
отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Сдано в набор 1.02.88 г. Подписано к печати 22.03.88 г. Формат 70×108¹/₁₆. Фотонабор. Офсетная
печать. Условных печ. л. 18,2+0,35 (вкл.). Уч.-изд. л. 20,95+0,35 (вкл.). Тираж 177028. Р-00020.
Заказ № 2598. Цена 1 рубль.

Ташкент, ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.

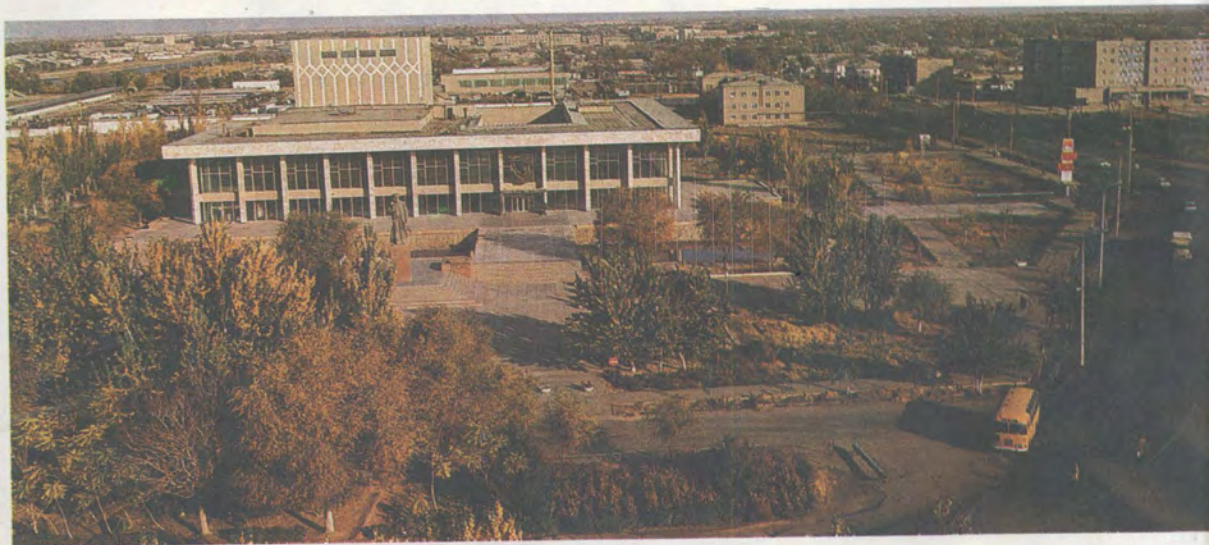

ПО ГОРОДАМ УЗБЕКИСТАНА

НУКУС

Государственный Университет

Драматический театр

Железнодорожный вокзал

Скворчонок

Цветы

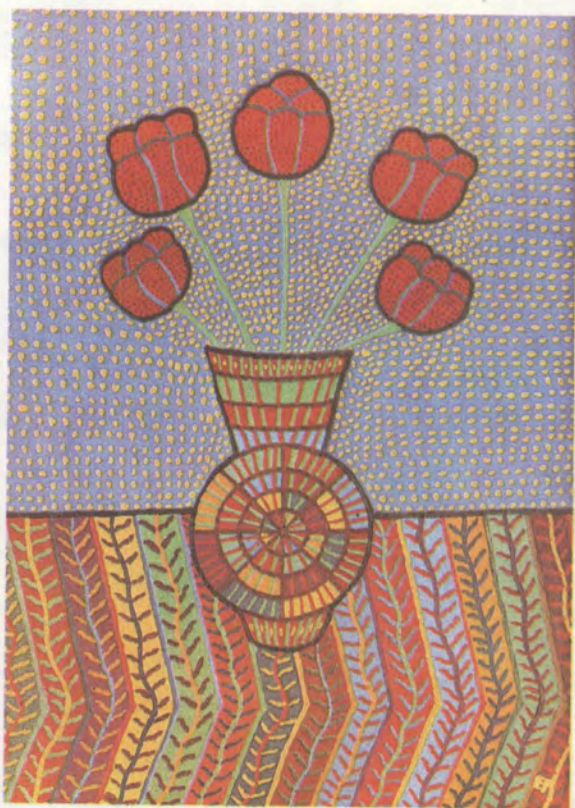
Пейзаж

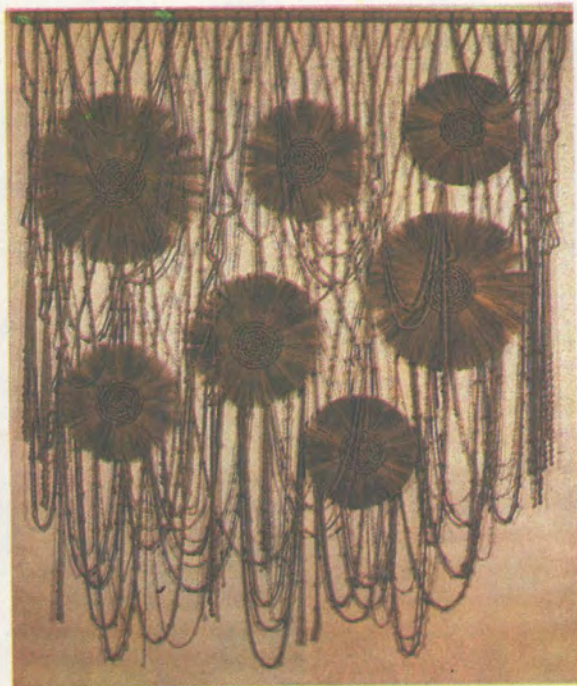
Рыбы

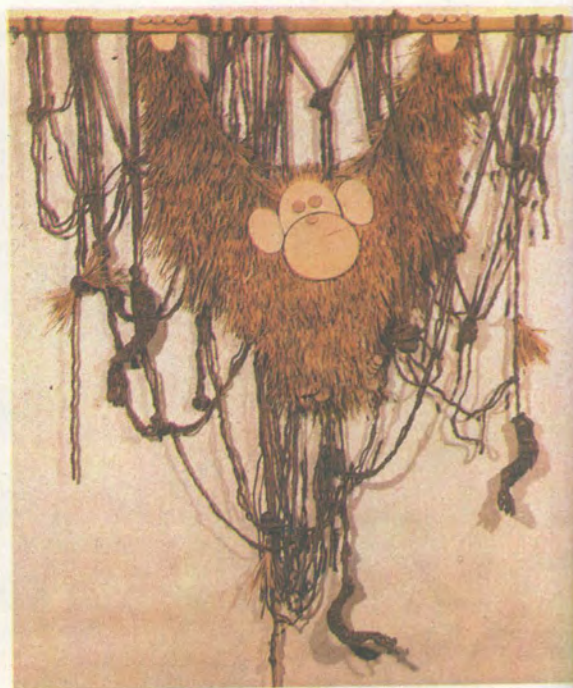
Цветы

Маки

Подсолнухи

Обезьянка

Два филина

Цена 1 рубль
Индекс 75273